

Дэвид Гейдер Призыв

Dragon Age – 2

Аннотация

“Dragon Age” — популярная компьютерная игра в жанре темного фэнтези, завоевавшая множество наград. Долгожданная новеллизация подарит многочисленным поклонникам незабываемое путешествие по полному опасностей миру мрачных чудовищ. Впервые на русском языке!

Серые Стражи на протяжении многих лет хранят тайну местонахождения древних драконов, которая ни при каких обстоятельствах не должна попасть в лапы порождений тьмы, давным-давно загнанных в подземелье. Если эти мерзкие твари сумеют отыскать божественного дракона, они снова вырвутся на поверхность, уничтожая все живое на своем пути. И когда один из Серых Стражей бесследно исчезает на Глубинных тропах, его собратьям ничего не остается, кроме как спуститься под землю вслед за ним, чтобы защитить свой страшный секрет. Проводником отважных воинов соглашается стать сам король Мэрик, однажды уже побывавший в этом аду и умудрившийся вернуться оттуда живым...

Дэвид Гейдер Призыв

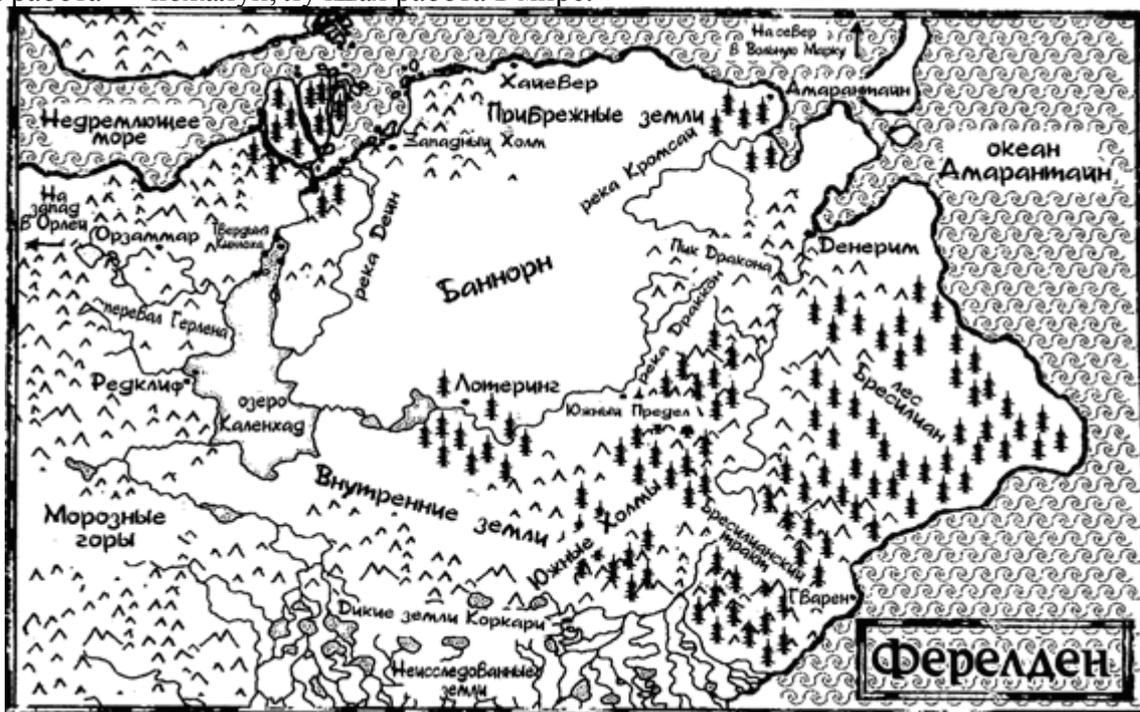
*Посвящается Ли,
моему самому большому поклоннику*

Благодарности

Я считаю своим долгом выразить признательность добрым друзьям, которые обеспечивают меня столь необходимыми откликами и охотно держат за руки всякий раз, когда я в приступе дурацкого самобичевания пытаюсь изорвать в клочья собственные труды. Их терпение и снисходительность являются источником неиссякаемой силы, и за это я вечно буду им благодарен. Отдельное спасибо Джордан, верной союзнице, которая безмерно способствует тому, чтобы я совершенствовался как писатель. Надеюсь, когда-нибудь мне представится возможность сделать то же самое для нее.

Огромное спасибо также Джею и Даниэль — за то, что позволили мне ради своих корыстных целей бессовестно передирать их черты. Это было болезненно, но прекрасно. Ребята, вы изрядно облегчили мою работу, впрочем, как и всегда.

И напоследок позвольте прокричать троекратное “гип-гип-спасибо!” компании “BioWare” и ее онлайн-сообществу — за поддержку и неугасающий энтузиазм. В те дни, когда я не рву на себе последние волосы от отчаяния, я безмерно рад тому, что у меня есть эта работа — пожалуй, лучшая работа в мире.

Глава 1

*Где света нет, там торжествует тьма.
Погребальные песни 8:21*

Еще год назад Дункан мог попасть во дворец лишь при одном условии — если бы в спину упирался меч тюремного стражника. Да и то вряд ли. В Орлее аристократы не судили мелких уличных воришек. Лучшее, на что Дункан мог рассчитывать, — это скучающий чиновник в затхлом зале суда, расположенном как можно дальше от пышных дворцов знати.

Вот только здесь не Орлей, а он, Дункан, больше не уличный воришка. Он в королевском дворце Денерима, столицы Ферелдена, и надо признать, что этот дворец не производит на него ровным счетом никакого впечатления.

Город насквозь продували зимние ветры, и Дункан еще никогда в жизни так не мерз. Местные жители, как ни в чем не бывало бродившие по заваленным снегом улицам, предусмотрительно кутались в одежду из плотной кожи и меха, но Дункан, сколько бы ни напяливал одежек, не мог согреться.

Во дворце было немногим лучше. Дункан надеялся, что хотя бы здесь на его долю достанется малая толика тепла. Ему грезились громадные очаги, в которых жарко пылает огонь, надежно прогревая весь дворец. Вместо этого Дункан, один-одинешенек, сидел на скамье в пустынном зале, и вокруг высились каменные заиндевевшие стены. Судя по грязи на полу, высоко в деревянных балках гнездились голуби, и во всей обстановке не было заметно ни малейшего намека на украшения. Эти ферелденцы без ума от громадных, прочных, сколоченных из дуба дверей. Еще они обожают деревянные скульптуры псов, вонючее пиво и, кажется даже снег. Во всяком случае, такое впечатление сложилось у Дункана в первый день пребывания в этой стране.

А вот чего ферелденцы совершенно точно не любят, так это Орлей и орлесианцев. Пока Дункан торчал в этом зале, мимо прошло около десятка дворцовых слуг и челяди, и все они косились с подозрением, а то и с неприкрытой враждебностью. Даже две служанки-эльфийки, которые пробежали по залу, о чем-то беспокойно щебеча, — даже они устали на Дункана так, словно он вот-вот рванет в бега, прихватив столовое серебро.

Впрочем, вполне вероятно, что все эти косые взгляды никак не связаны с тем, что он, Дункан, явился сюда из Орлея. В конце концов, он нисколько не был похож на орлесианца.

Смуглая кожа и копна темных волос недвусмысленно говорили о его ривейнском происхождении. Его черный доспех состоял из перекрывавших друг друга полос кожи с пряжками — такие не носили практичные ферелденцы. Плюс ко всему за поясом торчали два парных кинжала, которые Дункан даже не подумал спрятать. Все эти детали отнюдь не придавали ему респектабельности в глазах местных жителей.

На самом деле, если из-за чего-то и стоило глазеть на гостя, то лишь из-за того, что он носил серую тунику с изображением грифона. В любой другой стране Тедаса один только этот знак вызвал бы опасливые взгляды и многозначительные гримасы. В любой, но только не в Ферелдене. Здесь эта эмблема была практически неизвестна.

Дункан обреченно вздохнул. Сколько же еще ему придется ждать?

Наконец громадная дубовая дверь в конце зала распахнулась, пропуская молодую эльфийку. Даже для представительницы своей расы она была на удивление невелика ростом — почти ребенок, с большими выразительными глазами и каштановыми, коротко стриженными волосами. Вид у нее был раздраженный, и Дункана это ни капельки не удивило. Будучи магом, эльфийка наверняка получала свою порцию косых взглядов. Правда, она была одета совсем не так, как обычно одевались маги: вместо традиционной мантии длинная юбка из синего полотна и кольчуга искусного мелкого плетения, — но магический посох оставался при ней — белый, гладкий и блестящий, и в навершии его красовался серебристый шар, который непрерывно излучал рассеянное свечение магической энергии. Эльфийка никогда с ним не расставалась.

Она направилась напрямик к Дункану, энергично стуча по полу каблуками. Когда эльфийка подошла ближе, раздраженная гримаса на ее лице сменилась неподдельным весельем.

— А ты все сидишь тут, как я погляжу.

— Если бы я ушел, Женевьева отрубила бы мне ноги.

— Ах, бедняжка!

— Заткнись, Фиона! — огрызнулся Дункан, впрочем без особой злости. Он знал, что эльфийка, скорее всего, и в самом деле сочувствует ему, самую малость. Просто она совершенно ничем не может ему помочь. Дункан вздохнул, исподлобья глянул на Фиону. —

Ты видела командора?

Девушка, посерьезнев, кивнула на дверь:

— Она все еще ведет переговоры с капитаном городской стражи — по твоей, между прочим, милости.

— Переговоры? Она ведет переговоры?

— Ну, точнее, это он ведет переговоры. Она только сверлит его взглядом и не уступает ни на дюйм. — Фиона оглядела Дункана, выразительно вскинув бровь. — Знаешь, если хорошенько подумать, то тебе, можно сказать, повезло.

— Да уж, повезло, — вздохнул он и снова с удрученным видом плюхнулся на скамью.

Они ждали еще несколько минут — Фиона, опираясь на белый посох, стояла рядом с Дунканом, — и наконец из-за двери донеслись приближающиеся голоса. Створки распахнулись, с грохотом ударившись о стены, и в зал вошли двое.

Первой шагала седовласая женщина-воин в пластинчатом, грозного вида доспехе. На ее жестком, с резкими чертами лице запечатлелся многолетний опыт, и двигалась она с властной уверенностью человека, который не привык слышать — да обычно и не слышал — возражений. За ней следовал черноволосый мужчина в роскошной желтой мантии — Ремийе, Первый Чародей Круга магов, по сути главный маг Ферелдена. Тем более странным могло бы показаться, что остроконечная бородка и завитые напомаженные усы выдавали в нем орлесианца. Дункан заключил, что Ремийе принадлежит к тем, кто полагает, будто вернее добиться успеха вне пределов империи, пусть даже это означает занять высокую должность в захудалом королевстве, лишь восемь лет назад сбросившем орлесианское правление. По крайней мере в данном случае Ремийе явно не обманулся в ожиданиях.

Сейчас маг заискивающе и фальшиво улыбался женщине-воину, а она всеми силами давала понять, что в упор его не видит.

— Леди Женестьева, — воззвал он, нервно сплетая и расплетая пальцы, — уверены ли вы, что...

Женщина резко остановилась и, развернувшись к магу, вперила в него тяжелый взгляд.

— Можешь обращаться ко мне “Женестьева”, — процедила она. — Или “командор”. Более никак.

— Прошу прощения, командор! — поспешно извинился маг. — Так уверены ли вы, что в этом была необходимость? В конце концов, ваш орден вовсе не склонен вступать в конфликт с королем Мэриком...

— Мы уже вступили в конфликт с королем Мэриком. — Женестьева метнула убийственный взгляд в сторону Дункана, и он съежился, стараясь укрыться за спиной Фионы. — И наш орден не опустит головы ни перед кем, а тем более перед полудурком в чине капитана стражи, который возомнил, будто у него больше власти, чем ему положено.

Маг хотел было возразить, но Женестьева, пресекая на корню эту попытку, повернулась к нему спиной и широким шагом направилась туда, где сидел Дункан.

Он отвел глаза, спасаясь от ее негодующего взгляда.

— Надеюсь, ты доволен? — жестко спросила она.

— Был бы доволен, если бы смылся с добычей.

— Хватит ребячиться! — Женестьева резко взмахнула рукой, и Дункан, повинувшись этому жесту, неохотно встал. — Как тебе прекрасно известно, мы прибыли в Ферелден не затем, чтобы ввязываться во всякую ерунду. Ты больше не тот мальчишка, которого я нашла в Вал Руайо. Не забывай об этом.

С этими словами она рукой в латной перчатке взяла Дункана за подбородок и посмотрела прямо в глаза. Во взгляде ее Дункан различил только сдержанный гнев, смешанный с разочарованием, и лицо его вспыхнуло от смущения.

— Не забуду, — мрачно пробормотал он.

— Вот и хорошо. — Женестьева развернулась к топтавшемуся у нее за спиной Первому Чародею. — Тогда, я полагаю, король готов нас принять?

— Король ждет вас. Пойдемте.

Все трое направились за магом по длинному сумрачному коридору. Здесь было даже холоднее, чем в других помещениях дворца, и сквозь щели со свистом задувал ветер. На стенах тут и там белел иней, и дыхание срывалось с губ легкими облачками. “Превосходно! — мысленно проворчал Дункан. — Видимо, мы пришли сюда затем, чтобы замерзнуть до смерти”.

Они вошли в просторную приемную, где в беспорядке были расставлены пыльные кресла. Дункану представилось, как в иное время в этих креслах могли восседать дворяне, ожидавшие высочайшей аудиенции. Сейчас с кресел, едва маг и его спутники вошли в приемную, поднялись и замерли навтыжку еще четверо: трое мужчин и гномка — все в таких же серых туниках, какую носил и Дункан. Двое мужчин были рослые воины, облаченные, как Женестьева, в пластинчатую броню; третий — лучник в капюшоне и легком кожаном доспехе. На гномке под серой туникой было простого покроя длинное одеяние, подобное тем, которые носили маги, — хотя сама она, конечно, никак не могла им быть.

Первый Чародей миновал их, не замедлив шага, и рывком распахнул громадную двустворчатую дверь в тронный зал. Женестьева направилась за ним и нетерпеливо махнула рукой всем остальным, призывая не отставать.

Тронный зал ферелденских королей выглядел более впечатляюще, чем прочие помещения дворца. Когда Серые Стражи вошли в зал, Дункану пришлось приложить все усилия, чтобы не глазеть по сторонам разинув рот. Сводчатый потолок располагался на высоте добрых тридцати, а то и сорока футов, а в самом помещении могли бы одновременно без труда расположиться несколько сотен человек. Справа и слева от входа тянулись вдоль стен галереи, и Дункану представилось, как сановники, рассеянные там, ожесточенно спорят друг с другом, а внизу вопит и беснуется толпа. Или, может быть, в Ферелдене все это выглядит не так? Может, здешние политические собрания проходят в величавой тишине? Может, тут при дворе любят потанцевать, и именно в тронном зале — как в Орлее — часто устраиваются потрясающие балы?

Впрочем, как раз в этом Дункан сомневался. Вид у тронного зала был настолько унылый и нежилой, что впору было усомниться, что сюда вообще заходят люди, не говоря уж о собраниях и балах. Развешанные по стенам гобелены, в основном исполненные в темных и унылых тонах, изображали сцены из какого-то старинного сражения, выигранного целую вечность назад давно канувшим в забвение варварским корольком. Одну из стен почти целиком занимала массивная резьба с изображением практически голого воина, который успешно расправлялся с волками-оборотнями. “Странный выбор”, — подумал Дункан.

Сам королевский трон, расположенный в дальнем конце зала, представлял собой не более чем тяжелое кресло с высокой спинкой, которую венчала резная собачья голова. Трон стоял на большом помосте высотой в несколько ступеней, с пылающими факелами по краям, и оттого казался издали совсем небольшим — однако не заметить его было невозможно.

На троне восседал в небрежной позе какой-то человек, и Дункан без особой уверенности предположил, что это и есть король. Если это так — его величество явно страдал от затяжной бессонницы. Светлые волосы были изрядно растрепаны, а в такой одежде, с точки зрения Дункана, ни один уважающий себя аристократ не позволил бы показаться на люди: мятая белая рубаха, сапоги для верховой езды, до сих пор облепленные грязью.

Куда больше был похож на короля тот, кто стоял рядом с тронном, — черноволосый, в серебристо-серых доспехах. Взгляд у него был острый, зоркий, как у хищной птицы, и на вошедших в зал Стражей он смотрел напряженно и зло.

— Счастлив видеть ваше величество в настолько бесспорном здравии! — провозгласил Первый Чародей, дойдя наконец до трона и с напыщенным видом отвесив низкий поклон.

Женестьева, шедшая следом, опустилась на одно колено. То же сделали прочие Стражи. Дункан без особого рвения последовал их примеру. Ему говорили, что орден не служит никакому королю и никакому королевству, но тем не менее Стражи, как видно, все же преклоняют колени перед властью имущими, если сочтут необходимым покрасоваться.

— Благодарю, Первый Чародей, — ответил светловолосый человек, восседавший на троне. Стало быть, заключил Дункан, это все-таки король. — Так это и есть те самые Серые Стражи, которых ты так уговаривал меня принять? — продолжал король, с неподдельным интересом разглядывая гостей.

— Совершенно верно, ваше величество, — они. С вашего разрешения...

Король согласно махнул рукой. Довольный, маг повернулся к спутникам и обвел их широким жестом, как если бы демонстрировал королю нечто крупное и величественное.

— Позвольте мне, ваше величество, представить вам Женевьеву, командора Серых Стражей Орлея. Именно она поведала мне о некой насущной потребности ордена, вследствие чего я и доставил ее на встречу с вашим величеством.

С этими словами маг снова поклонился и отступил в сторону, открыв королевскому взору Женевьеву. Ее белоснежно-седые волосы в свете факелов сияли ослепительным ореолом. Задержавшись на секунду, чтобы поправить нагрудник, она с угрюмым видом выступила вперед:

— Король Мэрик, я прошу прощения за то, что мы явились с некоторым опозданием. У нас не было намерения вызвать ваш гнев.

Мрачный воин в серебристо-серых доспехах презрительно фыркнул:

— Вы, Серые Стражи, и с самыми лучшими намерениями способны вляпаться в Ферелдене не в одну переделку.

Лицо Женевьевы даже не дрогнуло, однако Дункан заметил, что женщина напряглась. Женевьева немало гордилась славным именем ордена, а нрав у нее и в лучшие времена был достаточно крутой. Другу короля следовало бы поаккуратнее выбирать слова.

Мэрик, беспечно рассмеявшись, взмахом руки указал на воина, стоявшего рядом с тронном:

— Это Логэйн, тейрн Гварена. Не знаю, слышали ли вы о нем у себя в Орлее.

Женевьева коротко кивнула:

— Герой реки Дейн. Да, конечно же, всем нам знакомо это имя.

— Слыхал? — шутливым тоном окликнул король Мэрик своего друга. — Ты, оказывается, весьма знаменит в империи. Тебя это должно порадовать.

— Я просто в восторге, — сухо отозвался Логэйн.

— Если тейрн имеет в виду наше изгнание из Ферелдена, случившееся две сотни лет назад, — начала Женевьева, — я могла бы дать исчерпывающие объяснения...

Логэйн одарил ее ледяным взглядом:

— Уж в этом я не сомневаюсь.

Женевьева стиснула зубы с такой силой, что стоявший позади Дункан увидел, как натянулись жилы у нее на шее. В тронном зале надолго воцарилась неловкая тишина. Слышно было, лишь как потрескивает огонь факелов.

Первый Чародей поспешил вмешаться в эту перепалку.

— Но ведь нам нет никакой нужды спорить сейчас о том, что случилось столько лет назад! — примирительно проговорил он. — Что бы ни совершила тогда командор Серых Стражей, это не имеет ни малейшего отношения к нынешним событиям!

С этими словами маг умоляюще поглядел на короля Мэрика.

Тот кивнул, хотя вид у него был недовольный. Дункан не мог определить, что именно больше не нравилось королю — явная злоба тейрна или ответное поведение Женевьевы.

— Совершенно верно, — пробормотал король.

— В таком случае у меня есть вопрос, который уж точно касается нынешних событий! — прорычал тейрн Логэйн. — С какой стати вы заставили нас так долго ждать? Если бы я приложил столько усилий, чтобы добиться приватной аудиенции Мэрика, я бы, уж верно, вылез из кожи вон, только бы не рассердить его. Особенно если бы собирался попросить его о какой-то услуге... так ведь?

Король пожал плечами:

— Логэйн, они пока еще ни о чем не попросили.

— Ну так попросят. К чему иначе им потребовалось бы официально представляться тебе? К чему иначе весь этот спектакль?

— Логично.

Женевьева с явным трудом подбирала подходящие слова для ответа.

— Король Мэрик, — наконец проговорила она, — один из моих спутников совершил в твоём городе преступление. Мне пришлось уладить это дело прежде, чем оно приняло неприятный оборот.

Дункан похолодел от ужаса. “Ну вот, началось”, — обреченно подумал он.

Логэйн, казалось, уже готов был гневно высказаться, но король опередил его. Он выпрямился, подался вперед, всем своим существом выражая неподдельный интерес.

— Преступление? Какое?

Женевьева тяжело вздохнула и, повернувшись, жестом велела Дункану выйти вперед. Взгляд ее при этом неотступно сверлил его. “Посмей только сейчас что-нибудь выкинуть, — казалось, говорила она, — и я превращу всю твою оставшуюся жизнь в кошмар, которого ты не забудешь и на том свете”. Дункан судорожно сглотнул и торопливо встал рядом с ней.

— Этого юношу, — сказала Женевьева, — зовут Дункан. Он был призван в орден всего пару месяцев назад напрямик с улиц Вал Руайо. Боюсь, он попытался вспомнить на вашем рынке свое прежнее ремесло, а когда за ним погнались стражники, вступил в драку с одним из них. Стражник был ранен, но остался жив.

— Я мог бы убить его! — запальчиво перебил его Дункан. Перехватив полный ярости взгляд Женевьевы, он поспешно отвесил испуганный поклон королю. — Но не убил же! Мог, но не убил! Вот что я хотел сказать, ваше... э-э... высочество... милорд...

— Ваше величество, — поправил его Логэйн.

— Мои стражники порой проявляют избыточное рвение, — добродушно заметил король. Дункан не сразу сообразил, что обращается он не к Женевьеве, а именно к нему, Дункану. — Логэйн преисполнен решимости превратить Денерим в самый законопослушный город юга. По правде говоря, мне кажется, что все эти меры приводят только к одному — загоняют преступников в подполье.

— Я и сам был бы не прочь там отсидеться, — пошутил Дункан, но тут же прикусил язык, потому что Женевьева стиснула кулаки в латных перчатках с такой силой, что он слышал едва различимый скрежет металла. Дункан приложил все усилия, чтобы придать себе смиренный вид.

— Он весьма искушен в своем ремесле, король Мэрик, — сухо пояснила Женевьева. — Я, однако, подозреваю, что этот молодой человек надеется, будто, если он напроказит, мы освободим его от исполнения долга. Он заблуждается.

Короля ее слова явно заинтриговали.

— Тебе не нравится быть Серым Стражем? — спросил он, обращаясь к Дункану.

Тот не знал, что и ответить. Его поразило, что король Ферелдена снова обратился напрямую к нему. Даже самый захудалый орлесианский барон скорее позволил бы окунуть себя в масло и поджечь, чем показать, что он обращает хоть какое-то внимание на простолюдина. Тем проще было обчищать карманы орлесианской знати. Может, потому, что все они Серые Стражи, король не сообразил, что Дункан принадлежит к низшему сословию? Юноша пришел к выводу, что должен чувствовать себя польщенным, хотя и сильно сомневался, что чрезмерное внимания короля пойдет ему во благо.

Женевьева неотрывно смотрела на короля Мэрика, и лицо ее оставалось подчеркнуто бесстрастным. А потому Дункан переминался с ноги на ногу, между тем как король с любопытством смотрел на него и ждал ответа. Неужели он не мог привязаться к кому-нибудь другому? Все равно к кому, только бы к другому? Наконец тейрн Логэйн кашлянул.

— Мэрик, может, перейдем к тому, ради чего они сюда явились?

— Если только король не пожелает, чтобы юноша был предан в руки закона, — совершенно серьезно отозвалась Женевьева. — Пребывая в вашей стране, мы обязаны подчиняться вашим законам. Серые Стражи исполняют желание вашего величества.

Сердце Дункана гулко ухнуло в пятки, однако тревожился он зря. Король отмахнулся от этой идеи, словно от назойливой мухи:

— Не думаю, что в этом есть необходимость. Камеры в форте Дракон и так переполнены.

Логэйна явно так и подмывало высказаться, однако он смолчал. Дункан наскоро отвесил пару поклонов и, пятясь, вернулся туда, где стояли прочие Серые Стражи. На лбу у него выступили крупные капли пота.

Женевьева учтиво наклонила голову:

— Благодарю, ваше величество.

— Меня куда больше интересует, что привело вас сюда. Может, приступите?

Женевьева помедлила, глубокомысленно сомкнув перед собой руки. Дункану был хорошо знаком этот жест: она прикидывает, как много можно ему рассказать. Так же хорошо Дункан знал, каким будет ее ответ. У Серых Стражей имелось немало тайн, и они никогда не говорили больше, чем требовала крайняя нужда. Этому Дункан выучился на редкость быстро.

— Один из наших собратьев был схвачен порождениями тьмы, — медленно проговорила Женевьева. — Здесь, в Ферелдене. На Глубинных тропах.

— И что с того? — насупился Логэйн. — Каким образом это касается нас?

Женевьева явно не хотелось продолжать.

— Этот Серый Страж знает, где находятся Древние Боги.

И король, и тейрн Логэйн воззрились на нее с одинаково потрясенным видом. В зале повисла напряженная тишина. Первый Чародей шагнул вперед, взволнованно дергая прихотливо завитый ус:

— Именно потому, милорды, я и счел это дело крайне деликатным. Если порождения тьмы сумеют узнать местонахождение Древнего Бога...

— Начнется Мор, — договорила за него Женевьева.

Король Мэрик мрачно кивнул, однако Логэйн недоверчиво покачал головой.

— Не верь этой чуши, — нахмурясь бросил он. — Мора не было уже несколько столетий. Порождений тьмы вообще почти не видно на поверхности — что уж говорить о полномасштабном вторжении? Серые Стражи хотят напугать нас, только и всего. Со времен последнего Мора этот орден изрядно растерял былое значение и теперь пойдет на что угодно, что бы устрасить мир и доказать свою необходимость.

— Уверяю вас, это правда! — выкрикнула Женевьева.

В два широких шага она оказалась перед троном и опустила на одно колено. — Ваше величество, этот секрет известен считаным Серым Стражам. Если порождения тьмы каким-то образом узнают, что этот Страж — один из посвященных, и вырвут у него тайну — они поднимутся на поверхность! И случится это здесь, в Ферелдене!

— Вы уверены? — выдохнул король.

Женевьева подняла голову и в упор глянула на него:

— Милорд, вы ведь своими глазами видели порождений тьмы, не так ли? Вам известно, что они не выдумка.

После ее слов наступило молчание, и король Мэрик заметно побледнел. По ужасу, отразившемуся на его лице, Дункан понял, что Женевьева права. Этот человек видел порождений тьмы собственными глазами. Только у того, кто их видел, может быть такое лицо.

Король задумчиво потер подбородок.

— Полагаю, вы просите разрешения войти в Ферелден, чтобы искать этого пропавшего Стража?

— Нет.

Король Мэрик и Логэйн переглянулись, явно придя в замешательство.

— Что же вам тогда нужно? — спросил Логэйн, обращаясь к Женевьева.

Та наконец выпрямилась, отступив на шаг от трона:

— Если бы мы нуждались только в том, чтобы организовать поиски, мы вошли бы на Глубинные тропы из Орзаммара и вы никогда не узнали бы об этом. Ваша власть, король Мэрик, ограничивается только поверхностью Ферелдена, и вам это хорошо известно.

Логэйн, судя по его виду, собирался что-то возразить, но король вскинул руку, остановив его.

— Справедливо сказано, — спокойно проговорил он.

— Нам прекрасно известно, где следует искать нашего похищенного собрата. Мы не знаем другого: как туда попасть? Мы полагаем, что вы двое — единственные из всех живущих, кто способен это сделать.

— Вы и впрямь предлагаете то, о чем я сейчас подумал? — изумленно осведомился Логэйн.

— Восемь лет тому назад вы двое путешествовали по Глубинным тропам, — сказала Женевьева. — Вы повстречали отряд Легиона Мертвых под командованием Налтура из дома Канерек, и эти гномы помогли вам в восстании против Орлея. Нам известно, что так и было, поскольку три года назад, во время своего визита в Орзаммар, вы рассказали об этом королю Эндрину, и гномы Хранители занесли это событие в Хроники.

— Каждое ваше слово — истинная правда, — кивнул король.

— Вы прошли Глубинными тропами под восточным Ферелденом, в тех местах, где уже больше столетия не ступала нога гнома. Или, по крайней мере, не осталось в живых ни кого, кто мог бы об этом поведать. — Женевьева вздохнула, и лицо ее потемнело. — Вы двое — единственные из живущих, кто побывал в тейге Ортан. Именно туда нам и надо попасть.

На несколько долгих минут в тронном зале опять воцарилось молчание. Дункан слышал, как ерзают прочие Серые Стражи, стоявшие на коленях позади него. Краем глаза он покосился на Фиону, но эльфийка сделала вид, что не замечает его взгляда. Ее явно устраивало, что никто не обращает на нее внимания. Дункана это тоже куда как устроило бы.

Первый Чародей все сплетал и расплетал пальцы, и на лбу его, несмотря на холод в зале, выступили крупные капли пота. Женевьева терпеливо ждала, пока двое мужчин, стоявшие на помосте, не переварят сказанное.

— У гномов наверняка есть карты... — начал король Мэрик.

— Неточные, — покачала головой Женевьева. — Глубинные тропы изменились, а нам, быть может, понадобится пройти и дальше тейга Ортан. Нам нужен проводник, тот, кто когда-то уже был в тех местах. — Она повернулась к тейрну Логэйну. — Мы надеялись, ваша милость, обратиться за помощью к вам. Вы известны как доблестный воин и...

— Нет, — бесстрастно отрезал Логэйн.

— Неужели вы не понимаете, как это важно?

— Я понимаю, как это важно для вас или как вы стремитесь убедить нас, что это важно. — Логэйн презрительно махнул рукой. — Кто знает, что вы задумали на самом деле? Правда, замечательно вышло бы, если бы Герой реки Дейн вдруг оказался окружен орлесианцами, да еще в таком месте, где его смерть можно списать на все что угодно?

— Не будьте глупцом! — крикнула Женевьева, ринувшись к нему на помост.

Дункан напрягся, ожидая, что засевшие в потайных местах стражники сейчас выскочат из укрытий и набросятся на них прежде, чем Женевьева доберется до тейрна, но этого не произошло. Оставалось лишь гадать, сколько правителей согласилось бы на частную встречу с группой вооруженных Серых Стражей. Пожалуй что немного. Однако порыв Женевьевы не встревожил и ни в малейшей степени не разгневал обоих мужчин.

— Мы не прихоти ради обратились к вам с такой просьбой! Вы хоть представляете, что станет с этой страной, если в ней начнется Мор?

Логэйн не тронулся с места, не отступил ни на шаг, в упор глядя на воительницу льдисто-голубыми глазами.

— Если хотите, мы можем рассказать вам, в какую сторону идти. Вы доберетесь до тейга так же, как это сделали мы, и наверняка обнаружите, что он по-прежнему кишит пауками. Советую прихватить с собой огонь.

— Нам нужно не только указать дорогу! Это дело чрезвычайной важности!

— Мы с Мэриком были там недолго и восемь лет назад! — В голосе Логэйна звенело нескрываемое презрение. — Что, по-твоему, мы должны были запомнить, глупая ты баба?

— Да хоть что-нибудь! — не уступала она. — Все что угодно!

— Я пойду, — прозвучал негромкий голос короля.

Его расслышали не сразу. Логэйн как раз собирался огрызнуться на очередную реплику взбешенной Женевьевы и вдруг осекся. Медленно развернувшись, он смятенно воззрился на Мэрика:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что пойду с ними. — Король, казалось, не меньше Логэйна был изумлен собственными словами, как будто они сорвались с уст помимо его воли. — Я сделаю это. Проведу их в тейг Орган.

Если бы сейчас в тронном зале упала булава, это прозвучало бы как удар грома. Дункан нервно кашлянул и покосился на Фиону, которая стояла, преклонив колени, рядом с ним. Судя по ее лицу, она была ошеломлена так же, как сам Дункан. Она тоже понятия не имела, отчего король внезапно решил исполнить их просьбу. Вся эта ситуация выглядела на редкость дико. Первый Чародей застыл, точно ноги его приросли к полу, и лицо его исказилось от нешуточного беспокойства.

— Ты этого не сделаешь!

Логэйн совершенно потерял самообладание. Дункану даже почудилось, что он сейчас выхватит меч. Неужели он поднимет руку на собственного короля? В конце концов, у них тут в Ферелдене все по-своему.

Женевьева, вне себя от ужаса, выступила вперед:

— Мы не можем подвергнуть вас такому риску! Вы король Ферелдена, а помощь, о которой мы просим, — дело весьма и весьма опасное!

— Согласен! — поддержал ее Логэйн. — Никому не следует рисковать жизнью ради осуществления такого нелепого плана... Да нет, это даже не план! Это лишь зыбкая надежда, основанная... На чем, кстати? Как вы можете быть уверены, что этот ваш Страж вообще до сих пор жив?

Женевьева скрежетнула зубами, не сводя упорного взгляда с короля:

— Мы в этом уверены.

— Почему? Что ты недоговариваешь?

Король Мэрик встал с трона, оборвав их обоих.

— Я пойду, — твердо повторил он. — Я отведу этих Стражей в тейг Орган. Думаю, дорогу я не забыл.

Тейрн Логэйн возмущенно воззрился на короля. Он явно изнывал от желания разразиться гневными возражениями, однако не хотел высказывать их вслух в присутствии посторонних. Судя по тому, как смотрел на него Мэрик — почти с обидой, — было ясно, что, как только они останутся вдвоем, между ними разразится нешуточный спор. Видно было, что этот Логэйн для короля не просто советник. Он гораздо ближе, быть может почти брат.

Женевьева, похоже, совершенно растерялась, однако отвесила низкий поклон и попятилась. Дункан прекрасно понимал ее смятение. Он и раньше считал, что идея пригласить в проводники Героя реки Дейн сама по себе достаточно безумна, но это уже просто смешотворно.

Вскоре король наверняка передумает, и Серым Стражам предложат справляться собственными силами. Быть может, их даже снова вышвырнут из Ферелдена — кто знает? Дункан, кстати, не был уверен, что такой исход будет плох. В том, чтобы махнуть рукой на предстоящий поход, было нечто весьма притягательное.

Первый Чародей Ремийе осторожно двинулся к трону, молитвенно сложив руки:

— Ваше величество, вы уверены, что это разумно? Не лучше ли было бы тейрну...

— Нет, — перебил его король. — Я принял решение. — С этими словами он снова сел на трон, глядя исключительно на Женевьеву и намеренно не обращая внимания на

Логэйна. — Командор, я вскоре с вами свяжусь, чтобы обо всем договориться. А теперь мне хотелось бы, чтобы вы оставили меня наедине с тейрном.

У Первого Чародея был такой вид, словно он опять хочет что-то сказать, но Женевьева, глядя на него, покачала головой. Отвесив изящный поклон, она повернулась к выходу. Дункан и все прочие последовали за ней. Двое мужчин на помосте едва ли обратили внимание на их уход.

Когда тронный зал опустел, Мэрик откинулся на спинку трона, ожидая, что Логэйн сейчас разразится неизбежными обвинениями. Теперь всякий раз, когда они встречались, Логэйн был облачен в массивный серебристо-серый доспех. Он добыл этот доспех у командира шевалье в битве при реке Дейн и носил трофей, не снимая, до самого победного парада, который прошел в Денериме несколько лет спустя. Народ его за это обожал, а Мэрик над ним подсмеивался.

По прошествии лет, однако, ему все меньше хотелось смеяться. Вначале Логэйн, Мэрик и Роуэн без устали трудились над восстановлением страны. Так много нужно было сделать, столько проблем оставил уход орлесиянцев, что, казалось, на все просто не хватит времени.

То были нелегкие годы, но на свой лад восхитительные. Все время нужно было принимать трудные решения, и король с этим справлялся, хотя каждое такое решение отнимало частицу его души. Ферелден вновь окреп и набрался сил — как они и мечтали. Когда у Роуэн наконец родился сын, Мэрику подумалось, что вот теперь он может позволить себе побыть хоть чуточку счастливым.

А потом она умерла, и все изменилось.

Логэйн смотрел на Мэрика так, словно понятия не имел, кто это такой. Внезапно он выхватил меч и приставил его острием к груди короля.

— На! — отрывисто бросил он.

— Спасибо, у меня есть свой.

— Это не чтобы ты его взял. Это чтобы ты бросился на него, раз уж тебе так захотелось свести счеты с жизнью.

Мэрик почесал переносицу и вздохнул. Логэйн, которого он знал прежде, терпеть не мог драматических сцен. Кажется, прошедшие годы изменили его.

— Может, ты предпочел бы сам броситься на него?

— Я не пытаюсь убить себя. — На лице Логэйна было мрачное, почти уязвленное выражение. — Так будет быстрее и проще. По крайней мере, у нас останется тело для погребального костра. И мне не придется рассказывать твоему сыну, что его отец ушел в безрассудный поход и не вернулся.

— Логэйн, порождения тьмы существуют на самом деле. Что, если Серые Стражи говорят нам правду?

— А что, если нет? — Логэйн подошел к трону, уперся обеими руками в подлокотники и, нагнувшись, заглянул Мэрику в лицо. — Даже если ты не придаешь никакого значения тому, что они прибыли из Орлея, — убежденно продолжал он, — ты должен знать, что Серые Стражи всегда преследуют собственные цели. Они не служат никакому королю и никакой стране. Чтобы справиться с этой угрозой, они сделают все, что сочтут наилучшим, и им будет наплевать на тебя, на Ферелден и на что угодно!

Логэйн был прав. Двести лет назад Серые Стражи ввязались в заговор против ферелденского короля. Мятеж провалился, и орден был изгнан из страны, однако очень немногие знали, что для достижения этой цели потребовалась почти вся ферелденская армия. Тысячи солдат против неполной сотни Серых Стражей, и все-таки они едва не победили. Они были силой, с которой нельзя не считаться — независимо от их числа.

— Дело не только в этом, — вслух пробормотал Мэрик.

— Тогда в чем? В том, что Роуэн умерла? — Логэйн выпрямился и, качая головой, принялся расхаживать рядом с тронном. — Ты держишься так с тех самых пор, как я вернулся. Ты почти не видишься с сыном, ты почти не занимаешься страной, которую возродил из

руин. Вначале я готов был списывать это на скорбь, но, Мэрик, прошло уже три года! Все выглядит так, точно ты хочешь исчезнуть.

Он повернулся, устремив взгляд на Мэрика, и во взгляде этом была такая тревога, что тот не выдержал и отвел глаза.

— Неужели ты и впрямь этого хочешь? Неужели тебя нисколько не беспокоит безумие этого замысла?

Крепко сцепив пальцы, Мэрик задумался. Он не хотел говорить Логэйну всей правды, но, похоже, другого выхода нет.

— Помнишь ведьму, с которой мы повстречались в Диких землях Коркари? — начал он. — Еще во время мятежа, когда мы удирали от орлесианцев?

Логэйн, кажется, опешил, как будто не ожидал услышать хоть какое-то внятное объяснение. Впрочем, замешательство это длилось всего пару секунд.

— Помню. Чокнутая карга, которая едва не прикончила нас обоих. И что с того?

— Она кое-что мне сказала.

Логэйн нетерпеливо глянул на него:

— И?.. Мэрик, она много про что лопотала.

— Она сказала, что в Ферелден придет Мор.

Логэйн медленно кивнул:

— Понимаю. Когда именно — она не сказала?

— Только что я до этого времени не доживу.

Логэйн закатил глаза и, отступив на шаг, провел рукой по черным волосам. Мэрику хорошо был знаком этот жест, выражавший раздражение.

— Такое предсказание запросто может сделать кто угодно. Она явно хотела тебя напугать.

— Ей это удалось.

Логэйн развернулся, вперил в короля гневный взгляд:

— А еще ведьма говорила, что мне нельзя доверять! Ты и этому веришь, да?

Лицо его чуть заметно напряглось, и Мэрик знал почему. Вот что было сказано про Логэйна: “Оставь его при себе, и он будет тебя предавать. С каждым разом все горше”. Это было единственное пророчество, которое ведьма произнесла в присутствии Логэйна, и он, как видно, хорошо запомнил ее слова. Возможно, он решил, что если Мэрик поверил предсказанию насчет Мора, то поверил и этому. Между тем Логэйн никогда не предавал Мэрика — по крайней мере, насколько было известно самому королю. И забывать об этом не стоило.

— Ты думаешь, это простое совпадение? — спросил Мэрик, вдруг заколебавшись.

— Я считаю, что у ведьмы были свои цели и она скормила бы нам любую ложь, если бы это было ей выгодно. Мэрик, магии нельзя доверять. — Логэйн закрыл глаза и вздохнул. Затем он едва заметно покачал головой, словно собирался сказать нечто уж вовсе сумасбродное, но все же открыл глаза и с убежденностью в голосе продолжил: — Но если ты и вправду уверен, что этому пророчеству ведьмы можно доверять, согласишься хотя бы с тем, чтобы на Глубинные тропы пошел я, а не ты! Кайлану нужен отец.

— Кайлану нужна мать. — Голос Мэрика даже для него самого прозвучал безжизненно. — А еще ему нужен отец, который не... Логэйн, я не принесу ему добра. Я никому не могу принести добра. Будет гораздо лучше, если я отправлюсь куда подальше ради блага страны.

— Болван!

— А вот тебе... — продолжал Мэрик, словно не расслышав, — тебе надлежит остаться. Если со мной что-то случится, ты должен будешь стать регентом при Кайлане и сохранить Ферелден.

Логэйн досадливо помотал головой:

— Этого я не могу допустить. Даже если бы я верил этому загадочному пророчеству, я бы все равно не согласился, что из-за него можно отдать тебя в руки этих орлесианцев. Разве

что если бы вас окружала целая армия.

Мэрик вздохнул и выпрямился, откинувшись на спинку трона. Ему был знаком этот тон. Когда Логэйн уверен в своей правоте, переубедить его невозможно. Он скорее кликнет стражу и попытается посадить Мэрика в темницу, чем позволит ему исполнить этот замысел.

Логэйн рассуждал так: Серые Стражи — орлесианцы, Первый Чародей — орлесианец. Стало быть, это наверняка заговор, причем не первый. За минувшие годы к Мэрику несколько раз подсылали наемных убийц, и еще чаще его пытались свергнуть недовольные банны. Хотя Логэйну так и не удалось доказать, что за всеми этими случаями стоит Орлесианская империя, Мэрик не склонен был отвергать его предположения. Вполне возможно, что он даже и в этом случае прав.

А если нет? Ведьма была безумна, почти наверняка безумна, и все же Мэрик считал невозможным отмахнуться от ее слов. Она спасла их, помогла выбраться из Диких земель, без ее помощи они наверняка погибли бы. Король почти позабыл о ее предостережении насчет Мора, но вспомнил его в тот самый миг, когда Первый Чародей Ремийе сообщил, что у него просят аудиенции Серые Стражи.

Сама мысль о Море, бушующем здесь, в Ферелдене, была невыносима. Древние предания повествовали о том, как бесчисленные орды порождений тьмы вырывались из-под земли, затемняя самые небеса и оскверняя землю. Одним своим присутствием они заражали всю округу, а тех, кого не погубила зараза, убивали их армии. Каждый Мор был опасно близок к тому, чтобы уничтожить все живое в Тедасе, и уж Серые Стражи знали об этом больше, чем кто бы то ни было.

Конечно, ради того, чтобы предотвратить подобную катастрофу, можно пожертвовать чем угодно. Что, если ведьма была права? Что, если весь смысл подобного пророчества — в том, что получаешь возможность его предотвратить?

— Ты прав, — признал Король вслух, тяжело вздохнув. — Ты, конечно же, прав.

Логэйн отступил на шаг и, скрестив руки на груди, смерил Мэрика недоверчивым взглядом:

— Это что-то новенькое.

Мэрик пожал плечами:

— Они в отчаянном положении и просят слишком много. Мы можем рассказать им все, что знаем сами, можем набросать карту сообразно всему, что сумеем вспомнить, но чтобы возвращаться вместе с ними на Глубинные тропы... Нет, ты прав.

— Сам рассказывай им все, что знаешь, — насупился Логэйн. — Я на сегодня орлесианцами сыт по горло. Особенно этим подлизой Ремийе. Надеюсь, ты понимаешь, что ему нельзя доверять?

— Ну да, он же орлесианец.

— Ладно. Шути над этим, коли охота.

Логэйн повернулся и двинулся к низкой дверце позади трона.

— Я пошлю кого-нибудь сказать Серым Стражам, чтобы вернулись, но только смотри не возись с ними слишком долго. Нынче утром, Мэрик, дел и так хватает. Посланник Киркволла страстно жаждет обсудить положение с пиратством на побережье, и я полагаю, что если ты соизволил побеспокоить себя ради такого рода аудиенции, то, быть может, сумеешь совершить такой же подвиг ради настоящего дела.

— Сумею, — ответил Мэрик.

Глядя, как старый друг широким сердитым шагом покидает зал, он ощутил пустоту и, может быть, даже малую толику жалости. И тут же ему стало совестно из-за этой неуместной жалости к человеку, который столько сделал для него. Потому что, сколько бы Логэйн ни твердил, что застрял в Денериме для того, чтобы помочь разобраться с делами, Мэрик хорошо знал, почему на самом деле он до сих пор не вернулся в Гварен. Там жили его молодая жена и маленькая красавица-дочь.

Все от чего-то бегут...

Серые Стражи и Первый Чародей вернулись в тронный зал, настороженно озираясь по сторонам, явно озадаченные тем, что на помосте больше не было Логэйна. Мэрик ощущал себя на десять лет старше. Он сидел на троне ссутулившись, совершенно не готовый вести кого бы то ни было и куда бы то ни было.

Женевьева решительным шагом вышла вперед — воплощенная женщина-воин, зрелая и весьма уверенная в себе. Вид ее поневоле заставил Мэрика задуматься: какой стала бы Роуэн, доживи она до этих лет? Уж верно не такой целеустремленной и черствой — в этом Мэрик был убежден. Роуэн была отзывчива и сердечна. Она неизменно проявляла искреннюю заботу о своей стране и при всякой возможности баловала и нежила сына. Ей нравилось быть королевой не меньше, чем матерью, и гораздо больше, чем просто воином.

По правде говоря, Мэрику казалось, что седовласая женщина-командор куда больше смахивает на Логэйна.

— Вы передумали, король Мэрик? — осведомилась Женевьева. Судя по ее тону, она считала такой поворот событий наиболее разумным.

— Нет, — ответил Мэрик с мрачной усмешкой. Лицо Женевьевы напряглось, потемнело: ответ Мэрика ее явно не порадовал. — Я пойду с вами при условии, что мы будем передвигаться тайно и никто больше не узнает о том, что я сопровождаю вас. Логэйн останется здесь. Я отправлюсь с вами. Если, конечно, вы не передумали.

Женщина покачала головой, отменяя любые возможные колебания:

— Отнюдь. Нам нужно спешить, и я уверена: что бы я ни сказала, это не поможет вам осознать опасность нашего предприятия яснее, чем вы осознаете ее сейчас.

— Отлично. — Мэрик поднялся и по помосту подошел к Женевьеве. Он пожал ей руку, и на лице ее отразилась нескрываемая неловкость. — В таком случае давайте забудем слова “король” и “ваше величество”, а также обращение на “вы”. Поверьте, я устал от всего этого ничуть не меньше, чем вы.

— Как пожелаешь... Мэрик. — Женевьева склонила голову, и губы ее дрогнули в едва заметной улыбке. Может быть, она все-таки не настолько похожа на Логэйна, как ему показалось вначале. — Но все-таки, с твоего позволения, я хотела бы приставить к тебе одного из своих людей.

Чтобы охранять тебя и заботиться о твоих нуждах.

— Если ты считаешь это необходимым, то я, безусловно, согласен.

Женевьева поманила к себе юношу, которого недавно представляла королю, — того, кто совершил кражу на рынке. Он был заметно смуглее прочих — может, примесь ривейнской крови? Парнишка сжался, явно не желая подходить, однако грозный взгляд воительницы быстро призвал его к порядку. Остановившись рядом с командором, он тяжело вздохнул, как будто эти несколько шагов стоили ему невероятных усилий.

“Экий он прямолинейный”, — подумал Мэрик. Где бы там Серые Стражи ни подобрали этого юнца, он явно не привык скрывать свои чувства. После стольких лет, проведенных при дворе, подобное общество, вполне вероятно, станет для Мэрика приятным разнообразием.

— Дункан, тебе вменяется в обязанность забота о нуждах короля, — объявила Женевьева тоном, не допускавшим никаких возражений.

— То есть готовить ему еду и выносить за ним ночной горшок?

— Если он так пожелает — да.

Парнишка насупился, и Женевьева, увидев это, усмехнулась с нескрываемым ехидством:

— Считай это своим наказанием. Если будешь плохо выполнять свои обязанности, его величество запросто может по возвращении приказать бросить тебя в тюрьму.

Дункан беспомощно глянул на короля. На его мрачном лице явственно читалось: “Только не заставляй выносить за тобой горшок!” Мэрика так и подмывало рассмеяться, но он сдержался. Едва ли на Глубинных тропах понадобится ночной горшок. Это путешествие будет отнюдь не увеселительной прогулкой.

— А теперь, — продолжала Женевьева, — позволь представить тебе остальных. Это —

Келль, мой лейтенант. Он чувствует издали скверну порождений тьмы и на Глубинных тропах будет нашим следопытом.

У человека в капюшоне, который при этих словах сделал шаг вперед, были очень светлые, почти бесцветные глаза — Мэрику никогда прежде не доводилось видеть таких. Лицо у него было угрюмое, и двигался он с обдуманной осторожностью, говорившей о том, что этот человек поглощен собственными мыслями. За плечом у него висели длинный лук и колчан с оперенными стрелами, и в другое время Мэрик считал бы его самым обыкновенным охотником. Келль учтиво склонил голову, но не сказал ни слова.

— А это — Ута, призванная в орден из рядов Молчаливых Сестер. Разговаривать с тобой она не сможет, но большинство из нас привыкло понимать ее знаки.

Гномка, выступившая вперед, была в тунике Серого Стража, надетой поверх коричневого, простого покроя платья. Ее медно-рыжие волосы были заплетены в роскошную длинную косу, которая доходила почти до пояса, и, насколько мог разглядеть Мэрик, при гномке не было никакого оружия. Ему припомнилось, что Молчаливые Сестры якобы дерутся голыми руками — неужели это правда? Несмотря на небольшой рост, гномка была плотно сложена и достаточно мускулиста.

— А эти господа — Жюльен и Николас. Они в ордене почти так же давно, как я сама.

Вперед выступили двое рослых мужчин в таких же массивных пластинчатых доспехах, как у Женевьевы. Оба носили густые, ухоженные на орлесианский манер усы, но на этом сходство между ними заканчивалось. У Жюльена были темные, очень коротко остриженные волосы и небольшая аккуратная бородка. У Николаса — длинные, почти до плеч, белокурые волосы. Он схватил руку Мэрика и потряс ее, бодро улыбаясь.

Жюльен носил на спине в ременных ножнах громадный двуручный меч. К поясу Николаса была привешена шипастая булава, а за спиной красовался огромный щит, украшенный изображением грифона. Оба держались с молчаливой уверенностью воинов, привыкших пускать это оружие в ход.

— А это — Фиона, призванная чуть больше года назад из Круга магов в Монсиммаре.

Эльфийка, сделавшая шаг вперед, сжимала в руке белый посох. Если бы не это, Мэрик нипочем не признал бы в ней мага, и дело было отнюдь не в ее эльфийском происхождении. Почти все маги, с которыми он когда-либо сталкивался, больше походили на Первого Чародея Ремийе — мужчины, привыкшие добиваться своего, не останавливаясь ни перед чем. Эта девушка была к тому же хороша собой, хотя и смотрела с неприязнью, а кивок ее, едва заметный, никак нельзя было считать приветственным.

К ним подошел Первый Чародей Ремийе, явно пребывавший не в своей тарелке. Нервно комкая складки желтой мантии, он несколько раз поклонился.

— Прошу прощения, ваше величество, но время не ждет. Мы должны как можно скорее двинуться в Твердыню Кинлоха.

Женевьева кивнула:

— Круг обещал предоставить нам перед выходом на Глубинные тропы кое-какую магическую помощь. Времени у нас в обрез, однако я не сомневаюсь, что эта помощь нам пригодится.

— Почему у нас так мало времени? — спросил Мэрик.

— Мы никогда не слышали о том, чтобы порождения тьмы, едва увидев Серого Стража, не попытались с ним расправиться. — Женевьева смолкла, и взгляд ее на миг стал отсутствующим. Затем она резко повернулась и зашагала к огромным дверям. Мэрик двинулся за ней, все остальные цепочкой потянулись следом. — То, что наш собрат до сих пор жив, — само по себе удивительно и говорит о чем-то необычном. Мы должны добраться до него прежде, чем порождения тьмы уволочут его еще глубже под землю, и прежде, чем сведения, которые из него могут вытащить, разойдутся среди них.

— А если разойдутся? — спросил Мэрик. — Что тогда?

— Тогда мы перебьем всех порождений тьмы, которые их получают, — сурово отозвалась она.

Мэрик верил, что женщина-воин ничуть не преувеличивает. Сама мысль о том, что этот небольшой отряд может представлять смертельную угрозу для порождений тьмы, казалась ему удивительной, но, вполне вероятно, он удивлялся зря. Молва гласила, что в Серые Стражи всегда набирают только лучших воинов. Хотя со времен последнего Мора прошло несколько столетий, легендарная слава Серых Стражей не померкла. Люди относились к ним с чрезвычайным уважением, и их представительства существовали во всех странах за пределами Ферелдена.

Однако же в некоторых кругах к этому уважению примешивалась изрядная доля настороженности. В иных краях орден Серых Стражей зачастую считали пережитком прошлого, утратившим свою необходимость, и традиционную десятину платили крайне неохотно. Тем не менее никто не решался выказать пренебрежение открыто. Сколь мало ни осталось бы в нынешние времена Серых Стражей, сомневаться в их силе охотников не было.

— С вашего позволения, — сказал Мэрик вслух, — я хотел бы задать вам еще один вопрос.

— Да. Конечно.

— Кого мы, собственно говоря, ищем?

Женевьева, уже направлявшаяся к дверям, остановилась и повернулась к королю. Он ясно видел, что ее снова мучат сомнения. Однако же, если Мэрику предстоит отправиться с этими людьми в самую опасную часть Тедаса, можно надеяться, что Серые Стражи все-таки поделятся с ним своими знаниями. Логэйн наверняка был прав по крайней мере в одном: Стражи всегда и во всем преследуют собственные цели.

— Его зовут Бреган, — наконец ответила Женевьева. — Он мой брат.

Глава 2

И се — чернеет Город Золотой
При каждом вашем нечестивом шаге
По Моему Чертогу. О, дивитесь,
Дивитесь совершенству, ибо гаснет
Оно. Вы Грех внесли на Небеса
И кару в мир.

Погребальные Песни, 8:13

Нестерпимая вонь, которой был пропитан воздух, напомнила Брегану гнилостный дух протухшего мяса. Издалека доносился странный, едва различимый гул. Мужчина осторожно шевельнул рукой и понял, что лежит на камне. На ощупь казалось, что камень покрыт слоем то ли сажи, то ли грязи.

Он по-прежнему на Глубинных тропах. Ощущение нависших над ним тонн земли и камня настолько сильно, явственно, что кажется, будто на тело давит невидимая тяжесть. Бреган сделал глубокий, судорожный вдох и тут же закашлялся, давясь густой вонью. Он перекатился на живот, содрогаясь от неудержимых позывов рвоты, в пустом желудке забурлило, и искаженный рот изрыгнул лишь отвратительные хрипы. Острая боль пронзила Брегана, напомнив о полученных ранах.

Дрожа и обливаясь потом, он справился с судорогами и ощупал свое тело. Доспехи его, а также меч со щитом сгнули бесследно, но куртка и рубаха остались — заскорузлые от крови и грязи. Раны тем не менее кто-то перевязал. В крошечной темноте Брегану трудно было определить, как именно их обработали. По всей вероятности, наложили какие-то снадобья, а сверху перетянули грубой тканью, сильно смахивавшей на холстину.

Но кто же принес его сюда? Кто обработал его раны? Бреган помнил, как добрался до заброшенного тейга. Помнил, как на Глубинных тропах хлынули на него орды порождений

тьмы, окружили со всех сторон, а потом... что было потом? Ничего. Бреган припоминал, как черные клинки порождений вспарывали плоть, как кривые когти тварей насквозь протыкали доспехи, глубоко вонзаясь в плечи и в ноги. По всему выходило, что он должен был умереть. Порождения тьмы, не были склонны к милосердию и никогда не брали пленных.

Бреган прикрыл глаза и осторожными прикосновениями разума прощупал окружающую темноту. Повсюду вокруг него были порождения тьмы. Может, и не в том же помещении, но рядом. Бреган чувал их близость краем сознания, и, как всегда, этому ощущению сопутствовало мерзостное чувство — как если бы под кожу медленно вливали яд.

Он сильнее зажмурился и постарался отгородиться от этого чувства. Как же он всегда ненавидел свою способность издалека чують порождений тьмы! Это свойство было присуще всем Серым Стражам, и большинство полагало его ценным даром. Бреган же всегда считал, что это — проклятие.

Гул все не затихал, — впрочем, Бреган различал и кое-что еще. Шорох, шуршание по камню незримых чешуйчатых тел. Плеск воды. Все эти звуки были слабыми, едва различимыми, но тем не менее они присутствовали. Время от времени изменяла свои свойства и вездесущая тошнотворная вонь — в ней появлялся отчетливый оттенок гари. То и дело Бреган чувствовал, как нечто давит извне на его сознание, как будто пытаюсь прорваться в разум. А потом это ощущение проходило.

Мрачные предчувствия терзали его все сильнее, и сердце забилось чаще. Неуклюже двигаясь, он встал на четвереньки и вслепую пошарил рукой вокруг себя. Пальцы его наткнулись на мягкую шкуру, наверняка грязную, но хорошо было и то, что его не бросили валяться на голом каменном полу. Потом Бреган ощупал гладкие стены — да, место это явно не было природной пещерой, над ним потрудились неведомые мастера.

Пальцы наткнулись на нечто мягкое и липкое, похожее на гниlostную плесень, которая расплзлась по камню. Скверна порождений тьмы. Бреган подавил омерзение. Лучше об этом не задумываться.

И тогда послышался новый звук. Шаги, мерный стук обутых ног по камню — и совсем неподалеку. Бреган повернул лицо к источнику звука и почуял приближение порождений тьмы. Он отполз немного, и тревога, владевшая им, уступила место ужасу. В той стороне дверь? Увидит ли он то, что так неумолимо приближается? Глаза Брегана никак не могли привыкнуть к непроглядной тьме, и это сводило с ума.

Шаги становились все громче, отдаваясь эхом. Затем послышался скрежет отворяемой металлической двери, и вдруг в лицо ударил свет, такой нестерпимо яркий, что обжег глаза. Бреган вскрикнул от боли и шарахнулся прочь, прикрывая лицо.

— Прошу прощения, — прозвучал мужской голос. Негромкий и с каким-то неестественным тембром, но не сказать что неприятный. Слова звучали отрывисто, как если бы говоривший не вполне привык их произносить.

Бреган сел, отчаянно моргая и прикрывая ладонью глаза. Разглядеть что-то перед собой было почти невозможно, глаза слезились от мучительного напряжения. Он сумел различить только смутную тень, державшую в руке что-то вроде ослепительно сияющего камня. Тень эта вошла в комнату, но остановилась на почтительном расстоянии от Брегана.

— Свет необходим, — продолжал странный звучный голос. — Я подозреваю, что мое появление в темноте было бы для тебя неприятно. Я ведь верно понимаю, что ты не способен видеть в темноте?

Это порождение тьмы? Гарлоки-эmissары обладали даром речи, но Бреган не мог припомнить сведений о том, чтобы кто-то из Серых Стражей разговаривал с ними. Эmissары были у порождений тьмы заклинателями, магами, и Брегану доводилось слышать, как эmissар поливал оскорблениями передние ряды Серых Стражей либо вопил от ярости, когда Стражи усиливали натиск на врага. Он даже слышал, как эmissары, стоя на своем краю поля битвы, выкрикивали ультиматум, но подобных речей никогда не слышал. Он мысленно коснулся прищельца — да, это и впрямь гарлок, порождение тьмы. То же самое мерзостное ощущение отозвалось в сознании Брегана.

— Я подожду, — сказал голос. — Зрение со временем вернется к тебе.

Бреган еще пару минут старательно протирал глаза, и наконец временная слепота начала отступать. То, что он увидел в свете сияющего камня, нисколько не прибавило спокойствия. Перед ним и в самом деле стоял гарлок-эmissар, порождение тьмы, которое запросто можно было бы принять за человека, если бы не изуродованная скверной кожа да выпуклые рыбы глаза. Гарлок был совершенно безволосым, и губы его, оттянутые острыми клыками, застыли в жуткой ухмылке. Однако же вместо разномастных доспехов и одежек из полусгнившей кожи, которые обычно носили порождения тьмы, он был облачен в мантию простого покроя — коричневую, кое-где покрытую пятнами сажи. В одной руке у него был изогнутый черный посох, в другой — сияющий камень.

И к тому же он не проявлял никаких признаков волнения, невозмутимо разглядывая Брегана своими выпуклыми нечеловеческими глазами. Мужчина поежился, не зная, как следует поступить. Первым его порывом было броситься на гарлока, свернуть ему шею и бежать. Гарлоки-эmissары владеют магией, однако, точно так же как и магам, им нужно время, чтобы пробудить свою мощь. Если Бреган будет действовать быстро, эту тварь даже посох не спасет.

— Твои раны исцелились? — внезапно спросил гарлок. — Мне известно, что люди обладают способностью магического исцеления, но такое, увы, мне не под силу. Даже наши познания в области ваших лекарственных средств ограничены.

— Н-не понимаю, — запинаясь пробормотал Бреган.

Гарлок-эmissар кивнул, явно сочувствуя трудностям собеседника. Брегану нелегко было принять тот факт, что это цивилизованное поведение исходит от подобной чудовищной твари. Весь опыт, накопленный Серыми Стражами, все познания, веками кропотливо и мучительно обретаемые в огне Моров, — во всем этом не было даже и намека на то, что порождение тьмы способно вести себя иначе, кроме как бездумно набрасываться на все живое, что подвернется на пути, и распространять заразу скверны.

— Чего же именно ты не понимаешь? — терпеливо осведомился гарлок.

— Ты ведь... порождение тьмы?

Собеседник, похоже, ничуть не удивился такому вопросу.

— А ты — человек?

В его устах это слово, произнесенное со странным рокочущим тембром, прозвучало так, словно происходило из чужого языка. Брегану мельком подумалось, что для порождения тьмы так оно и есть.

— Нет, — продолжал гарлок, — я так не думаю. Ты — Серый Страж.

— Я... я и то и другое.

Выпуклые глаза порождения тьмы моргнули, но Бреган так и не смог понять, что это означало — удивление, сомнение или иные чувства. Да и способны ли порождения тьмы испытывать чувства? Да, они умеют действовать сообща. Известно, что они чинят снаряжение и даже изготавливают примитивное оружие, возводят какие-то постройки, пользуясь еще гномьими припасами, которые добыли на Глубинных тропах. Однако до сих пор никто не сумел обнаружить в том, что они делают, иного побуждения, кроме темной силы, которая толкает их к началу очередного Мора. Может, Серые Стражи заблуждаются? Или все давно известно ордену и это просто очередной секрет, который ревностно охраняется от всех непосвященных, даже Стражей настолько высокого ранга, как Бреган?

“Не в первый и не в последний раз”, — с горечью подумал Бреган. Он медленно сел, не сводя настороженного взгляда с гарлока-эmissара — если это, конечно, и вправду был эmissар. Задумай тварь его прикончить, она бы это давно уже сделала. И этот факт Брегана пугал еще больше.

Гарлок переступил, колыхнув складками грязной мантии, оперся на посох — Брегану это движение показалось пугающе человеческим.

— Наше племя чует присутствие Серых Стражей, точно так же как Серые Стражи чуют наше присутствие. И ты знаешь, почему это так.

С этими словами гарлок выразительно глянул на Брегана, однако тот промолчал.

— В порождениях тьмы есть скверна, — продолжал гарлок, вместо него отвечая на собственный вопрос. — Тьма, которая владеет нами, ведет и гонит нас, понуждая сражаться со светом. Она живет в нашей крови, она заражает и растлевает все, что окружает нас. — Гарлок высохшей когтистой рукой указал на Брегана. — В вашей крови тоже есть скверна. Вот что делает вас такими, какие вы есть, вот что вы чуете в нас, а мы — в вас.

Брегану стало страшно. И снова он промолчал, избегая встречаться взглядом с нечеловеческими глазами собеседника.

— Вы принимаете эту тьму в себя, — продолжал тот. — Вы используете ее, чтобы сражаться с нами. Однако ваша устойчивость к ее воздействию не абсолютна. Когда осквернение неизбежно берет свое, Страж уходит на Глубинные тропы. В одиночку. Чтобы сразиться с нами в последний раз. Ты ведь именно затем сюда и явился, не так ли?

Вопрос остался без ответа. Бреган по-прежнему не смотрел на собеседника, и недоброе предчувствие охватывало его все сильнее. То, что порождение тьмы способно общаться на равных с Серым Стражем, — это одно, а то, что оно может быть настолько осведомлено, — другое, совсем другое.

Бреган ждал, размышляя, не стоит ли все же сделать попытку бежать, пока он еще на это способен. Убьют его при этом или нет — какая разница? В конце концов, он пришел на Глубинные тропы именно для того, чтобы умереть. Что еще могут сделать с ним, кроме как снова оглушить и притащить в эту келью?

Мысль об этом тяготила Брегана, и он все ниже опускал голову. Странный гул доносился теперь, казалось, отовсюду. Бреган ощущал в себе липкое нечистое прикосновение скверны — она пропитала все тело, заполнила собой все отверстия и поры. Ему страстно хотелось ногтями содрать с себя лицо, сорвать плоть с костей...

— Да, — неохотно признал он вслух. — Это называется — Призыв. Так мы говорим, когда приходит время покончить со всем этим.

— Призыв, — повторил гарлок, кивая, как будто одобряя этот термин. — Вы предпочитаете доблестно погибнуть, нежели поддаться скверне? Дело именно в этом?

— Не знаю! — рявкнул Бреган.

Он наконец поднял взгляд на собеседника и опешил, обнаружив, что гарлок разглядывает его со странным, лишенным всяких эмоций любопытством.

— Не знаешь? Разве ничего подобного раньше не случалось?

Бреган рывком вскочил. Тотчас отозвались тупой болью раны, в желудке всколыхнулась волна тошноты — но на все это он не обратил внимания. Странный гул усилился, и Бреган пошатнулся, борясь с головокружением.

— Кто ты? — выкрикнул он, шагнув вплотную к гарлоку — так близко, что в ноздри ударила гнилостная вонь его плоти. Бреган впился взглядом в блеклые нечеловеческие глаза, следившие за каждым его движением. Гарлок не дрогнул, не попятился. — Зачем меня приволокли сюда? Дыхание Создателя! Я должен был умереть!

— Ты за этим сюда и пришел? Умереть?

— Да! — пронзительно выкрикнул Бреган, сгреб гарлока за ворот мантии и, рванув его к себе, занес для удара кулак.

Гарлок не сопротивлялся. Кулак Брегана затрясся, и он, стиснув зубы, впился взглядом в лицо гарлока. Надо его ударить. Надо его убить. Нет ни малейшей причины оставлять эту тварь в живых. Что же он медлит?

— Думаю, — прошептал гарлок, — ты пришел сюда, потому что чувствовал, что у тебя нет иного выхода.

Бреган разжал руки, оттолкнул тварь. Гарлок пошатнулся, едва не упал, но устоял, опершись на посох. Вспышка Брегана, похоже, ничуть его не напугала. Трясаясь от злости, Страж отвернулся от своего омерзительного собеседника.

— Чего бы ты от меня ни хотел, ты этого не получишь! — прорычал он. — Так что можешь прикончить меня и не терять времени попусту!

Долгое время он слышал за спиной только шорох ткани — это гарлок приводил себя в порядок, расправляя измятую мантию. Назойливый гул все так же перекатывался вдалеке, и за его пределами Бреган чуял других порождений тьмы. Он смутно различал звуки, которые они производили: нечеловеческий рокот и сухое шипение, что неумолимо вторгались в его сны с самого Посвящения, с той минуты, когда он принял в себя их черную суть. Бреган чувствовал, как эти звуки волной накатываются на стену его сознания. Безостановочно, безжалостно. Обливаясь потом, он отгородился от этой волны и постарался сосредоточиться только на безудержном стуке собственного, лихорадочно бьющегося сердца.

После того как ритуал Призыва был завершен и все гномы мрачно и почтительно простились с ним, они распахнули огромную запечатанную дверь на окраине Орзаммара. Глядя вдаль Глубинных троп, Бреган знал, что ему, вполне вероятно, будет не так-то легко исполнить свое намерение. Уж лучше упасть на острие собственного меча, легко и быстро покончить со всем этим, и не важно, как отнесется к его поступку Создатель. Лучше так, чем медленным шагом выйти в море тьмы и погрузиться в него с головой.

И все же он вышел на Глубинные тропы, а чего ему хотелось на самом деле, не имело никакого значения. Так было всю его жизнь, и с какой стати сейчас должно быть иначе?

— На твой первый вопрос, — нараспев проговорил эmissар, — ответ таков: я — Архитектор.

— Это твое имя?

— У нас нет имен. Архитектор — это то, чем я являюсь, только и всего. У прочих моих сородичей и этого нет. Они просто порождения тьмы.

Бреган, заинтригованный, медленно повернулся к нему:

— А ты, значит, не просто порождение тьмы? Ты — нечто большее?

Гарлок поднял палец:

— Что, если бы я сказал тебе, что между нашим племенем и вашим может быть заключен мир? Что такое вообще возможно?

Бреган не знал, как ему отнестись к этому вопросу.

— А нам это нужно? Я имею в виду мир с порождениями тьмы? Такое трудно представить.

— Серым Стражам так и не удалось уничтожить наш род. Вот уже четырежды мы находили одного из древних драконов, что спят в подземных своих темницах, — одного из тех, кого вы зовете Древними Богами. — Взгляд Архитектора стал отрешенным, и в голосе его зазвучала неподдельная печаль. — Они зовут нас, манят нас песней, которой мы не в силах сопротивляться. Мы ищем их и находим, и, когда они поднимаются из-под земли, мы следуем за ними. Мы не можем устоять. А когда ваше племя загоняет нас назад под землю, все начинается заново.

Бреган нахмурился:

— Тогда мир между нами может быть достигнут только одним способом — если все порождения тьмы будут уничтожены.

Архитектор в упор поглядел на него, и в его блеклых глазах появилось вдруг напряженное выражение.

— Есть и другой способ, — проговорил он, и от звука этого нечеловеческого голоса Брегана пробрала дрожь.

А потом он вдруг осознал, что нужно от него этому порождению тьмы.

Молнией метнулся он вперед и, выхватив из руки Архитектора сияющий камень, с силой отшвырнул опешившего гарлока в сторону. Тот, потеряв равновесие, налетел на стену кельи, и посох его со стуком ударился о пол. Не дожидаясь, пока гарлок начнет творить заклинание, Бреган одним прыжком выскочил в коридор и с оглушительным лязгом захлопнул за собой металлическую дверь.

Снаружи было еще омерзительнее, чем в келье. Стены коридора густо поросли плетями неведомой растительности и мешками черной слизи. Здесь были и другие двери — иные так и проржавели, оставаясь закрытыми. Бреган не стал отвлекаться на них и, держа перед собой

сияющий камень, бросился бежать.

Со всех сторон доносилось яростное шипение и топот бегущих ног.

Бреган был полностью поглощен тем, что прощупывал мыслями темноту, пытаясь определить, в каком направлении движутся порождения тьмы. Это было нелегко. Скверна окружала его со всех сторон, и всякий раз, когда он раскрывал сознание, рокочущий адский гул становился еще сильнее. Пытаться отыскать в этом море скверны отдельный источник было все равно что глоток за глотком принимать ее в себя.

Свернув за угол, Бреган едва не врезался в небольшую группу порождений тьмы. То были настоящие бойцы — рослые, в тяжелых разномастных доспехах, вооруженные кривыми тесаками. При виде Стража они оскалились и, зашипев, попятились.

Бреган не дал им шанса напасть первыми. Бросившись на ближайшего, он схватился за кривой клинок и с размаху ударил тварь в грудь. Застигнутый врасплох, гарлок выпустил оружие, и из горла его вырвался испуганный вопль. Бреган стремительно развернулся и рубанул по шее второго. Тот рухнул, пытаясь зажать рану.

Третий гарлок испустил улюлюкающий вопль и взмахнул тесаком. Страж в последнее мгновение увернулся и, когда противник потерял равновесие, ударил его по голове рукоятью кривого клинка. Нападавший лишь захрипел.

Гарлок, которого Бреган ударил в грудь, уже пришел в себя. С ревом бросившись на Стража, он впился в его руку. Клыки глубоко вонзились в плоть, и Бреган ощутил, как просачивается в кровь чернота скверны. Не будь он Серым Стражем, для него уже все было бы кончено. Он пал бы жертвой изнурительной болезни, несущей горячку и безумие, и в итоге умер бы мучительной смертью. Однако Серые Стражи платили высокую цену за то, чтобы стать такими, каковы они есть. И не напрасно.

Стиснув зубы, Бреган ожесточенно отбивался от гарлока. Он чувал зловонное дыхание противника, видел, как меж клыков ворочается черный лоснящийся язык. Все слышнее становились вопли других порождений тьмы. Они боролись на каменном полу, а потом Бреган сумел высвободить руку и уперся в подбородок твари, силясь оторвать ее от себя. Гарлок завизжал от ярости и выгнулся дугой, изо всех сил стараясь сохранить равновесие.

Наконец он выпустил Брегана, и тогда Страж с силой оттолкнул его от себя. Гарлок ударился головой о стену коридора — ударился с такой силой, что раздался хруст. Все было кончено.

Бреган остановился и, тяжело дыша, привалился к стене. Волна слабости вдруг накатила на него. Едкий запах хлещущей черной крови заглушал даже вездесущую вонь. Рокочущий гул становился все сильнее, навязчивее. Казалось, он вот-вот поглотит все прочие звуки. На миг, всего на миг Бреган прижался лбом к холодной каменной стене и закрыл глаза.

Протяжное шипение совсем рядом вернуло его к реальности. Гарлок с копьем наперевес стремительно приближался. Чудом собрав все силы, Бреган схватился за древко и рванул на себя. И уже через мгновение тварь была повержена собственным оружием.

Надо выбираться отсюда, и поскорее. Подхватив валявшийся на полу меч, Бреган вбежал в открытый просторный зал. Здесь было множество колонн: одни наполовину обрушились, другие до сих пор тянулись к высокому своду. Все они были покрыты порослью черных грибов и скверной. От сияющего камня повсюду плясали и кривлялись тени.

Рысью пробежав через зал, Бреган увидел впереди порождений тьмы. Среди них были генлоки — низкорослые, с заостренными ушами и безгубыми клыкастыми ухмылками. Заметив человека, они вскинули луки. Две стрелы просвистели совсем близко, одна вонзилась в плечо, но Бреган, не обратив на нее внимания, все так же грозно мчался на генлоков. С оглушительным криком он прорубал себе путь в рядах порождений тьмы. Черная кровь заливала лицо, и казалось, что тошнота вот-вот одолеет его, но Бреган продолжал бой.

Генлоки ничего не могли сделать, несмотря на численное преимущество. Они отступили, пытаясь перестроиться, но Бреган уже проскочил мимо.

Здесь должен быть выход. Должен! Это явно какая-то крепость, покинутая гномами. Если бы только удалось выбраться отсюда, оказаться вновь на Глубинных тропах...

Бреган замер на середине полуобрушенного лестничного пролета. Позади — совсем близко — слышны были крики и топот порождений тьмы. Будто разворошили гигантский муравейник. Плечи Брегана обмякли, и он, тяжело дыша, низко опустил голову. Он старался не обращать внимания на пот, заливавший глаза.

Даже если он выберется отсюда — куда ему податься? Все считают, что он уже давным-давно мертв. И то верно: он должен был дать порождениям тьмы убить себя, если бы они вообще захотели это сделать.

Бреган уставился на меч, который держал в руках. Лезвие, покрытое пятнами сажи, было неправильной формы, с изогнутым острием, чем-то похожее на обычную саблю. Примитивная рукоять обмотана полосками кожи — Брегану не хотелось даже задумываться, чьей именно. Жалкое оружие, конечно, но вполне пригодное. Это острие без малейшего труда разорвет ему горло — надо лишь приставить к шее и сделать одно быстрое движение...

Порождения тьмы ни за что не должны узнать, где находятся Древние Боги. Он не станет причиной нового Мора, нового нашествия этих тварей на Тедас. Можно надеяться, что порождения тьмы не способны читать мысли, но кто знает, на что способен Архитектор? Лучше пусть это знание умрет вместе со Стражем.

Стиснув зубы, Бреган поднял меч. Изгиб острия почти идеально обхватил горло. Не он сам придумал, что надо отправиться на Глубинные тропы, чтобы умереть в бою. Поступить так его вынуждала многовековая традиция Серых Стражей. Так было лучше.

Клинок задрожал. Страж затрясся, бессильно уронил вдоль тела руку с мечом, закрыл глаза и зарыдал.

С обоих концов коридора хлынули к нему порождения тьмы, но человек словно не видел их. Просто стоял посреди лестницы и ждал, чувствуя, как сознание наполняет чернота. Страшный гул достиг предела.

Порождения тьмы разом кинулись на Брегана и повалили его на пол. Чьи-то зубы вонзались в плоть, что-то острое протыкало кожу и мышцы тут и там. Бреган не кричал, не сопротивлялся. Сияющий камень у него отняли, и, когда темнота стала всепоглощающей, что-то тяжелое обрушилось на затылок.

И так было даже лучше.

Глава 3

И те, кто был низвергнут,
Те демоны, не ставшие богами,
Шептали из гробниц своих подземных.
Искусом наполняя слух людской.
И внял Тевинтер им, и алтари
Воздвигли ложным божествам в угоду,
А шепот их взамен раскрыл им тайны
Чернейших чар.

Погребальные Песни, 5:11

Дункан сидел в утлой лодчонке, глубоко несчастный и твердо уверенный, что жалкое суденышко вот-вот опрокинется и утопит всех своих пассажиров в озере Каленхад.

Путешествие из Денерима на запад заняло у них несколько дней, и Дункан даже не мог сказать наверняка, с какой стати это все понадобилось. Если Первый Чародей Ремийе хотел что-то им вручить, почему он не прихватил это с собой в столицу? Какой был смысл тащить Серых Стражей к озеру Каленхад, пусть даже вход на Глубинные тропы якобы находится недалеко от этих мест? Если у них и впрямь так мало времени, как утверждает Женевьева, казалось, было бы куда разумнее немедленно отправиться на поиски ее брата.

Но нет, куда там! Вместо этого Дункану пришлось втискиваться в лодчонку, где едва хватало места для короля и дюжего парня с веслом, и мерзнуть, пока лодка прокладывала себе путь по водам озера. Над ними яростно завывал ветер, и с каждым порывом Дункан дрожал от холода. Нет, правда, он никак не мог унять дрожь, хотя и кутался в меховой плащ. Неужели в этой стране повсюду царят такие холода?

Плавающие глыбы льда пугающе часто бились о борта лодки. Лодочник обливался потом, прилагая все силы, чтобы избежать столкновений. Иногда он вдруг принимался ожесточенно молотить веслом по воде — лишь затем, чтобы через несколько секунд сменить курс. Что происходит, когда озеро совсем замерзает? Гости ходят в башню пешком по льду?

Кажется, только одного короля совершенно не трогало все происходящее. С тех пор как они покинули город, он был молчалив и почти не беспокоил просьбами Дункана, что, впрочем, юношу искренне радовало. Раза два король задавал вопросы о Серых Стражах, — вопросы, на которые Дункан отвечал крайне настороженно. Женестьева еще раньше предупредила, что Мэрик, по всей вероятности, станет его расспрашивать, и тогда же прибавила, что Дункан должен постараться рассказывать как можно меньше. Король, выслушав ответ, только пожал плечами. Он явно ничего другого и не ожидал.

Покинув Денерим, отряд со всей возможной быстротой двинулся по Северному тракту вдоль побережья. По словам Женестьева, в это время года здесь было почти безлюдно, — значит, тем меньше шансов, что их выследят или узнают. С первыми снегопадами грузы в основном перевозились на прочных судах, бороздивших Недремлющее море. Другие путники встречались крайне редко — либо торговцы с тележками, замотанные в теплые плащи, либо паломники, затянувшие с путешествием до начала зимы. Серых Стражей эти прохожие едва достаивали взглядом.

Из гномов наездники так себе, однако Ута старалась переносить свой позор стоически. По правде говоря, Дункан в глубине души считал, что она держится в седле куда изящнее, чем все гномы, которых он знал до сих пор, — правда, их было совсем немного. Обычно сородичи Уты предпочитали ездить в повозках либо фургонах, а не на верховых животных, хотя Дункан слышал, будто в Орзаммаре гномы иногда ездят на быках. Он как-то спросил Уту, правда ли это, и, судя по ее ухмылке, вопрос Дункана немало позабавил гномку.

Едва они покинули дворец, Келль тотчас вернул себе неизменного спутника — боевого волкодава по кличке Кромсай. Это был настоящий великан — зубастый, мускулистый, с косматой серой шкурой. Дункан знал, что, защищая хозяина, Кромсай кому угодно порвет глотку. Юноше уже доводилось это наблюдать. Сейчас пес трусил рядом с конем хозяина, вывалив из приоткрытой пасти длинный язык.

Жюльен и Николас ехали по большей части вдвоем — как, впрочем, бывало почти всегда. Дункан подозревал, что эти двое так долго сражались бок о бок, что попросту привыкли к обществу друг друга. Время от времени к ним присоединялась Женестьева, но обычно она ехала впереди, вместе с Келлем. Напряженный взгляд ее неизменно был устремлен вперед, на линию горизонта, — как будто командор надеялась притянуть ее поближе одной только силой воли.

В другое время Дункан ехал бы рядом с Фионой и они всю дорогу дружески болтали бы о разных пустяках под сердитыми взглядами других, более молчаливых Серых Стражей. За те несколько месяцев, которые Дункан провел в ордене, он изрядно сблизился с эльфийкой-магом. Сейчас, однако, она держалась в стороне. В те два-три раза, когда Дункану подвернулся случай заговорить с Фионой, она была непонятно взвинчена, а стоило королю подъехать ближе, как девушка становилась чернее тучи. Мэрику она до сих пор не соизволила сказать ни единого слова, а все его попытки завязать разговор демонстративно пропускала мимо ушей.

Король после этого озадаченно смотрел на Дункана, но тот в ответ только пожимал плечами. Кто знает, почему эльфы делают то или другое?

Первая ночь, которую отряд провел в деревне, выдалась, мягко говоря, неудобной. Женестьева была не в восторге от того, что они мозолят глаза местным сплетникам, однако

они слишком спешно покинули столицу, чтобы как следует подготовиться к дальнему пути. Ночевали они в трактире, нервы у всех были на пределе, а король, прячась от посторонних взглядов, все время прикрывал лицо капюшоном. Дункан спал на дощатом полу рядом с койкой Мэрика и дрожал, проклиная на все лады ферелденский промозглый холод.

После этого они обошли стороной большинство селений, рассыпанных вдоль тракта, и, огибая по краю Баннорн, продолжали двигаться на запад. Один только раз король настоял, чтобы они остановились у некоего хутора, расположенного на отшибе. С точки зрения Дункана, хуторок был ничем не примечателен — жилой дом, сложенный из старого, изрядно растрескавшегося гранулита, да огороженные пастбища с козами и овцами.

Кто жил на этом хуторе, так и осталось загадкой для Серых Стражей, король общался с хозяевами один. Фиона из-за этой краткой задержки негодовала даже больше, чем Женестьева.

После этого командор подгоняла их вдвое усерднее, объявляя привал, лишь когда уже стемнеет настолько, что невозможно ехать верхом, и безжалостно поднимая всех, едва краешек солнца покажется над горизонтом. Дункан (по большей части только он) не отказывал себе в удовольствии вдоволь понюхать и посетовать на такую жестокость; правда, его никто не слушал. В отряде царили усталость и нервное напряжение. С каждым минувшим днем Женестьева становилась все более взвинченной. Когда впереди наконец показался берег озера Каленхад, все вздохнули с облегчением.

И вот теперь Мэрик сидел в уютной лодчонке рядом с Дунканом, глядя вдаль из-под полуопущенных век, а промозглый ветер так и хлестал в лицо, ероша и раздувая светлые волосы. Королю, похоже, это нравится, и даже после того, как он отдал меховой плащ молодому Стражу, холод его ничуть не беспокоит.

Король явно заметил, что за ним наблюдают, и в свою очередь смерил Дункана пристальным взглядом. Юноше, наверно, следовало смутиться, но он и не подумал. Все-таки этот парень очень странный для короля. Разве слышал кто-нибудь, чтобы правитель покинул дворец, ринулся очертя голову навстречу вполне вероятной опасности, даже не потрудившись оставить прощальной записки? Они выскользнули из Денерима тайно, крадучись, точно воры, и даже тейрн Логэйн не явился, чтобы напоследок посверлить их как следует мрачным взглядом. Вполне вероятно, что об отъезде короля никто и не знал. И как же после этого на него не глазеть?

— Тебя что-то интересует? — слегка озадаченно спросил Мэрик. Вместе со словами из его рта вырвалось облачко невесомого пара.

— Это сильверит? — спросил Дункан, тыча пальцем в короля.

Такой великолепной брони ему видеть еще не доводилось. Доспех, судя по виду, был и легкий, и удобный, и скудный солнечный свет, отражаясь в нем, сверкал так ослепительно, что не заметить это было невозможно. У Дункана голова шла кругом при мысли о том, сколько такая вещь может стоить на черном рынке.

— Да. Правда, я не надевал этот доспех с самого окончания войны. Даже удивительно, что он до сих пор мне впору. Тебе раньше доводилось видеть сильверит?

Дункан вытащил один из своих кинжалов и показал его королю. Брови короля изумленно взлетели вверх. Кинжал был сделан из того же материала.

— У меня их два, — уточнил Дункан.

— Да ты просто полон сюрпризов. Стоит ли мне спрашивать, откуда у тебя взялись эти кинжалы?

— Спрашивайте, коли охота, да только я не отвечу.

Король усмехнулся:

— Разве ты не обязан исполнять все мои желания? Помнится, командор говорила об этом.

— Ладно. Я купил их на кучу денег, которую оставили мне в наследство папочка и мамочка. Они были принц и принцесса, правили когда-то в Антиве, а потом их несправедливо свергли. Когда-нибудь я вернусь туда и объявлю о своих правах на трон.

Король Мэрик задорно рассмеялся, и на миг Дункану подумалось, что его венценосный

спутник, в сущности, не такой уж плохой парень. Затем по лодке хлестнул очередной порыв ледяного ветра, и юноша громко застучал зубами, а с лица короля словно стерли всякое подобие веселья. Странная тень промелькнула в его глазах, и он, отвернувшись, снова устремил сумрачный взгляд вдаль.

— Не советую, — пробормотал он.

Все труднее было представить, что Мэрик Спаситель — человек, который, как было известно всем, в одиночку вырвал свое королевство из жадных орлезианских лап, а потом возродил его и превратил в силу, с которой нельзя было не считаться, — и есть тот невеселый человек, что сидит сейчас в лодке напротив Дункана. Может, зря он упомянул о троне? Может, сидеть на троне — не такое уж и счастье?

— Да все равно, говорят, мне там ничего не светит, — виновато улыбнулся Дункан. — И к тому же Антива — отвратительное местечко. Там полным-полно наемных убийц и... и антиванцев. Так что я, пожалуй, лучше воздержусь.

Лодочник, который, пыхтя и отдуваясь, размеренно работал веслами, мельком оглянулся на них, но своего мнения об этом разговоре высказывать не стал. Если честно, Дункан вообще не был уверен, знает ли этот человек, что везет через озеро короля Ферелдена.

Несколько минут Мэрик молчал и лишь неподвижно смотрел на озеро. Дункан уже подумал, что так и будет до конца пути молча трястись от холода, кутаясь в меховой плащ, но как раз тогда король вдруг повернулся к нему и спросил:

— Что, собственно, такое порождения тьмы?

— А ты разве не знаешь?

— Я их видел, — признал Мэрик, — и мне еще тогда немного рассказали о них, но ты же Серый Страж. Ваш орден уже много веков борется с этими тварями. Наверняка вам известно о них больше, чем кому-либо другому.

Дункан коротко хохотнул:

— Они — чудовища.

— И?..

— Что “и”? Я, может, только полгода как Серый Страж.

— Вот, значит, как? Они чудовища — и это все, что тебе известно?

Дункан потер ладонью лоб, размышляя, вернее пытаясь размышлять. На таком холоде это было нелегко. В Вал Руайо тоже, бывало, шел снег, но тогда все сидели по домам, и жизнь в торговом квартале замирала. Карманнику в такие дни приходилось туго.

— Так... давай-ка поглядим, что я знаю. Насчет магистров, я думаю, тебе известно?

— Известно то, что говорится про них в Песни Света. Она гласит, что маги Тевинтера набрались наглости, что бы захватить трон Создателя, но только осквернили небеса грехом.

— Точно, — кивнул Дункан, — и сами тоже были осквернены. Стали первыми порождениями тьмы. И чем тебя не устраивает эта история? Ее для тебя недостаточно?

Король с любопытством поглядел на него:

— Тебе не кажется, что она... как бы это выразиться... слишком удобна?

— Смотри, чтобы тебя не услышали преподобные матери! — засмеялся Дункан.

— Но ведь наверняка же за этим рассказом кроется еще многое?

Дункан беспомощно развел руками:

— Ты выбрал для разговора неподходящего Серого Стража. Я знаю только, что порождения тьмы все время ищут Древних Богов.

— И это все? Ничего больше? Должно быть, на вечеринках с ними скука смертная.

— Ну да, это все. Если быть точным, они вообще не думают.

Король Мэрик одарил Дункана многозначительным взглядом:

— Однако берут пленных.

— Дункан пожал плечами, избегая его взгляда:

— Похоже на то.

Следующий час они сидели молча, и Дункан смотрел, как постепенно вырастает впереди силуэт Твердыни Кинлоха. Казалось, стройная, увенчанная шпилем башня

поднимается прямо из середины озера, и юноша лениво гадал, как же маги исхитрились построить ее в таком месте. Может, они вырастили башню прямо из каменистого дна? Выглядела она нарядно, по крайней мере издали. Вблизи же видно было, что стены покрыты темными пятнами и исхлестаны непогодой, а более широкий ярус в основании, покоившемся на каменистом острове, почти целиком укрыл снег.

Лодка проплыла прямо под остатками великанского моста, что некогда тянулся от берега к самой башне. Теперь от него осталась лишь одна из многих ветхая арка. То, что строение, пусть и полуразрушенное, простояло столько лет, наверное, делало честь мастерству его неведомых строителей. Дункан мог только гадать, почему они не починили мост. Может, забыли, как это делается? И о том, чего ради возвели посередине озера гигантскую башню, тоже забыли. Эта мысль весьма позабавила Дункана.

— Ты бывал здесь раньше? — спросил он короля.

— Один раз — во время войны. Другой — когда хоронили предыдущего Первого Чародея, правда, внутрь мы не заходили. Обычно Церковь против того, чтобы я здесь бывал. На всякий случай.

— То есть?

— На случай того, если среди магов обнаружатся те, кто выучил пару-тройку запретных заклинаний. Куда это годилось бы, если бы король Ферелдена стал марионеткой, подвластной чужой воле?

Глаза Дункана чуть заметно округлились.

— Неужели маги способны такое проделать?

— Думаю, куда важнее, что Церковь считает их на это способными.

Дункану уже доводилось слышать о магии крови. Именно с ее помощью древние маги покорили весь Тедас, проливая кровь бесчисленных жертв, дабы напитать свою магическую силу и открыть путь на небеса. Именно по их вине, согласно учению Церкви, начались Моры.

С этим обвинением Андрасте низвергла магистров, объявив, что магия должна служить человеку, а не править им. Этот вдохновляющий клич был подхвачен всем Тедасом. Именно благодаря ему и возникли башни, подобные той, к которой плыли сейчас Дункан и Мэрик. В таких башнях магов можно было обучать, а самое главное — неусыпно следить за ними. Если благодаря магии крови и впрямь возможно подчинять чужой разум, может быть, церковники не так уж и не правы в своей подозрительности.

— Я однажды был в Башне Круга, — сообщил Дункан. — Она стоит в окрестностях Монсиммара, но на эту она совсем не похожа, скорее на крепость. Это оттуда призвали в орден Фиону.

Король как-то странно взглянул на него:

— Фиону? Это та самая эльфийка из нашего отряда?

— Ага.

Дункан снова устремил взгляд на башню: она стала уже огромной и заслоняла почти все небо. Лодка вошла в ее тень, и юноша уже мог разглядеть грот, к которому они направлялись, лавируя между острыми скалами. Вероятно, там находится вход, а также что-то вроде причала. Если нет — ни налетят на камни и пойдут на дно. Все просто, проще не бывает.

— Мне их подарили, — сказал наконец Дункан, нарушая молчание.

Король, похоже, искренне удивился:

— Подарили?

— Я про кинжалы. Мне их дала Женестьева.

— Щедрый подарок.

— Возможно. Это было извинение. По крайней мере, мне так думается.

Вот теперь в глазах короля загорелся неподдельный интерес.

— Извинение? Ваш командор, сдается мне, не из тех людей, кто склонен к извинениям.

— Так оно и есть, — бесцветным голосом подтвердил Дункан.

Взгляд его не отрывался от воды, плескавшейся у борта, и Мэрик не стал продолжать расспросы. Лодка медленно проплыла мимо торчавшего из воды утеса. Вокруг него колыхались и липли к камням склизкие водоросли. Грязная чайка, восседавшая на вершине, наклонила головку и заинтересованно уставилась на Дункана. Тот не обратил на птицу ни малейшего внимания и снова съежился, плотнее запахнув меховой плащ, — порыв ледяного ветра, просвистевший над озером, тысячью промозглых иголочек вонзился в его лицо.

— Зря мы взяли его с собой, — сказала Фиона, обращаясь к Женевьеве.

Они дожидались прибытия лодки в пещере под башней, где располагалась пристань. Стены пещеры, смыкавшиеся высоко над головой, лоснились от влаги, и их омывало теплое оранжевое сияние волшебных фонарей. В Орлее такими фонарями освещались целые улицы — улицы самых богатых в империи кварталов. Там Круг магов получал щедрую плату за то, чтобы поддерживать это освещение, и раз в месяц ранним утром стайка молодых учеников под бдительным присмотром храмовников совершала обход. Ученики проверяли каждый фонарь — не истощился ли магический заряд в особым образом зачарованном кусочке мела. Процесс был довольно трудоемкий, и цвет орлесианского общества чрезвычайно гордился тем, что может себе позволить такое дорогостоящее чудачество.

Впрочем, то, что в стенах магической башни имелись такие фонари, вряд ли говорило о сказочном богатстве ее обитателей. Здесь подобное освещение было попросту удобно. Фиона подозревала, что в Ферелдене, в отличие от Орлея, башня Круга — единственное место, где она может увидеть этот магический свет. Сама мысль о том, что практичные местные жители, даже если у них водятся лишние деньжата, станут тратить их на подобную роскошь, казалась смехотворной.

Женевьева, как и ожидалось, пропустила реплику Фионы мимо ушей. Скрестив руки на груди, она не сводила глаз со входа в пещеру. Она ожидала прибытия короля с той же непоколебимой сосредоточенностью, с которой делала почти все. С тех пор как они покинули Денерим, Фиона уже трижды высказывала свои возражения против присутствия короля в их отряде, и всякий раз командор Серых Стражей высушивала ее с полнейшим безразличием. Без сомнения, ей были прекрасно известны все причины, по которым участие в их походе венценосной особы было по меньшей мере неразумно, и тем не менее она упорно двигалась к своей цели.

Насупившись, Фиона отвернулась от командора, чтобы не сказать этой женщине что-нибудь такое, о чем потом пожалеет. Раньше ей случалось необдуманно ляпнуть то, что вертится на языке. Лучше позаботиться о том, чтобы это не повторилось.

Пристань башни Круга представляла собой внушительную каменную плиту, вдоль края которой на равном расстоянии друг от друга торчали из воды деревянные причальные столбы. Странно, что их так много — хватило бы и одного.

Немногочисленные и угрюмые посетители трактира на берегу озера почти не обратили внимания на Серых Стражей — явно привыкли, что здесь часто появляются чужаки. Но, как выяснилось, лишь одна лодка могла доставить гостей в башню. Переправляться через стылое озеро пришлось по двое зараз. Что было бы, если бы возникла неотложная нужда доставить в башню либо вывезти из нее большое количество людей, Фиона даже представить не могла.

А может быть, обитателей башни это вполне устраивает? Там, где обучалась Фиона, магов укрывали от подозрительного внешнего мира высокие каменные стены. Можно не сомневаться, что обширное озеро выполняет эту задачу ничуть не хуже.

На пристани тут и там в беспорядке валялись старые ящики, тачки и прочие разнообразные орудия. Неужели и все необходимые припасы доставляются сюда все той же единственной лодкой? Фионе представлялось, что суда могли бы приходиться сюда из Редклифа, расположенного южнее, но им пришлось бы плыть довольно долго. Здешнему лодочнику, должно быть, бездельничать не приходится. За дощатыми, изрядно блеклыми и покоробленными воротами виднелся большой закрытый подъемник, и вверх, в темноту, уходила винтовая лестница с широкими ступенями.

Даже озаренная волшебным светом, пристань выглядела уныло и негостеприимно. Отрывистая дробь капель, ударявшихся о поверхность озера, звучала непрерывно и размеренно до безумия. Обломки плавника и прочего мусора колыхались в воде и, скапливаясь вдоль края причала, терлись о камень с едва слышным шуршанием. В пещере стоял густой, всепроникающий запах сырости и прогорклого масла.

Став Серым Стражем, Фиона поклялась, что ноги ее больше не будет ни в каком Круге, — и вот пожалуйста. Об этом она тоже говорила Женеьеве — и точно так же ничего не услышала в ответ. Главное — их миссия. Главное — выиграть время. Командор повторяла эти слова так часто, что, с тем же успехом могла бы вырезать их на собственной груди.

От того, что она вполне способна так поступить, Фиону бросало в дрожь.

За всю свою жизнь эльфийка сталкивалась с порождениями тьмы только единожды — как раз перед тем, как ее посвятили в Стражи. И не настолько долго пробыла в ордене, чтобы это событие повторилось, а потому считала, что ей чрезвычайно повезло. Те немногие рассказы, которые она слышала об этих тварях, утверждали одно и то же: орден Серых Стражей много-много веков назад нанес порождениям тьмы окончательное поражение и больше они никогда не поднимут головы. Теперь же ей говорили совсем другое. Серые Стражи внушили ей, что несметная армия порождений тьмы только и ждет случая снова вырваться из-под земли и, словно саранча, заполнить мир. Если это и вправду так, то их непременно надо остановить, и это не подлежит сомнению.

Но почему для того, чтобы сделать это, им понадобился людской король?

Фиона отошла от Женеьевы, застывшей на краю пристани и сердито зашагала к Келлю, который расслабленно привалился к дальней стене, скрестив руки на груди и низко опустив голову. Капюшон его был натянут на лицо, и вполне вероятно, что охотник просто спал. Фионе и прежде доводилось видеть, как Келль спал стоя. Даже во время отдыха во всей его позе таилось напряжение.

У ног следопыта свернулся клубком серый волкодав. Кромсай, по крайней мере не скрываясь, похрапывал, и его задние лапы едва заметно подергивались во сне. Всякий раз, когда Фиона видела этого пса, она дивилась тому, какой он громадный. Прежде она ни за что бы не подумала, что собака может представлять опасность для вооруженного воина, но, когда впервые увидела, как Кромсай, оскалив клыки, стремительно несется на врага, тут же изменила мнение.

Там, где росла Фиона, собак держать не позволяли. Одно время она водилась с тощей уличной кошкой и тайком приносила ей остатки ужина. Кошка всегда знала, что Фиона непременно появится, и всякую ночь, когда не было дождя, сидела на привычном месте, в лунном свете дожидаясь девочку. При виде Фионы она сразу оживлялась, а когда та подходила ближе, исступленно вилась у нее под ногами. Для эльфийки эта кошка была тайным сокровищем в отвратительном и уродливом мире.

А потом однажды ночью ее не оказалось на месте. Отчего-то Фиона знала, что кошка больше не придет, и все равно каждую ночь в бесплодной надежде приходила ее дожидаться. В последнюю такую ночь она даже не стала ужинать и припрятала несколько ломтиков жирной свинины в надежде, что щедрое подношение соблазнит кошку вернуться.

Убедившись, что снаружи только темнота и ни одной живой души, Фиона горько разрыдалась и стала молиться Создателю. Быть может, Он в Своей безграничной мудрости не сочтет за труд позаботиться об одинокой уличной кошечке, где бы она сейчас ни была? Жаркий шепот Фионы привлек внимание расположившегося неподалеку бродяги, эльфа, который лишился руки, а потому не способен был даже к черной работе — единственной, которая была доступна сородичам Фионы. Вне сомнения, он почуял запах свинины, которую девочка прихватила из дому, а потому сбил ее с ног и, выхватив мясо, убежал.

Кошку она так никогда больше и не видела. В детские годы она старалась спрятаться от горькой правды, предпочитая думать, что животное каким-то образом сумело преодолеть высокие стены, окружавшие элфинаж. Наверняка кошка отважно пробралась в ту часть города, где жили люди, где полно было вкусной еды и упитанных мышей. Там она могла

жить по-королевски, лакомясь обедками, которые так щедро выбрасывали неразумные люди, — обедками, при виде которых всякий эльф от зависти истек бы слюной. Теперь, повзрослев, Фиона понимала, что бедняжку, скорее всего, поймал в силки тот самый бродяга. Большинство эльфов, которых она знала, были слишком горды, чтобы употреблять в пищу кошек, собак или крыс, однако были и другие. Девушку до сих пор изумляло, как сумел отец так долго оберегать ее от такого безысходного существования. После его смерти все изменилось.

Опустившись на колени, Фиона медленно провела ладонью по жесткой шерсти Кромсая. Задние лапы пса стали подергиваться медленнее, и он, не просыпаясь, тихонько заскулил. Когда пальцы эльфийки добрались до основания уха, волкодав от удовольствия запрокинул голову. Девушка усмехнулась.

— Ты его избалуешь, — прозвучал негромкий голос Келля.

Фиона подняла взгляд на охотника. Он до сих пор так и не шелохнулся, но теперь в упор смотрел на нее, и в его светлых глазах горел сумрачно-насмешливый огонек. Следопыт, как она уже успела убедиться, был немногословен, однако неизменно ухитрялся донести до собеседника свою точку зрения.

— Кромсай заслужил, чтобы его немножко побаловали — тихонько засмеялась она. — Он сражается бок о бок с нами. Когда-нибудь он вволю плотнет крови порождений тьмы, и тогда его жизнь оборвется.

Говоря это, она продолжала почесывать пса, и тот лениво перекатился на спину. Задрав вверх могучие лапы, он издал умильный сонный стон. Фиона принялась чесать его брюхо.

— Кромсай такой же Серый Страж, как и все мы.

Эти слова поразили Фиону.

— Ты хочешь сказать, что он...

Келль кивнул:

— Я не думаю, что его убьет оскверненная кровь.

Носком кожаного сапога он ласково потыкал пса между ребер. Кромсай открыл глаза и, повернув голову, с обожанием уставился на хозяина. Странно было, что такой могучий зверь породы, столь недвусмысленно созданной для боя, способен бросать на кого-то такие нежные взгляды.

— Как и всех нас. Участь всех Серых Стражей — погибнуть в битве с порождениями тьмы, не так ли?

— Не всех, — пробормотал Келль, кивком указав где белела непокрытая голова Женеьевы. — Мора не случилось уже несколько столетий. Многие из нас живут так долго, что успевают состариться, как бы ни противились этой участи.

— И что бывает тогда? Мы внемлем Призыву?

Келль глянул на нее, изогнув бровь:

— А ты бы не вяла?

Фиона не знала, что на это ответить. Она совсем недавно стала Серым Стражем, и то, что ей доведется, быть может, прожить так долго, что скверна в крови вынудит ее делать подобный выбор, сейчас казалось невероятным. И все же если это произойдет, если устойчивость к скверне когда-нибудь ослабнет... При одной мысли об этом Фиону бросало в дрожь. Она видела, что происходит с теми, кто заразился скверной порождений тьмы. И внутренне содрогалась, сознавая, что эта же мерзость течет вместе с кровью по ее жилам.

И все же пенять на это у нее не хватало духу. Она рада была, что стала Серым Стражем. Рада куда больше, чем многие другие.

Фиона похлопала Кромсая по брюху, давая понять, что ласки закончились. Пес удовлетворенно вздохнул и перекатился на живот. И большими карими глазами уставился на Келля, безмолвно выклянчивая подачку. В ответ охотник сунул руку в кошель на поясе и извлек полоску вяленого мяса. Громадный зверь немедля вскочил, при этом он едва не сбил с ног Фиону.

— Прошу прощения, — извинился Келль и бросил мясо псу.

Тот на лету цапнул лакомство, не дав ему даже коснуться пола. Можно было не сомневаться, что Кромсай способен сожрать этот ломтик в считанные секунды, однако, повинаясь велению собачьей гордости, он потрусил прочь, дабы насладиться трапезой вдали от посторонних взглядов.

Фиона улыбнулась и стряхнула с ладоней пыль и комочки грязи. Она сомневалась, стоит ли заводить разговор с Келлем, но все же повернулась к охотнику — тот выжидающе смотрел на девушку.

— Что ты думаешь о том, что с нами идет король? — спросила Фиона.

— Думаю, что тебе следует говорить об этом не со мной, а с Женеьевой.

— Тебе не кажется, что, если с королем Ферелдена под нашей опекой что-нибудь случится, несладко придется всем Серым Стражам?

— Ты уверена, что тебя не устраивает именно это?

Фиона насупилась. Келль глядел без тени насмешки, и наконец она вздохнула и, обернувшись, глянула в сторону командора:

— Даже если бы и так, ей на это было бы глубоко наплевать.

Горечь, прозвучавшая в голосе Фионы, была куда слабее горечи, разъедавшей ее душу.

Если Женеьева и расслышала ее слова, то не подала виду. Она так и стояла, упорно и целеустремленно глядя на вход в пещеру. Впрочем, не услышать Фиону ей было бы нелегко. Вопреки доводам рассудка эльфийке отчаянно хотелось хоть разок пробить стену железного спокойствия этой женщины. Затаенное бешенство, которое она видела в глубине этих глаз, приводило ее в ужас, но уж лучше бы выдержать приступ этого бешенства, чем ожидать, когда оно вырвется наружу. Когда-нибудь командор не выдержит и весь гнев, который она накопила под маской холодной уверенности, ударит раскаленным фонтаном... и уж тогда поплачутся они все.

— Она всех нас погубит, — проговорила Фиона вслух, вполголоса, но достаточно громко, чтобы Женеьева сумела ее расслышать. — И короля тоже. Вот погоди — сам увидишь.

Говоря это, она не сводила пристального взгляда с командора, но та даже бровью не повела.

Ухмылка Келля яснее слов сказала Фионе, что он думает о ее храбрых речах, однако высказывать свое мнение вслух он не стал. Вернулся Кромсай, принохиваясь в надежде на чудесное явление еще одного ломтика мяса — и тогда Келль кивком указал Фионе на вход в пещеру. Эльфийка сама уже расслышала мерные всплески весел, которые становились все громче. Похоже, его величество наконец-то изволили прибыть.

— Какое счастье! — почти беззвучно процедила она.

Женеьева ожила и, обернувшись, одарила их стальным взглядом:

— Келль, сообщи Первому Чародею, что мы скоро будем. Я не намерена задерживаться здесь дольше, чем это будет необходимо.

Охотник бесшумно исчез в проеме винтовой лестницы, волкодав, мягко ступая, двинулся за ним. Взгляды Женеьевы и Фионы скрестились — всего лишь на долю секунды, но и этого эльфийке хватило с лихвой, чтобы содрогнуться от ужаса при виде того, что она прочла в глазах командора. Неужели она только что сравнивала эту женщину с вулканом? Нет, скорее уж айсберг, окутанный стылмым туманом, неотвратно скользящий по водной глади в поисках беззащитного судна, которое он сокрушит своим гигантским весом.

Лодка медленно вплыла в поле зрения, на миг почти заслонив собой вход в пещеру. Лодочник проворно молотил веслами по темной воде. Бедолага Дункан скорчился на скамье, кутаясь в меховой плащ, а Мэрик сидел, явно не замечая холода. Фиона постаралась изобразить полное безразличие. Отец вечно корил ее за то, что по ее лицу всякий может прочесть чувства, точно в открытой книге. Обычно эльфийка считала, что это скорее достоинство, но сейчас, пожалуй, не помешало бы взять пример с невозмутимости с Келля, поскольку король, буде ему пожелается, способен превратить их жизнь в вечный кошмар.

Пара секунд — и суденышко ударилось о край пристани. Лодочник привязал его к

шесту. Дункан сбросил меховой плащ и тотчас вернул его королю, который с неподдельным восхищением оглядывал пещеру.

— Когда я был здесь в прошлый раз, тоже стояла зима, — заметил он. — Правда, мне кажется, что с тех пор пещера стала просторнее. Маги ведь могли расширить ее... Наверное, могли.

Женевьева пропустила его вопрос мимо ушей.

— Мэрик, нам надо идти. У меня нет никакого желания оставаться здесь на ночь, если этого можно избежать.

— Мы что, сразу поплывем назад? — горестно возопил Дункан. — Тогда почему было не оставить меня в трактире?

Женевьева в упор глянула на него:

— И чем бы ты там занимался? Кур охранял?

Он не стал спорить, только съезжился с таким несчастным видом, что Фиона едва сдержала смех. Дункан был лишь на пару лет ее моложе, но порой казалось, что он совсем еще мальчишка. Эльфийка знала, что на самом деле это совсем не так. Там, где вырос Дункан, дети поневоле взрослели очень быстро. Каковы бы ни были недостатки этого юноши, наивность в их число не входила.

— Может, было бы милосерднее усыпить его на время обратного пути? — с лукавой усмешкой предложил Мэрик.

— Ничего, переживет.

С этими словами Женевьева развернулась и зашагала к лестнице, даже не потрудившись убедиться, что все остальные идут следом. Дункан побрел за командором, и, только когда они оба исчезли из виду, Фиона запоздало сообразила, что король так и не тронулся с места. Они остались наедине.

Непохоже было, что Мэрик собирается куда-то идти. Он так и стоял на краю пристани, глядя на Фиону, и она никак не могла понять, что выражает этот взгляд. Задумчивость? Злость? Эльфийка вынуждена была признать, что этот человек — чего никак нельзя было ожидать от короля — обладал определенным обаянием. Впрочем, она не сомневалась, что и это впечатление обманчиво. Фиона давным-давно научилась не судить таких людей только по внешности.

Равнодушно пожав плечами, она повернулась, чтобы уйти. Король, если ему угодно, может торчать здесь, пока не посинеет от холода, — ее это не волнует. Она уж точно не испытывает ни малейшего желания его дожидаться.

— погоди! — вдруг окликнул он. — Тебя ведь зовут Фиона, верно?

Девушка остановилась, и сердце ее ухнуло в пятки. Мысленно она проклинала свою чрезмерно выразительную физиономию: “Ну конечно, ты просто не в состоянии похлопать ресницами и мило заулыбаться, точно какая-нибудь смазливая шлюшка! Этому ведь так трудно научиться, да?” Сделав судорожный вдох, она медленно повернулась.

— Чем могу служить? — осведомилась она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно бодрее.

— Служить? — Ее вопрос явно привел короля в замешательство. — По правде говоря, я надеялся, что мы сможем поговорить. Насколько я понял, мое присутствие в отряде тебе не по душе.

— Столь важной особе нет нужды обременять себя заботами о том, что мне по душе, а что нет.

— Зря стараешься. — Мэрик назидательно погрозил пальцем и направился к Фионе. Она не дрогнула, твердо решив, что отступать не станет. Будь она проклята, если отступит перед кем бы то ни было, будь он даже венценосный болван! — Ты можешь думать, что я глухой, однако я прекрасно слышал, как ты не единожды выражала командору свое возмущение.

— И что с того? Неужели это так глупо — считать, что королю Ферелдена не место на Глубинных тропах?

— Нет, не глупо — если дело только в этом.

Фиона презрительно фыркнула. Она знала, что воспитанным дамам не полагается издавать такие звуки, однако терпение стремительно истощалось. Чародейка, когда-то обучавшая эльфийку, утонченная особа с молочно-белой кожей и безупречными манерами, тяжело вздыхала всякий раз, когда Фионе вздумывалось хотя бы дернуть бровью. Это лишь толкало девушку проделывать такое почаще, усугубляя муки своей наставницы.

Лодочник, о котором все забыли, сидел неподалеку и изо всех сил старался остаться незамеченным. Он выудил из недр куртки кусок коврижки и принялся украдкой грызть его, косясь на Мэрика и Фиону — так, словно надеялся, что они уберутся отсюда и дадут ему спокойно перекусить. А может, он наслаждался дармовым спектаклем — этого Фиона определить не могла.

— Прошу прощения, милорд, что задела твои чувства, — процедила она сквозь зубы, натужно улыбаясь. — Больше этого не повторится.

Король с упрямым видом скрестил руки на груди:

— Мои чувства нисколько не задеты. Тем не менее, если хочешь мне что-то высказать — валяй.

Фиона с затаенной тоской покосилась в сторону лестницы. Можно было бы просто повернуться и уйти, но тогда Мэрик решит, что она позорно бежала. Еще один соблазнительный выход — попросту послать его величество подальше.

Однако Женестьева со всей строгостью потребовала, чтобы королю не досаждали, и Фиона, вспомнив об этом, замялась. Как правило, она терпеть не могла, когда ей указывали, что можно говорить, а что нельзя, однако она собственными газами видела, куда попытка непослушания завела Дункана. Женестьева была одной из тех немногих, кого Фиона искренне уважала.

— Послушай, — решительно начала она, — это же нелепо. Ну какое тебе дело до того, что я думаю? Либо, если уж на то пошло, до того, что думают другие?

— Ты уходишь от ответа. Это командор приказала тебе так поступать?

“Надо же, какой проницательный!” Фиона, впрочем, не собиралась поддаваться.

— Ты и во дворце у себя так поступаешь? Прибегаешь ко всем слугам и садовникам и интересуешься, по душе ты им или нет? Вот, должно быть, хлопотная у тебя жизнь.

— Думаю, если бы кто-то из моих слуг одарил меня такими убийственными взглядами, я бы по меньшей мере остановился и спросил почему. — Мэрик сделал паузу, и на лице его вновь появилась сумрачная усмешка. — Или ты полагаешь, что меня такое не должно волновать? Что это, может быть, не по-королевски?

— Я пока что не наблюдаю за тобой ничего такого, что хоть отдаленно может зваться королевским.

— Ого! — Король, похоже, был неумеренно доволен тем, что сумел хоть что-то из нее вытянуть. Фиона попыталась обуздать разгоравшуюся злость, однако почти не преуспела в этом. Впрочем, ей это никогда толком не удавалось. — Так это и есть камень преткновения? Ты считаешь, что я веду себя недостаточно по-королевски?

Фиона выразительно закатила глаза.

— Вот уж это пусть заботит твоих подданных! — едко отпарировала она. — Я к ним, по счастью, не принадлежу. И тем не менее мне их жаль. Как, должно быть, здорово иметь короля, который с такой готовностью бросает все, чтобы поиграть в героические подвиги!

Мэрик ответил не сразу.

— По-твоему, я их бросил? Я пошел с вами, чтобы помочь Серым Стражам защитить их от опасности.

— Ну да, конечно! — скептически хмыкнула Фиона. — Но в любом случае это, само собой, не мое дело — так? Мое дело — убивать порождений тьмы. — Она махнула рукой в сторону лестницы. — И нам следует вернуться к делам, верно?

— Там, наверху, нет порождений тьмы.

— Здесь, внизу, их тоже нет. Есть только человек с непомерно развитым самомнением,

который считает, что все должны его любить.

— Я от тебя никогда ничего такого не требовал.

— Ну так пусть тебя не волнует, что ты этого не получаешь.

С этими словами Фиона повернулась к Мэрику спиной и решительно двинулась к лестнице. Она представляла себе, как он по-прежнему стоит на краю пристани, в смятении глядя ей вслед, и как лодочник неловко ерзает в своей лодке. Пусть король сам решает, жаловаться ли Женеьеве на то, что она, Фиона, так ему досадила. Если бы кто-нибудь спросил о ее мнении на сей счет, она ответила бы, что этому человеку небольшая встряска пойдет только на пользу.

Мэрик не пошел за ней следом, во всяком случае не сразу. Фиону это несказанно обрадовало.

Дункан изо всех сил старался не зевнуть.

Именно об этом предостерегал его Жюльен, покуда маги вели короля и Серых Стражей в огромный зал собраний, который располагался на самой вершине башни. На таких официальных встречах, шептал он, наихудший проступок, какой только можно вообразить, — зевать. Вначале Дункан считал, что в таком предостережении не нуждается. На самом деле ему нужно было заботиться только об одном — слишком откровенно не глазеть по сторонам.

В самом центре сводчатого потолка было огромное окно, пропускавшее солнечный свет. За мраморными колоннами располагались ряды скамей, где можно было разместить больше сотни человек, и на всех этих скамьях тесно сидели облаченные в мантии маги, от совсем юных учеников до пожилых чародеев. На высокой галерее в конце зала расположились храмовники и служители Церкви, и все они смотрели с одинаковым суровым неодобрением. Дункану подумалось, что для них это самое подходящее занятие — взирать на происходящее сверху вниз.

Посреди зала, в потоке солнечного света, который лился из окна, стояли Первый Чародей и явно изнывавшая от нетерпения Женеьева. Маги, собравшиеся в зале, вытягивали шеи, неприкрыто глаза на них, и гул голосов, который перебегал от скамьи к скамье, становился все громче. Дункан даже не мог бы сказать, что вызывало у магов большее изумление — присутствие в башне короля или командора с отрядом. В конце концов, Серые Стражи были здесь наиболее редкостным зрелищем. В других местах их встречали совсем иначе.

Впрочем, церемония, которая последовала за этим, затянулась так надолго, что благоговейное восхищение Дункана плавно перешло в ужасную скуку. Первый Чародей настоял на том, чтобы разразиться длинной речью, в которой по большей части расточались восхваления Серым Стражам и неумеренные комплименты королю. Юноша поневоле задумался, стоило ли допускать такое — в конце концов, Мэрик вроде как путешествует с ними тайно, — однако ни сам монарх, ни Женеьева как будто не возражали.

Первый Чародей по очереди вызывал к себе Серых Стражей и каждому вручал черную брошь, изготовленную специально для этого случая. Дункан хорошенько рассмотрел украшение и нашел его совершенно непримечательным: гладко обточенный оникс, даже без красивой оправы и каких-либо знаков.

Впрочем, если учесть, что броши должны помешать порождениям тьмы учуять Серых Стражей, эти штучки чрезвычайно полезны. Теперь ясно, почему Женеьева согласилась задержать выход на Глубинные тропы и дала добро на всю эту церемонию. Хотя — Дункан это хорошо видел — даже она понемногу начинала терять терпение.

Королю вручили кожаный кошель, набитый снадобьями в крохотных стеклянных сосудах. Как сказал Первый Чародей, это весьма редкая смесь различных трав, которая даст Мэрику силы сопротивляться заразе, разносимой порождениями тьмы. В конце концов, он единственный в отряде, кто не обладает устойчивостью к скверне. Каждое утро король должен принимать содержимое одного сосуда; Дункан прикинул, что этого запаса Мэрику

хватит на две недели.

Какой, однако, оптимист этот Первый Чародей.

Многословное жужжание продолжалось, но Дункан к нему уже почти не прислушивался. Все равно к этому времени речь в основном велась уже не о Серых Стражах, и Женестьева явно изнывала, дожидаясь лишь повода, чтобы распрощаться и удалиться, но, конечно, Первый Чародей Ремийе отнюдь не был склонен давать ей такой повод.

А потому Дункан стал глазеть по сторонам, рассматривая магов. Одно лицо особенно привлекло его внимание. Это была юная, довольно хорошенькая ученица с растрепанными каштановыми волосами и кроткими внимательными глазами. Она тоже смотрела на Дункана. Вначале он отвел глаза, но взгляд его помимо воли снова и снова возвращался к этой девушке. Нет, она совершенно точно смотрит на него, и именно на него.

Девушка чуть заметно помахала ему и просияла улыбкой. Дункан без особой охоты помахал в ответ, стараясь не улыбаться чересчур многообещающе. И снова стал озираться по сторонам. Может, поблизости сыщется какой-нибудь выход? Долго он этой тягомотины не выдержит.

Оказалось, что ему несказанно повезло. Шагах в десяти от того места, где он стоял, располагалась небольшая дверца. Охраняли ее два суровых храмовника, которые, впрочем, были больше увлечены речью Первого Чародея, нежели исполнением своих обязанностей. Дункану это, честно говоря, было совершенно непонятно, ну да каждому свое.

Никем не замеченный, он проскользнул в дверцу — и был таков.

Довольно ухмыляясь, Дункан бесшумно пробирался сумрачными недрами башни. У магов, по его наблюдениям, был свой пунктик: они предпочитали, чтобы в коридорах царил приятный полумрак. То ли недостаток освещения придавал аскетичности их занятиям, то ли у них не было возможности наделать вдоволь тех диковинных фонарей, которые они расставили вокруг башни. В любом случае пробираться крадучись в этом полумраке было легко.

Те храмовники, которые не присутствовали на галерее в зале собраний, тоже, судя по всему, были не слишком-то склонны высматривать непрошенных гостей, таких как Дункан. Им гораздо интереснее было запугивать проходящих мимо молодых магов. Дункан сам видел, как двое таких ребят — парнишка немногим моложе его самого и девочка лет десяти, не больше, — опасливо пробирались мимо закованного в тяжелые латы храмовника, и вдруг тот притворился, будто бросается на них. Оба взвизгнули от страха и, прижав к груди переплетенные в кожу фолианты, кинулись наутек. Храмовник фыркнул, давась смехом.

“Интересно, — подумал Дункан, — каково это — вырасти в таком месте?” Он слышал, что людей, обладающих магическим даром, отыскивают еще в детстве, отнимают у родных и забирают в Круг. Там они учатся управлять своим даром или, пытаясь выучиться, погибают.

Если задуматься — здорово похоже на Серых Стражей.

Бесшумно ступая, Дункан пересек вестибюль и отважно прошмыгнул за спиной одного из стоявших на посту храмовников. Часовой, как заметил юноша, просто-напросто спал стоя, а впрочем, можно было только гадать, к чему в башне такая многочисленная охрана. Повсюду, куда ни глянь, были храмовники, а вдобавок еще священницы в красных рясах. Числом они явно превосходили волшебников, по крайней мере в этой части башни. Неужели они настолько боятся магии?

Дункан знал когда-то человека, который владел магией. Звали его Люк, был он, как и Дункан, уличным бродяжкой, а еще они дружили. Дункана всегда восхищало и как лихо удаётся Люку обчищать чужие карманы, и вот однажды он подглядел, в чем тут фокус. Люк попросту проводил рукой над карманом, и все, что там лежало, само прыгало ему в ладонь. Как-то ночью Дункан пристал к Люку с расспросами, и тот сознался, что сызмальства немного умеет колдовать.

Отец Люка был маг, который посещал в борделе его мать, покуда она не обнаружила, что беременна. После этого мага и след простыл, а мать Люка вечно беспокоилась, что у сына

тоже проявится дар. По этой причине Люк скрывал свои особые таланты от матери, да и от всех остальных тоже. Для него этот дар, пусть и полезный, был сущим проклятием.

Дункан никому не рассказал о тайне друга, но каким-то образом слухи все же пошли. Очень скоро кое-кто из воров, стал поглядывать на Люка с растущим подозрением. Если парнишка может сделать так, чтобы добыча сама прыгала ему в руку, на что еще он способен? Может, он и их обворовывает? Верно, накладывает заклятия, чтобы они все забыли, а может, он и вообще опасен.

Люк был до смерти зол на Дункана, поскольку считал, что правда просочилась именно по его вине. Впрочем, в конечном счете это не имело значения. Явились храмовники, и, когда Люк попытался бежать, его убили. Хладнокровно прикончили прямо на глазах у друга. Никто, конечно, и слова не сказал. Подумаешь — сгниет в сточной канаве труп еще одного вора, да к тому же мага-отступника.

Дункан знал, где Люк прятал свою добычу — на чердаке заброшенной церкви. Рассудив, что другу все это добро больше не понадобится, он опустошил тайник и был приятно удивлен тем, как много там оказалось денег. Их хватило, чтобы продержаться несколько нелегких зим, да еще пусть и ненадолго, найти себе крышу над головой. И все равно у него было тяжело на душе. Лучше бы Люк был жив, хотя даже и заточен в такой вот башне. В тех местах, где вырос Дункан, не часто можно найти друзей.

Он заглянул в тускло освещенный зал и увидел, что это, скорее всего, библиотека. Вдоль стен бесчисленные ряды запыленных книг, на столах горы свитков и подсвечники с чадящими, почти догоревшими свечами. Дункан не очень хорошо представлял, сколько всего должно прочитать, чтобы выучиться заклинаниям, но, судя по всему, немало. Сейчас в библиотеке было двое магов, оба в мантиях полноправных чародеев. Они рылись в стопках фолиантов, а храмовник, торчавший у жарко горящего очага, сверлил их недружелюбным взглядом.

Хорошо, что книги воровать невыгодно, а значит, у Дункана нет причины соваться сюда.

Он двинулся дальше, избегая больших залов в центральной части башни, поскольку именно там толклось больше народу. Хотя, наверное, Дункану и беспокоиться было не о чем. Почти все собрались сейчас наверху и глазят на всякие церемонии в честь короля и Серых Стражей, которые измыслил Первый Чародей. Именно потому Дункану так просто оказалось ускользнуть оттуда. Если повезет, болтливый орлесианец еще будет разливаться соловьем, когда Дункан уже вернется назад... хорошо бы с полными карманами всех ценных безделушек, которые только ему удастся здесь обнаружить.

Ему вдруг пришло в голову, что он, вполне вероятно, может снова нарваться на неприятности. Когда такое случилось с ним в прошлый раз, он в итоге стал королевским мальчиком на побегушках. “Что ж, — подумал Дункан, — значит, надо постараться, чтобы на этот раз меня не поймали на горячем. Только и всего”.

Услышав звук приближающихся шагов, он проворно нырнул в какую-то нишу и укрылся за спиной торчавшей там статуи. Мимо прошел эльф в серой мантии, с совершенно безмятежным лицом — Дункан уже видел такие лица, и именно у тех, кто был одет в серое. Фиона назвала их “Усмиренными”, и в голосе ее при этом прозвучало явное отвращение. Дункан спросил, что это значит, но она не пожелала ответить. Юноша знал, что Усмиренные были в башне чем-то вроде домоправителей: они занимались повседневными хозяйственными делами, а также ведали торговлей, которую Круг вел с внешним миром. Помня это, Дункан никак не мог взять в толк, отчего Фиону всякий раз при виде Усмиренных бросает в дрожь. В их бесчувственном спокойствии было что-то пугающее, — может, дело в этом?

В тот миг, когда эльф шествовал мимо статуи, Дункан протянул руку и схватил связку ключей, которую заметил у него на поясе. Сдернуть их с крючка, даже не звякнув, было проще простого. Юноша затаенно усмехнулся.

Ключи были большие, железные — такими обычно запирают всякие замки или

ворота. Или сундуки. Эта соблазнительная мысль вертелась в голове у Дункана, пока он выбирался из ниши за статуей. Где же замки, к которым подходят эти ключи? Может, Умиранный придет, куда шел, и обнаружит пропажу? Решит ли он, что потерял ключи, и вернется их поискать или поднимет тревогу? В любом случае мешкать не стоит.

На то, чтобы миновать еще несколько ярусов башни, времени у Дункана ушло немало. Всякий раз, когда навстречу шел какой-нибудь храмовник, приходилось нырять в темный угол и там переждать опасность. Дункану это изрядно действовало на нервы. Впрочем, когда шарить в доме магов, поневоле пот прошибет.

Наверх вели небольшие боковые лесенки, что избавляло Дункана от необходимости соваться на центральную лестницу. Он заметил, что чем выше поднимается, тем теснее и тише становится вокруг. Коридоры теперь изрядно сузились, и не слышно было даже отдаленного топота закованных в латы храмовников. Отлично. Это сильно облегчит дело.

Почти все помещения здесь оказались спальнями — в каждой по несколько кроватей и большие сундуки. В одних комнатах царил безупречный порядок, в других — совсем наоборот. Может, это спальни учеников? При этой мысли Дункан слегка усомнился в том, что ему повезет с добычей. В ученических пожитках уж верно не сыщется ничего ценного.

Вскоре, однако, он дошел до той части коридоров, где было темнее всего и все двери оказались заперты. Может, это комнаты старших магов? Здесь ему куда вероятнее может повезти.

Стараясь не шуметь, Дункан опробовал добытые ключи нескольких дверей. Без толку, ключи оказались чересчур велики. Юношу так и подмывало пустить в ход отмычку, которая была припрятана в поясе, но он понятия не имел о том, каким способом хозяева этих комнат охраняют свое имущество. Дункану доводилось слышать о ловушках, что плюются огнем или бьют молнией. Он и сам когда-то знал одну девчонку, которая заплатила жизнью за попытку вскрыть сундук, принадлежавший магу. От нее остались лишь обугленные кости да кучка пепла.

Так что — фигушки. Заниматься взломом он не намерен. Если его застигнут шарящим по комнатам в башне магов, Женеваева, конечно, будет в ярости, но вот если он даст себя убить — она просто лопнет от злости.

Дункан уже готов был сдаться и поискать способ подняться еще выше, когда в самом конце коридора заметил большую дверь — высотой футов восемь, не меньше, из темного дерева, с фигурной бронзовой ручкой, каких на дверях не было. И что самое главное — здесь была довольно крупная замочная скважина. С виду как раз подходящая для железного ключа.

Ухмыляясь, юноша подобрался к двери и опробовал один из ключей. Тот вошел легко, но не повернулся. Дункан замер, ожидая, что его вот-вот поразит молнией... но не дождался.

И позволил себе беззвучно выдохнуть.

Он проверил еще два ключа, прежде чем обнаружил тот, который повернулся в замке. Раздался громкий щелчок, и дверь отворилась внутрь. Дункан напрягся, почти уверенный, что из комнаты на него прыгнет какая-нибудь магическая тварь, может даже демон. Говорят же, что демоны роятся вокруг магов точно мухи. В башне их наверняка полным-полно!

Однако ничего подобного не произошло. За дверью была только темная комната, и путь в нее Дункану преграждала только его собственная глупость. Нервным движением он отряхнул руки и решительно вошел.

Слабый свет проникал в высокое арочное окно, за которым едва были различимы гладь раскинувшегося вокруг башни озера и смутные очертания дальнего берега. Дункан поежился, краем глаза рассматривая помещение. Здесь стояла роскошная кровать с позолоченными столбиками — юноше пару раз доводилось видеть такие кровати в Орлее. Стол из красноватого дерева неведомой породы был завален пергаментами и переплетенными в кожу фолиантами. За серебряную чернильницу могли бы дать неплохую цену, но не настолько, чтобы ее стоило красть.

Дверцы массивного гардероба были распахнуты, и внутри — чего, собственно, и

следовало ожидать — висели плащи, шерстяные накидки и обычные для магов мантии, но, лишь когда Дункан подошел поближе к шкафу и пригляделся, его вдруг осенило. Некоторые из этих мантий были украшены тем же узором, что и одеяние Первого Чародея. Неужели это его комната? При мысли об этом юноша одновременно испытал возбуждение и ужас.

Похоже, так и есть. Комнату украшало несколько статуэток — изящные женские фигурки, выточенные из слоновой кости. Именно такие штучки сейчас последний писк моды у орлесианской знати, — по крайней мере, так говорил Дункану один скупщик краденого. Щит, висевший на стене, выглядел внушительно и дорого. Не меньше притягивал взгляд и полный чешуйчатый доспех на стойке у стены — огромный и позолоченный, — вот только вынести его отсюда было бы нелегко.

Вот если бы удалось отыскать что-то действительно небольшое и ценное — то, что можно прихватить с собой... Дункан замер — почудилось, будто в коридоре раздались шаги, но это всего лишь в очередной раз стукнула о стену створка распахнутого окна, вначале тихо и почти сразу оглушительно громко.

Он уже собирался более тщательно обшарить стол, когда краем глаза заметил нечто в самом низу гардероба. В груди свернутого белья поблескивал какой-то предмет. Его явно пытались спрятать. Медленная улыбка скользнула по губам Дункана, и он, опустившись на колени, раздвинул свертки белья. Глазам его предстала покрытая красным лаком коробка — длинная, узкая, с крохотным золотым замочком. “Изящная штучка, — подумал Дункан, — как раз в такой вполне могут храниться драгоценности”.

Отгоняя прочь мрачные мысли о том, что на изящную штучку может быть наложена магическая защита, юноша осмотрел замок, а затем достал из пояса два кусочка тонкой проволоки. Замок некоторое время сопротивлялся, упрямо пощелкивая, но в конце концов сдался. Дункан со всеми предосторожностями приоткрыл крышку, почти ожидая, что коробка взорвется.

Этого не случилось. Дункан беззвучно ахнул, увидев, что в коробке на ложе из алого шелка лежит черный кинжал. Судя по виду, он был выточен из цельного камня — глянцевого, отчасти похожего на стекло. Может, это обсидиан? Молодой Страж слышал о таком, вот только ни разу его не видел. Рукоять кинжала была сработана просто великолепно — тончайшие бороздки сходились к навершию, исполненному в виде головы ревущего дракона. Осторожно вынув находку из коробки и поднеся к глазам, Дункан разглядел на черном лезвии тончайшие алые прожилки, паутиной разбегавшиеся по клинку. Он было подумал, что это кровь, но, проведя пальцем по лезвию, убедился, что оно совершенно гладкое — ни засохшего пятнышка, ни зазубринки.

Вот это стоящая добыча! Ценная штука, настолько ценен для Первого Чародея, что он потрудился спрятать ее в собственных апартаментах. Не слишком надежно спрятать, конечно, но разве могло ему прийти в голову, что кто-то посмеет ограбить его в собственной башне?

Посмеиваясь, Дункан сунул кинжал под рубашку. Гладкое лезвие покалывало кожу, но это прикосновение отнюдь не было неприятным, скорее теплым. Восхищение, которое кинжал вызывал у Дункана, стало еще сильнее.

Он закрыл коробку, запер замок и проворно привел в порядок свертки белья. Первому Чародею вовсе незачем знать, что у него что-то пропало. Если повезет, он узнает о пропаже, лишь когда Дункана и Серых Стражей уже след простынет.

“Он ведь позвал нас сюда, чтобы нам помочь, — подумал Дункан. — Ну так он просто помог нам чуть больше, чем рассчитывал, только и всего”.

Он еще раз огляделся по сторонам — убедиться, не сдвинул ли что-то случайно с места, — затем вышел из комнаты и бесшумно прикрыл за собой дверь. Замок защелкнулся с таким громким лязгом, что Дункан от неожиданности дернулся. Он замер, напряженно вслушиваясь, но вокруг было все так же тихо. Похоже, что на этом этаже нет, кроме него, ни единой живой души. “Болван! Может, хватит уже дергаться от любого пустяка?”

Дункан повернулся, отошел на пару шагов от двери — и лишь тогда обнаружил, что в

самом конце коридора кто-то стоит и смотрит прямо на него. Он застыл, сердце гулко ухнуло в пятки. Та самая ученица, что махала ему в зале собраний.

Девчонка наверняка видела, как он выходил из комнаты Первого Чародея. Но почему она стоит на месте и ничего не предпринимает? Может, боится, что Дункан нападет на нее?

Ничего подобного он, конечно, делать не собирался. Если бы только было куда сбежать! Увы, единственный путь к спасению пролегал мимо этой девчонки. Дункан стоял неподвижно и, чувствуя, как ползет по лбу крупная капля пота, ждал, как поступит магичка.

Удивительно, но она радостно засмеялась и побежала ему навстречу:

— Я видела, как ты ушел, и просто не могла не пойти следом!

В паре шагов от Дункана девушка остановилась. Лицо ее разругалось, и она беспокойным жестом поправила волосы.

— Я надеялась, что ты помахал мне не просто так, что это было приглашение и ты хочешь...

Она смолкла, многозначительно оборвав себя на полуслове.

Дункан окинул ее прищуренным взглядом, медленно осознавая смысл ее слов:

— Я... ага, ну да. Именно так.

— Меня зовут Вивиан. Просто поверить не могу, что знакомлюсь с самым настоящим Серым Стражем!

“Соображай, дурень, не мешкай!”

— Я... мое имя Дункан. Я... ну да, искал тебя. Мне показалось...

— Что я могу оказаться здесь, наверху? — Большие глаза девушки загорелись. Она шагнула ближе к Дункану и, приняв соблазнительную позу, провела пальчиком по его руке. — Говорят, все Серые Стражи очень умные. А еще то, что они необычайно... выносливы.

— Э-э... ну да. Да, так и есть.

Вивиан просияла от радости:

— Надеюсь, я не слишком тороплю события? Моя кровать в общей спальне, но сейчас почти все в зале собраний, будем одни, во всяком случае какое-то время.

Дункан искоса глянул на девушку, пытаясь понять, шутит она или говорит всерьез. Она явно не шутила. Выжидательный взгляд не оставлял сомнений. Дункану доводилось слышать, что маги в своем замкнутом сообществе ведут себя весьма вольно, однако он не предполагал, что дело зашло настолько далеко. Большинство знакомых ему молодых орлесианок — даже закаленные уличной жизнью бродяжки — жестоко высмеяли бы такую неприличную откровенность.

— Впрочем, нельзя сказать, чтобы такое поведение пришлось не по вкусу самому Дункану. Для магички Вивиан была очень даже привлекательная. И к тому же чистенькая. Одно это было бы внушительным шагом вперед по сравнению с теми несколькими случаями, когда он украдкой тискал девиц в задних комнатах грязной ночлежки, обливаясь потом и чересчур быстро приходя к финалу. Если эта магичка ждет от Серого Стража каких-то грандиозных подвигов по этой части, что ж, ему нужно только как следует постараться, верно?

Дункан одарил девушку самой обаятельной из своих улыбок и с небрежным видом привалился к стене. Именно такую позу он подсмотрел у Келля, и, судя по тому, как магичка вспыхнула до ушей, эта поза произвела на нее именно то впечатление, на которое юноша и рассчитывал.

— Вивиан, — проникновенно проговорил он, — благодаря тебе я теперь точно знаю, что совершил это путешествие не зря.

Сдавленно то ли пискнув, то ли хихикнув, девушка ухватила за кожаные ремни его доспеха и, рывком притяну и Дункана к себе, подставила губы для поцелуя. Дункан от неожиданности едва не потерял равновесие, однако сохранил присутствие духа и постарался, чтобы она не заметила спрятанного под рубашкой кинжала. А потом все прочее вылетело у него из головы.

У губ Вивиан был вкус земляники. Может, это у всех магичек так? Дункан на мгновение вспомнил Фиону и решил что вряд ли.

И шарить в жилищах магов, выходит, далеко не всегда смертельно опасно.

Глава 4

Они во мрачных недрах обитали
И скверну, как поветрие, неся,
Неудержимо множились. Числом
Все возрастая, опускались глубже,
Пока их поиск не достиг успеха,
И обрели они бывшего бога
И погубителя.

Погребальные Песни, 8:27

Мэрик дрожал от холода — ветер швырял в путников горстями снега. Они шли без остановки почти весь день, пешком углубляясь в горы, которые лежали к северо-востоку от башни магов. Лошадей с собой не взяли — там, куда направлялся отряд, они были ни к чему. Безудержно бушевала метель, завывал меж утесов ветер, а путешественники все брели вперед по обледенелым горным тропам.

Мэрик хорошо помнил эти горы. Если двигаться дальше на север и дойти до самого побережья, то окажешься в окрестностях Западного Холма. У этой крепости Мэрик потерпел самое тяжкое поражение в войне с узурпатором, — поражение, которое едва не обрекло на гибель весь мятеж. Сотни людей, сражавшихся за короля, пали там, и все потому, он оказался доверчивым дураком. Это был тяжкий и отвезвляющий урок.

Вот уже несколько часов никто из путников не произнес ни слова. Женестьева стремилась наверстать потраченное время, а потому все они только кутались в плащи, прикрывая лица, и молча, насколько хватало сил, переносили неистовство бури. Дороги и мирные деревеньки, укрытые теперь толщей снега, понемногу сменялись каменистыми отрогами, горизонт словно ощерился рядами высоких деревьев и скалистых пиков, которые с виду были совершенно необитаемы.

Бедняга Дункан брел рядом с королем, и вид у него был еще несчастнее прежнего. Мэрик затруднялся определить, к какой нации принадлежит этот паренек, но вполне вероятно, что непригодность к холоду попросту была у него в крови. Будь у него выбор, он явно с радостью остался бы в Твердыне Кинлоха, а это был красноречивый признак, если учесть, как большинство людей относятся к магам.

Женестьева, однако, была исполнена решимости поскорее убрать Дункана из башни магов. Что-то произошло между нею и Дунканом, а что именно — Мэрик не знал. Несколько часов командор Серых Стражей изнывала от нетерпения, пережидая устроенную Первым Чародеем церемонию, и вдруг, оборвав его речь на полуслове, развернулась и решительно устремилась на поиски юного воришки.

По правде говоря, Мэрик до той минуты и не подозревал об отсутствии Дункана. Наконец Женестьева вернулась, ведя за собой паренька. Странное дело, но выражение лица у нее было не столько гневное, сколько пристыженное. Она наотрез отказалась сказать королю, где именно пропал Дункан, только стиснула зубы и отчего-то покраснела. Юноша, бледный как смерть, маячил у нее за спиной, и на лице его было написано только одно желание — заползти под какой-нибудь камень и там сдохнуть.

Стало быть, причиной его страданий была отнюдь не только непогода. С тех самых пор, как они покинули башню, седовласая женщина почти не разговаривала с Дунканом. Если она все-таки обращалась к нему, то всякий раз сверлила его тяжелым недоверчивым взглядом, и

молодой Страж совсем сникал под тяжестью ее неодобрения. Мэрик заступился бы за него, но, насколько ему было понятно, паренек совершил нечто в высшей степени предосудительное.

Сам король, даже несмотря на метель, почти не чувствовал холода. По крайней мере, так было до тех пор, пока они не увидели искомое — громадную плиту из темного гранита высотой в два человеческих роста, вросшую в склон горы и почти прикрытую снежным сугробом. Не зная Мэрик точно, где находится цель их путешествия, они бы запросто прошли мимо. Очертания плиты медленно проступали из снежной заверти. Чем ближе путники подходили, тем громаднее казался камень и тем явственнее холодело в груди у Мэрика.

Это был тот самый вход на Глубинные тропы, который он использовал восемь лет назад, пойдя на отчаянный риск, чтобы добраться до Гварена под землей. Тогда Мэрик остался в живых только чудом. Впрочем, для него это был уже не первый случай неожиданного спасения. Даже если бы добрые ферелденцы, которые обожали своего короля, услышали правду из уст самого Мэрика, они не поверили бы, что их героический король принес им свободу не столько благодаря опыту или мудрым решениям, сколько потому, что ему улыбалась удача.

Они попросту заявили бы, что Мэрика хранил сам Создатель и что Ферелден обрел свободу именно по Его милости. Вполне вероятно, так оно и было. И все же в памяти короля неизбежно вставали две женщины, которые вместе с ним спустились в эти мрачные глубины. Одна из этих женщин стала потом его женой и матерью его сына, другая...

Мэрик поморщился. Он не хотел думать о Катриэль.

Именно она, опираясь на свои познания в истории и древних легендах, когда-то впервые привела их в это уединенное место. Когда-то, много веков назад, гномы пользовались этим выходом, однако с тех пор, как гномьи царства рухнули под натиском порождений тьмы, выход с Глубинных троп стал заурядной зияющей дырой, и о его существовании все забыли. Нет, мысленно поправил себя Мэрик — все, кроме Катриэль и таких, как она.

В тот раз они, придя сюда, обнаружили, что громадные створки дверей разрушило время и вход на Глубинные тропы ничто не преграждает. Когда несколько лет спустя Мэрик был с визитом в Орзаммаре, он попросил гномов починить двери и запечатать вход. Логэйн опасался, что порождения тьмы могут воспользоваться им, чтобы устроить набег на поверхность, хотя очевидно было, что ничего подобного они не проделывали уже несколько столетий. И все-таки лишняя предосторожность никогда не помешает.

Мэрику никогда и в голову не приходило, что он может когда-нибудь вернуться сюда.

Новый порыв ветра смел со скальных склонов груды снега и со всей силы швырнул ее в лицо путникам. Женестьева, не обратив никакого внимания на эту проказу, решительным шагом направилась к входу. Белый шерстяной плащ неистово хлопал и бился на плечах воительницы, когда она протянула руку к темному камню и провела пальцами по его поверхности. Со стороны это выглядело так, будто она пытается что-то нащупать.

— Что она делает? — шепотом спросил Мэрик у Дункана.

Парнишка пожал плечами, не соизволив даже высунуть нос из мехового воротника.

Наконец Женестьева повернулась спиной к камню и направилась напрямик к Мэрику:

— Ты ведь сможешь открыть эту дверь?

— Гномы дали мне ключ.

Женестьева коротко кивнула:

— Тогда мы станем здесь лагерем до утра.

— Что?! — взорвался от возмущения Дункан. — Почему это нам нельзя войти туда прямо сейчас? Там хотя бы теплее!

Командор обратила на него бесстрастный взгляд, и парнишка мгновенно сник и попятился от нее.

— Мы не знаем, есть ли по ту сторону двери порождения тьмы, — жестко пояснила

Женевьева. — То, что король восемь лет назад их там не обнаружил, не означает, что с тех пор ничего не изменилось.

— А ты разве не можешь учуять порождений тьмы? — спросил Мэрик. — Для вас, Стражей, это дело обычное.

— Я пыталась это сделать. Я почувала... что-то странное, но очень, очень слабо. То ли потому, что порождения тьмы где-то далеко внизу, то ли потому, что дверь слишком толстая.

Не дожидаясь ответа, Женевьева отвернулась и отрывисто приказала одному из стоявших неподалеку рослых воинов:

— Жюльен, скажи остальным, чтобы разошлись в разные стороны и поискали укрытие. Сегодня ночью я хочу сама присматривать за входом.

Серые Стражи быстро и сноровисто разбили лагерь за соседним холмом, гребень которого был увенчан внушительной снежной шапкой. Зато он, по крайней мере, прикрывал от порывов леденящего ветра, а это было уже кое-что. Мэрик смотрел, как его спутники трудятся, устанавливая палатки, и чувствовал себя бесполезным трутнем.

Келль собрал горку мерзлого хвороста, и прежде, чем Мэрик успел осведомиться, как он намерен все это поджечь, достал из дорожного мешка небольшую склянку. Он капнул на хворост содержимым — ярко-желтой жидкостью, которая, едва коснувшись дерева, зашипела, — и за считанные секунды хворост полыхнул ярким огнем.

— Впечатляюще, — заметил Мэрик.

Келль ухмыльнулся:

— На порождений тьмы эта штука действует не хуже. Жаль, что ее у нас так мало.

Вскоре сумерки сменились ночью. Со всех сторон к лагерю подступала темнота, разгоняемая только светом костра. Над горами чернело бескрайнее, затянутое тучами небо, и края туч отливали голубоватым светом, хотя сама луна так и не показалась на глаза. Снежная буря, по счастью, утихла, хотя ветер все так же гулял по округе, вспахивая борозды в гладком снежном покрове.

В лагере царило напряженное молчание. Судя по угрюмым лицам Серых Стражей, они с такой же тревогой ожидали наступления утра, как и сам Мэрик. Что ж, по крайней мере, они более или менее представляли, что их может ждать на Глубинных тропах. В прошлый раз, когда Мэрик пришел сюда, он не имел об этом ни малейшего понятия.

Едва поставили палатки, Келль, прихватив с собой пса и Дункана, отправился на охоту. Женевьева поднялась на гребень холма — оттуда было лучше всего наблюдать за входом. Там она и стояла, а ветер неистово раздувал полы ее плаща. “Внушительно”, — подумал Мэрик. Женевьева казалась сейчас напряженнее обычного — если такое вообще было возможно. Казалось, она ожидает, что двери входа вот-вот распахнутся настезь.

Мэрик повернулся к Уте, вместе с которой волок в лагерь мерзлую колоду. Ему подумалось, что эта гномка с медно-рыжей косой довольно симпатичная. Гномы, которых он когда-либо встречал, выглядели, как правило, так, словно их вытесали из камня: грубые лица, жесткие черты. А вот лицо Уты казалось почти нежным. Пугающе безмятежная, она неотрывно смотрела в огонь и держалась так удивительно спокойно.

Король не в силах был даже представить, чтобы он мог хранить такое непоколебимое спокойствие. В голове у него и сейчас было тесно от растревоженных мыслей: что, к примеру, делает сейчас Логэйн? Мэрик, правда, оставил записку, в которой подробно объяснял свой замысел, но со старого друга вполне стало бы решить, что это фальшивка. Он наверняка решил, что короля похитили, и, возможно, уже отправил на его поиски целую армию. Если уж Логэйн принял какое-то решение, переубедить его было почти невозможно.

А ведь есть еще Кайлан, маленький принц, который наверняка гадает, куда подевался отец... Мэрик поспешил отогнать эту мысль. Нет, спокойным его сейчас никак не назовешь.

Король тронул гномку за плечо и жестом указал на Женевьеву, застывшую на своем посту.

— Она всегда такая? — спросил он вполголоса. — Не знаешь?

Ута одарила его непроницаемым взглядом, и карие глаза ее блеснули в свете огня. Затем

ее руки зашевелились, изображая какие-то странные знаки, и Мэрик запоздало вспомнил, что она не может говорить.

Два воина, которые сидели по ту сторону костра, перестали шептаться, увидев смятение Мэрика. Белокурый Николас, более разговорчивый из этих двоих, подался к Мэрику:

— Ута говорит тебе, что нашим командором движет любовь.

Орлесианский акцент, явственно звучавший в его речи, показался Мэрику утонченным и приятным для слуха.

— Любовь? Ты имеешь в виду любовь к брату?

Николас кивнул:

— Они были очень близки.

— Ты не мог бы рассказать мне о нем? Я про него почти ничего не знаю. Как вышло, что он попал в плен? Как вы вообще можете быть уверены, что он еще жив?

Темноволосый Жюльен взял длинную палку и поворошил ею поленья. Брызнули искры, Николас оглянулся на друга, и они обменялись быстрыми настороженными взглядами. С тех пор как они покинули Денерим, Мэрик слышал от Жюльена от силы два-три слова. Зато взгляд его темных глаз был на редкость красноречив. Сейчас этот взгляд откровенно советовал Николасу не говорить Мэрику больше, чем тому следует знать. Опять эти знаменитые тайны Серых Стражей.

Ута, нахмурилась, подняла руку и, обращаясь к мужчинам, возбужденно зажестикულიровала. Николас в ответ насупился и неохотно кивнул. Жюльен ничего не сказал, и только глаза его обеспокоенно потемнели.

— Что она сказала?

— Сказала, что мы не имеем права что-то от тебя скрывать, — пробормотал Николас.

Гномка продолжала жестикулировать, глядя на Мэрика. То и дело она останавливалась, терпеливо дожидаясь, пока Николас переведет ее “речь”.

— Брата командора зовут Бреган, и еще год назад он был командором Стражей в Орлее, главой отделения орде-на в империи. Он занимал этот пост довольно долго.

— Он ушел в отставку?

— Нет. Он покинул орден, чтобы исполнить Призыв. Это ритуал, в котором Серый Страж выходит на Глубинные тропы в одиночку.

— В одиночку?! — воскликнул Мэрик. — Это еще зачем?

— Чтобы умереть, — вздохнула Ута. — Уж лучше так, чем позволить скверне пожрать нашу стареющую плоть. Всякий Серый Страж знает, когда для него наступает срок, и все, кто, следуя Призыву, выходят в одиночку на Глубинные тропы, погибают. По крайней мере, так было до сих пор.

Мэрик помолчал, обдумывая услышанное. Дункан уже рассказывал ему, как Серые Стражи во время ритуала, который они называют Посвящением, пьют кровь порождений тьмы, принимая в себя скверну, чтобы действеннее бороться с этими тварями. Они не просто умеют драться с порождениями тьмы, но знают их как самих себя. Они чувствуют их присутствие, порой даже распознают их намерения. Не многим за пределами ордена доступны эти сведения, и Женевава лишь с большой неохотой разрешила Дункану поделиться ими с королем.

Интересно, подумал Мэрик, та ли это скверна, которую они восемь лет назад видели на Глубинных тропах. Он хорошо помнил черные наросты, покрывавшие все в подземных коридорах, словно колонии омерзительных грибов. Королю тогда повезло — он не подхватил заразу, однако всегда гадал, не это ли произошло с Роуэн. Ни один врач так и не сумел определить природу ее болезни, и, хотя Мэрик испробовал все, чтобы помочь жене, ему в итоге пришлось бессильно смотреть, как Роуэн угасает на глазах.

Это было мучительное зрелище. Она всегда была крепкой, энергичной женщиной, и особенно угнетало то, как медленно, по капле, вытекают из нее силы. Под конец Роуэн стала похожа на тень и мечтала только об одном: чтобы боль наконец прекратилась. Мэрик держал в руках ее исхудавшие пальцы, и сердце его разрывалось, когда хриплый безжизненный голос

молил покончить с этими мучениями.

Нет, пожалуй, не так уж сложно понять, почему Серые Стражи предпочитают пройти Призыв.

Но сама мысль о том, чтобы пойти на такую жертву — добровольно предать себя скверне, медленно разъедающей плоть, и все только для того, чтобы сражаться с опасностью, которая не грозит Тедасу вот уже несколько веков, с тех пор как закончился последний Мор...

Впрочем, ведь именно это и привело их сюда. Если порождения тьмы сумеют вызнать тайну пленного Стража, если они отыщут Древнего Бога... Вот тогда-то эта опасность станет пугающе реальной, если, конечно, Женевьева и все остальные говорят ему правду.

Мэрику снова вспомнилось предостережение ведьмы, но одновременно всплыли в памяти слова Логэйна. Легко поверить, что ведьма имела в виду именно это событие, что именно оно, судя по ее предсказанию, может привести к Морю. Но что, если она намекала совсем на другое? Что, если она попросту лгала? Сомнения подступали к Мэрику со всех сторон, и оттого ему стало не по себе.

— Откуда вам известно, что ее брат вообще жив? — вслух спросил он. — Если он ушел на Глубинные тропы, вы никак не можете знать, что с ним там случилось. Или Серые Стражи могут почуять и это?

Жюльен упорно смотрел в огонь, неодобрительно стиснув зубы. Николас, сплетая и расплетая пальцы, опасливо покосился на Женевьеву, все так же стоявшую на гребне холма. Скрестив руки на груди и напрочь забыв о существовании своих спутников, она пристально смотрела на вход в пещеру, и глаза ее пылали железной решимостью. Да, Мэрик прекрасно понимал, почему его собеседники опасаются разгневать седовласую женщину-командора. Невозможно определить, способна ли она, стоя на гребне холма, расслышать их разговор, но Мэрик не сомневался, что от нее можно ожидать всякого. Остальные, судя по всему, придерживались того же мнения.

— Командор и ее брат были очень близки, — прошептал Николас. Ута серьезно кивнула, подтверждая его слова. — За все время, что я знал их обоих, они крайне редко разлучались. Они вместе вступили в орден, вместе проходили обучение, вместе проводили почти все дни с утра до вечера. Думаю, она пошла бы за братом и на Глубинные тропы, если бы и для нее настало время Призыва. А если бы и не настало, — наверное, все равно пошла бы, разве только обязанности удержали бы ее здесь.

— Стало быть, она тешит себя иллюзиями?

— Нет, она знает, что делает. Она видела сны.

Мэрик помедлил, не вполне уверенный, что правильно расслышал собеседника.

— Сны, — повторил он, стараясь, чтобы голос не выдал его эмоций. Николас кивнул, и гномка последовала его примеру. Жюльен, нахмурясь, огорченно покачал головой. — Сны. Вы хоть понимаете, что это похоже на бред безумца?

— Мы не безумцы. — Из снежной завети вынырнула Фиона. Ветер раздувал полы ее синей юбки. С большим свертком в руках, она подошла к костру, положила ношу рядом с колодой и одарила Мэрика ледяным мрачным взглядом. — И Женевьева тоже не безумна. Сны далеко не всегда просто сны.

— И что же они такое, если не просто сны?

Фиона задумчиво потыкала пальцем в подбородок, вероятно размышляя, как бы подходчивее это объяснить. Или прикидывая, стоит ли вообще это делать. В ее темных глазах по-прежнему тлел затаенный гневный огонек — как в тот раз когда Мэрик разговаривал с ней на пристани в башне.

— Ты, надеюсь, слышал, что такое Тень?

Мэрик кивнул, хотя и не слишком уверенно. Тенью называлось царство сновидений. Говорили, что именно туда попадают люди, когда видят сны. В Тени рыскали духи и демоны, отделенные от мира плоти некой преградой, которую маги называли Завесой. Мэрику не особо верилось в подлинность этих представлений. Он, как и все люди, спал и видел сны, и если маги утверждают, что эти сны на самом деле воспоминания о том, как он побывал в

Тени... что ж, приходилось верить им на слово.

— В Тени нет такого понятия, как география, — продолжала Фиона. — Пространство и время там имеют куда меньшее значение, нежели идеи и символы. Духи преображают свое царство таким образом, чтобы оно походило на картины, увиденные ими в снах смертных, — считают, что наш мир именно так и выглядит, а они всем существом жаждут стать его частью. Потому они, завлекая нас в Тень, воссоздают пейзаж, который не столько существует в реальности, сколько опирается на наши чувства и восприятие.

— И что с того? — Мэрик беспомощно развел руками. — Для меня это ровным счетом ничего не значит.

— Ты видишь во сне тех, кто тебе дорог, поскольку между вами существует связь. Духи чувствуют ее. Эта связь обладает силой в Тени.

— Мне как-то снилось, что Логэйн принес мне бочонок с сыром. Я вскрыл его, и там оказались мыши. Сделанные из сыра. И мы ели этих мышей, распевая дуэтом матросские песенки. Так, по-твоему, у этого сна было иное, более глубокое значение? — Он ухмыльнулся, вдруг развеселившись при виде того, как гневно раздулись ноздри эльфийки. — Может, связь между мной и Логэйном поведала мне, что он на самом деле всей душой обожает сыр? Жаль, я не сообразил этого раньше.

— Неужели ты всегда видишь во сне такую легкомысленную чушь?

— Понятия не имею. Чаще всего я просто забываю, что мне снилось. Разве не так обычно бывает?

Фиона теснее запахнула меховой плащ, словно таким могла усмирить распирающий ее гнев. Гномка успокаивающе коснулась рукой ее колена, но эта безмолвная просьба осталась незамеченной.

— Сны, которые не являются просто снами, — это видения, — отрывисто проговорила Фиона. — Поскольку Тень — это отражение нашей реальности, какой ее видят духи, ее можно использовать для истолкования этой самой реальности. Мы, маги, ищем видений. Мы выискиваем в них черты реальности и пытаемся прозреть истину за пределами нашего сознания. Однако более или менее сильное видение может посетить кого угодно. И когда это случается, нельзя не обращать на него внимания.

— Видения, — скептически повторил Мэрик. — Значит, командора посещали эти самые видения? И поэтому здесь? Только поэтому?

Магичка вскинула хрупкую ладонь, и над ней вспыхнул, пульсируя, крохотный шарик огня. Он медленно вращался, источая ослепительный свет, который мгновенно озарил весь лагерь. Мэрик ощутил, как его лица коснулась волна жара.

— Видения, ваше величество, безусловно, куда менее примечательны, чем многие, очень многие чудеса, которые существуют в этом мире.

Фиона качнула ладонью, и огненный шарик исчез. И пламя костра вдруг показалось Мэрику уже не таким ярким и жарким.

Она права. Та ведьма из Диких земель тоже маг, но значит ли это, что он должен безоговорочно довериться магии? И видениям? В этом король не был уверен.

Фиона уселась на свой мешок, все так же, в упор и с неприкрытым осуждением, глядя на Мэрика. Он притворился, что поглощен чрезвычайно важным делом — растирал озябшие руки, упорно глядя в огонь. У костра воцарилась неловкая тишина, и никто, похоже, не спешил ее нарушить. Ута смотрела на магичку с явным сочувствием, но почему, Мэрик понятия не имел. Жюльен и Николас снова принялись перешептываться. При этом Жюльен поглядывал то на Мэрика, то на Фиону, — очевидно, разговор шел именно о них; но что говорил Николас своему другу — разобрать было невозможно.

— Мы верим Женевьеве, — сказала вдруг Фиона. Услышав ее голос, Жюльен и Николас вздрогнули и удивленно уставились на нее. Мэрик не поднял глаз, хотя чувствовал, что взгляд эльфийки вот-вот просверлит его насквозь. — Мы ей верим, — повторила Фиона, — и поэтому мы здесь. Что бы мне действительно хотелось узнать — почему здесь ты?

Вопрос повис в воздухе.

— Разве я вам не нужен? — наконец отозвался Мэрик, уже начиная раздражаться. — Разве не вы явились к моему двору именно затем, чтобы попросить о помощи? Было бы, конечно, весьма любезно с вашей стороны сообщить при этом, что весь ваш замысел основан исключительно на видениях, явившихся одной из вас. Что же, в следующий раз буду задавать побольше вопросов.

— Это она просила тебя о помощи. — Эльфийка указала на Женевьеву. — Я знаю, почему она обратилась именно к тебе. Я знаю, какую именно помощь она надеется от тебя получить. Возможно, ты даже поверил тому, что она говорила. Но вот чего я совершенно точно не знаю — это почему ты решил пойти с нами.

— Защитить свое королевство — это недостаточная причина?

— Чтобы отправляться самому? Чтобы с такой готовностью двинуться навстречу опасности?

— Но ведь вам нужен был либо я, либо Логэйн.

Фиона со скептическим видом поджала губы:

— Ты мог приказать ему пойти с нами.

— Не уверен, что он подчинился бы.

— Я готова биться об заклад, что он, независимо от твоих желаний, сам вызвался пойти вместо тебя.

— Как проникательно!

Фиона помолчала, не сводя с Мэрика прищуренных глаз. Мэрик кожей чувствовал напряжение, нависшее над костром. Жюльен и Николас замерли, прислушиваясь к разговору, гномка невозмутимо смотрела на костер. На миг Мэрику показалось, что эльфийка прекратит свои расспросы, но не тут-то было.

— У тебя ведь маленький сын? — осведомилась она.

— Да. Кайлан. Ему пять лет.

— И матери у него нет, верно? Возможно, то, что мы слышали в Орлее, ошибочно, но, как я поняла, королева Ферелдена умерла.

Мэрик с минуту молчал, отметив про себя, что никто из остальных Серых Стражей не вмешался в разговор и не предложил сменить тему. Возможно, они тоже задавали себе этот же вопрос. Мысль о ребенке разбередила рану, нившую в душе короля. Словно трус, он предоставил Логэйну рассказать мальчику, что его отец ушел. Кайлан этого никогда не поймет. Вначале исчезла мать, а теперь — отец?

— Все верно, — негромко подтвердил он. — Она умерла. Фиона возмущенно поджала губы:

— И тебе не стыдно от того, что оставил мальчика еще и без отца?

От прихлынувшего горя у Мэрика перехватило горло, но он изо всех сил постарался скрыть это чувство. Он скорее воткнул бы себе вилку в глаз, чем допустил, чтобы эта женщина с темными злыми глазами ликовала при виде боли, которую сама же в нем и пробудила.

— Он и так давно уже остался без отца, — ответил он, и даже ему самому собственный голос почудился неживым и тусклым. — Останься я в Денериме, это ничего не изменило бы.

— То есть ты сдаешься? И это — Мэрик Спаситель, великий король Ферелдена?!

Мэрика захлестнул гнев. Он думал, что предотвратит пророчество ведьмы, что будет действовать, а не сидеть и ждать, сбудется оно или нет. Он думал, что ее предостережение для того, быть может, и прозвучало, чтобы он оказался здесь, но такого не ожидал. Чтобы его унижала и судила вот эта дерзкая магичка — это уж чересчур. Мэрик вскочил с колоды, рывком развернулся к эльфийке. Она ответила дерзким, бесцеремонным взглядом, как будто имела полное право его выспрашивать, и это лишь подлило масла в огонь.

— Мэрик Спаситель, — проговорил он отрывисто, словно сплевывая слова. — Тебе известно, что меня так называют, и ты уже решила, что знаешь обо мне все? Знаешь, какие чувства я должен испытывать? Хочешь рассказать мне, какой я отвратительный отец и каким должен быть королем?

Лицо Фионы смягчилось — но только на миг.

— Тогда, ваше величество, может быть, расскажете мне, какой вы на самом деле отец? — предложила она.

Мэрик развернулся спиной к костру. Порыв ледяного ветра ударил ему в лицо, вынудив остановиться. Король закрыл глаза, чувствуя, как морозит кожу холодный воздух. Оглушительный стук сердца понемногу стих, сменился уже знакомым безмолвием. Это напомнило Мэрику о тех вечерах, когда жизнь во дворце затихала и он удалялся в свои покои — лишь затем, чтобы там его обступила тоскливая пустота, грозившая поглотить его целиком. Сколько дней он прожил так — в окружении роскоши, слуг, всего, чему пристало окружать монарха, — однако все это не волновало его.

Какими словами сумел бы он объяснить это чужим людям?

— Истина, — пробормотал Мэрик воющему ветру, не заботясь о том, услышат ли его те, кто остался в лагере, — истина в том, что я не был отцом собственному сыну с тех самых пор, когда умерла его мать. Всякий раз, когда я смотрю на него, я вспоминаю ее лицо, думаю обо всем, что могло быть у нас и чего уже никогда не будет. Кайлан такого не заслужил. Он достоин отца, который сможет смотреть ему в глаза.

Стылый ветер вновь хлестнул Мэрика по лицу, и он смолк, не в силах больше шевелить окоченевшими губами. И это было хорошо. Потом кто-то осторожно коснулся его локтя, и Мэрик, не ожидавший этого прикосновения, вздрогнул. Он открыл глаза, повернулся и увидел, что рядом с ним стоит Ута. Взгляд ее был исполнен сочувствия.

— “Мэрик Спаситель” — это всего лишь слова, — сказал он, обращаясь к магичке. Она все так же сидела у костра даже не смотрела в его сторону. — Меня прозвали так, поскольку считается, что я спас Ферелден. Правда, однако, в том, что мне никогда и никого не удавалось спасти.

С этими словами он повернулся и пошел прочь от костра, навстречу крутящемуся в темноте снегу. Гномка не стала его удерживать, и, если все остальные и смотрели вслед, никто из них не сказал ни слова. Ему было уже наплевать, устроило ли эльфийку то, как он отвечал на ее вопросы. Пусть себе презирает его. В конце концов, ее обвинения не так уж и беспочвенны.

Мэрик брел по укрытым глубокими тенями сугробам. Наконец-то выглянула из-за туч луна, и ее серебристого сияния, отражавшегося от холодной глади снежного полога, было более чем достаточно, чтобы освещать ему дорогу. Король поднялся на гребень скалистого холма, глянул перед собой — и у него захватило дух. Отсюда как на ладони была видна вся долина — бескрайняя белизна под усыпанным холодными звездами небом.

Это было великолепное зрелище. Мэрик не знал, как долго он простоял вот так, любуясь заснеженным простором. Дыхание облачками пара срывалось с его губ. Казалось, что эта долина протянулась до самого края земли, и ее безупречную гладкость нарушали лишь редкие сосновые рощицы. Отчего же он никак не может вспомнить, когда в последний раз любовался этакой красотой?

“Это мое королевство, — печально подумал Мэрик, — а я его теперь совсем не знаю”.

Сзади донесся едва различимый хруст снега.

— Оставьте меня в покое, — не оборачиваясь, пробормотал он. — Неужели вам мало было тех расспросов?

— Мэрик, я прошу прощения, если мои Стражи оказались излишне бесцеремонны.

Это была Женевьева. Король поежился от холода и лишь сейчас сообразил, что она, пойдя вслед за ним, бросила свой пост. Быть может, решила закончить то, что начали ее подчиненные?

— Не подобает так обращаться с королем. Я напомню им о хороших манерах.

— Не нужно, — вздохнул Мэрик. И, плотнее запахнув меховой плащ, отвернулся от великолепия долины. Командор стояла в паре шагов от него, и ветер развеивал ее белоснежно-серые волосы. Мэрик внутренне поежился под ее жестким оценивающим взглядом. — Я сам сказал, чтобы вы обращались со мной как с обычным человеком, — что же удивительного в

том, что вы так и поступаете?

Женевьева ничего не ответила, хотя, судя по выражению лица, ее заботили не только неприятные минуты, пережитые Мэриком. Наконец она коротко кивнула, как если бы мысленно пришла к какому-то решению:

— Возможно, Мэрик, было бы лучше, если бы ты вернулся во дворец. К сожалению, мы не сможем сопроводить тебя туда, однако я подозреваю, что и один ты будешь в большей безопасности, чем с нами на Глубинных тропах.

— Ты передумала?

Женщина-командор выразительно изогнула седую бровь:

— А ты разве не передумал?

Мэрик не знал, что на это ответить, и затянувшееся молчание стало неловким.

— Я не виню тебя за недоверие к моим видениям, — наконец проговорила Женевьева — так мягко, что Мэрик испытал сильный соблазн ей поверить. — Им верят даже не все Стражи. Многие говорили, что мой брат мертв, а если это и не так, все равно уже ничего не поделаешь.

Она пожала плечами, подошла к Мэрику и, остановившись рядом, окинула взглядом ту самую долину, которой он восхищался несколько минут назад. Выражение ее глаз смягчилось.

— Мне нелегко было отпустить брата, когда для него наступило время Призыва. Потому, наверное, нелегко, что за много лет мы привыкли считать, будто это случится с нами одновременно. Я отправилась с братом в Орзаммар, вместе с гномами поднимала кубки в его честь, а когда все было кончено, стояла у самой печати и смотрела, как он уходит в темноту. — В голосе Женевьевы явственно звучала горечь.

— Мой брат всегда был частью меня самой — все равно что моя собственная рука или нога. Оторвать его от себя, расстаться с ним было невыносимо. — Женщина искоса глянула на Мэрика. Глаза ее ярко и холодно блестели. — Однако именно я уговорила его принять свою судьбу. Я осталась. Когда случилось первое видение, это было как если бы он сам протянул руку сквозь тьму и коснулся моего сердца. Я чувствовала его так же верно, как чувствую свои руки и ноги. Я знаю, что это видение не было ложью.

Мэрик нахмурился. Новый порыв ледяного ветра просвистел между ними. Где-то далеко завывали волки, и этот одинокий звук, казалось, лишь явственнее подчеркивал безжизненную пустоту округи.

— Почему же ты раньше ничего об этом не сказала? Женевьева невесело рассмеялась:

— И что бы ты обо всем этом подумал? — Она в упор глянула на Мэрика, и голос ее посерьезнел. — Я намерена отыскать брата, чтобы порождения тьмы не узнали того, что они узнать не должны. Если для того, чтобы предотвратить это, мне придется убить брата — я это сделаю. Мэрик, это вовсе не спасательная экспедиция. Я не спешу сломя голову на помощь брату — я всего лишь пытаюсь предотвратить катастрофу. — Она пожала плечами и, окинув взглядом долину, вздохнула: — И если есть те, кто не верит в это так, как верю я, — что ж, мне придется обойтись без них. Мне нужна твоя помощь, Мэрик, очень нужна. Однако, если ты не можешь повести нас на Глубинные тропы, лучше уходи, возвращайся к своему сыну. Никто не станет тебя за это винить — и меньше всего — я.

С этими словами командор Серых Стражей круто развернулась и пошла прочь. Именно так — ни уговоров, ни прощаний. Мгновение спустя она скрылась в снежной заверти, и Мэрик понял, что никто ему и слова не скажет, если он соберет вещи и вернется в Твердыню Кинлоха. Через пару дней он будет в Денериме, отменит тревогу, которую наверняка уже объявил Логэйн, и, как посоветовала Женевьева, вернется к сыну.

При мысли о Кайлане Мэрик замер. Все твердили, что мальчик как две капли воды похож на отца, и сам Мэрик был, пожалуй, с этим согласен. Те же светлые волосы, та же форма носа, та же улыбка. Вот только глаза... глаза матери. Что скажет он, Мэрик, глядя в эти глаза, что ответит на их вопрошающий взгляд, как объяснит, почему и куда он уходил?

Легко представить, что скажет обо всем этом Логэйн. Он, конечно же, обрадуется, но

будет прятать свою радость за ворчанием по поводу тех хлопот, которые причинил Мэрик всем окружающим.

Куда труднее было вообразить, что сказала бы обо всем этом Роуэн. Мэрик помнил ее в лучшие годы — воином женщиной, которая помогла ему возглавить мятеж и вернуть отнятое орлесианцами королевство. До тех пор пока болезнь не взяла над ней верх, она обладала неукротимым духом, и Мэрик втайне считал, что во многих отношениях Роуэн сильнее его. Ферелден они возрождали вместе, но всегда именно она сразу понимала, какое дело стоит продолжить, а какое — бросить, едва начав.

Мэрик попытался представить, что Роуэн уговаривала бы его вернуться к сыну. Для нее, матери, Кайлан, конечно же, был бы важнее любых других обстоятельств. Проблема в том, что Мэрик никак не мог в это поверить. Он мысленно видел Роуэн, сидящую в их покоях в своем любимом кресле у окна, видел бледное лицо, окаймленное волнами каштановых кудрей. Она отложила бы книгу и озадаченно взглянула бы на него.

— Ты вернулся, — не вопросительно, а утвердительно проговорила бы она.

— Да, я вернулся.

— Но разве ты не считал, что это важно?

— Роуэн, наш сын важнее, чем спасение королевства.

И тогда она улыбнулась бы лукаво, склонив голову к плечу знакомым жестом, который намекал Мэрику, что она ждала от него большего.

— Дурачок, я же говорила не о спасении королевства...

Голос ее был бы полон нежности, той самой нежности, которая возникла и окрепла за годы их брака, и все же Мэрику всегда казалось, что он не вполне ее достоин. Потом Роуэн не вставая протянула бы руку, и Мэрик шагнул бы к ней и...

...И видение исчезло, остались лишь лунный свет да с новой силой разгулявшаяся метель. Сердце короля разрывалось от боли. Ему казалось, что минула целая вечность с тех пор, как он был еще способен вспомнить лицо Роуэн. В последние годы все эти воспоминания мучительно ускользали, и их заменяли мимолетные ощущения, запахи, обрывки разговоров. Зато сейчас Роуэн была настолько живая...

Почти как видение.

Мэрик усмехнулся нелепости этой мысли, тем более что он даже не спал. Разве что на самом деле он и впрямь уснул, забрел далеко от лагеря и рухнул в глубокий сугроб, а теперь замерзает до смерти, погрузившись в блаженную сладость сновидения. С утра Серые Стражи, возможно, станут его искать, потом переглянутся, пожмут плечами и решат, что он, ни с кем не попрощавшись, вернулся в Денерим. Потом они уйдут на Глубинные тропы, а по весне какие-нибудь путники обнаружат увязшие в грязи останки Мэрика и, может быть, заодно стянут с него сапоги.

Занятая идея. Вопрос в том, насколько она вероятна. Мэрик тяжело вздохнул и побрел к лагерю.

Глава 5

В отчаянье во тьме они сокрылись.

Погребальные Песни, 8:27

Когда начало светать и небо над самой линией горизонта едва тронули золотисто-розовые блики, Серые Стражи с оружием в руках собрались у входа на Глубинные тропы. Дункан внутренне напрягся — король Мэрик двинулся к двери. Самым обыденным жестом он достал каменный медальон, выточенный в виде восьмигранника, и вставил его в такой же формы углубление в самом центре двери. Тишину нарушил оглушительный скрежет, и поблизости испуганно вспорхнула стайка воронов.

Дункан неотрывно смотрел, как посередине двери возникает тонкая линия. Она превратилась в трещину, затем стала еще шире — и створки двери разомкнулись. Король с

опаской отступил назад. Медленно, с надрывным каменным скрежетом дверь открылась, и за ней обнаружился туннель. Из черноты едва уловимо потянуло вонью разложения.

Серые Стражи ждали. Дункан был почти готов к тому, что из туннеля на них вот-вот хлынет орда чудовищ, но никого там не было. Только тишина.

Кое-кто из Стражей уже собрался войти, но остановился, услышав голос Жюльена.

— Погодите, — негромко сказал темноволосый воин.

Скрестив руки на груди, он молитвенно склонил голову, и почти все Стражи последовали его примеру. Дункан опустил голову и закашлялся. Молитвы всегда выводили его из равновесия.

— Пусть впереди меня только тьма, — напевно заговорил Жюльен, — но Создатель направит меня. Мне не суждено скитаться по неверным дорогам Загробного мира, ибо там, где Свет Создателя, нет тьмы, и ничто сотворенное Им не будет утеряно.

— Аминь, — прошептал Мэрик, и все остальные кивнули.

А потом они вошли на Глубинные тропы.

Почти сразу за входом начинались широкие ступени, и, когда Стражи двинулись вниз, Дункан едва подавил дрожь. Здесь было теплее, чем снаружи, что его безмерно радовало, но стылый холод сменился недобрый предчувствием, тревогой, от которой невозможно было отмахнуться. Юноше казалось, что он медленно входит в озеро омерзительной грязи и вонь постепенно заползает в ноздри, выворачивая тошнотой желудок, так что лишь силой воли принуждаешь себя сделать следующий шаг.

То же самое чувствовали и другие Серые Стражи. Дункан видел это по их мрачным, окаменевшим лицам, по тому, как руки крепче стиснули оружие. Все они обладали способностью чутко ощущать порождений тьмы, но сейчас Дункану казалось немыслимым, чтобы в этом гнилостном дыхании вездесущей скверны им удалось различить отдельных тварей.

Один только Мэрик не мог ничего учуять, однако спуск в темноту, похоже, воздействовал на него сильнее, чем на всех остальных. Он с опаской поглядывал туда, где гуще всего лежали тени, и лицо его в свете факелов стало пепельно-бледным. Дункана так и подмывало спросить у короля, что же такое произошло с ним восемь лет назад на Глубинных тропах, но в конце концов он решил, что делать этого не стоит. И так ясно, что ничего хорошего.

Путь по лестнице продолжался, казалось, уже несколько часов, когда на каменных стенах стали заметны первые следы скверны — тончайшие, словно паутина, нити черной гнили и глянцевитая слизь, покрывавшая все вокруг, точно масляная пленка. Дункан из любопытства потрогал ее — и обнаружил, что эта пленка на самом деле вовсе не влажная. На ощупь она оказалась сухой и гладкой, точно змеиная кожа.

Женевьева с сердитым видом схватила его руку и отдернула прочь. И предостерегла, чтобы больше ни до чего не смел дотрагиваться. Это слегка смутило Дункана. Вроде бы все они устойчивы к скверне порождений тьмы? Это же одна из тех немногих привилегий, которыми пользуются Серые Стражи.

— Раньше этого не было, — заметил Мэрик, внимательнее оглядывая стены. — Когда мы шли здесь в прошлый раз, не встречали подобного до самого тейга Ортан.

— Значит, скверна расползлась, — уверенно заключила Женевьева.

Келль окинул туннель внимательным взглядом. Дункан знал, что охотник чует порождений тьмы значительно острее, чем все остальные. Для него спускаться по этой лестнице было все равно что окунаться с головой в сточную канаву, однако до сих пор Келль виду не подал, что ему что-то досажает.

— Скверна так близко от поверхности? — пробормотал он. — Что бы это значило?

— Что мы должны быть начеку.

С этими словами Женевьева выдернула из ножен меч и двинулась дальше. Все прочие беспокойно переглянулись, но последовали за ней.

Кажется, миновала целая вечность, прежде чем они дошли до конца лестницы. Тонны земли и камня, нависавшие над головой, гнетущая тьма, которая подступала со всех сторон,

вызывали у Дункана удушье. Ему чудилось, что он с головой ушел в омерзительно вонючую жижу и напрягает все силы, пытаясь вырваться на поверхность.

Фиона, шедшая рядом, озабоченно посмотрела на молодого Стража.

— Тебе дурно? — прошептала она. — Вид у тебя неважный.

Дункан несколько раз судорожно сглотнул и вынудил себя сделать глубокий вдох. Приятного в этом оказалось мало.

— Кажется, меня сейчас стошнит.

— Надо же, как мило!

— Я не шучу! Неужели ты ничего не чувствуешь?

— Мы все чувствуем то же самое. Точнее, почти все.

В голосе Фионы промелькнула нотка неприязни, и Дункан сообразил, что она имеет в виду Мэрика. Тот шел впереди, рядом с Утой, явно не подозревая о том, какой убийственный взгляд сверлит ему спину. Дункан ухмыльнулся:

— Я слышал, у вас с его величеством прошлой ночью в лагере вышла небольшая перепалка.

— Я его кое о чем спросила, только и всего.

— Женестьева, похоже, так не считала, — хихикнул он. — Приятно знать, что в кои-то веки она для разнообразия злилась не на меня.

Фиона раздраженно вздохнула. Подняв посох, она закрыла глаза и беззвучно прошептала несколько слов. Дункан ощутил, как струя магической энергии всколыхнула воздух, и тотчас же шарик в навершии посоха засиял. Яркий и теплый свет хлынул во все стороны, немного разгоняя темноту.

Спутники обернулись, с любопытством глядя на магичку.

— Не растрчивай силы, — бросила Женестьева, однако в голосе ее не хватало всегдашней категоричности. Наверное, даже она вздохнула с облегчением, когда тьма отступила.

— Ну вот. — Фиона улыбнулась Дункану, явно довольная собой. — Так легче?

— Ясное дело, что легче, вот только свет слепит глаза.

— А вот это уже ребячество.

Теперь Дункан различил на стенах туннеля, под слоем черной гнили и слизи, какие-то рисунки. Руны, подумал он, гномьи руны, правда, ему нипочем не разобрать, что они означают. Дункан как-то слышал, что гномы поклоняются камню. Быть может, эти знаки, которые они начертали на стенах Глубинных троп, — это слова молитвы? Молитвы, которая ныне осквернена... что ж, некая логика в этом есть.

Теперь Дункан отчетливо чувал порождений тьмы. Женестьева оказалась права. Им просто понадобилось какое-то время, чтобы освоиться. Невидимые в темноте, твари рыскали где-то на самом краю его сознания. Все равно как если бы кто-то маячил у тебя за спиной — его не видно и не слышно, ты просто знаешь, что он там.

Интересно, порождения тьмы тоже могут учуять Серых Стражей? Судя по словам Первого Чародея, ониксовые броши должны укрыть их, но как раз в этом Дункан не был уверен. Его брошь была приколата к кожаной куртке, и юноша повернул ее, чтобы подробнее рассмотреть при свете. В черной глубине броши колыхались, перетекая друг в друга, какие-то радужные пятна. На ощупь она была ледяная — точь-в-точь фонарь, заиндеветший на ледяном ветру. Дункан выпустил брошь и принялся рассеянно растирать онемевшие от холода пальцы.

— И что, Женестьева заставила тебя извиниться? — спросил он вслух.

Фиона одарила его озадаченным взглядом. Мысли ее явно были заняты чем-то другим, однако, сообразив, что он имеет в виду короля, магичка раздраженно закатила глаза. Дункану подумалось, что для эльфа глаза у нее очень даже хороши. У большинства ее соплеменников, которых он знал, были странные глаза — светло-зеленые или лиловые, невероятных оттенков и оттого, наверное, совсем чужие, нечеловеческие. У Фионы глаза были темные, выразительные. Проникновенные, как сказала бы мать Дункана. Она хорошо умела

подбирать слова.

— Нет, не заставила, — отрывисто проговорила магичка. — И я не испытываю ни малейшей потребности извиняться.

— Он, между прочим, неплохой парень.

— Тебе-то почему знать? Ты с ним знаком ничуть не больше, чем я.

— Это все эльфийский характер, да? Я в Вал Руайо знавал многих эльфов, и все они так и норовили с кем-нибудь поцапаться. Даже те, кто вырос не в эльфинаже.

Фиона окинула его скептическим взглядом:

— Знаешь, у нас нет особых причин любить людей.

— Ясное дело, знаю. Мы, гнусные людишки, разорили Долы. Один мой знакомый эльф воображал себя долийцем, даже лицо разрисовал, чтобы быть похожим на них. Я уж думал, что он в конце концов сбежал в леса на поиски какого-нибудь там долийского клана, но потом оказалось, что его попросту загребла стража. Как бы то ни было, он все время только и говорил что о Долах.

Фиона резко остановилась и с такой силой стукнула посохом по каменному полу, что сияющий шарик в навершии на миг вспыхнул еще ярче. И слепому было бы видно, как разозлили ее слова Дункана.

— Дело не только в этом! Не только! Ты что, и вправду ничего не знаешь?

— Чего я не знаю? Что твоих сородичей сделали рабами? Это всем известно.

— Когда-то... — глаза Фионы яростно сверкнули, — когда-то эльфы жили вечно. Ты и это знал? Мы говорили на своем языке, возводили по всему Тедасу величественные строения, у нас была своя страна — причем задолго до того, появились Долы.

— А потом вас сделали рабами.

— Да, магистры империи Тевинтер. Это было лишь одно из множества их преступлений, и притом не самое страшное. — Фиона отвернулась от Дункана, провела тонкой рукой над слоем скверны, покрывавшей стену туннеля. — Они отняли у нас все прекрасное. Они даже вынудили нас позабыть, какими мы были раньше. До того как пророчица Андрасте освободила нас, мы даже и не подозревали, чего лишились.

— Но Андрасте ведь была человеком, верно? Так что люди не такие уж плохие.

— Собственные сородичи сожгли ее на костре.

— Я имел в виду всех остальных.

Фиона оглянулась на него, бодро улыбнулась, хотя в глазах ее стыла неприкрытая грусть.

— Андрасте даровала нам Долы, новую родину, которая должна была заменить старую. Вот только в конце концов отняли у нас и это. Теперь мы либо прозябаем и нищербродствуем в ваших городах, либо скитаемся беззаконными изгнанниками, но и в том и в другом случае мы лу не нужны.

Дункан насмешливо ухмыльнулся ей:

— Ай-ай-ай, какое горе! Бедные эльфики!

Магичка замахнулась сияющим посохом, метя ему в голову, однако Дункан ловко отпрыгнул в сторону и залился звонким смехом. В угрюмом сумраке туннеля этот смех прозвучал особенно неуместно.

— Бессердечный я, да? — ухмыльнулся Дункан. — Я, знаешь ли, вырос на улице, так что, если ты искала доказательства, что не все люди плохие, от меня ты ничего подобного не дождешься.

— Ты сам это начал, — напомнила она.

— Заговорил насчет короля, да?

Дункан кивнул на спутников, которые к этому времени уже изрядно ушли вперед. Фиона спохватилась и прибавила шагу, чтобы нагнать их. Дункан зашагал рядом с нею.

— Знаешь, все то, о чем ты говорила... все эти события произошли так давно, что о них едва ли помнят и самые заядлые книжники. Эльфы давно уже не рабы.

— Ты так думаешь? — Фиона помрачнела, и голос ее вдруг опасно зазвенел. — Ты и

вправду считаешь, будто рабство в наши дни взяло да и испарилось само собой?

— Даже если и нет, я могу побиться об заклад, что король Мэрик не имеет к этому ни малейшего отношения.

Эльфийка кивнула, не сводя глаз со светловолосого человека, который шел впереди. Словно почувствовав ее пристальный взгляд, Мэрик остановился и удивленно оглянулся. Фиона не отвела глаз, и он, явно смешавшись, притворился, что смотрит совсем в другую сторону.

— Я это знаю, — вновь кивнула Фиона.

— Ты у нас смышленная, так что, думаю, знаешь.

Фиона устало вздохнула:

— Он считает, что ему живется нелегко.

— Может, так оно и есть. Лично я нипочем не хотел бы стать королем.

— Отчего же? — Фиона сумрачно взглянула на Дункана, и в глазах ее опять вспыхнул гнев. — Подумай, сколько всего ты мог бы сделать, если бы стал королем. Ты мог бы всего добиться, мог бы все изменить...

Дункан пренебрежительно рассмеялся:

— Я вырос на улице, но даже бродяжке хорошо известно, что король не всемогущ и не всемогущ. — Он двинулся вперед, но Фиона не тронулась с места — так и стояла, глядя ему вслед. — Не знаю, что там, по-твоему, он должен был бы изменить, но, может, ты лучше скажешь об этом ему, а не мне? А теперь я пойду узнаю, нет ли у него каких-нибудь пожеланий. Может, он пошлет меня за ночным горшком.

— Неужели до сих пор так и не посылал? — рассмеялась Фиона.

— Еще не вечер. Если будешь так сверлить его взглядом, ему наверняка срочно захочется на горшок.

Миновал час за часом, а они все шли по Глубинным тропам. Приметы скверны становились все многочисленнее. Углубления каменного пола заполняли отвратительного вида заводи, и Келль предостерег спутников, чтобы не вздумали даже коснуться этой влаги. Заодно он прикрикнул на Кромсая, и пес попятился от воды, мудро решив, что этим утолять жажду не стоит. Дункан склонен был с ним согласиться. В этих заводях плавали кости... неведомо чьи кости. Что-то шевелилось в глубине — возможно, черви, но Дункан предпочитал над этим излишне не задумываться.

Гуще стали и скопления черных наростов, напоминавшие гигантскую грибницу. Они бугрились на стенах, смахивая порой на громадные расплывшиеся улы, из которых расплзались, змеясь, черные щупальца. Все эти заросли покрывала уже знакомая маслянистая слизь. Время от времени ее вонь становилась настолько густой, что повисала испарениями в воздухе и едва не гасила факелы. Серые Стражи задыхались, давясь этой вонью, и только настойчивость короля побуждала их продолжать путь.

Мэрик, судя по всему, считал, что они идут в верном направлении. Отряд миновал уже несколько ответвлений, и только на первом король заколебался. Дункан, однако, заметил, что он вовсе не прикидывал, каким путем идти дальше. Взгляд его стал отрешенным, и он погрузился в воспоминания, о которых не стал говорить вслух. Когда же наконец Мэрик заговорил и указал направление, голос его звучал вполне уверенно.

Дункан мог только гадать, что таилось в тех ответвлениях, мимо которых они прошли. Все эти коридоры были похожи как две капли воды, и совершенно неясно было, каким образом Мэрик отличал их друг от друга. Должно быть, прежнее путешествие по Глубинным тропам отчетливо сохранилось в его памяти. В таком случае Женестьева, наверное, была права, решив обратиться за помощью именно к королю Ферелдена. Если бы они случайно свернули не в тот коридор — кто знает, что поджидало бы их в конце пути?

Отряд дошел до руин гномьей перевалочной станции, когда командор объявила привал. От самого помещения мало что уцелело — остатки стен да кое-какое полуистлевшее оснащение, — но все понимали, что остановились они здесь вовсе не затем, чтобы

любоваться местными достопримечательностями.

Порождения тьмы все ближе. И все ближе, если верить словам Мэрика, тейг Орган — об этом тоже никто из них не забывал. Дункану мерещились впереди бесчисленные орды чудовищ, как если бы отряд шаг за шагом приближался к черной бездне с тысячью глаз и все эти глаза смотрели именно на него. Одна мысль об этом повергала его в панический страх, от которого сводило судорогой живот. До сих пор он почти не сталкивался с порождениями тьмы, и вот теперь по доброй воле направляется туда, где их в избытке, — куда больше, чем ему хотелось бы. Пугающая перспектива.

Палатки поставили без пререканий. Когда-то, наверное гномы останавливали здесь тех, кто путешествовал по Глубинным тропам, досматривали товары, а то и взимали пошлину. А может быть, станцию возвели, чтобы следить за приближением врагов? Что было на самом деле, Дункан понятия не имел. Когда разразился первый Мор, болезненнее всего он ударил по гномам. Порождения тьмы хлынули на Глубинные тропы, и подземные жители отступили в Орзаммар, запечатав все выходы в туннели и бросив тех, кто остался по ту сторону печатей, на произвол судьбы.

Каково это было — понять, что спасения нет? Когда порождения тьмы волной хлынули, сметая все на своем пути, почти бесследно уничтожая целый народ? Гномы уж точно никогда не сомневались в том, что Мор может повториться, и всегда относились к Серым Стражам с куда большим уважением, чем прочие народы. Соплеменники Дункана были, само собой, куда менее безотказны. Слишком уж легко забывали они о том, что не маячило у них перед глазами.

Не то чтобы молодой Страж был лучше всего остального человечества и потому осуждающе взирал на него с высоты своего совершенства. Вовсе нет. Просто ему столько всякого довелось повидать в жизни, что он прекрасно знал, на что способны люди. И как правило, считал, что было бы, в сущности, не так уж и плохо, если бы Мор прокатился по всему Тедасу и поглотил человечество, а потом, наверное, мучился бы отрыжкой и в конце концов выплюнул добычу.

Дункану стоит как-нибудь сесть и составить список всего хорошего, что погибло бы вместе с человечеством. Печенье, например. Порождения тьмы могут стереть с лица Тедаса все печенье. Это было бы ужасно, и ради одного их спасения стоило затевать нынешний поход.

— Почему мы остановились? — спросил Мэрик, почти бесшумно подойдя сзади.

В свете факелов Дункан заметил, что выглядит он неважно: бледное лицо блестит испариной как от лихорадки. Пребывание на Глубинных тропях явно не шло ему на пользу. Да и кому оно, впрочем, пошло бы на пользу?

— Скоро мы столкнемся с порождениями тьмы. И их много.

— В самом деле? Я не... ах да.

— Мы их чуем, — напомнил Дункан. — Думаю, продолжение пути сулит немало развлечений.

Он изо всех сил постарался, чтобы в этих словах прозвучала молодецкая удаль и уверенность, которой на самом деле он вовсе не испытывал.

Женевьева неумоимо вышагивала по краю лагеря, и ее взвинченное состояние малопомалу передалось остальным. Разговоров почти не было слышно, и после ужина, который состоял из сухих пайков и безвкусного вина, путники тесно сгрудились вокруг небольшого костра — костра, который командор позволила разжечь с большой неохотой. Никто из них не хотел признаваться, что, хотя все выбились из сил, одна мысль о том, чтобы хоть на миг сомкнуть глаза в этой гнетущей тьме, кажется почти невыносимой. Огонь дарил свет и тепло, и рядом с ним было чуть легче не вспоминать о том, что над ними нависает невообразимая толща земли и камня.

И все равно уныние очень скоро накрыло их с головой, точно погребальный саван.

Жюльен и Николас, устроившись на большом камне, играли в орлесианскую игру, где

требовалось передвигать фигурки из слоновой кости по расчерченной на клетки доске. Дункану доводилось видеть, как богачи развлекаются этой забавой, но он понятия не имел, каковы ее правила и как она вообще называется. Судя по всему, игра требовала изрядной сосредоточенности — оба воина часто морщили лбы и в задумчивости потирали подбородки.

Наверно, такая игра была под стать этой парочке. Когда Дункан только вступил в орден, он думал, что Жюльен и Николас братья, но потом оказалось, что они просто близкие друзья, которые предпочитают общество друг друга и по большей части держатся особняком. На памяти юноши Жюльен редко говорил зараз больше десяти слов, да и то только для того, чтобы уговорить Николаса. Манеры его отличались мягкостью, совершенно не похожей на грубоватую несдержанность друга.

Келль, сидевший напротив Дункана, сосредоточенно строгал поясным ножом древки стрел. Колчан его был уже полон, однако он не прекращая своего занятия. Вне сомнений, он считал, что все эти стрелы ему очень скоро понадобятся, и был, наверное, прав. Кромсай, свернувшись клубком около хозяина, взирал с обожанием и, наверное, жалел, что не может помочь ему в работе.

Все остальные просто глазели на огонь. Когда мимо проходила Женестьева, все застывало. Нельзя сказать, чтобы это бросалось в глаза: Жюльен и Николас, поглощенные игрой, замирали, не отрывая глаз от доски, а все прочие задерживали дыхание. Командор окидывала их жестким взглядом и шла дальше. Вслух она ничего не говорила, но явно считала, что, если уж никто не собирается спать, они с тем же успехом могли бы свернуть лагерь и двигаться дальше.

Постепенно это стало невыносимо. Все тело Дункана изнывало, требуя сна, и он уже несколько раз обнаруживал, что клюет носом, но тут же вскидывался. Костер источал блаженное тепло — единственный источник хоть чего-то приятного в этом Создателем забытом месте. Юноше хотелось обхватить огонь обеими руками и тесно прижать к себе. Может, хоть это помогло бы ему согреться и не дрожать от холода, а дрожал он теперь почти не переставая.

— Тебе нехорошо? — спросила Фиона, и голос ее прозвучал так неожиданно, что Дункан едва не подпрыгнул.

Он обернулся, одарил эльфийку мутным взглядом, не сразу сообразив, о чем она спрашивает, но в конце концов покачал головой.

— Хочешь сыграть? — предложила она. — У меня в мешке грсть карты...

— Нет.

Дункана вновь пробрала сильная дрожь, и он принялся ожесточенно тереть руки. Все прочие отвлеклись от своих занятий и уставились на него, исподтишка переглядываясь.

— Ты уверен?

— Да! Уверен!

У костра опять стало тихо, и Дункан почти пожалел, что отказался. И принялся растирать руки, отметив мимоходом, что они заметно побледнели. “Забавно, — подумал он, — я полжизни мечтал о том, чтобы у меня была такая же светлая кожа, как у других детей, а для этого, оказывается, всего лишь нужно было как следует промерзнуть на Глубинных тропах”.

— Может, подбросить топлива в костер, чтобы разгорелся пожарче? — предложил Келль.

— Мне и так хорошо! — огрызнулся Дункан.

Он чувствовал, что Фиона не сводит с него встревоженного взгляда, хотя заговорить не решается. А потому юноша крепко обхватил себя руками и придвинулся вплотную к огню, стараясь не показать своим видом, как ему дурно.

Судя по тому, как неловко посматривали на него остальные, все его старания пропали втуне.

— Знаете, — вдруг подал голос Мэрик, который, сидя рядом с Дунканом, тоже грел руки у огня, — во времена мятежа у нас в ночь накануне битвы проводился некий обряд. Мы

пускали по кругу емкость с гномьим элем и проверяли, кто сумеет больше выпить.

Ута ухмыльнулась и изобразила руками какой-то знак Келль, все так же строгавший стрелы, с озадаченным видом оторвался от своего занятия.

— Она говорит, что это на самом деле не эль.

— А то я не знаю! Думается мне, его варят из грибов. Он черный, точно смола!

Дункан застонал:

— И вы это пили?

Король подмигнул ему и, сунув руку за пазуху, извлек из-под плаща большую серебряную флягу. Гномью руну, вычеканенную на боку у этой фляги, разглядели все, и кое-кто одобрительно присвистнул. Даже Николас и Жюльен заинтересовались происходящим. Из горлышка потянуло тошнотворно-сладковатой вонью — точно скунс заполз под сарай и там издох, а его труп долго разлагался на жаре.

Фиона рассмеялась, зажимая рот ладонью:

— Фу, какая гадость!

— Эту традицию ввела моя мать, — сказал Мэрик. Он поднес флягу к носу, принялся — и блаженно вздохнул, словно аромат содержимого несколько не отдавал трупной вонью. — Она познакомилась с одним гномом, который оказался в немилости у орлесианцев. Мне было тогда лет пятнадцать. Как звали этого гнома, я забыл. Помню только, что такой курчавой бороды я в жизни ни у кого не видел. Как бы то ни было, гном какое-то время кочевал с нами и подарил нам целый бочонок гномьего эля.

Улыбка Мэрика вдруг стала нежной, в глазах мелькнула печаль. Дункану не сразу припомнилось, что мать короля убили, причем, судя по слухам, прямо у него на глазах. Интересно, правда ли это.

— Никто не хотел пить этот эль, но мать была так упряма, что терпеть не могла, когда что-то пропадало попусту, пусть даже подарок. А потому на следующую ночь перед боем она достала этот бочонок и зачерпнула из него кубком. На глазах у всех своих офицеров она осушила кубок, а потом подначила их проделать то же самое.

Мэрик рассмеялся — раскатистым, теплым смехом с оттенком грусти. Поколебавшись всего лишь долю секунды, он поднес флягу к губам и начал пить. Дункан почувствовал как нос его сам собой сморщился от отвращения, — король сделал не один глоток, а целых два, потом оторвался от фляги и, расплывшись в безумной улыбке, удовлетворено выдохнул:

— А-ах!

Ута показала жестом, что впечатлена.

— Согласен, — кивнул Николас.

— В ту, первую ночь я пил последним. — Мэрик улыбался, голос его звучал напряженно, как если бы эль обжег ему горло. — Я сделал один глоток, и меня вырвало прямо в костер.

Он повернулся и, чуть заметно вскинув бровь, протянул флягу Келлю.

Охотник поглядел на нее с явным сомнением, затем едва слышно вздохнул и, отложив нож и недоструганную стрелу, взял флягу. Поднес ее ко лбу и, глядя на короля, склонил голову в знак благодарности.

— Я проходил обучение с Воинами Пепла, — сказал охотник. И уставился внутрь фляги с таким видом, словно был уверен, что оттуда сейчас что-то выползет. — Они считают, что солдату нужно умереть еще до боя. Если ты не способен увидеть свою смерть и смириться с ней, она застигнет тебя врасплох. Перед моим первым боем они неглубоко изрезали меня до крови, а потом сыпали в ранки соль, покуда я не завопил от боли.

Келль вдруг ухмыльнулся. Дункану только сейчас пришло в голову, что он никогда не видел, чтобы охотник улыбался.

— И когда я заорал, они все так и покатались со смеху. Они, видите ли, бились об заклад, как долго я выдержу.

Он хлебнул изрядный глоток и лишь утер рот ладонью, ничем не показав, понравился ему вкус пойла или наоборот.

— Урок, который я получил, был таков: не делай всего, на что подговаривают тебя приятели просто потому, что их это забавляет. Наука явно не пошла мне впрок. — С этими словами Келль подмигнул Уте и передал ей флягу.

Рыжеволосая гномка внимательно рассмотрела руну на боку фляги и зажестичулировала, обращаясь к Мэрику.

— Она говорит, что эта руна... извини, не могу разобрать, — сконфуженно проговорил Николас.

— Это знак дома Эдукан, — сказал Мэрик. — Эту флягу мне подарил король Эндрин.

Его слова явно произвели на Уту большое впечатление. Она надолго припала к фляге, сделала несколько глотков, а когда наконец оторвалась от горлышка, опустила флягу и, помедлив немного, длинно и совсем не по-женски рыгнула, да так громко, что эхо прокатилось по всей пещере.

Горделиво улыбаясь, Ута вновь зажестичулировала, и Николас стал переводить:

— Вкус, конечно, мне незнаком, но я хорошо помню это мерзкое пойло. Отец его обожал и всякий раз, выпив, громко рыгал, потому что знал, как это раздражает мою мать. Ему приходилось прятать от нее бутылки, и она вечно посылала меня их отыскивать. Отец дразнил меня Врединкой.

Келль серьезно взглянул на нее:

— Ты никогда раньше не рассказывала о своих родителях.

Ута печально кивнула:

— Они мертвы. Порождения тьмы.

С этими словами она передала флягу Николасу, и тот с опаской воззрился на угощение.

— Родители вышвырнули меня из дому, когда я был еще подростком, Я наврал сенешалю в Форталане, чтобы меня приняли в один из нерегулярных отрядов. Когда нас впервые двинули в бой, мне стало так страшно, что я обмочился.

Глаза Жюльена округлились в веселом изумлении.

— Не может быть!

— Может. После боя меня прозвали Мокрые Штанишки. Это прозвище прилипло ко мне надолго. — Николас сделал глоток, и лицо его исказилось от неприкрытого отвращения. — Чудовищная дрянь! Как только можно такое пить?

Он поспешно передал флягу Жюльену. Темноглазый воин нахмурился.

— Я не могу рассказать ничего забавного, — негромко проговорил он.

Орлесианский акцент в его голосе звучал особенно отчетливо. Уже не впервые Дункан задался вопросом, не принадлежит ли Жюльен к имперской аристократии. И если так — остается лишь гадать, что привело этого человека в ряды Серых Стражей. По своему опыту общения с орлеанской знатью юноша усвоил, что аристократы редко склонны придавать значение такой причуде, как исполнение долга, но, может, и впрямь не стоило стричь их всех под одну гребенку?

— Да можешь, можешь, — подначивал его Николас.

— Не могу.

— А помнишь ту ночь в Вал Морте? Ночь перед рейдом на порождений тьмы?

Жюльен залился краской, поглядывая на всех прочих с им видом, словно жалел, что не может забиться в какую-нибудь щелку.

— Николас, это не совсем пристойное происшествие. Да и устроил его совсем не я.

Николас разразился довольным хохотом.

— Ребята скинулись и наняли для него эльфийскую шлюху! — Он запнулся, поглядел на магичку, которая сидела по другую сторону костра. — Извини, Фиона.

Эльфийка фыркнула:

— Да говори что хочешь. Это твоя мать — шлюха.

— Точно! — Николас оглянулся на Жюльена, явно получая огромное удовольствие от замешательства, в котором бывал его друг. — Он, видите ли, дал маху, признавшись, что никогда еще не спал с женщиной. Вот мы и решили заполнить этот пробел до того, как

Жюльен впервые встретится в бою с порождениями тьмы.

Жюльен покраснел до корней волос:

— Она была очень славная.

— Она обобрала его до нитки! Стащила все деньги выпрыгнула в окно!

Молчаливый воин, хоть еще и не избавился от смущения, после этих слов заулыбался и покивал:

— И все равно она была очень славная.

Он сделал большой глоток, содрогнулся от мерзкого вкуса и тут же попытался всучить флягу Фионе.

Эльфийка помотала головой:

— Я не стану это пить.

— Да ладно, не артачься! — подбодрил ее Дункан.

Магичка без особой охоты, но все же уступила. Приняв флягу, она зажала двумя пальцами нос и глотнула самую малость. И тут же закашлялась, громко давясь и содрогаясь всем телом. Неловко размахивая флягой, Фиона ткнула ею в сторону Дункана, и тот, хохоча от души, выхватил у нее емкость с гномьей руной. Эльфийка отчаянно боролась с позывами рвоты, и все остальные, глядя на это, развеселились не меньше Дункана.

— Ах, как мило! — наконец отдышавшись, просипела она. — Спасибо, что вам так весело оттого, что меня отравили!

— Бедная Фиона! — поддразнил ее Николас. — Не Фиона, а нежная фиалка!

— Поцелуй-ка ты в зад своего коня! — Эльфийка хихикнула и тщательно вытерла губы, словно надеялась так избавиться от омерзительного привкуса. — Фу-у! Это самый настоящий яд.

Дункан ухмыльнулся ей:

— Недурную сцену ты нам закатила.

— Да при чем тут сцены! Попробуй — сам убедишься.

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул он. Оставив в покое Фиону, он переключился на фляжку и осторожно принюхался. И зря. Дункан отшатнулся и сморщил нос, как будто обжег его.

— Что-то я не уверен, что мне хочется это пить.

— А придется, — хохотнул Мэрик. — Мы все уже выпили.

Не все. Дункан искоса глянул на Женевьеву, которая стояла чуть поодаль, на краю разрушенного форпоста. Стояла спиной ко всем остальным, опираясь плечом на одну из стен. Наверняка она слышала, как хохочут и дурачатся ее спутники. В глубине души Дункану очень хотелось позвать ее, пригласить присоединиться к общему веселью. Только она ведь, само собой, откажется.

— Мне еще не доводилось бывать в серьезном бою, — сказал он вслух, — но как-то ночью мы собирались ограбить одного маркиза... не помню его имени. Помню только, что зажиточный был ублюдок. А еще у него в доме толклось полно охраны, так что это было то еще приключение.

Ута скорчила неодобрительную гримасу.

— А что такого? — возмутился Дункан. — Мы были бедны, а он богат. По мне, так это было справедливо.

— По мне — тоже, — рассмеялась Фиона.

— Словом, мы готовились выйти на дело и, само собой, нервничали и обливались потом, как эльфийские шлюхи в церкви...

— Да что вы все прицепились к эльфийским шлюхам? — взвилась Фиона.

— ...и тут я сообразил, что забыл прихватить веревку. Бегом бросился вниз по лестнице — и поскользнулся. Прокатился кубарем целый лестничный пролет и шлепнулся на кота.

— Шлепнулся на кота? — Мэрик недоверчиво уставился на него.

— Здоровенный такой котище. Он был местный, жил на улице и гонял собак. Мы звали его Кроликом.

Келль выгнул бровь:

— Почему Кроликом?

— Да не знаю. Уши у него были большие. В общем, этот котяра так меня исцарапал, что я взбесился от злости. Гнался за ним четыре квартала и швырял в него камни. Шустрый был скот. А потом я свалился в колодец.

— В колодец, — повторил Николас.

Дункан пожал плечами:

— Я тогда был еще не такой ловкий, как теперь. — Он невесело усмехнулся своим воспоминанием. — Ребята не знали, куда я делся, и я просидел в том колодце три дня, покуда какой-то стражник не услышал мои вопли. Пришлось провести ночь в кутузке, но, по крайней мере, меня там покормили. — Дункан хохотнул, но смех тут же перешел во вздох. — Треклятый кошак.

— А товарищи тебя не искали? — спросила Фиона. Дункан покачал головой:

— Они погибли. Кто-то настучал маркизу, и ребят поджидала вся его охрана. Повезло, что меня с ними не было, — по крайней мере, я считал, что повезло. Потому что в живых остался я один и другие воры из гильдии решили, это я всех сдал. — При этих словах наступило подавленное молчание, но Дункан только усмехнулся и поднял повыше флягу. — За друзей, которых мы потеряли!

— За друзей, которых мы потеряли! — эхом повторили все остальные.

Дункан собрался с духом и хлебнул гномьего эля. Это было все равно что набить рот подошвой старого вонючего башмака, да еще перед тем подошву хорошенько отбили, и она стала водянистой и серой. Под ошеломленными взглядами спутников Дункан запрокинул флягу и, шумно булькая, осушил ее до дна.

Все восхищенно захлопали. Дункан сунул королю его флягу и вдруг почувствовал, что едва стоит на ногах.

— Храбрец! — похвалил Мэрик.

— Спасибо, — буркнул Дункан.

Затем он рывком вскочил, бросился сломя голову к углу развалин и вывернул на каменный пол содержимое своего желудка. Потом его еще немножко потошнило, а все прочие, глядя на это, весело ухмылялись.

Когда тошнота наконец прошла, Дункан оглянулся на сидевших у костра, одарил их широкой ухмылкой и победно показал большой палец. Наградой ему были дружные аплодисменты.

А еще он заметил, что Фиона бросила на Мэрика признательный взгляд. Король в ответ лишь пожал плечами и застенчиво улыбнулся.

Женевьева покинула свой пост у стены и, вернувшись к палатке, уселась на большом камне у самого входа. Дункан смотрел, как она снимает оружие и раскладывает рядом с камнем, чтобы заняться чисткой. За те несколько месяцев, что юноша был с ней знаком, ему довольно часто приходилось наблюдать этот ритуал.

Командор прервала свое занятие, провела рукой по коротким седым волосам, зевнула. Устала она, подумал Дункан, устала не только телом, но и душой. И выглядит старше прежнего, словно вдруг стремительно стал сказываться возраст. Должно быть, нелегко ей это дается — искать брата после того, как в глубине души его уже практически похоронила.

Дункан не был знаком с Бреганом: он вступил в орден через несколько месяцев после того, как брат Женевьевы ушел навстречу Призыву. Тем не менее он очень много слышал об этом человеке. Бреган и после своего ухода незримо витал среди Серых Стражей. Сестра часто поминала его. Другие тоже говорили о нем, причем с куда большим восторгом. Дункану всегда казалось, что большинство считает, будто Женевьева в должности командора в подметки не годится брату, хотя в открытую этого никто не высказывал.

— Дункан, — устало проговорила Женевьева, заметив, что он уставился на нее. И подперла рукой голову. — Чем это ты занимаешься?

Дункан направился к ней, покинув сидящих у костра товарищей. Они снова о чем-то

разговорились, и Келль шумно подбрасывал в костер топлива, чтобы пламя разгорелось поярче.

— Мне просто подумалось: вдруг этим древним руинам гномий эль придется по вкусу больше, чем мне, — подмигнув, пояснил он.

Женевьева коротко хохотнула и собрала в охапку часть разложенного вокруг оружия. Внутреннее всего в этой охапке выглядел меч — искусной работы двуручный клинок, сверкавший даже вдалеке от пламени костра. Магические руны на клинке были почти невидимы. Женевьева как-то сказала Дункану, что этот меч принадлежал ее брату, и Бреган отдал ей клинок перед тем, как уйти на Глубинные тропы.

Затем Женевьева помедлила, и лицо у нее стало такое, словно ей припомнилось нечто щекотливое.

— Да... касательно того происшествия в башне...

— Я просто был с девушкой! — перебил Дункан, чувствуя, как лицо уже заливают горячая краска. Он знал, что рано или поздно Женевьева припомнит эту историю, а потому загодя подготовил линию защиты. — Это ведь Серым Стражам не возбраняется, верно?

Женевьева выгнула бровь, и теперь на лице ее отразилось откровенное недоверие.

— Стало быть, ты пошел наверх за этой девушкой? Чтобы возлечь с ней?

— “Возлечь” — это то, чем мальчишки занимаются с девочками? По крайней мере, так я слышал.

— Угу-угу.

— А что тут такого? Дело обычное.

Женевьева откинулась назад, скрестив руки на груди, и уставилась на Дункана. Юноше было хорошо знаком этот взгляд. Когда так смотрят, дело может закончиться тем, что кое-кого шарахнут головой о стену.

— Так зачем же ты на самом деле туда пошел? Что ты делал там до того, как... уединился с этой молодой особой?

Дункан раздраженно вздохнул:

— Искал, чего бы стянуть.

Глаза Женевьевы сузились.

— У магов? Ты что, спятил?

— Кто не рискует, тот не побеждает. Я это себе всегда говорю.

Лицо Женевьевы окаменело, и Дункану показалось, что она сейчас тоже ему что-нибудь скажет, но тут же она досадливо махнула рукой. Молодой Страж подозревал, что и том месте, где они находились сейчас, провинности такого рода выглядели сущим пустяком, тем более что все это уже было и давно прошло.

— По крайней мере, тебя не поймали, — пробормотала Женевьева. — Тем не менее твои опасные выходки становятся совершенно неприемлемы.

— Мы же все равно все умрем, верно? — Дункан хохотнул, хотя на самом деле вовсе не шутил. — Сейчас я умру или попозже — меня не особо волнует.

Женевьева мгновенно уловила подлинный смысл его слов, и яйцо ее потемнело. Ничего не сказав, она угрюмо кивнула и снова занялась мечом.

Дункану подумалось, что бросать ей в лицо такие слова было не слишком честно. Командору до принятия Призыва осталось куда меньше времени, чем ему самому, и можно не сомневаться, что очень скоро она, уже зная до тонкостей, что ждет ее впереди, отправится на Глубинные тропы. Дункан повернулся, чтобы уйти.

— погоди! — окликнула его Женевьева. — Думаю, настало время разъяснить тебе твои обязанности.

Дункан остановился:

— Мои обязанности? Присматривать за королем? А что, я еще что-то должен делать?

Рот Женевьевы угрюмо сжался, и легкомысленное настроение Дункана как ветром сдуло. Теперь она была настроена совершенно серьезно. Он подошел ближе и присел на корточки. Женщина едва заметила это — она сосредоточенно молчала, обдумывая

следующую фразу.

— Вполне вероятно, — медленно проговорила она, — что наша экспедиция закончится полным провалом. Тебе известно, какого мнения были обо всем этом Серые Стражи. Они на йоту не верят, что Бреган попал в плен.

— Я верю, — твердо сказан Дункан.

Он был совершенно искренен. У Женестьева было немало недостатков, но за то короткое время, что юноша ее знал, он не обнаружил среди них ни глупости, ни легковёрности. Если те, кто знает ее дольше, по каким-то своим причинам сомневаются в ее видениях, значит, они просто глупцы.

Женестьева кивнула, глядя на него, и в глазах ее мелькнуло благодарное выражение.

— Проблема в том, что мы можем погибнуть. Нас слишком мало, и, что бы мы там ни считали, вероятность, что мы найдем Брегана, ничтожно мала.

— Что я должен сделать?

— Если с порождениями тьмы и впрямь произошла какая-то перемена, значит, угроза Мора воистину велика. Если мы не сумеем помешать им добыть у Брегана нужные сведения, наша задача будет оценить надвигающуюся угрозу. А твоя задача будет состоять в том, чтобы вывести на поверхность короля Мэрика.

— В одиночку?

Женестьева кивнула:

— Ты ловок и умеешь таиться. Король этими способностями не обладает, но ты лучше всех нас знаешь, как пробраться мимо врагов, оставаясь незамеченным. Я полагаюсь на тебя, на то, что ты сумеешь вывести короля.

— Почему я, а не Келль? Он охотник, он мог бы...

— Я полагаюсь на тебя, — с нажимом проговорила она.

Дункан судорожно сглотнул. Женестьева его явно переоценивает.

— Он понадобится Ферелдену, — продолжала она. Взяв меч, она положила его на колени, легонько покачнула, любовно провела пальцем вдоль клинка, словно зачарованная узорами, которые покрывали сталь. — Стране понадобится вождь, который одним из первых разглядел угрозу Мора, который верит в нее. Король Мэрик помог бы нам поднять по тревоге весь Тедас и способствовал бы тому, что во всех последующих событиях Серые Стражи пользовались бы непоколебимым доверием.

— Но что, если... — Дункан оборвал свой вопрос, стыдясь уже и того, что подобное пришло ему в голову.

— Вполне возможно, что я не права, — ровным голосом проговорила Женестьева, завершив его мысль без малейшей тени упрека. Она подняла взгляд на Дункана, и он увидел в ее глазах смерть. — Возможно, Бреган мертв, а я, приведя нас сюда, совершила чудовищную ошибку. Если не хуже.

— Хуже?

— Если то, что узнает король Мэрик, может навредить Серым Стражам, может выставить нас на посмешище и помешать нам исполнять свой долг... в таком случае ты должен позаботиться о том, чтобы он никогда не вышел на поверхность.

Дункан остолбенел, не веря собственным ушам:

— То есть... ты хочешь сказать...

Женестьева в задумчивости обхватила пальцами подбородок:

— Возможно, он попытается сбежать. Однако, по каким бы причинам он ни решил к нам присоединиться, обратного пути нет. Если он должен будет исчезнуть бесследно здесь, чтобы мы на поверхности смогли рассказать ту историю, какую сочтем нужной, — значит, именно так нам и надлежит сделать. — Заметив потрясение, написанное на лице Дункана, Женестьева подкрепила свои слова жестким прямым взглядом.

— Подумай вот о чем: здесь опасно, но я не знаю, что именно заключает в себе эта опасность, не знаю и того, что может узнать о ней сторонний человек, такой как Мэрик. У нас, Дункан, есть высший долг. Серые Стражи защищают весь мир, а не одно мелкое

королевство.

Дункан медленно кивнул, чувствуя, как неистово колотится в груди сердце.

— Я... я понимаю.

Женевьева улыбнулась — печально, но и сочувственно. И утешающим жестом положила руку ему на плечо:

— Я знаю, что ты способен это сделать. И полагаюсь на тебя, на то, что, если возникнет такая необходимость, ты всем позаботишься.

Дункан снова кивнул, не зная, что сказать, да и надо ли еще что-то говорить.

Рука Женевьевы соскользнула с его плеча.

— Ступай. Поспи хоть немного.

Завтра они войдут в логово льва.

Молча кивнув командору, Дункан повернулся и ушел прежде, чем она успела еще что-то сказать. Ему, только ему Женевьева доверила присматривать за королем, причем не только в одном, расхожем смысле. Она хотела, чтобы это сделал Дункан — не Келль, не Фиона, а именно он.

Возможно, потому, что он способен на убийство и Женевьева это известно. Эта мысль застряла в сердце юноши осколком льда. И однако же, ее поручение не вызвало у него протеста. Он знал: главное дело Серых Стражей — одолеть порождений тьмы, чего бы это ни стоило. Порой для этого приходилось совершать чудовищные поступки.

Если дело до того дойдет, он убьет короля Мэрика. Наверное, даже Фиона, которая так откровенно выражает свою неприязнь к этому человеку, не сумела бы это сделать. Скорее всего, не сумела бы. Хоть она и злючка, но все же хорошая.

А он, Дункан, — нет.

Глава 6

Создатель, врагам моим несть числа.
Тьмы их, против меня восставших,
Но вера силы мои укрепит;
Не убоюсь я и легиона,
Пусть гибелью он мне грозит.

Песнь Испытаний, 1:1

Бреган не знал, сколько времени провел в келье. Разум его часто затуманивали приступы боли, и он то погружался в забытье, то просыпался вновь, не имея ни малейшего понятия, день настал или ночь. Время утекало как вода, растворялось во тьме и отчаянии, которые накрывали его с головой.

Зачастую, когда он пробуждался от беспокойного сна, на долю секунды его охватывало смятение, — казалось, будто он на самом деле находится в замке Серых Стражей в Монсиммаре, что все муки пережитого плена на самом деле лишь кошмарный сон. В глубине души он ожидал, что вот-вот вдохнет знакомые запахи кипариса и чистого белья, искал взором блики лунного света, проникающего сквозь неплотно прикрытые ставни, хотя умом и понимал, что ничему этому не бывать. Быть может, это его сознание цеплялось за призрачную надежду, не желая мириться с неумолимой действительностью.

И это казалось Брегану странным — он не питал никаких теплых чувств к этому замку, пусть тот и был его домом столько долгих лет. Пребывание в рядах Серых Стражей никогда не приносило Брегану радости. Впрочем, если быть точным, горести тоже не приносило — скорее, это была жизнь, которую он терпел. Он не стал противиться зову, который привел его на путь Серого Стража, но и с радостным сердцем по этому пути не шел.

И то, что сейчас собственное сознание всеми силами стремилось вернуть Брегана в

немилое прошлое, казалось ему дурной шуткой.

Женевьева с ним не согласилась бы. Она всегда считала, что их положение в ордене Серых Стражей — великая честь для обоих. В тот день, когда Брегана сделали командором, глаза ее сияли затаенной гордостью, между тем как сам мужчина чувствовал себя подавленным, загнанным в ловушку. И тем не менее он не отказался от этой должности, принял ее и все обязанности, а сестра лишь недоверчиво качала головой, считая поведение брата обыкновенным упрямством.

И вышло так, что именно такое поведение принесло Брегану изрядную популярность среди подчиненных. Сам он никогда не считал себя выше и достойнее тех, кем командовал. Все они принесли ту же жертву, что и Бреган, все, как он, приняли в себя мерзость скверны, дабы сражаться с опасностью, которую почти все человечество считало давно минувшей. Бреган не искал возможности отличиться и все почести, которыми осыпали его вышестоящие, с готовностью перенаправлял тем, кто эти почести действительно заслуживал. Именно за это его и любили Серые Стражи.

Этого Женевьева тоже никогда не понимала. Чопорный нрав и приверженность дисциплине вынуждали ее возводить стену между собой и подчиненными. Бреган был единственным, кого она допускала к себе, и порой он чувствовал, что сестра с неприязнью относится к его популярности. Она рала, что он намеренно добивается от подчиненных восторженной преданности...

Быть может, все дело в том, что именно так на его месте поступала бы она сама? Быть может, Женевьева всегда тайно мечтала добиться всеобщей любви и пошла бы на многое... Впрочем, оба они прекрасно понимали, что это недостижимо. Для Женевьевы люди были не более чем орудия, средства для достижения цели. Она предпочитала, чтобы все они были одинаковыми — стойкими, решительными, предсказуемыми, — и неизменно удивлялась, обнаруживая, что это совсем не так.

Сознавать, что именно Женевьева придется после его ухода исполнять обязанности командора, Брегану было почти так же тяжело, как переносить все испытания, которым подверг его Призыв. Как, должно быть, мучительно было ей видеть людей, горюющих о его уходе, и отчетливо понимать, что, когда в скором будущем настанет время, о ней так горевать не будут.

Мысль о сестре бесцеремонным рывком вернула Брегана к реальности. Ему снилась Женевьева, и, хотя сон заволакивала завеса боли и безумия, даже сквозь эту завесу мужчине чудилось, что сестра где-то рядом, что она отчаянно ищет его в непроглядной тьме. Сон, конечно, был странный, но Бреган, хорошо разбиравшийся в такого рода вещах, поневоле заподозрил, что ему явилось не простое сновидение.

Неужели сестра последовала за ним на Глубинные тропы? Неужели она решила спасти его?

Брегана охватила паника. Он открыл глаза и резко сел, не сомневаясь, что в келье царит кромешная темнота. И тем не менее в глаза ему ударил свет. Мутное желтое свечение, заполнявшее келью, не в силах было отогнать глубокие тени, но, по крайней мере, хоть немного рассеивало тьму. Снова в ноздри Брегану ударила вонь разложения, словно его окружали куски подгнившего мяса, однако сейчас этот запах отчего-то показался ему слабее, чем прежде.

Зато знакомый рокочущий гул стоял намного сильнее. Он уже не казался невнятным и отдаленным — нет, он звучал отовсюду, со всех сторон. Он рокотал за стенами и под полом, заполнял собой тени и бесплотно, почти ласкающе касался лица. В этом звуке таилась теперь пугающая красота, непереносимая жажда, которая то усиливалась, то слабела, притягательная сила, которая и влекла, и пугала до тошноты.

Этот звук совершенно заглушил ощущение присутствия порождений тьмы. Как ни пытался Бреган определить, где затаились эти твари, все его усилия разбивались о стену невыносимо прекрасного гула. Звук этот, словно сорняк, внедрился в его сознание и разросся там.

Стража охватило вдруг безрассудное желание вцепиться ногтями в собственное лицо, разодрать плоть и кости и руками выскрести из своего мозга навязчивый гул. Эта мысль вызвала у него приступ смеха, нелепого истерического хихиканья, которое, едва вырвавшись наружу, захлебнулось.

— Ты слышишь его, не так ли? — прозвучал невозмутимый голос Архитектора.

Гарлок сидел шагах в пяти от Брегана, на каменном выступе у стены.

Мужчина вздрогнул от неожиданности, не понимая, как он, пусть даже в таком тусклом свете, не заметил Архитектора раньше. Неужели гарлок бесшумно проскользнул в келью, пока он был поглощен раздумьями и воспоминаниями? Может, он спал и даже не осознавал, что спит?

Рядом с Архитектором висел одинокий сияющий камень — источник света, заполнявшего келью, искривлений посох лежал на коленях, прикрытых тканью мантии, (впечатление было такое, что гарлок просидел вот так довольно долго. Наблюдал? Или проникал в его мысли с помощью магии? Заклинания, которые позволяют проделать в, существуют — запретная магия, которой, вне всякого сомнения, может обладать гарлок-эмиссар.

Но если это так, Бреган практически бессилён. Враг прочел его мысли, раскрыл все тайны. Бежать он уже пытался — и опять оказался здесь же.

Стража пробрала дрожь, и он запоздало сообразил, что почти раздет, правда, грудь и ноги обмотаны повязками. Он не помнил, что было после того, как на него навалились порождения тьмы, как их зубы вонзились в плоть. Он даже не очень понимал, как остался жив.

Кожа под повязками нестерпимо чесалась, но Бреган поборол искушение содрать их. Чтобы укрываться, ему оставили изрядно потертое меховое одеяло, и сейчас Бреган, завернувшись в него, медленно сел, выпрямив спину. Боль пронзила все тело, как если бы плоть сама протестовала против этого движения. Собственная неуклюжесть насторожила Брегана. Ему казалось, что кровь его загустела, сердце бьется медленнее, словно нечто чуждое проникло и расползлось внутри, высасывая силы. Что же такое сделали с ним потения тьмы?

— Можешь пускать в ход какую угодно магию, чтобы вызнать мои тайны... если уже не вызнал, — процедил Бреган. — Добровольно я не расскажу тебе того, что ты хочешь узнать.

Архитектор медленно моргнул, и в его белесых глазах, все так же неотступно смотревших на Брегана, отразилось удивление.

— Даже если бы я и был способен на такое, — проговорил он учтивым тоном, отрывисто и бесстрастно произнося слова, — отчего ты решил, что я стремлюсь именно к этой цели?

— Да потому, что все вы, порождения тьмы, стремитесь именно к этому! Разве нет?

Собственный голос показался Брегану хриплым карканьем, в глазах у него помутилось. Голова кружилась, словно он захмелел. Невыносимо прекрасный гул достиг пределов громкости, и казалось, что этот слитный неотвязный звук вот-вот разорвет мозг. Волна за волной накатывал он на Брегана, разбиваясь о сознание, и наконец начал стихать. Все силы Стража уходили на то, чтобы сидеть ровно. Лицо его запивал пот, и сердце медленно и гулко ухало, колотясь в груди.

— Вы роете... рыщете... ищете, где скрыты...

— Древние Боги, — подсказал Архитектор.

Бреган кивнул. Рокочущий гул снова отступил в темноту, но от его мощи пробирала дрожь. В недрах этого звука крылся многоголосый шепот, и Бреган был почти уверен, что если бы остановился, прислушался, то наверняка разобрал бы слова. Вот только он твердо решил, что делать этого не станет. Бреган закрыл лицо ладонью, пытаясь овладеть собой.

— Ты меня не обманешь! — процедил он сквозь зубы. — Я знаю, чего ты хочешь. Зачем бы иначе ты держал меня здесь?

Архитектор пристально всмотрелся в него. Затем поднял распухшую, покрытую

шрами руку и задумчиво провел пальцем по подбородку. Бреган под этим испытующим взглядом все так же истекал потом, его трясло, все тело охватила слабость — и в то же время он изо всех сил старался, чтобы гарлок не заметил этого бессилия. Удалось ли ему притворство, он понятия не имел. Наверно, не слишком Эмиссар медленно поднялся, зашуршав складками коричневой мантии. Опираясь на черный посох, он подался ближе. Бреган содрогнулся от омерзения, глядя в мертвые глаза гарлока. По спине у него поползли мурашки, и он испытал непреодолимое желание отодвинуться, но даже на это у него не нашлось сил.

— Ты не ответил на мой первый вопрос, — негромко проговорил Архитектор.

Бреган кашлянул, искоса оторопело глянул на гарлока:

— Я не...

Архитектор выпрямился, вновь потер подбородок — жестом до странного человеческим. Бреган заметил, что на пеньковой веревке, которой он был подпоясан, висят какие-то мешочки и всякие диковинные предметы. Один из этих предметов смахивал на окаменелый череп, явно принадлежавший когда-то существу, похожему на рептилию.

— Я предположил, что ты слышишь зов. Ты ведь слышишь его, верно? — Архитектор, судя по голосу, был озадачен еще сильнее прежнего. — В сущности, я готов побиться заклад, что теперь ты слышишь его яснее, чем раньше.

— Ты имеешь в виду этот гул... эту музыку.

— Древние Боги зовут нас, манят, как всегда.

Архитектор повернулся, прошел в дальний конец кельи. Тени, которые отбрасывал сияющий камень, зловеще заплясали на стенах.

— Вот что ты слышишь. Для моих сородичей это зов, которому мы не в силах противиться. Он шепчет в нашей крови и вынуждает отправиться на поиски Древних Богов. Мы неустанно ищем их темницы, а когда находим — касаемся совершенного облика и тем самым оскверняем его на веки.

Гарлок опустил голову. Поскольку он стоял спиной к Брегану, тот не мог видеть его лица, но Стражу почудилось, что собеседник опечален, а может, исполнен сожаления. Возможно ли это? Бессчетные века порождения тьмы неукротимо, волна за волной обрушивались на все живое — без пощады, без жалости. Способны ли они сожалеть? Бреган вынужден был признать, что многие его представления об этих тварях, судя по всему, неверны.

— Совершенного облика? — переспросил он вслух. — Но Древние Боги — драконы.

Архитектор хихикнул, явно позабавленный.

— Драконы, и ничего более, так, человек? Неужели одного этого так мало? Неужели в Верхнем мире подобных существ такое великое множество, что они стали заурядным явлением?

На самом деле все обстояло как раз наоборот. Драконы были изничтожены почти подчистую и лишь совсем недавно снова стали появляться во плоти. И все равно Древние Боги — персонажи легенд и преданий, древние существа, которые были в мире еще до создания империи Тевинтер. Их до сих пор считали бы мифом, если бы всякий раз во время Мора орды порождений тьмы не вел гигантский, перерожденный скверной дракон — более чем убедительное доказательство существования Древних Богов.

— Я не знаю, каковы на самом деле Древние Боги, — признался Архитектор.

Белесые глаза гарлока невидяще смотрели вдаль, и Бреган понял, что он вслушивается в рокочущий гул. Словно в ответ звук усилился, перешел в прекрасный поющий шепот, ласкавший сознание. Бреган стиснул зубы, стараясь не поддаваться этому ощущению, но преуспел лишь отчасти.

— Я никогда в жизни не видел Древнего Бога. А если бы и увидел — не знаю, было бы это к добру или к худу. Мне известно одно: зов Древних Богов — это само совершенство. — С этими словами Архитектор вновь повернулся к Брегану. Лицо его было совершенно непроницаемо, но в негромком голосе звучала печаль. — Мы создания тьмы, человек. Тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было. Этот зов — единственный доступный нам свет.

Бреган неотрывно смотрел на гарлока, на порождение тьмы с уродливо-болезненной кожей и острыми как бритва зубами, на белесые мертвые глаза и черные когти на длинных скрюченных пальцах. Смотрел — и не знал, что сказать. Долгое время оба они молчали. Не слишком ли просто, думал Страж, было бы приписывать этому существу человеческие побуждения. Оно ведь, в конце концов, хоть отдаленно, но похоже на человека. Воображать, будто оно может чувствовать, как человек, было бы ошибкой. И эту он не должен забывать.

— Ты, кажется, сказал, что зов принуждает вас искать Древних Богов? — вслух спросил он.

Архитектор резко кивнул:

— Именно так. Большинство моих сородичей бессильны противиться зову. Они ищут Древних Богов, потому что не могут иначе.

— Большинство, — повторил Бреган. — Но не ты, верно?

— И, как я подозреваю, не ты.

— Я не порождение тьмы.

Гарлок шагнул к нему, снова глянул с неподдельным интересом.

— В твоей крови, Серый Страж, живет та же скверна, что в нашей, однако ее воздействие на тебя ослаблено. Вот мне хотелось бы узнать: всегда ли ты слышал зов, или это началось только после усиления скверны?

— Усиления? — растерянно проговорил Бреган.

Рука эмиссара медлительно протянулась в его сторону, и Страж вдруг сообразил, что тот указывает на его руки, прикрытые меховым одеялом. С пересохшим в один миг горлом он высвободил руки из-под одеяла и в желтом свете сияющего камня внимательнее присмотрелся к ним. Руки наполовину были покрыты темными пятнами. Вначале Бреган решил, это либо следы ушибов, либо засохшая кровь, но потом разглядел, что кожа в тех местах, где темнели пятна, изменилась, огрубела и словно выцвела — точь-в-точь как плоть порождений тьмы.

— Заживление у нас происходит быстро, — пояснил Архитектор ровным, ничего не выражающим голосом. — Полагаю, именно поэтому у нас, в отличие от твоих сородичей, так и не развилось лекарское искусство. Похоже, что, хотя воздействие скверны на твой организм замедленно, ты все-таки приобрел это преимущество.

— Преимущество! — с ужасом повторил Бреган. И отдернул руку от источника света, чувствуя, как по коже бегут мурашки и к горлу подкатывает тошнота. Ему вдруг до смерти захотелось содрать кожу с собственного тела.

Архитектор протянул руку, чтобы успокоить его, но Бреган непроизвольно шарахнулся. Он ударился спиной о стену, в панике лихорадочно хватая ртом воздух. Неужели так же выглядит его тело в тех местах, где оно прикрыто одеялом? Этот странный зуд под повязками, ощущение, что кровь в жилах загустела... Что же, выходит, он покрыт этими пятнами с ног до головы? Неужели он медленно, но верно превращается в чудовище?

Может, именно это и происходит с Серыми Стражами, которые слишком долго прожили на свете? Чья устойчивость к воздействию скверны окончательно и бесповоротно иссякла? Может, первые Стражи, жившие много веков назад, обнаружили эту ужасную истину и изобрели ритуал Призыва, чтобы последующие поколения ордена могли справиться с этой бедой?

— Мне очень жаль, — сказал Архитектор, и на сей раз Бреган не усомнился в его словах.

Опустив протянутую было руку, гарлок неловко смотрел на Брегана, а тот плакал. Рыдания толчками вырывались из груди, сотрясая все тело. Он сторал от стыда, потому что позволил себе расплакаться в присутствии врага, однако ничего поделать не мог. Слишком велико было вспыхнувшее в нем отчаяние.

Бреган вдруг осознал, что его тоже призвали сюда Древние Боги. Это их шепчущая песня заманила его на Глубинные тропы, поведала, что его время пришло. Он такой же, как все эти порождения тьмы.

— Я стал слышать этот гул недавно, — наконец выдал он, отвечая на вопрос. Голос его, едва слышный, больше походил на карканье, однако Архитектор зачарованно внимал каждому слову. — Когда Серый Страж начинает слышать его, это означает, что настала пора Призыва. Тогда мы отправляемся навстречу смерти.

— Уместное название, хоть такой конец и несправедлив.

— А во всем этом с самого начала не было ничего справедливого! — взорвался Бреган. — Я ничего этого не хотел. Я вообще никогда не хотел быть Серым Стражем.

— Не хотел?

— Да! — Он будто выплюнул это слово, избегая смотреть гарлоку в лицо. До чего же глупо говорить такие вещи порождению тьмы. Неужели он думает, что дождется от этой твари сочувствия? Неужели он и впрямь ищет сострадания? Если да, то Глубинные тропы не самое подходящее то для подобных поисков.

Бреган почти воинственно решил, что ему на это наплевать.

— Я вступил в орден, потому что у меня не было другого выхода. Тот, кто взял меня в рекруты, не взял бы мою сестру, если бы я отказался. Он сказал, что на самом деле ему нужен я, хотя именно она мечтала стать Серым Стражем. — Бреган стыдился этой непонятно откуда взявшейся потребности объясниться, но тем не менее продолжал: — Я сказал ему, что сестра будет старательнее всех прочих новобранцев, что она станет величайшим Серым Стражем в истории ордена, но ему до моих слов не было дела. Он считал, что я подойду лучше.

Эмиссар склонил голову набок. Такое же движение Бреган замечал у насекомых и даже собак, озадаченно взирающих на какие-нибудь странные действия своего хозяина. От чего-то ему стало приятно, что Архитектор не во всех своих проявлениях похож на человека.

— Это был, безусловно, комплимент, — заметил гарлок.

— Это была причуда злой судьбы. Либо я вступлю в орден, либо моя сестра станет простым солдатом. Или городским стражником, а может, женой стражника. И до конца жизни будет несчастна. Я не мог так с ней поступить.

Брегану не хватило воздуха, и он скрючился, сложившись почти вдвое, трясущийся и слабый. Сестра, конечно же, знала об этой его жертве. Всю свою жизнь они были близки, как никто, и Бреган без труда прочел в глубине ее глаз, что ей все известно. Это знание сводило ее с ума. Между собой они никогда не поминали эту историю, не говорили о ней ни впрямую, ни намеками.

Кое-что проще высказать в темноте. То, что говорил сейчас Бреган, никогда не причинит боли Женевьеве, и как ни ко ему было в этом признаться, но он рад был, что выговорился начистоту. Плоть и кровь его кишели скверной, и все же в глубине души он ощущал странное освобождение.

— Вы, люди, совершаете крайне странные поступки.

Бреган язвительно рассмеялся смятению гарлока, судя вполне искреннему.

— Да, пожалуй, — сказал он. — А у тебя, наверное, нет братьев и сестер?

Гарлок моргнул.

— Мы все — братья, — ответил он без особой уверенности. — Все — единое целое, все — одно.

— Но ты не такой, как все, верно? — Бреган на миг стиснул зубы, борясь с новым приливом рокочущего гула. — Ты сам сказал, что Древние Боги не могут тобой управлять. Ты обладаешь даром речи. Ты не похож ни на одного из тех порождений тьмы, с которыми мне доводилось сталкиваться.

Гарлок кивнул, опять не слишком уверенно, однако ничего не сказал.

— Почему ты такой? — напористо спросил Бреган.

— Я и сам задавал себе этот же вопрос, — сказал Архитектор. Он опять отошел подальше, и в голосе его появилась обеспокоенность. — Неужели ты думаешь, что не задавал? Веками рождались здесь мои бесчисленные братья, и каждое новое поколение ничем не отличалось от предыдущего. А потом появился я. — Гарлок побарабанил длинными

пальцами по посоху, глядя на свои руки так, словно в их движениях таился желанный ответ. — Быть может, у вас, людей, так же? Быть может, время от времени кто-то из вас рождается не таким, как все, — выродком; и все лишь потому, что при созревании какие-то частицы его плоти и разума не заняли надлежащее место?

— Кое-кто сказал бы, что на то воля Создателя, но — да, ты прав. У нас бывает так же.

На эти слова Архитектор отозвался не сразу. Наконец он с явным удовлетворением кивнул:

— Возможно, среди твоих сородичей подобные отклонениям также редко удается выжить. Они слабы. Неприиспособленны. Они несут на себе проклятие непохожести, а непохожих все ненавидят.

Бреган вздохнул:

— Да. Увы, это тоже правда.

— Но иногда эта непохожесть не проклятие. — Архитектор направился к дверям кельи. Бреган не был до конца уверен, однако ему почудилось, будто в ровном, неизменно учтивом голосе собеседника прозвенела стальная нота. — Со стороны, на отшибе от остальных все видится по-новому, а этот новый взгляд — именно то, чего недостает многим моим братьям.

— То есть у тебя этот новый взгляд есть?

— Да, — ответил Архитектор, толкнув дверь кельи.

Она протестующее заскрипела, но подчинилась, и стало ясно, что она вовсе не была заперта.

— Ты пойдешь со мной, Серый Страж? — учтиво спросил гарлок, обернувшись к сидящему у стены Брегану.

— Ты не опасаясь, что я сбегу?

— Я опасуюсь только, что с тобой может что-нибудь случиться. Мое влияние на братьев не безгранично, да и скорое заживление помогает не всегда.

— То есть я все-таки могу умереть.

В голосе Брегана прозвучала горечь, которую гарлок тотчас почувал. Это стало ясно по тому, как настороженно глянул он на Серого Стража.

— Значит, вот почему ты тогда сбежал? — выразительно проговорил он.

Брегану подумалось, что это даже не вопрос, скорее утверждение.

Он долго молчал, сидя у стены и неотрывно глядя в темноту. На лбу собирались крупные капли пота, собственная кожа на ощупь казалась липкой и неумеренно горячей. Едва слышный далекий гул назойливо щекотал сознание, и Бреган рассеянно, между делом отметил, что зверски голоден. Пустой живот подвело от голода, но Бреган даже подумать не мог о том, чтобы проглотить хоть кусок. При одной мысли о еде его мутило.

Архитектор все так же пристально смотрел на него, — видимо, больше ему заняться было нечем. Мужчина решил, что избегать ответов на такие вопросы нет смысла.

— Да, я надеялся, что меня убьют, — признал он. — В конце концов, именно для этого я пошел на Призыв.

— Есть и более простые способы умереть.

Лицо Брегана искажилось сильнее. Он встал, неохотно позволив потертому меховому одеялу соскользнуть на каменный пол, и окинул взглядом свое тело. Из одежды на нем остались только подштанники, грязные и заляпанные кровью, и повсюду, где тело не прикрывали посеревшие от пыли холщовые повязки, на коже проступали следы скверны. Словно щупальца черной плесени расплзались по всему телу Брегана, и там, где обосновались эти щупальца, он ощущал под кожей жгучий зуд. Смотреть на все это было нелегко.

А потому Бреган направился к поджидавшему его Архитектору, по дороге прихватив с собой сияющий камень.

— Что ж, на этот раз я постараюсь не убежать, — проворчал он, — но обещать ничего не стану.

Почти голый, он чувствовал себя слишком уязвимым, но старался ничем не показать

этого. Пусть плоть его покрыта отметинами скверны — сил у него пока что хватает.

Ничего не сказав, гарлок повернулся и вышел из кельи. Бреган последовал за ним. Глядя на прикрытую мантией спину Архитектора, на его безволосый, покрытый шрамами затылок, он исподволь размышлял, не стоит ли попросту прикончить эту тварь. Да, живым он, скорее всего, не уйдет, но, по крайней мере, сумеет уничтожить Архитектора, а с ним и опасность, которую может представлять собой этот гарлок. То, что он эмиссар, а стало быть, обладает огромной магической силой, — одно дело, а то, что перед ним уникальное, мыслящее порождение тьмы, — другое, совсем другое. Быть может, долг Брегана как Серого Стража именно в том и состоит, чтобы разделаться с ним — просто так, на всякий случай.

И тем не менее Бреган этого не сделал. Он шел вслед за Архитектором, подняв перед собой сияющий камень и глядя, как желтое нечеловеческое свечение озаряет древние гномьи туннели. Странно, размышлял он, что эмиссар несколько не заботится о своей безопасности. Быть может, он окружил себя некой разновидностью магической защиты, которая тотчас сработает, если Бреган попытается тронуть его хоть пальцем?

Или, может быть, гарлок просто лучше самого Брегана знает, что он так не поступит?

Недолгое время они шли через развалины, так густо покрытые скверной, что уже невозможно было разобрать, какое это было строение. Теперь оно стало логовом порождений тьмы, и повсюду тесно сплетались черные склизкие щупальца, висели разбухшие мешки гниющей плоти. Брегана невероятно тревожило, что он больше не мог силой разума обнаружить порождений тьмы, хотя и знал, что они рыщут совсем рядом. Рокочущий гул окружая его со всех сторон, смыкался вокруг безликой гладкой стеной, о которую безуспешно билось сознание.

Довольно скоро туннель вывел их в настолько огромный зал, что сияющий камень не в силах был осветить его весь. Бреган сумел разглядеть только границу, на которой обрывалась оставленная гномами резьба. Пол и стены дальше этой границы попросту обрывались, как будто некая чудовищная сила содрала их начисто и превратила зал в зияющий провал. Бреган различал камень, влажно лоснившийся в отблесках желтого света, видел, как в темноте ворочается нечто громадное, черное и влажное и вокруг него суетится великое множество мелких фигурок. Все это издавало такое слитное гудение, что Брегану невольно припомнился пчелиный улей. В зале царил едкий всепоглощающий запах. Мужчина не знал, что именно так пахнет, да и знать не хотел.

Архитектор повернулся к нему. Взгляд его белесых, широко раскрытых глаз был непроницаем.

— Ты видишь?

— Нет, здесь слишком мало света. Но я...

Бреган осекся на полуслове, потому что эмиссар вскинул черный посох. Из посоха хлынул во все стороны темно-лиловый свет. Громадный, воистину необъятный подземный чертог простирался так далеко, что край его невозможно было разглядеть, и на всем этом пространстве кишели порождения тьмы. Тысячи, сотни тысяч тварей копошились так тесно, что издалека виделись массой черных личинок, шевелящихся на разложившемся трупе гиганта. Все густо покрывала черная поросль, и ее громадные гроздья раскачивались над чудовищной толпой, трудолюбиво копошившейся внизу.

Что они делают — копают? Казалось, исполинская орда одним делом — выгрызает из пола и стен пещеры огромные куски камня, постепенно расширяет ее. При этом, однако, не слышно было ни стука орудий, разбивающих камень, ни хруста, ни тяжелого дыхания — только стон, размеренный резкий стон, издаваемый разом всей массой порождений тьмы. От этого звука Брегана пробрала дрожь, и он вдруг осознал, что отдаленный слитный гул отзывается на эти стоны. Исступленный восторг зазвучал в нем, восторг кошки, которая выгибает спину, подставляя ее хозяйской ласке; зов усилился, нахлынул на Брегана и едва не накрыл его с головой.

Все поплыло перед глазами, и Бреган пошатнулся, но тут же сильная рука ухватила его за плечо и помогла устоять. Сердце неистово забилось, и долгое время он не слышал больше

никаких звуков — только зов и собственное тяжелое дыхание. Вдох-выдох, вдох-выдох, медленно и старательно... Лицо Брегана пылало, по лбу текли обильные струйки пота.

Он болен. Может быть, даже умирает.

— Спокойнее, — прозвучал настойчивый голос Архитектора.

Лиловое сияние, исходившее из посоха, погасло, и громадная пещера в один миг снова погрузилась во тьму. Вот только теперь Бреган знал, что там, впереди, — порождения тьмы. Он чувствовал их движение, ощущал, как натываются друг на друга их изуродованные скверной тела, кишачие, точно муравьи, на каменном полу. Оттого что сейчас Бреган не мог разглядеть их, становилось только хуже.

Он оттолкнул руку эмиссара и, хрипло дыша, привалился плечом к стене. Желудок скрутила судорога. Гладкая поверхность камня приятно холодила кожу. Бреган привалился к нему, сжавшись в комок, стараясь не замечать покрывавших каменную стену плетей скверны. Он закрыл глаза — и стало полегче, пусть и ненадолго.

— Любопытная реакция, — заметил Архитектор.

Бреган открыл глаза и увидел, что гарлок наблюдает за ним с холодным интересом ученого. Он даже с места не тронулся. Мокрый от пота, обессиленный, Бреган безвольно соскользнул вниз по стене и опустился на каменный пол.

— Их так много... — почти беззвучно выдохнул он, даже не представляя, что еще мог бы сказать.

Архитектор сумрачно кивнул:

— Древние Боги зовут их, и они ищут. Ищут, потому что у них нет выбора. Всякий, кто слышит зов, рано или поздно должен ему подчиниться.

— Только не ты.

— И не ты, — кивнул гарлок.

Бреган сел, привалившись спиной к стене, стараясь не думать о простирившемся совсем рядом громадном темном зале. Ему страстно хотелось вернуться в келью, забиться в крохотную безопасную щель, где можно будет притвориться, что вокруг не кишит чудовищная орда. Вот только это тоже было бы проявлением слабости.

Бреган трясущейся рукой вытер пот со лба.

— Значит, вот чего ты от меня хочешь? — спросил он срывающимся голосом. — Хочешь, чтобы я им помог? Хочешь, чтобы ускорил все это, рассказав тебе, где находятся Древние Боги?

— Стало быть, ты и впрямь знаешь, где они. — В голосе гарлока прозвучала заинтересованность, но отнюдь не удивление.

Бреган горько, отрывисто рассмеялся, и этот смех сорвался в надсадное исступленное хихиканье. Эмиссар невозмутимо наблюдал за этим приступом неуместного веселья.

— Хочешь сказать, что на самом деле ты этого не знал? Разве не за этим ты притащил меня сюда?

Архитектор присел на корточки и заглянул Брегану в глаза. Полы его коричневой мантии с шорохом легли на каменный пол, посох он со всеми предосторожностями положил рядом с собой. Бреган не хотел смотреть в лицо гарлоку, но поделаться с собой ничего не мог. Эти мертвые белесые глаза словно притягивали его. Взгляд их был так странно серьезен, так искренен — почти искренен — в своей озабоченности.

— Я привел тебя сюда не затем, чтобы начать Мор, — осторожно проговорил Архитектор, отчетливо произнося каждое слово, чтобы избежать малейшего непонимания. — Число моих братьев множится с каждым годом, и рано или поздно они непременно отыщут одну из древних темниц. Они распечатают ее, и все повторится сызнова. Это случится независимо от того, скажешь ли ты им, куда направить поиски. Я не желаю скорейшего завершения этих поисков.

Бреган был потрясен до глубины души. На мгновение он даже сумел отрешиться от безумолчного гула, который, казалось, вот-вот вскрыет его череп и проникнет в мозг. В изумлении он воззрился на гарлока:

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу положить этому конец.

С этими словами Архитектор выпрямился, подошел к краю пещеры и впери́л в ее глубину взгляд своих мертвых глаз. Бреган был уверен, что эти глаза видели в темноте куда лучше человеческих.

— С самого своего сотворения мои братья пребывают во власти этого зова. Мы поднимаемся на поверхность и пытаемся уничтожить ваш род. Всякий раз вы загоняете нас назад, и мы начинаем все сначала. Так будет продолжаться, пока один из нас не одержит полную победу. Верно? Пока кто-то — мы или вы — не будет уничтожен под чистую, если такое вообще возможно.

Гарлок обернулся и посмотрел на Брегана. Каждое его слово дышало леденящим напряжением.

— Но что, если все не обязательно должно быть именно так?

— А как?

Гарлок стремительно шагнул вплотную к Брегану, снова присел, и в глазах его вспыхнуло такое жаркое исступление, что Страж едва не отшатнулся. Архитектор схватил его за руку и крепко ее сжал.

— Ответ на этот вопрос сокрыт в вашей крови, — прошептал он. — Вы, Серые Стражи, стоите посредине между людьми и порождениями тьмы, и это — путь к подлинному миру.

Бреган уставился на Архитектора, не вполне уверенный, что понял смысл его слов.

— Посредине?

— Пока существует и распространяется скверна, наш род всегда будет угрозой вашему, — напористо продолжал гарлок. — И пока звучит зов Древних Богов, наш род всегда будет стремиться уничтожить ваш.

— Все равно не понимаю. Ты говоришь о том, что изменить невозможно.

— Невозможно? — В голосе Архитектора прозвучало удивление. — Ты — человек, но, однако же, устойчив к воздействию скверны.

Бреган поднял руку. В неярком свете сияющего камня следы заражения, расплывавшегося в его плоти, были более чем заметны.

— Теперь уже нет.

— Ты не умираешь. Ты изменяешься.

От этого слова Стража пробрал озноб. Гарлок произнес его так, словно в этом не было ничего худого, но истина состояла в том, что для самого Брегана единственным способом не сойти с ума было не задумываться о том, что с ним происходит. Разум его содрогался при мысли о тех несчастных, что пали жертвой заразы, разносимой порождениями тьмы. Те, кого не постигла мучительная смерть, превращались в вурдалаков — полубезумных тварей с исковерканным разумом. Они становились пособниками, даже слугами порождений, а в конце концов угасали и испускали дух.

Неужели и он со временем станет таким же покорным, как эти злосчастные твари? Неужели вскоре и он окажется этой пещере и станет прилежно трудиться бок о бок с другими порождениями тьмы?

— Это не... не важно... — пробормотал он, запинаясь и решаясь в словах. — Все прочие люди никоим образом не могут обрести устойчивость к скверне. Для этого им надо стать Серыми Стражами.

— Именно, — кивнул Архитектор с таким видом, словно это обстоятельство и так было очевидно.

И вновь Брегана пробрала дрожь. Струйки пота затекали в глаза, и на миг ему показалось, что он теряет сознание.

— Но стать Серым Стражем означает выпить кровь порождений тьмы. Большинство из тех, кто это сделал, погибают. Лишь немногим удается выжить.

— Да, — снова кивнул Архитектор, — многие твои сородичи, скорее всего, погибают. — Прежде чем Бреган успел возразить, гарлок предостерегающе вскинул руку. —

Вы существуете на полпути между людьми и порождениями тьмы. Если всех прочих людей можно будет сделать такими, как вы, у них не останется причины опасаться моих братьев.

— Если не считать того, что порождения тьмы убивают людей.

— Этому тоже нужно будет положить конец. Люди и порождения тьмы должны двинуться навстречу друг другу и сойтись посередине.

Архитектор смолк и окинул Брегану осторожным взглядом, словно выясняя, какие чувства вызвала у него эта идея. Странное дело, но мужчина ничего не чувствовал. Почти ничего. Он сидел, привалившись к стене, рассеянно вслушивался в монотонный гул, который, казалось, перекачивался эхом внутри камня, и ждал, когда наконец ужаснется. И не дождался.

А ведь должен был ужаснуться, верно? Если только он не ошибся, Архитектор предлагает заразить скверной все без исключения человечество, чтобы всякий человек прошел то мучительное испытание, которое проходят будущие Серые Стражи, если, конечно, останутся живы. А ведь таких будет немного. Недаром же в орден брали только самых сильных и стойких.

Да возможно ли такое вообще? Может, ему сейчас следует гневно требовать объяснений у своего чудовищного собеседника? Что-то говорило Брегану, что он должен был бы ужаснуться и разъяриться, а еще — вызнать все подробности этого замысла. Наверняка здесь не обойдется без магии, присущей порождениям тьмы, но какой именно? Разве он не хочет это узнать?

Бреган сидел, уткнувшись подбородком в грудь, вслушивался в собственное дыхание, хриплое и неровное, — и отчетливо понимал, что не хочет. Разве не к этому стремятся Серые Стражи — раз и навсегда покончить с угрозой порождений тьмы? А сумели они хотя бы приблизиться к достижению этой цели? Всякий Мор приносил с собой войну, которая могла запросто уничтожить все человечество. Всякий раз мир был вынужден напрягать все силы, и всякий раз ему едва удавалось спастись.

Вот только долго ли продлится эта удача? Что, если в следующий Мор порождения тьмы наконец сумеют уничтожить все живое на поверхности Тедаса? Сколько жизней прервется тогда?

Брегану вдруг припомнился человек, который привел его в орден. Кристоф, седой нестигаемый воин, резкий и вечно хмурый. До того как его одолела скверна, он много лет был командором Серых Стражей. Бреган сам сопровождал его в Орзаммар, пировал с ним в шумной компании пьяных гномов, а затем смотрел, как тот уходит во тьму Глубинных троп.

Бреган тогда горевал безмерно. При всей своей нелюдимости Кристоф был его единственным настоящим другом в ордене. Он разрешал ученику наводить порядок в своей комнате — знал, что Бреган куда охотнее будет заниматься этим, нежели принимать участие в буйных пирушках новобранцев. Он играл с Бреганом в шахматы на старой пыльной доске, а в ненастные дни проводил с ним в тренировочном зале учебные бои. Именно по рекомендации Кристофа Бреган, несмотря на затаенную зависть Женевьевы, стал после него командором Серых, и принял он это назначение только потому, что так пожелал учитель.

И тем не менее главное, что запомнилось Брегану из той, последней ночи, которую он провел в обществе своего седовласого наставника, — явное облегчение, которое испытывал Кристоф. В то время как сам Бреган едва мог сдержать постыдные слезы, Кристоф оставался спокоен и собран. Спокойствие, исходившее от него, было почти осязаемым — та ворчливая напряженность, которую все эти годы видел в нем Бреган, бесследно исчезла. Он вошел во тьму Глубинных троп с высоко поднятой головой, как будто наконец сбросил с плеч давно тяготившую его ношу, и задержался для того, чтобы напоследок дать своему бывшему ученику краткое напутствие.

— Ты будешь защищать людей, — сказал он, — а они будут за это ненавидеть. Во всякое время, когда на поверхности не будет бушевать Мор, человечество приложит все старания, чтобы позабыть, как оно нуждается в нас. И это хорошо. Мы должны держаться в отдалении. Так, и только так мы сохраним возможность принимать нелегкие решения.

Бреган тогда мысленно удивился — какие еще “нелегкие решения”? Мора не было уже много столетий, и в худшем случае ордену приходилось отражать одиночные набеги порождений тьмы, которые время от времени рисковали выбраться на поверхность. Самое нелегкое решение, какое приходилось принимать командору Серых, — кого из новобранцев можно допустить к испытанию. Впрочем, это всегда было нелегко решить, поскольку во время Посвящения зачастую гибли и самые крепкие из них, — но вряд ли этот случай стоил такого веского напутствия.

Серые Стражи, как это было всегда, оставались начеку и ждали, однако нынешний орден был лишь слабой тенью того, чем он был во времена давних войн. Поздними ночами в тишине своей кельи Бреган позволял себе роскошь поверить в то, что время порождений тьмы прошло окончательно и бесповоротно.

По крайней мере, так он считал до сих пор.

— Ты ничего не говоришь, — неловко пробормотал Архитектор.

— А что я должен сказать?

Эмиссар подобрал полы своей мантии и с настороженным видом обошел вокруг человека. Казалось, он ждет какого-то знака; в напряженном взгляде белесых глаз читалось беспокойство.

— Я недостаточно хорошо знаю людей, — признался он. — Я не могу предсказать ваши поступки. Ваше племя зачастую действует вопреки здравому смыслу. И однако же, я ожидал увидеть... быть может, гнев?

— А что, по-твоему, я сейчас чувствую?

Гарлок моргнул:

— Я сказал бы, что ты печален.

Брегану вдруг показалось, что на него обрушилась безмерная тяжесть. Мысли его смешались, и на краткий миг безумный рокочущий гул почудился ему далеким, словно доносился из другого мира. Бреган просто сидел здесь, в темноте и тишине, и пот струями тек по его влажной, изуродованной скверной коже, а рядом стоял, глядя сверху вниз, гарлок-эмиссар в коричневой мантии. И все это почему-то казалось совершенно нереальным, ненастоящим.

— Ты сможешь это сделать? — наконец спросил Бреган. — Я имею в виду твой замысел. Ты и впрямь можешь все это устроить?

— Не в одиночку.

Архитектор не стал развивать свой ответ, да Бреган и сомневался, что услышит еще что-то, даже если потребует подробностей. В глубине души он отрешенно прикидывал, не стоит ли все-таки прикончить этого гарлока. Если Архитектор и прежде казался ему опасен, то сейчас он, пожалуй, стал самым опасным существом в мире.

Бреган не тронулся с места. Он сидел, неподвижно глядя на растрескавшийся, выщербленный долгими веками пол. Некогда здесь были каменные плитки, искусно уложенные в типичный для гномов геометрический узор. Нечто подобное Бреган видел в одной орзаммарской купальне. Может, здесь когда-то тоже была купальня? Бреган попытался представить, как вокруг горят яркие светильники, курятся ароматным паром ванны и соблазнительно-пышнотелые гномки, “охотницы за знатью”, хихикают, прикрываясь веерами. Вместо этого перед его мысленным взором маячили уродливые наросты оскверненной плоти да стоячие гниющей мерзости. Эту пещеру поразило страшное бедствие, отвратительная хворь, которая годами тайно росла и зрела в каменных недрах и теперь вырвалась наружу.

Так вот она — правда! Мир болен. С самого зарождения ордена Серые Стражи боролись с симптомами этой болезни, но саму ее так и не сумели одолеть. Может быть, настала пора применить более радикальное лечение?

Архитектор поманил его черной сморщенной рукой:

— Ступай за мной, Серый Страж.

Он не оглянулся, чтобы проверить, последовал ли за Бреган, однако тот на сей раз не

колебался. Застонав от натуги, он все же сумел подняться и неуклюже побрел за эмиссаром. Гарлок вышел из пещеры и двинулся назад по тому же пути, которым они добрались сюда.

В келью они тем не менее не вернулись. Довольно долго они шли лабиринтом нескончаемых туннелей, то совсем узких, то просторных и с обветшавшими арочными сводами — такими высокими, что Бреган едва мог их разглядеть. Все его силы уходили на то, чтобы превозмогать неотвязную слабость и не давать эмиссару уйти за пределы света, который источал сияющий камень. Гарлок без малейшего напряжения шел так быстро, что Бреган уже всерьез опасался отстать и потеряться.

Дважды они встречали порождений тьмы. Один раз это всего лишь шайка низкорослых генлоков, зато в другой раз — внушительный отряд гарлоков, среди которых был и гарлок-вожак — великан, вооруженный до зубов и в металлических доспехах, которые блестели, словно черный обсидиан. Всякий раз Бреган внутренне напрягался, ожидая, что на них нападут, однако порождения тьмы лишь издавали настороженное шипение и даже не пытались подойти ближе. Вначале Бреган решил, что они ведут себя так, завидев врага — Серого Стража — в самом сердце своих владений, однако, внимательнее присмотревшись, понял, что дело вовсе не в этом.

Порождения тьмы боялись Архитектора.

Эмиссар почти не обращал на них внимания, только, проходя мимо, угрожающим жестом приподнимал свой черный изогнутый посох. Они пяtilись, испуская гортанное злобное ворчание, — так ворчат мелкие шавки при виде боевого пса, поджимая хвосты, но тем не менее пытались сохранить достоинство. Бреган был изумлен и даже растерян оттого, что его никто словно и не замечал.

Неужели порождения тьмы видят теперь в нем собрата? Неужели его кровь настолько пропитана скверной, что в нем невозможно распознать человека? От этой мысли ему еще сильнее стало не по себе.

Через некоторое время они одолели длинную, со множеством ступеней лестницу — в конце этого подъема Бреган едва дышал и так обессилел, что у него заплетались ноги, — и вошли в протяженный туннель, который, судя по ощущениям, полого поднимался к поверхности. Здесь почти не было видно следов скверны, и Бреган поневоле задумался, как далеко ушли они от логова порождений тьмы. Судя по всему, эти подземные пустоты были не естественного происхождения — вокруг по-прежнему тянулись руины древних гномьих владений. Согласно сведениям Хранителей, иные старинные тейги были огромнее самого Орзаммара. Теперь все они стали частью зачумленной преисподней, в которой кишели и множились порождения тьмы.

Бреган впал в оцепенение, целиком сосредоточившись на том, чтобы переставлять ноги одну за другой и не отставать от Архитектора, который до сих пор не произнес ни слова. Все это путешествие проходило в полной тишине — лишь заманчивые напевы дальнего гула неотступно щекотали сознание. Страж старался отрешиться от этого звука. В конце концов ему стало уже любопытно, куда, собственно, они направляются, но он смирился с тем, что задавать этот вопрос бессмысленно. Архитектор ведет, он идет следом — вот и все.

Затем эмиссар наконец остановился — так неожиданно, что Бреган едва не налетел на него. Подняв глаза, он увидел, что туннель закончился. Они стояли у входа в обширную пещеру явно природного происхождения. Судя по тому немногому, что позволял различить неяркий свет сияющего камня, на здешних стенах почти не было следов скверны. Слабое дуновение, прохладное и приятное, коснулось лица Брегана, и лишь потом он сообразил, что это попросту свежий воздух. Они находились недалеко от поверхности.

Мужчина рывком обернулся, и Архитектор вскинул руку, успокаивая его.

— Поверхность не так близко, как может показаться, — упредил он своим обычным, невозмутимо-вежливым тоном. — Воздух поступает через уцелевшие воздуховоды. Тем не менее отсюда действительно просто выбраться на поверхность.

Бреган с подозрением взглянул на гарлока:

— И зачем же ты привел меня сюда?

— Если бы ты вновь попытался бежать, когда нас еще окружали мои собратья, они могли бы остановить тебя. Они еда слушаются меня, потому что боятся, но я не такой, как они, и им это известно.

Бреган не сразу осознал смысл его слов. Он совсем обессилел, и сейчас, когда он стоял на месте, ноги у него горели и ныли. Жгучий зуд терзал мышцы. Архитектор вперил взгляд вглубь пещеры. В свете сияющего камня были отчетливо видны все складки и морщины на его иссохшем, скелетообразном лице. Если бы Брегана спросили, он бы предположил, что эмиссар впал в глубокую задумчивость.

— Ты хочешь, чтобы я сбежал?

— А ты все еще хочешь бежать?

— И ты меня отпустишь?

— Отпущу.

Этот ответ ошеломил Брегана. Он поглядел на окутанные тьмой отверстия туннелей, куда был устремлен взгляд Архитектора, и попытался представить, что же видит там эмиссар. Бреган пришел на Глубинные тропы, чтобы умереть. Если он сейчас уйдет, то сможет осуществить это намерение. Сможет, как и было задумано, свершить свой Призыв.

Но если он ищет только смерти, то к ней ведут и более простые пути. Об этом говорил ему даже Архитектор, и это чистая правда. Он мог бы — если и впрямь есть такая возможность — выбраться отсюда на поверхность. Предостеречь Серых Стражей о том, что задумал этот эмиссар, — пусть у них будет время придумать, как остановить его.

Вот только стоит ли это делать?

Не говоря уж о том, что, едва он появится наверху, на него неизбежно нападут. Помимо этого, Брегану вдруг подумалось, что в замысле Архитектора есть разумное зерно. То, что многие погибнут, ужасно, но вдруг уцелевшие обретут мир? Серые Стражи всегда считали главной своей задачей прекратить Мор, и пусть Бреган изначально принял это бремя вопреки собственному желанию — теперь это единственное, что у него осталось.

— Этот твой замысел... — медленно проговорил он.

— Да?

— Ты ведь не просто намерен обрушить что-то на человечество? Ты сказал, что люди и порождения тьмы должны двинуться навстречу друг другу и сойтись посередине. Так ведь? Значит, ты собираешься изменить и порождений тьмы.

— Мы можем поговорить об этом, если пожелаешь.

— Но цель твоя именно в том, чтобы уничтожить Мор? Покончить с ним раз и навсегда?

Эмиссар повернулся и с минуту в упор глядел на Брегана. Лицо его было непроницаемо. Затем круглые белесые глаза моргнули, и гарлок тяжело оперся на изогнутый посох. Бреган стиснул зубы, терзаясь мыслью, что эмиссар именно так все и задумал с самого начала. Затащить его глубоко под землю, дожидаться, покуда скверна не подточит основание его разума, пока он не... что? Не признает, что Серые Стражи, вполне вероятно, никогда не были всеведущи? Они делали все что могли, дабы защитить мир от невыносимой беды, но так и не нашли иного решения, кроме как постоянно жертвовать скверне юные тела и души. Все, чему когда-либо учили Брегана, не подготовило, да и не могло подготовить его к этой минуте.

— Да, моя цель именно в этом, — негромко проговорил Архитектор.

— А что думают о ней другие порождения тьмы? Они поддерживают тебя?

— Они не могут этого сделать. Я вынужден принимать решение за них.

Бреган поймал себя на том, что медленно кивает. Он поглядел вглубь пещеры и снова ощутил, как ласкает лицо дуновение прохладного воздуха. Там, наверху, сейчас, должно быть, хорошо. Земля уже укрыта снегом, и морозное дыхание ветра приятно охладит его воспаленную, разгоряченную зудом кожу.

А потом Бреган вспомнил сестру, ее седые, коротко стриженные волосы, ее жесткий, неуступчивый взгляд. Вспомнил свои сны и подумал: неужели Женевьева и вправду ищет

его? Если он выберется на поверхность, она, вполне вероятно, его найдет. И что скажет, когда увидит его таким?

— Что ж, давай поговорим об этом.

Слова сорвались с губ Брегана без спросу, но они еще не успели прозвучать, когда он понял, что иного пути нет. Шепот, таившийся в отдаленном рокочущем гуле, стал громче и настойчивее, он звал Брегана из тьмы и назойливо теребил его разум.

И человек притворился, будто ничего не слышит.

Архитектор отвесил ему низкий, почтительный поклон, а затем жестом указал в ту сторону, откуда они пришли. Бреган оправил скудные остатки одежды и твердым шагом двинулся вниз по туннелю — назад в бездну, и на сей раз гарлок-эmissар следовая за ним.

Глава 7

И пускай клинок пронзит мою плоть,
кровь моя прольется на землю,
И пускай мой крик тронет их сердца,
моя жертва станет последней.

Песнь Андрасте, 7:12

На Глубинных тропах невозможно точно определить, сколько прошло времени, но Мэрик подозревал, что отдыхали они два-три часа, не больше. Сам он спал беспокойно, урывками и всякий раз, просыпаясь, слышал, как расхаживает снаружи командор Серых Стражей.

Женевьева бесцеремонно разбудила спутников. Можно было не сомневаться, что она какое-то время дожидалась их пробуждения, а потом ей попросту надоело ждать. Молодой Дункан начал было ворчать, но тотчас прикусил язык под убийственным взглядом командора. Мэрик рассмеялся быт если бы не уверенность, что ему достанется точно такой же взгляд.

Серые Стражи проворно укладывали палатки. Делалось это в полной тишине. Если вчера только и слышна была добродушная болтовня Дункана, да и другие Стражи время от времени переговаривались, то сейчас в лагере царило напряженное молчание.

Мэрик хотел было помочь товарищам, но Ута решительно встала между ним и палаткой. Король запротестовал, но гномка попросту пропустила его речи мимо ушей. Да и как можно спорить с ней?

Келль первым двинулся вперед, за ним последовал огромный волкодав. Мэрик прежде задумывался, разумно ли было брать на Глубинные тропы собаку, но со временем все больше убеждался, что Кромсай отнюдь не обычный пес. Связь, которая существовала между ним и немногословным охотником, явно выходила за рамки заурядных отношений собаки и хозяина. Келлю редко приходилось отдавать псу команды. Кромсай никогда не спешил и не впадал в возбуждение. Он был осторожен и бдительно следил за каждой тенью.

Кроме самого Мэрика, единственным человеком в лагере, кто не занимался никаким делом, была Фиона. Эльфийка стояла неподалеку, подчеркнута не замечая короля, и ее посох излучал белое сияние — теперь, когда костер погас, только оно одно и освещало лагерь. От его мерцания на стенах руин метались зыбкие тени, словно актеры в призрачном театре марионеток. Тень Фионы вырастала больше прочих и зловеще склонялась над хозяйкой, словно собираясь нанести удар. Было нечто глубоко уместное в том, что эта несносная эльфийка отбрасывает самую внушительную тень.

Девушке явно не по вкусу было, что Мэрик на нее глазеет. Она долго притворялась, что ничего не замечает, но потом все-таки не выдержала.

— Ну, в чем дело? — резко спросила она.

— Мне просто интересно, почему ты ничем не занята.

— Очень даже занята.

— Заставляешь посох светиться? Разве не хватило бы простого факела?

Фиона глянула на посох и постаралась скрыть усмешку.

— Да нет, совсем не этим, — сказала она. — Свечение почти не требует усилий. Я прислушиваюсь к порождениям тьмы. Кому-то же надо этим заниматься.

— Прислушиваешься?

— Ну, в переносном смысле. Они сейчас подобрались поближе. Броши, которые дал нам Ремийе, пока вроде бы действуют, непохоже, что порождения тьмы знают, что мы здесь. Однако полагаться на удачу нельзя. Как только порождения тьмы нас заметят, они сообщат об этом другим.

— А ты не могла бы убить их раньше, чем они это сделают?

Этот вопрос явно позабавил магичку еще сильнее. Насмешливо изогнув бровь, она глянула на Мэрика:

— Порождений тьмы связывает друг с другом скверна. Знает один, тут же узнают другие.

— Как это некстати.

— Броши помешают тварям выследить нас, но если они поймут, что в туннели кто-то пробрался... Лучше, если они как можно дольше не обнаружат наше присутствие. Келль как раз отправился посмотреть, сколько там, впереди, порождений тьмы.

— А они его не заметят?

Фиона хихикнула:

— Его-то? Нет, не заметят.

Через пару минут палатки исчезли в дорожных мешках Серых Стражей, и от лагеря не осталось и следа. Только угли костра да вмятины в слое пыли, покрывавшем каменный пол, говорили о том, что отряд провел здесь ночь. Женестьева вручила Дункану и Уте факелы, и, как только их зажгли, Фиона погасила посох.

И очень хорошо, подумал Мэрик, яркий свет порождения тьмы могли бы заметить за много миль. Затем он помимо воли задумался, много ли у них запасено факелов. Насколько он помнил, в туннелях кое-где растет светящийся мох, но встречается он нечасто, и рассчитывать на такое везение не стоит. Мысль о том, чтобы идти по Глубинным тропам в кромешной тьме, вызывала у него беспокойство, если не сказать больше.

Женестьева, однако, не склонна была обсуждать состояние их запасов и с целеустремленным видом двинулась вперед, взмахом руки приказав спутникам следовать за ней. По тому, как она шагала, было ясно: командор желает наверстать потраченное на отдых время и точно знает, что делает.

Следующие несколько часов выдались на редкость изнурительными. Время ползло как улитка, и сил у Мэрика хватало только на то, чтобы не терять из виду огоньки двигавшихся впереди факелов — пару светлых пятнышек, колышущихся в бесконечном море непроглядного мрака.

Здесь было совсем не так холодно, как наверху, но все же промозгло. Стылый воздух заползал под доспех, и Мэрика пробирала дрожь. Дункан, по счастью, был чересчур занят, чтобы жаловаться на холод. Подобно всем прочим Стражам, он напряженно и зорко всматривался в темноту и одной рукой все время нащупывал рукояти кинжалов. Король подозревал, что, если бы поблизости оказались порождения тьмы, оружие давно бы уже покинуло ножны.

Как и восемь лет назад, здесь царило все то же сводящее с ума безмолвие. И хотя они довольно быстро шли по камню, звук шагов оставался почти неслышным. А оттого что все шли молча, становилось только хуже.

По лбу Мэрика катился пот, ноги ныли, но король не отставал. Женестьева безжалостно гнала отряд по бесконечным туннелям. В тех редких случаях, когда путники выходили на развилку, командор раздраженно звала Мэрика вперед, и он озирался по сторонам, пытаясь вспомнить, каким путем шли они в прошлый раз.

Казалось бы, восемь лет спустя выбрать верный путь будет нелегко. В конце концов, здесь многое изменилось. К примеру, гораздо больше стало следов скверны. И однако же, Мэрику это не мешало. Он без труда вспоминал дорогу.

Один раз Мэрик перехватил взгляд Фионы. Быть может, ей бросилось в глаза, как он угрюм или как отрешенно всматривается в даль. Она не сказала ни слова, хотя во взгляде читалось явное любопытство. Мэрик притворился, будто ничего не заметил, и отвернулся.

Наконец вернулся Келль. Охотник и его пес так внезапно вынырнули из темноты бокового коридора, что Мэрик вздрогнул от неожиданности.

— Что ты обнаружил? — спросила Женестьева, взмахом руки веля всем прочим остановиться.

Казалось, неестественно светлые глаза охотника светятся в тени капюшона. Он забросил на плечо лук и жестом на свой кожаный жилет. Только тогда Мэрик заметил, что спереди тот густо заляпан черной кровью.

— Мне пришлось прикончить пару тварей, — проговорил Келль вполголоса, явно недовольный собой, — а остальных я увел в сторону. Никто меня не видел, но им но, что здесь появился кто-то чужой. — Он повернул и вперил взгляд в глубину коридора, вглядываясь в темноту. — Теперь сюда движутся новые шайки.

Женестьева нахмурилась, но, судя по всему, не особенно встревожилась.

— Это было неизбежно.

— Дело еще хуже. Прямо впереди большой отряд порождений.

— Значит, нам придется их обойти.

Мэрик поднял руку:

— Погодите... в прошлый раз мы шли именно этой дорогой. Если мы сейчас свернем, я не уверен, что смогу привести нас назад.

Помрачнев, Женестьева устремила пристальный взгляд в ту сторону, откуда приближались к ним порождения тьмы. Судя по всему, она в мыслях придирчиво взвешивала все за и против. В свете факела казалось, что лицо ее пышет жаром. Наконец она коротко, резко кивнула:

— У нас нет другого выхода. Келль, нам придется положиться на твое чувство направления. Надеюсь, ты найдешь обратную дорогу.

— Да, командор.

— Дыхание Создателя! — зло прошипел Дункан.

Женестьева, даже не удостоив его взглядом, ткнула пальцем в его сторону, и паренек с недовольным видом закрыл рот.

Отряд свернул в боковой коридор. Теперь первым шел охотник. Все Стражи держали оружие наготове, и Мэрик решил последовать их примеру. Он обнажил свой меч бледный клинок драконьей кости, на котором пылала голубым пламенем руны. Меч тотчас привлек внимание, и все разом остановились, потрясенно взирая на Мэрика.

Ута, с округлившимися глазами, выступила вперед и принялась резко жестикулировать.

Жюльен, стоявший рядом с ней, нахмурился.

— Она хочет знать, откуда ты взял этот меч, — пояснил он.

— Я нашел его здесь, — ответил Мэрик, — на Глубинных тропах, в руках давно умершего гнома. Я хотел вернуть этот меч гномам, но король Эндрин отказался.

Ута кивнула и сделала еще один жест, который не нуждался в переводе. Она была впечатлена. Прочие Стражи одобрительно покивали и двинулись было дальше. Дункан, однако, замешкался.

— Он всегда так светится? — спросил он.

— Нет. Думаю, он так откликается на близость порождений тьмы.

Мэрик направил острие клинка на стену — что-то подобное он сделал, когда нашел меч, — и наблюдал за тем, какие лица стали у Стражей, когда скверна, покрывавшая стену, отпрянула как живая. Камень в этом месте стал чистым и гладким, и его заливал яркий голубой свет.

— Удобная штука, — пробормотал Дункан.

— Да, мне всегда так везло. Вокруг валялись волшебные мечи, люди загоняли коней и в последнюю минуту спасали меня от смерти, на Глубинных тропах вдруг попадались гномьи легионы — и все прочее в том же духе.

Паренек уставился на него, видимо решив, что он шутит.

— Что ж, надеюсь, тебе и дальше будет так везти.

— И я надеюсь.

Они двинулись дальше — быстро, почти бегом. Теперь к ног и глухому постукиванию дорожных мешков за спиной прибавилось звяканье доспехов, а еще Мэрик различил отдаленный рокочущий гул. Этот низкий глубокий звук эхом отражался от стен и мертвящим шепотом доносился со всех сторон.

Королю хорошо был памятен этот звук. Порождения тьмы.

Не говоря ни слова, путники перешли на бег. Дважды Келль властным жестом приказывал свернуть в боковой коридор, и во второй раз они через дыру в каменной стене проскочили в пещеру. Мэрику не по душе было покидать Глубинные тропы. Пол под ногами был неровный и скользкий, и сама пещера резко уходила вниз. Удастся ли им вообще отыскать обратный путь?

Размышлять об этом, впрочем, было некогда. Отряд бежал через темноту, а когда наконец впереди оказалась развилка, Женестьева скомандовала остановиться. Пока все переводили дух, она жестом велела погасить факелы. Дурной к, подумал Мэрик. Дункан и Ута быстро затушили пламя, которое и без того уже едва горело.

Фиона подняла посох, пошептала — и он вновь засветился. На сей раз, однако, сияние было совсем неяркое. При таком освещении путь по пещерам, где каменный пол завален камнями и грудями мусора, обещал быть нелегким. Впрочем, это заботило путников куда меньше, чем неумолимо приближавшийся монотонный гул.

От этого звука по спине у Мэрика ползли мурашки. Он заметил, что Дункан, стоящий рядом, нервно стискивает рукоять кинжала. Смуглое лицо паренька блестело от пота, взгляд возбужденно метался из стороны в сторону, словно молодой Страж ожидал, что из темноты вот-вот кто-то выскочит.

Почему они остановились, Мэрик не знал. Все застыли как вкопанные и затаив дыхание ждали. Напряжение было почти невыносимым.

— Чего мы ждем? — наконец требовательно спросил Мэрик.

Николас от неожиданности вздрогнул и сердито глянул на него.

Женестьева протянула руку к Мэрику, но при этом даже не оглянулась. Ее напряженный взгляд, как и взгляды Келля и прочих Стражей, был устремлен совсем в другую сторону. Все они упорно смотрели в темноту, на то, чего Мэрик разглядеть не мог.

— Мы надеемся, что те, которые впереди, пройдут мимо, — едва слышно пояснила она.

— Мы угодили между двумя шайками порождений, — прошептал Келль.

Жюльен крепче сжал рукоять меча. Мэрик видел, что по лицу его текут струйки пота. “Создатель, врагам моим несть числа, — нараспев шептал темноглазый воин, — но вера силы мои укрепит; не боюсь я и легиона...”

— Может быть, есть способ... — неуверенно начала Женестьева, но тут же осеклась.

Она глянула на охотника, и тот кивнул. Жестом приказав Кромсаю следовать за ним, Келль стремительно развернулся и побежал в ту сторону, откуда они явились. Женестьева бросилась за ним.

— Быстро! — на бегу приказала она.

И снова отряд сломя голову мчался через пещеры. Мэрик хотел спросить, почему они возвращаются, но говорить на бегу было невозможно. Он мог предположить только одно: то, что Серые Стражи учуяли впереди, было куда хуже того, что поджидало их сзади.

— Мэрик, когда начнется бой, держись рядом с Фионой! — на бегу прокричала Женестьева. — Защищай ее! Дункан, будешь с ним!

Мэрик едва успел осознать смысл этих слов, как бой начался. Седовласая женщина,

высоко вскинув меч, бросилась вперед. Справа и слева от нее бежали Николас и Жюльен: один со щитом и шипастой булавой, другой с двуручным мечом. Все трое обрушились на порождений тьмы, которые возникли словно ниоткуда.

Рослые гарлоки, вмиг распознав извечных врагов, зашипели от бешенства. Впрочем, было уже поздно, и могучие воины прорубали в их рядах широкую кровавую просеку. Гул, окружавший их со всех сторон, усилился, и в нем зазвучала злоба. Сталь без труда рассекала зачумленную плоть порождений тьмы, и черная кровь хлестала из зияющих ран.

Мэрик попятился, выставив перед собой волшебный меч. Дункан, державшийся рядом с ним, низко пригнулся, сжимая в обеих руках кинжалы. Королю подумалось, что хищная позиция говорит о привычке драться стремительно и бесчестно.

Фиона сделала шаг вперед и остановилась рядом с Мэриком. Свет ее посоха разгорался все сильнее, покуда ослепительное сияние не залило всю пещеру.

— Больше нет смысла таиться, — проворчала она и ладонью толкнула Мэрика в грудь. — Отойди.

Подняв посох, магичка едва слышно проговорила несколько слов. Потом закрыла глаза — и магическая аура, которая окружала ее, усилилась. Мэрик, как было приказано, отступил на шаг, и, тогда перед Фионой возникло кольцо энергии. Воздух чуть заметно заколебался, пронизанный сверхъестественным свечением, и когда кольцо заскользило вперед по коридору и прошло сквозь ряды порождений тьмы, их движения явственно замедлились. Клинками они взмахивали так медленно, словно сам воздух мешал им двигаться. Зато Серым Стражам это явление не причинило ни малейшего вреда.

Женевьева и двое других воинов не ослабляли натиска и лишь надсадно хрипели, неустанно работая своим тяжелым оружием. Все трое были опытными бойцами. Удары они наносили аккуратно, но мощно и не тратили лишнего времени на каждого отдельного противника, пинком отбрасывая назад смертельно раненного гарлока, если требовалось освободить место. Ни Жюльену, ни Женевьеве, судя по всему, не мешало то, что в пещере явно было тесновато для их внушительных мечей. Без малейшего усилия они то наносили удары, то блокировали вражеские выпады. Николас не только сам прикрывался щитом от ударов, но и защищал, когда была возможность, товарищей. Булава его была стремительно, сокрушая вражеские челюсти и ломая руки.

Все трое ни на миг не упускали друг друга из виду, сохраняя строй и не давая прорваться ни одному порождению тьмы. Атаки их наносили врагу немалый урон. Порождения тьмы пятились, отступали, нечеловеческий гул перерос в злобное рычание. Воины, с ног до головы залитые черной кровью, удвоили натиск, и на мгновение почудилось, будто эти трое и впрямь сумеют отстоять эту узкую пещеру.

Не вышло.

Николас закричал от ярости, когда рослый гарлок обрушил на него сокрушительный удар, и воин вынужден был шатаясь отступить на несколько шагов по неровному каменному полу. Запнувшись, он упал навзничь, и тварь тотчас прыгнула на него и вонзила клыки в его лицо. Жюльен круто развернулся, глаза его округлились от ужаса, и одним ударом огромного меча он рассек гарлока почти надвое. Но было уже поздно.

Несколько низкорослых генлоков, проскочив мимо растянувшегося на полу воина, с восторженным рычанием ринулись к Мэрику и всем прочим, кто до сих пор не принимал участия в бою. Заклинание Фионы замедлило их, но ненадолго. Женевьева наскоро попыталась прикрыть брешь в строю, но у нее ничего не вышло. Жюльен не мог прийти ей на помощь: он широкими взмахами меча отбивался от порождений тьмы, прикрывая себя и Николаса, — а удержать строй в одиночку она была просто не в состоянии. Мимо них проскочили еще несколько порождений тьмы. Линия обороны была прорвана.

Первые генлоки попытались пустить в ход копья, но прежде, чем хоть один из них успел нанести удар, в головы их вонзилось несколько стрел. Порождения падали, визжа боли и неистово терзая когтями собственные лица. Келль хмурясь шагнул вперед, одну за другой наложил на тетиву еще несколько стрел и выпустил их по приближавшимся, врагам.

Ута сбросила на пол мешок и приготовилась кинуться навстречу порождениям тьмы. Мэрик мог только гадать, каким оружием собирается драться гномка: на ней были только коричневое платье да кожаные перчатки. Король вообще не видел, чтобы она носила при себе оружие. Неужели она будет драться на кулаках? Вот так, стало быть, сражаются Молчаливые Сестры?

— Ута, стой! — крикнула Фиона.

Гномка проворно отпрыгнула в сторону, а магичка выступила вперед, вытянув перед собой руки. Взгляд ее стал сосредоточенным, губы зашевелились — и огненный ореол возник вокруг ее ладоней, а потом сорвался и ринулся навстречу порождениям тьмы.

На краткий миг в пещере стало светло как днем. Порождения, бежавшие впереди, ревели и корчились от боли, охваченные огнем. Языки волшебного пламени разбегались по каменному полу, рождая клубы черного дыма, который грозил заполнить всю пещеру. Тварей, которые бежали следом, обожгло, но они лишь шипели от ярости и, словно не замечая ожогов, продолжали бег. Перепрыгивая через своих горящих собратьев, они рвались к Фионе, стремясь добраться прежде, чем она обрушит на них новое заклинание.

Едва путь очистился, Ута ринулась вперед. Лицо ее оставалось все так же безмятежно, когда она столкнулась с первым бросившимся на нее генлоком. Упершись одной ногой в пол, другой она нанесла низкорослому противнику увесистый удар в лицо. Под подошвой кожного сапога громко хрустнули лицевые кости, и генлок, зашатавшись, отступил.

Не теряя ни секунды, гномка бросилась на него. Она схватилась за грубые оплечья лат и перемахнула через генлока, а когда приземлилась, рывком перебросила противника через голову и швырнула на троих порождений тьмы, которые оказались в нескольких шагах от нее. Все четверо кубарем покатались по полу.

Рослый, в массивных доспехах гарлок разъяренно зашипел и высоко занес над головой черный клинок, собираясь с размаху ударить гномку. Ута отпрыгнула в сторону, клинок звякнул по камню, высекая искры, а она низко пригнулась, выбросила вперед ногу и, описав ею дугу, ловко подставила гарлоку подножку. Великан рухнул как подкошенный. Тогда Ута хладнокровно вскочила на него и прямой ладонью — не кулаком, отметил Мэрик, а именно ладонью — ударила его в горло. Пальцы ее с тошнотворным хрустом погрузились в морщинистую шею гарлока, и тот забился, пытаясь сбросить с себя Уту.

Поздно — она уже легко перепрыгнула с поверженного врага на спину другому гарлоку. Прежде чем он успел даже дернуться, гномка обхватила обеими руками его голову, сильным рывком повернула ее и сломала противнику шею.

Теперь на Уту разом бросились несколько порождений тьмы, и Мэрик потрясенно смотрел, как гномка, спрыгнув наземь, принялась наносить удары руками и ногами. Каждый удар ноги был точен и хорошо рассчитан, каждое движение локтя или ладони нацелено на то, чтобы ударить как можно сильнее, и при этом она двигалась так стремительно, что король едва успевал за ней уследить. Он никогда еще не видел, чтобы так дрались.

Наконец один гарлок ухитрился сзади ухватить Уту за платье и потащил к себе. Гномка стиснула зубы, но прежде, чем она начала действовать, на гарлока прыгнул со спины серый волкодав. Яростно рыча, Кромсай вонзил мощные клыки в шею твари и оттащил от гномки. И, обливаясь черной кровью, отшвырнул противника в сторону.

Какой-то генлок бросился на Кромсая с копьем, но тут из темноты свистнули две стрелы. Из укрытия выскользнул Келль, светлые глаза обожгли ненавидящим взглядом тварь, которая осмелилась напасть на пса. Капюшон охотника соскользнул на плечи, обнажив гладко обритую голову, которая была покрыта сложным узором черных татуировок. Мэрику подумалось, что похожие татуировки носят воины авварских горных племен.

Келль проворно забросил за спину лук и сорвал с пояса кистень. Такое оружие было очень опасным в руках того, кто умел с ним обращаться. Следопыт атаковал расчетливо, и шипастый шар с каждым взмахом обрушивался на нового противника.

Кромсай тотчас же метнулся за спину Келлю и вцеплялся во всякого врага, который имел неосторожность подойти слишком близко. Один дюжий гарлок попытался ткнуть его

копьем, и тогда пес, сомкнув клыки на руке порождения, повалил его на землю. Грозно рыча, он мотал головой, и тварь болталась, точно тряпичная кукла.

— Мэрик!

Крик Дункана отвлек короля от досужих наблюдений. Мимо Женеьевы, Жюльена и Николаса прорвалось еще несколько порождений тьмы. Фиона взмахнула посохом, и в нападавших полетели заряды магической энергии.

Дункан метнулся вперед. Злобно шипящий генлок взмахнул топором — и в тот же миг юный Серый Страж вонзил в его грудь кинжалы. Сильверитовые клинки проткнули черный металл вражеского нагрудника с такой легкостью, точно тот был на самом деле сделан из мягкой ткани. Дункан прыгнул на генлока и повалил на пол.

Другой генлок развернулся и с размаху нанес удар топором. Паренек проворно подпрыгнул, и удар пришелся по голове распластавшейся на полу твари. Еще не приземлившись, Дункан взмахнул обоими клинками — и на лету располосовал горло нового противника. Из зияющей раны ударил фонтан черной крови.

Дункан между тем вертелся во все стороны, подсекал ближайших врагов. Мэрик подметил, что удары коротких лезвий чрезвычайно точно находят слабые места в защите противника. Кинжалы вонзались в щели примитивных вражеских доспехов, рассекая сухожилия и разрубая лодыжки. Дункан наносил удар по всякому врагу, который поворачивался к нему спиной, и, едва тот валился на пол, уже спешил к следующему.

— Весело, да? — с безумным хохотом крикнул он Мэрику, оседлав рослого гарлока и воткнув кинжал ему в глаз по самую рукоять.

Гарлок взревел от боли и опрокинулся навзничь в толпу собратьев, увлекая за собой юного вора.

Мэрику было уже не до того — двое гарлоков бросились на него с копьями. Кожа на их безволосых головах, морщинистая и покрытая язвами, казалось, совсем прогнила; в выпуклых белесо-мутных глазах горела ненависть. Восемь лет назад, когда Мэрик, Логэйн, Катриэль и Роуэн пробирались по Глубинным тропам, порождения тьмы едва не прикончили их. Тогда исход боя решили гномы из Легиона Мертвых. Улыбнется ли ему и на сей раз такая удача? Отчего-то Мэрик в этом сомневался.

Фиона сделала движение рукой — и с ее пальцев сорвался ослепительно-белый заряд магической энергии. Он ударил в одного из гарлоков, и тот покрылся слоем инея. Надсадно крикнув, Фиона выбросила вперед другую руку — и в воздухе возник сверкающий камень размером с кулак. Камень полетел напрямик в застывшую тварь и точным ударом превратил ее в груду льда, перемешанного с кровью.

Второй гарлок не заметил гибели собрата. Злобно шипя, он бежал прямо на Мэрика. Тот проворно отпрыгнул вбок и одним ударом разрубил копьё гарлока на две части. Зачарованный клинок без малейшего усилия рассек древко.

Гарлок отшвырнул обломки, развернулся и, разинув клыкастую пасть, прыгнул на Мэрика. Король, однако, был к этому готов и, крутнувшись, наискось рубанул противника по груди. Доспехи порождения тьмы не были препятствием для драконьей кости. Черная кровь густо хлынула из раны, и гарлок пронзительно завизжал от боли.

Однако время, потраченное на этот удар, едва не стоило Мэрику жизни — на него сбоку бросились два генлока. Сбив короля с ног, они придавили его к полу, и один из них впился клыками в его плечо. Мэрик стиснул зубы от резкой боли, ощутив, как расходится по всему телу скверна, жгуче-едким касанием загрязняя кровь. Оставалось надеяться, что снадобья Первого Чародея подействуют именно так, как он обещал.

Мэрик боролся, пытаясь сбросить с себя тварей, но они были слишком проворны и на удивление сильны. С большим трудом Мэрику удалось все-таки отшвырнуть от себя одного из врагов. А второго прикончила Фиона.

Король вскочил, сжимая в руке меч, и увидел, что несколько гарлоков окружили эльфийку. Еще нескольких успешно отвлекал на себя Дункан, но врагов было слишком много.

Однако, прежде чем Мэрик успел сорваться с места, Фиона выкрикнула единственное слово. Грозная волна магической энергии хлынула от нее во все стороны, блистая так ослепительно, что порождения тьмы закрывали глаза и визжали от боли. Пещеру сотряс удар землетрясения. И Мэрик, и порождения тьмы, и все остальные повалились на пол. С потолка посыпались камни, и несколько крупных осколков едва не угодили королю в голову.

Когда пыль осела, Мэрик приподнялся и огляделся. Эльфийка в сверкающей кольчуге стояла все там же, гордо расправив плечи и торжествуя победу, и Мэрику вдруг почудилось, что в ней добрых десять футов роста. Лицо магички блестело от пота, а пряди жестких темных волос прилипли ко лбу. Тем не менее она сияла от удовольствия. Поймав взгляд Мэрика, Фиона вдруг проказливо подмигнула ему. Помимо воли он засмеялся в ответ.

Девушка вскинула посох над головой, и белое свечение стало сильнее и ярче: магичка готовилась обрушить новый удар на окруживших ее порождений тьмы, которые как раз начинали приходить в себя.

Вдруг сияние посоха дрогнуло, потускнело, и Мэрик увидел, что в груди Фионы торчат две стрелы. Широко раскрытыми глазами эльфийка смотрела на алые капли, ползущие по кольчуге.

Лицо ее исказилось от ярости.

— Ублюдки! — выругалась она.

Еще одна стрела просвистела у самого ее виска. Фиона гнулась, свободной рукой хватаясь за стрелы, торчавшие из груди. Мэрик стремительно развернулся и сразу же разглядел стрелка: бледнокожий генлок с черным, грубо сработанным луком расположился на большом скальном выступе шагах в десяти от короля.

Мэрик бросился к лучнику. На бегу он широкими взмахами меча расчищал себе дорогу в сумятице рукопашной схватки. Он заметил Дункана. Кожаный доспех юноши был залит алой кровью вперемешку с черной, но это ничуть не ослабило боевой дух молодого вора. Он зарычал, скаля зубы, и снова бросился на врагов.

Задержаться и прийти к нему на помощь Мэрик не мог. На пути у него вырос еще один противник, на сей раз здоровенный гарлок в золоченых доспехах. Мэрик отразил удар массивного меча — от столкновения клинков брызнули искры. Гарлок, впрочем, оказался не слишком хорошим мечником, и Мэрик довольно скоро зарубил его.

И бегом бросился дальше. Бледнокожий генлок сделал еще несколько выстрелов и только тогда заметил, что к нему бежит человек с пылающим мечом. Первая стрела, пущенная в Мэрика, пролетела мимо, а вторую он отразил ударом клинка — по правде говоря, нечаянно, хотя со стороны, наверное, эта сцена выглядела по-другому.

Гляньте, как король Мэрик сбивает стрелы на лету! Его ничто не остановит!

Третья стрела со всей силы ударила в солнечное сплетение. Вот тебе и “ничто не остановит”.

Собрав силы, Мэрик одним рывком преодолел расстояние, отделявшее его от лучника, и вскочил на каменный выступ. Генлок встретил врага шипением, и Мэрик не задумываясь пронзил его мечом. По клинку и нагруднику Мэрика потекли струи черной крови. Стрелок дернулся, выронив лук, и с хриплым клокотанием испустил дух.

Мэрик выдернул меч из мертвого тела, повернулся — и поскользнулся на луже крови. Он со всей силы грянулся о каменный пол и подвернул ногу. Перед глазами вспыхнули слепящие огоньки, и все тело пронзила боль.

Гляньте, как король Мэрик кувырком катится на каменный пол! Гляньте, как он скачет!

Перед Мэриком выросла плотная тень, над ним навис гарлок, готовясь опустить на его голову секиру. Король попытался вскинуть клинок и отразить атаку. Но он полусидел, привалившись спиной к каменному выступу, а в таком положении орудовать мечом было нелегко. У него не было точки опоры.

За спиной у гарлока возник из пустоты Келль. Закричав, охотник обрушил кистень на голову порождения и точным ударом разнес череп. Осколки костей и капли крови брызнули

во все стороны.

Мэрик словно оцепенел. Он едва заметил, как гарлок осел на пол, и даже не шелохнулся, когда охотник, нагнув вперед, протянул ему руку.

— Ваше величество! — В голосе Келля прозвучала тревога.

Мэрик оперся на его руку и поднялся. Поврежденная нога заныла. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что его спутники добивают последних порождений тьмы. На помощь Фионе пришли Дункан и Ута, магичка была изранена покрыта кровью. Впрочем, она, судя по всему, не столько страдала от ран, сколько злилась на свое увечное состояние. Николаса поддерживал охваченный тревогой Жюльен; правда, различить, кто из них ранен сильнее, оказалось затруднительно — оба с ног до головы были залиты черной кровью.

Женевьева добивала порождений тьмы, которые еще корчились на каменном полу.

— Надо идти дальше, — проворчала она. — Сюда движется еще одна шайка.

Командор заколола последнего генлока — тот мычал от боли, затем окончательно стих, — повернулась и перехватила взгляд Фионы.

— Лечение! — бросила Женевьева. — Сколько сможешь, и побыстрее.

Эльфийка коротко кивнула. Бледное лицо ее лоснилось от пота. Ута и Дункан помогли ей присесть на камень, стараясь при этом не потревожить две черные стрелы, которые все еще торчали в груди девушки. Гномка опустила на колени перед Фионой и с озабоченным видом сделала несколько жестов.

Магичка прерывисто вздохнула:

— Давай.

Ута положила одну руку ей на плечо, а другой рукой крепко ухватила древко стрелы. Эльфийка закрыла глаза, но не отпрянула. Дункан, стоявший рядом, крепко держал ее за плечи, хотя вид у него был такой, точно он вот-вот рухнет в обморок.

Рывок — и стрела двинулась наружу, и из раны показался ее зазубренный наконечник. Брызнула струйка темной крови. Фиона вскрикнула от боли, и Мэрик содрогнулся, услышав этот гортанный животный крик. Эльфийка согнулась вдвое, но Дункан рывком заставил ее выпрямиться — чтобы не загнала еще глубже вторую стрелу. Магичка стала еще бледнее, если только такое было возможно, и кровавое пятно на ее груди, прикрытой кольчугой, стремительно разрасталось.

Мэрик качнулся было к ней — помочь, но чья-то рука властно легла ему на плечо, удержала. Это был Келль. Он снова натянул на голову капюшон и убрал в ножны кистень. Он указал на Николаса:

— Пойдем, ему нужна наша помощь.

Рядом хромая шел Кромсай — грязный, с морды капает черная кровь, но в основном невредимый. Везучий пес. Николас снова рухнул наземь, бессильно хватаясь за залитый кровью нагрудник, а Жюльен, судя по всему, сам был слишком изранен, чтобы помочь ему подняться.

— Рана тяжелая? — спросил Келль.

Жюльен словно обезумел. Опустившись на колени, он пытался приподнять Николаса одной рукой — другая, похоже, была сломана. Он едва замечал, что творится вокруг.

— Не знаю! — выкрикнул темноглазый воин, подняв на Келля полный отчаяния взгляд. — Надо отвести его к Фионе! Он истечет кровью!

Николас был в таком состоянии, что пытаться поднять его на ноги было попросту опасно. Келль искоса глянул на Мэрика, и тот сразу понял, чего хочет от него охотник. Он присел на корточки рядом с Жюльеном, заговорил с ним, увещевая, и осторожно отвел его руки от раненого друга. Не столько слова, сколько звук его голоса, судя по всему, помогли Жюльену — он перестал задыхаться от ужаса и постарался взять себя в руки, когда Келль потащил Николаса прочь.

— Я не... она должна ему помочь!

— Она поможет.

Словно вторя словам Мэрика, прозвучал еще один леденящий душу крик: это Фиона

избавилась от второй стрелы. На сей раз магичка скорчилась, зажимая обеими руками грудь и дрожа от изнеможения. Ута больше ничем не могла ей помочь, только с состраданием заглядывала в лицо. Тяжело дыша и содрогаясь всем телом, эльфийка боролась с мучительной болью, чтобы достало сил хотя бы подняться на ноги. Когда ей это наконец удалось, Дункан отступил на шаг.

— Все хорошо, — едва слышно процедила она сквозь стиснутые зубы.

Взмахнула рукой — и внезапно всю ее окутало голубое сияние. Фиона судорожно вскрикнула, выгнулась назад, чувствуя, как боль отступает и целебная магия расходится по телу. Мэрик потрясенно смотрел, как затягиваются ранки на ее руках. Когда заклинание было завершено, голубое сияние погасло, и Фиона безвольно обмякла. Дункан бросился к ней, подхватил, не дав упасть на пол, и с радостной ухмылкой похлопал ее по щеке.

— Ну-ну, — со смешком сказал он, — не время сейчас падать в обморок.

— Знаю! — простонала Фиона.

Ута передала ему склянку с каким-то зельем, и Дункан немедленно поднес ее к губам эльфийки. Та скривилась, но покорно выпила и тут же зашлась надрывным кашлем. По телу ее прошла судорога. Затем Фиона открыла глаза и огляделась. Она по-прежнему была бледна как полотно, но сил заметно прибавилось.

— Видишь? — Мэрик похлопал Жюльена по спине. — У нее все в порядке. И у Николаса будет все в порядке, как только она до него доберется. Мне и самому несколько раз доставалось не меньше. Хорошо, когда под рукой найдется маг, который тебя залатает.

Воин явно смутился:

— Прошу прощения, ваше величество. Я, наверное, веду себя как плаксивая баба.

— Зови меня просто Мэрик и не говори ерунды. Вы же друзья. Веришь или нет, но мне прекрасно знакомы подобные чувства.

Жюльен помедлил, окинув Мэрика каким-то странным взглядом. Может, он решил, что Мэрик чересчур прямолинеен? Наконец темноглазый воин улыбнулся — немного застенчиво, но уже бодрее. И, больше ничего не сказав, бросился вслед за Келлем.

Из другого конца коридора за Мэриком внимательно наблюдала Женестьева. Лоскутом ткани она вытирала с лица кровь, но при этом не сводила с него глаз. В этом пристальном взгляде королю почудилось что-то зловещее. Все прочие теснились возле Фионы, помогая ей набраться сил для целительных заклинаний, и только командор стояла поодаль. Мэрик поневоле задумался, всегда ли Женестьева держится так отчужденно.

Фиона не мешкая принялась за лечение спутников, и все при этом прислушивались к нечеловеческому гулу, который все громче рокотал в недрах туннелей. К ним приближался еще один отряд порождений тьмы, и по тому, как Женестьева с растущей тревогой мерила шагами коридор, было ясно, что врагов сюда спешит немало.

У магии, которую применяла Фиона, были свои ограничения. Она исцеляла поврежденную плоть и восстанавливала некоторую часть здоровья, однако справиться с тяжелыми ранами ей было не под силу. Сломанная рука Жюльена так и осталась сломанной, и хотя Николас мог идти, было очевидно, что у него повреждены какие-то внутренние органы и эти повреждения еще долго будут причинять ему боль. Фиона и сама не вполне оправилась от ран. Ута не отходила от нее и, глядя, как магичка изнуряет себя, нервно сплетала и расплетала пальцы.

Когда очередь дошла до Мэрика, Фиону уже сотрясала дрожь и лицо ее снова лоснилось от пота. Это был верный признак того, что она истощена. Когда магичка протянула руку, чтобы коснуться его лба, Мэрик остановил ее.

— У меня нет серьезных повреждений, — сказал он. — Я справлюсь сам.

Фиона с любопытством глянула на него, изогнув бровь:

— Хочешь произвести на меня впечатление?

— Нет, хочу поберечь твои силы.

Эльфийка опешила. На мгновение взгляды их встретились, и она заколебалась, но все-таки, несмотря на протест Мэрика, закончила заклинание.

— Позволь уж мне самой беспокоиться о своих силах.

В голосе ее прозвучали ворчливые нотки, но прикосновение пальцев было нежным, почти невесомым, и Мэрик ощутил легкое покалывание — это проникала в него магическая энергия Фионы. Чтобы не глядеть на эльфийку, он сосредоточил все внимание на сияющей голубой ауре, которая окутала его тело.

Если растяжение и не прошло окончательно, то пострадавшей ноге тотчас изрядно полегчало. Перестала кровоточить и рана от стрелы в боку. Пусть заклинание и не вылечило Мэрика, но теперь он чувствовал себя в тысячу раз лучше. Он благодарно взглянул на магичку. Та с сомнением покосилась на него, но ничего не сказала.

И нескольких минут не прошло, как Женестьева приказала продолжать путь. И снова они бежали — по крайней мере пытались бежать: многочисленные раны изрядно замедляли продвижение. К тому же все они выбились из сил, особенно Фиона. И все равно командор непрестанно подгоняла их, требуя двигаться быстрее. Если собственные раны и досаждали ей, она это искусно скрывала, и казалось, что ее гонит вперед одна только непреклонная воля.

Помимо этого, их подхлестывал страх. Мэрику не нужно было обладать сверхъестественным чутьем, чтобы понять: как бы они ни прибавляли ходу, порождения тьмы их нагоняют. Рокошущий гул теперь не стихал ни на долю секунды, и король почти готов был к тому, что за очередным поворотом на них набросится орда тварей.

Они снова оказались на Глубинных тропах, попав в гномьи туннели через трещину в стене. С точки зрения Мэрика, эта часть Глубинных троп ничем не отличалась от других: угрюмый мрак, разбитые изваяния гномов и расползшаяся повсюду скверна. Как же теперь вернуться на нужную дорогу?

Размышлять об этом было некогда, потому что бег превратился в бегство. В повелительных криках Женестьева зазвучало иступление, и путники помчались со всех ног. Они бежали и бежали, минуя поворот за поворотом, и теперь уже Мэрик различал в темноте не только гул, но шипение и лязг металла — верные признаки того, что погоня близка.

И опять им пришлось покинуть Глубинные тропы — на сей раз у них попросту не было выбора. Туннель впереди оборвался, — вернее, это зрелище напоминало сломанную ногу, когда на месте перелома торчат осколки костей. За обломками камня простиралась громадная пещера, глубоко уходившая вниз. Продолжается ли туннель по другую сторону провала, различить в темноте было невозможно. Что же здесь произошло?

Повернуть назад они не могли. Оставалось только одно — идти вперед. Под шипение и металлический лязг Женестьева подала пример своим спутникам, первой прыгнув вниз. Она приземлилась и замерла, пригнувшись с мечом наготове, пытливо высматривая в темноте хоть какие-то признаки жизни. И не обнаружила ничего.

За ней тотчас попрыгали остальные. Мэрик приземлился на поврежденную ногу и зашипел от боли. Никто не обратил на него внимания. Замерев на месте, Стражи пристально всматривались в темноту. Сияние, исходившее от посоха Фионы, осветило в окружающем мраке лишь одно — громадные каменные обломки.

И еще здесь едко пахло серой. Мэрику показалось, что все вокруг пропитано этим запахом. Может, где-то поблизости серный источник?

— А это еще что такое? — скривился Дункан.

— Тихо! — шепотом рыкнула Женестьева.

Она по-прежнему сжимала в руке меч, и в ее изможденном взгляде горела настороженность хищного зверя. Командор явно считала, что они здесь не одни. Дункан с отчетливым стуком захлопнул рот.

Состояние Женестьева передалось и остальным, и хотя они все же двинулись в неизведанный мрак, но продвигались вперед очень и очень медленно. Фиона держала посох высоко над головой, усилив его сияние настолько, чтобы можно было разглядеть, что их окружает. Разлом явно был естественного происхождения, и высоко вверху можно было в нескольких местах различить следы других туннелей.

Что-то громко хрустнуло под ногой у Мэрика. Он поглядел вниз и увидел кости.

В ту же секунду их увидели и другие. Фиона, затаив дыхание, подняла повыше посох, и свет его озарил бесчисленные груды костей. Они, к немалому облегчению Мэрика, принадлежали не людям. И не порождениям тьмы. Это были кости животных, по большей части старые и покрытые слоем пыли.

На Глубинных тропах водились бронто — стадные животные, бывшие когда-то ручными. Эту породу вывели в древности Хранители, а когда порождения тьмы во время Первого Мора уничтожили гномьи владения, бронто в конце концов одичали. Мэрик никогда не видел их живьем, но слышал, что под землей бродят целые стада. Он предполагал, что лежащие вокруг останки принадлежат именно бронто. И костей было много. Вся пещера была завалена ими — да так, что не разглядеть каменного пола.

— Может, это скотомогильник? — тихонько спросила Фиона.

Келль покачал головой и, нагнувшись, выбрал кость покрупнее. Сразу бросалось в глаза, что она обломана и расщеплена. Ничего не сказав, охотник отшвырнул находку и наложил стрелу на тетиву лука. Светлые глаза его напряженно обшарили темноту.

Все замерли, выжидая.

— Слышите? — спросил вдруг Дункан.

Они напрягли слух. Во мраке не разносилось ни единого звука. А еще, вдруг сообразил Мэрик, стало жарко. Раньше полагал, что разогрелся от быстрого бега, но сейчас-то они стояли на месте и уже отдышались, так что дело было совсем не в этом. В воздухе, пропитанном серной вонью, явно витал сухой жар.

— Я ничего не слышу, — проворчала Женестьева.

— Именно! Куда девались порождения тьмы? Я их едва чую.

Командор промолчала, явно потрясенная тем, что не сообразила это сама. Несколько минут все они так и стояли, ничего не предпринимая, и наконец Женестьева решительно махнула рукой, приказывая продолжать путь.

— Мы должны как-то выбраться отсюда. Что бы ни помешало порождениям тьмы последовать за нами, возможно, мы сумеем использовать это обстоятельство.

Остальным явно не хотелось с ней соглашаться, но вслух возражать никто не стал. Они молча двинулись за Женестьевой, осторожно ступая по грудам костей, и вскоре стало видно, что эта пещера постепенно переходит в другую — еще более просторную. И еще там был свет. Вначале тусклый — слабое свечение мха, покрывавшего стены, — но, вскоре он усилился так, что Фионе больше не нужно было поддерживать сияние посоха. Мэрику припомнились гигантские пещеры, в которых возводились тейги, но здесь место гномьих строений занимали сталактиты и сталагмиты. Кое-где зияли расселины, из которых выбивался пар, и Мэрику показалось, что за крупными каменистыми выступами текут тонкие ручейки раскаленной лавы. Отсветы этой лавы оранжевыми бликами озаряли сумрачный подземный пейзаж.

И весь пол этого исполинского чертога тоже был завален костями. Многие из них лежали, обугленные, на грудях черного пепла. Клубы пара поднимались вдоль каменных стен. Серная вонь стала почти невыносимой.

Пес Келля испуганно зарычал, и шерсть его встала дыбом.

Женестьева пристально всматривалась в даль, туда, где висела тончайшая дымка пара, — как будто тайна, сокрытая в этом месте, могла бы явиться глазам по ее приказу. Ничего подобного не произошло. Тогда она, не глядя на остальных, взмахом руки указала вперед:

— Ищите проход.

Они начали расходиться цепью, но тут Келль прошипел:

— Стойте!

Женестьева резко повернулась. На лице ее было откровенное раздражение, которое, впрочем, тут же сменилось тревогой. Охотник замер, уставясь вверх, и в его округлившись глазах стоял ужас. Женестьева проследила за его взглядом, то же самое сделали Мэрик и все остальные, и тогда стало ясно, что именно помешало порождениям тьмы продолжать погоню. Причина этого везения опускалась на них с высоты, раз-вернув громадные кожистые

крылья.

— Дракон! — беззвучно выдохнул Келль.

Глава 8

Древние Боги к вам воззовут,
Воспоют из древних своих темниц.
Драконы со злобой в душе и во взоре,
Обман воспаряет на черных крылах,
Первые дети Мои, отнятые ночью.

Песнь Молчания, 3:6, Антистрофа

— Стражи!

В предостерегающем выкрике Женевьевы не было нужды, да и прозвучал он слишком поздно — в тот самый миг, когда покрытый черной чешуей высший дракон со всей своей разрушительной мощью обрушился на пол пещеры. В тот самый миг он взревел, и этот яростный рев был настолько оглушителен, что Дункан зажал уши. От невыносимой боли он закричал, но не услышал даже собственного голоса. Каменный пол содрогнулся под тяжестью драконьей туши, и ветер, поднятый неистовыми взмахами драконьих крыльев, сбил молодого Стража с ног.

Мир перед его глазами завертелся колесом. Дункан кубарем покатился по каменному полу и с разгону врезался в черный каменный столп. Спину пронзила жгучая боль. Скрипя зубами, Дункан вынудил себя подняться. Голова у него пошла кругом, он пошатнулся, но все же сумел устоять.

Никто из его спутников, как и сам он, не сумел удержаться на ногах, — правда, те, на ком были тяжелые доспехи, откатились не так далеко. Между тем дракон уже с поразительным проворством разворачивался, чтобы атаковать незваных гостей. Когтистая лапа наступила на Жюльена, пригвоздив его к полу прежде, чем воин успел вскочить, а затем дракон, повернув могучую жилистую шею, злобно уставился на Женевьеву. Одна только голова у него в два раза крупнее, чем командор Серых Стражей.

Она не отступила, не дрогнула — так и стояла, решительно выставив перед собой меч и в упор, настороженно глядя в глаза дракона. Бестия злобно фыркнула, выпустив клубы черного дыма, словно разъяренная тем, что эти чужаки посмели заявиться в ее логово. Выдыхая дым сквозь гигантские желтоватые клыки размером с человеческую руку, дракон осторожно принялся обходить Женевьеву. Командор, держа наготове меч, не сводила глаз с противника, и на лице ее застыла мрачная решимость.

Двинувшись с места, дракон отпустил Жюльена, и тот застонал от боли. Николас метнулся к нему и поспешно оттащил к ближайшему каменному выступу. Падение дракона подняло в пещере такие клубы пыли и пепла, что всех остальных разглядеть было невозможно.

— Бегите в укрытие! — прокричала Женевьева.

Звук ее голоса разъярил дракона, и тот, разинув гигантскую пасть, ринулся на нее. Командор перекатилась вправо — несмотря на массивные доспехи, двигалась она на удивление проворно — и рубанула мечом по длинной шее древней твари. Острие меча проткнуло толстый слой черной чешуи. Вонзилось оно неглубоко, но и этого хватило, чтобы бестия, заревев от ярости, взвилась на дыбы.

Вся пещера содрогнулась от этого рева, а командор бросилась вперед, направив меч в грудь дракона. Нанести удар ей, однако, так и не удалось: дракон отшвырнул женщину прочь, и она кубарем покатилась по каменному полу.

Теперь уже вступили в бой другие Серые Стражи. Дункан увидел, как Николас,

ринувшись вперед, обрушил булаву на заднюю лапу дракона. Миг спустя к нему присоединился Жюльен — все еще хромя, он набросился на дракона с мечом. По другую сторону от бестии возникла Ута. В руках у нее был гномий боевой цеп — пара стальных полос, соединённых короткой цепью. Дункан пару раз видел, как она пользуется этим оружием. Сейчас Ута с ошеломительной скоростью раскрутила вокруг себя цеп и обрушила ряд молотящих ударов на драконью чешую.

Появился и Келль. Он запрыгнул на возвышение, и рядом с ним нетерпеливо приплясывал Кромсай. Охотник строго одернул пса, не дав ему ввязаться в общую драку, и принялся аккуратно, одну за другой пускать стрелы в голову кона.

Не обратив на них ни малейшего внимания, бестия молниеносно развернулась. Длинный хвост одним ударом сбил с ног Николаса и Жюльена и едва не задел Уту, которая ловким кувырком сумела увернуться. Теперь дракон устремил все внимание на гномку и предпринял несколько попыток пригвоздить ее к полу мощными ударами лап, но Ута всякий раз ловко, словно танцюя, уходила в сторону.

Дункан выхватил кинжалы и поспешил на помощь товарищам. Жара в пещере стояла невероятная, и он уже всю обливался потом. Беда, если взмах этих громадных крыльев сметет его в лавовый ручеек, — Дункан никогда в жизни не видел лавы, но нетрудно было догадаться, какая неприятная участь ждет того, кто в нее плюхнет. Почти такая же неприятная, как угодить на зуб дракону.

“Неужели мы и вправду собрались драться вот с этим?”

Из клубов дыма и пепла выскочила Женестьева. Подняв меч над головой, она бежала рядом с Дунканом. Они даже не обменялись взглядами — просто спешили к дракону. Когда они приблизились, у Дункана перехватило дыхание. Бестия, эй нависавшая над ними, вблизи оказалась куда громаднее, чем казалось издали. И куда быстрее. Длинное туловище, длинные сухощавые лапы, убийственное проворство — как, во имя Андрасте, эта бестия ухитрилась поселиться здесь?

Считалось, что драконы окончательно вымерли, что их перебили охотники, — по крайней мере, так полагали, пока над Морозными горами не взлетела бестия, ознаменовавшая собой начало Века Дракона. Неужели это та самая? Неужели именно здесь укрываются драконы, когда не летают над землей, разоряя окрестности?

Женестьева с силой вонзила меч в драконью шкуру. Дункан последовал ее примеру, и сильверитовые кинжалы без труда пробили чешую. Из ран брызнула яркая кровь. Клинки Дункана вошли не так глубоко, как меч Женестьевы, но Дункан надеялся, что и этого хватит, чтобы нанести дракону чувствительный урон.

И он не ошибся. Дракон взвился на дыбы, взревев так, что с пещерного свода посыпались мелкие камешки. Затем бестия развернулась, и меч Женестьевы, залитый алой кровью, выскочил из драконьего бока. Кинжалы Дункана едва не выдернуло у него из рук, и ему пришлось со всей силы и вцепиться в рукояти, чтобы высвободить их. Дракон широко разинул пасть, и по пещере прокатился шум великанского вдоха.

— Берегись! — гаркнула Женестьева.

Прыгнув на Дункана, командор сбита его с ног и навалилась сверху, придавив его тяжестью своего тела, закованного в доспехи. Этот маневр едва не вышиб из Дункана дух, и юный вор на миг растерялся. И только потом сообразил, почему Женестьева так поступила: дракон выдыхал пламя.

Вначале на них обрушилась волна жара. Дункан закричал, но тут же обнаружил, что из легких словно высосали весь воздух. На мгновение он потерял способность дышать, а потом их накрыл огонь. И в ту же долю секунды в игру вступила иная сила. Поток ледящего холода, мгновенно покрывший инеем доспехи Женестьевы, ударил навстречу огню — и в воздухе забуллил пар. Жар, окутавший их обжигающим облаком, был почти нестерпим, но, как ни странно, они остались живы. Пламя угасло.

Женестьева сползла с Дункана, и он сразу откатился вбок. И тогда увидел, откуда пришло к ним спасение. Фиона стояла, высоко вскинув посох над головой, и из камня в

навершии посоха вырывались ослепительно-голубые струи магической энергии. Силуэт Фионы мерцал, окруженный ореолом магии, и это сияние источало такой холод, что Дункан почувствовал его даже издалека.

И дракон тоже. Бестия с яростным ревом бросилась на магичку, неистово взмахивая крыльями. В голову бестии полетели сразу три стрелы, и одна из них воткнулась в глаз. Пронзительно завизжав, дракон забился в воздухе и, тяжело рухнув рядом с Фионой, заскользил по полу.

Одно из крыльев едва не задело эльфийку, но она, не обратив на это внимания, снова сосредоточилась. Поток магической силы, направляемый ею, хлынул вверх по посоху, и ледяное сияние, окружавшее Фиону, вдруг взорвалось, брызнув во все стороны. Тотчас во всей пещере забушевала вьюга. Порывы ветра и снежные заряды хлестали все концы, и воздух так резко охладился, что Дункан увидел, как его дыхание срывается с губ облачком пара.

“Так я и знал, что она сюда притащит эту растреклятую зиму!” — мысленно проворчал он. От этого заклинания дракон пришел в исступление. Он вертелся на месте, явно корчась от боли, и тщетно молотил крыльями по каменному полу, пытаясь увернуться от яростного натиска тысяч ледяных игл.

Рядом с Фионой появился Мэрик и, едва дракон развернулся, бросился на него и рубанул мечом по чешуйчатому боку. Зачарованный клинок глубоко прорезал драконью плоть. Дракон вновь пронзительно завопил и взвился к сводчатому потолку. Несколько взмахов могучими крыльями — и бестия скрылась в темноте, окутавшей дальнюю часть пещеры.

Женевьева встала, пошатываясь, прикрывая рукой лицо от неистовства бури.

— Серые Стражи, ко мне! Меняем позиции!

За воем ветра голос ее был едва различим, но все равно спутники расслышали этот крик.

Один только Дункан так и замер, припав к земле, пытаясь разглядеть сквозь снежную круговерть, не летит ли опять дракон. Может, он так и не вернется? Может, они и ему такую взбучку, что он удрал зализывать раны?

— Он вернется? — крикнула подбежавшая Фиона, высказав вслух то, что беспокоило Дункана.

Келль спрыгнул с каменного выступа, за ним последовал яростно лаявший Кромсай.

— Надо вернуться на Глубинные тропы! Скорее, пока еще время!

— Нет! — рывкнула Женевьева. — Там нас ничего хорошего не ждет!

— А здесь, значит, только хорошее? Ты что, спятила?

Подожли Николас и Жюльен, за ними, чуть поодаль, прихрамывая следовала Ута, и все они удивленно смотрели, как командор, решительно шагнув вплотную к охотнику, сгребла руками в латных перчатках отвороты его кожаного жилета. Лицо ее было искажено бешенством, но Келль не дрогнул, не отвел взгляда. У ног Женевьевы угрожающе рычал Кромсай.

— Мы никуда не уйдем! — твердо заявила Женевьева. — Мы останемся и будем драться. И победим.

— Наш долг — сражаться с порождениями тьмы...

— Наш долг — найти моего брата! — прорычала она. — Для этого мы сюда и пришли! Мы найдем проход через эту пещеру и доберемся до тейга Ортан! Мы сделаем это — или погибнем!

Женевьева по очереди обвела горящим взглядом стоявших вокруг Серых Стражей, словно бросая им вызов. Никто из них не отвел глаз, но никто и не подал голоса. Когда взгляд этих беспощадных голубых глаз остановился на Дункане, юный вор внутренне сжался. Она и вправду хочет, чтобы они сразились с драконом, если он вернется.

— Тогда каков твой план? — жестко спросил Мэрик. Он стоял теперь рядом с Фионой, и его рунный меч слабо светился. — У тебя, вообще, есть план? — прибавил он, и в голосе

его прозвучало откровенное осуждение.

Лицо Женеьевы окаменело. Ответить, однако, она не успела: сверху, из-под свода пещеры, донесся уже знакомый крик. Дракон возвращался.

— Врассыпную! — крикнула она.

Все бросились бежать. Дункан мчался со всех ног, прикрывая лицо от ледяного ветра, порожденного магией Фионы. Он чуял всем существом, как нависает над головой исполинская туша дракона, и на миг исполнился жуткой уверенности, что дракон вот-вот рухнет на него всей своей тяжестью или, что хуже, схватит его когтями и унесет, точно ястреб кролика.

Бестия, однако, приземлилась где-то позади него и снова издала оглушительный рев. Дункан споткнулся и рухнул, укрывшись за каменным столбом. Рядом тек по узкому желобу лавовый ручей, и над его раскаленной поверхностью, осыпаемой снегом, с шипением вырастали громадные клубы пара.

Поднявшись на ноги, Дункан повернулся и рискнул выглянуть из-за камня. Сквозь снежную завесу он совершенно точно разглядел врага — но только как громадный и не слишком четкий силуэт. Дракон явно вертелся на месте и вытягивал длинную шею, пытаясь схватить кого-то у себя под ногами, вот только Дункан не мог различить, кого именно.

Судорожно сглотнув, он собрался с духом и выскочил из укрытия. И, подбежав ближе, увидел высшего дракона во всей красе — могучее грациозное тело, сплошь покрытое черной лоснящейся чешуей. Не будь бестия так опасна, Дункан признал бы ее красавицей.

Дракон снова взревел, неистово хлеща по полу пещеры длинным хвостом. К порывам ветра, гулявшего по пещере, добавились яростные взмахи крыльев. Эхо драконьего рева, заматавшееся между стенами, раздирало барабанные перепонки. Дункан скривился, но упорно бежал дальше, преодолевая болезненный звон в ушах.

Бестии никак не удавалось справиться со всеми противниками разом. Насколько мог разглядеть Дункан, его товарищи окружили дракона. Как только тварь сосредоточивала внимание на одном из них, остальные тотчас принимались наносить удары. Ливень стрел, которые одну за другой пускал Келль, тоже действительно отвлекали дракона от намеченной жертвы. Дункан увидел, как Ута ловко шныряет почти самыми лапами дракона, — и тотчас Женеьева глубоко вогнала меч в ляжку твари. Черная чешуя дракона была обильно полита кровью, скорее всего его собственной.

Дракон клацнул челюстями, пытаясь схватить командора, и она едва успела увернуться. Еще две стрелы вонзились в шею бестии, и дракон передернулся от боли. Бешено зафыркав, он крутнулся всем своим исполинским телом, и массивный хвост, взмахнув над самым полом, отшвырнул Женеьеву. Дункану пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать удара хвостом. Он услышал, как командор тяжело рухнула на камни позади него. Что-то явственно хрустнуло, и слух Дункана уловил сдавленный вскрик.

Обезумев от ярости, дракон с разинутой пастью ринулся к каменному уступу, на котором пристроился Келль. Фиона метнула молнию, и бестия взвыла от боли, но не остановилась, охваченная лишь одним желанием — наказать обидчика.

Кромсай, стоявший рядом с хозяином, вдруг сорвался с места и, прежде чем Келль успел остановить его, сбежал по уступу вниз. С яростным лаем пес бросился на дракона, но тот даже не сбавил ходу. Взмахом передней лапы он отшвырнул пса в сторону. Взвизгнув от боли, Кромсай грянулся всем телом о дальнюю стену пещеры, сполз наземь и затих.

Келль страшно закричал, потеряв разом все свое хладнокровие. Одну за другой он пустил в голову дракона три стрелы, и одна из них ударилась о чешую возле самого глаза. Миг спустя огромная пасть дракона сомкнулась на теле охотника и сдернула его с уступа. Келль снова закричал — на сей раз от боли, и даже там, где стоял Дункан, было слышно, как затрещали его ребра под натиском исполинских челюстей.

— Келль! — донесся снизу пронзительный крик Фионы.

Дункан наконец подобрался к задним лапам дракона и всадил в одну из них кинжалы. Брызнула кровь, но бестия лишь взмахнула хвостом — и молодой Страж, сбитый с ног, снова

повалился на каменный пол. Полуоглушенный, он сел, и тут драконий хвост врезался в него всей тяжестью, словно кирпичная стена. Дункан проехал несколько шагов по полу, затем покатился и наконец ударился головой об основание сталагмита. В глазах у него помутилось, и на мгновение он перестал сознавать, что к чему.

Подняв голову, он увидел, что король Мэрик бросился на дракона, высоко занеся над головой меч с сияющими голубыми рунами. Клинок вонзился в бок чудовища над самым предплечьем, и этого оказалось довольно, чтобы дракон завопил от боли. Тело Келля выскользнуло из его пасти и шлепнулось на пол, словно тряпичная кукла, — все в крови и, насколько мог разглядеть Дункан, с переломанными костями. Фиона бросилась к охотнику.

Дракон в бешенстве развернулся к Мэрику. Пасть его была разинута, и с клыков падали алые капли. Даже там, где валялся Дункан, было слышно, как бестия сделала шумный вдох, и король на мгновение застыл. Бежать ему было некуда, и отвлечь дракона тоже было некому. Дракон с ненавистью уставился на Мэрика, и Дункан увидел, как король не дрогнув встретил этот взгляд, и прочел в глазах чудовища смертный приговор.

А потом дракон выдохнул пламя.

Глаза Мэрика потрясенно округлились, когда струя огня прямо перед ним ударила о невидимое препятствие. Вместо того чтобы охватить Мэрика с головы до пят, пламя попросту обогнуло его. Король оглянулся и в нескольких шагах от себя увидел Фиону.

— Беги, кретин! — пронзительно крикнула она.

Шатаясь, Мэрик отпрянул — удар массивной лапы едва не пригвоздил его к полу. Дракон тут же повторил попытку и на сей раз зацепил когтями плащ, содрал его с плеч короля. По другую сторону от бестии вынырнули Николас и Ута, и на миг бестия замерла, терзаясь выбором. Взревев от боли и досады, чудовище стремительно развернулось и почти мгновенно отшвырнуло в сторону Николаса.

“Много же от меня проку, ничего не скажешь!”

Дункан вскочил и тут же скривился от острой боли, пронзившей ногу, но решительно двинулся вперед. Дракон снова повернулся к нему спиной, и на сей раз он должен, просто обязан этим воспользоваться. Исполинскую бестию можно рубить хоть день напролет — ей все нипочем. Она не подохнет, пока не лишится чего-нибудь жизненно важного. Например, головы.

Он бежал во весь дух по каменному полу, глядя, как Ута вновь ловко увертывается от драконьих атак, то и дело нанося удары цепом. Краем глаза он заметил вспышку голубого сияния — это Фиона наложила целительное заклинание на Келля. Добежав до драконьего хвоста, Дункан ни миг не сбавил хода и постарался сделать вид, что его замысел не верх идиотизма.

“Только бы он не обернулся! Только бы не обернулся!”

Безумно ухмыляясь, Дункан вскочил на основание хвоста и побежал дальше. Дул ветер, хлестал в лицо снег, и вдобавок драконья туша под ногами ворочалась и дергалась, но все же каким-то чудом ему удавалось сохранять равновесие. Раскинув руки и вопя от ужаса во все горло, Дункан мчался вверх по черному гребню вдоль драконьей спины.

— Дункан! — донесся откуда-то снизу пронзительный як Женеьевы. — Что ты делаешь, идиот?

Хороший вопрос. Вопрос, который он сам не успел как следует обдумать. Дракон только сейчас сообразил, что у него на спине кто-то есть. По счастью, Мэрик и Ута как раз в этот миг атаковали его, и чудовищу некогда было разбираться с наглым Стражем.

Дункан изо всех сил старался не смотреть вниз. Он бежал, упорно глядя на мелькавшую под ним чешую. Он старался не думать о том, на какую высоту забрался. Все в нем трепетало от неизбывного ужаса, и сердце неистово колотилось в груди.

А потом он поскользнулся. На долю секунды Дункану показалось, что сейчас он камнем полетит вниз, и вся эта безумная затея окончится ничем. Душа ушла в пятки. Почти произвольно он вогнал один из сильверитовых кинжалов в основание длинной драконьей шеи. Клинок вошел глубоко, воткнувшись в кость, и Дункан, изо всех сил вцепившись в

рукоять, так и повис на ней, когда дракон, заревев от боли, взвился на дыбы.

Все завертелось перед глазами, и голова у Дункана пошла кругом. Дракон взмахнул могучими крыльями и, оттолкнувшись от пола, взмыл в воздух. Желудок Дункана стремительно подпрыгнул к горлу.

Ветер хлестал в лицо и неистово трепал черные волосы юного Стража. Он попытался было подтянуться к кинжалу, но не вышло — сейчас его только на то и хватало, чтобы крепко держаться за рукоять и кое-как дышать. Разглядеть что-то было почти невозможно — вокруг воцарилась темнота. Туловище дракона сотряс сильный толчок, и Дункан едва не свалился. Он сообразил, что дракон приземлился на какой-то карниз под потолком пещеры — быть может, именно там, где отсиживался в прошлый раз. Затем бестия снова подпрыгнула, с оглушительным ревом расправила крылья и взлетела.

Что-то свистнуло в темноте у самого виска, и Дункан не сразу сообразил, что именно. Затем какой-то предмет промелькнул прямо над ним, и он сумел распознать кончик сталактита. Может, бестия таким образом пытается столкнуть его со спины? Что ж, на третий раз это почти удалось, но Дункан, напрягая все силы, рывком подтянулся вверх по драконьей шее и сумел увернуться. Все же ему не удалось избежать чувствительного удара по ноге, и он скорчился от мгновенной острой боли.

Дракон снова начал снижаться. Собрав все силы, Дункан занес второй кинжал и вогнал его в драконью шею чуть повыше первого. Бестия дернулась, пытаясь сбросить непрошеного наездника, но теперь Дункан мог держаться уже двумя руками. Неистово карабкаясь по чешуе, он надежнее обхватил драконью шею. Пусть теперь бестия попробует его сбросить!

Дракон снова приземлился, и от сотрясения Дункан так ударился о чешую, что у него перехватило дух. Лавовый ручей, протекавший неподалеку, источал неяркий свет, но его хватило, чтобы разглядеть, как бестия пытается повернуть к нему голову. Длинная шея дракона была недостаточно гибкой, чтобы дотянуться до того места, где засел Дункан. Несколько раз драконьи челюсти клацнули совсем близко, так что он хорошо разглядел исполинские клыки, и в нос ударил серный запах, перемешанный с вонью падали.

Дракон по-прежнему двигался, но теперь у Дункана была опора, в которой он так нуждался. Выдернув один из кинжалов, он тут же вонзил его в шею чуть выше. Потом другой. И снова, и снова... Так он поднимался по драконьей шее.

Дракон замотал головой, пытаясь стряхнуть Дункана. Тому пришлось обхватить руками шею, прижавшись щекой к теплой чешуе, и держаться изо всех сил. Желудок выворачивало наизнанку, и, не будь там пусто, Дункана сейчас непременно вырвало бы. Стараясь не свалиться от толчков и хлещущего со всех сторон ветра, молясь Создателю о том, чтобы его не швырнуло через всю пещеру, Дункан выдернул один из сильверитовых кинжалов и точным ударом вонзил его в голову дракона.

Он ощутил, как клинок ударился о кость и пробил ее насквозь. Ярко-алая кровь хлынула из раны, окатив руку Дункана по плечо. Дракон с ревом запрокинул голову, но это движение не сбросило Дункана — наоборот, вынудило воткнуть кинжал еще глубже. Даже часть рукояти погрузилась в рану, и оттуда ударил новый фонтан крови. Дункан чувствовал, как дергаются, судорожно сокращаясь, мышцы шеи. Дракон попытался взлететь, но тут же рухнул, и его длинная шея со всей силы ударилась о пол.

Дункан просто не сумел удержаться. Обе руки соскользнули с рукоятей, его швырнуло прочь и ударило о камень с такой силой, что он услышал хруст сломанной руки. Громко, пронзительно крича, Дункан прокатился несколько шагов и замер.

Открыв глаза, он обнаружил, что вновь оказался в пределах действия заклинания Фионы. Ветер хлестал в лицо, осыпая пригоршнями льда, и в первое мгновение Дункан ничего не мог разглядеть, кроме дымно-оранжевого свечения лавы. Где дракон? Куда он подевался? Как можно потерять из виду такую исполинскую тушу?

И тут дракон появился — вынырнул из снежной круговерти, словно гигантский призрак. Его черная голова была обильно залита кровью, и он с бешеным ревом устремился прямо на Дункана. Разум кричал: “Беги!” — но тело, измочаленное ударом о камни,

отказывалось повиноваться, и безмерный ужас сковал юношу. Громадная голова склонилась над Стражем, и тот зажмурился, стиснул зубы, ожидая неизбежного...

...А потом кто-то ухватил его сзади и...

Он увидел Жюльена, покрытого с ног до головы синяками и запекшейся кровью. Раненый воин подхватил Дункана и с силой швырнул к себе за спину. Краткий миг полета показался юноше вечностью. Дункан лишь успел заметить, как высший дракон клецнул челюстями в том самом месте, где он только что валялся.

А потом Дункан рухнул наземь, покотился, и в сломанной руке полыхнула такая боль, что в глазах померкло. Превозмогая мучительные страдания, он открыл глаза. Дракон навис над Жюльеном. Затем он бросился на воина, тот попытался поднять меч, но, обессиленный от ран, Жюльен двигался слишком медленно.

Челюсти неотвратимо сомкнулись на теле человека, и раздался громкий хруст. Дункан услышал, как Жюльен закричал от боли. Затем дракон мотнул головой и отшвырнул Стража. Искалеченное тело пролетело сквозь снежную завесу и исчезло из виду.

Дракон медленно повернул голову к Дункану, и его черные глаза сузились от неприкрытой ненависти. Судорожно сглотнув, юноша попытался отползти, но не успел он сдвинуться с места, как сбоку к дракону бросилась Женестьева. Доспехи ее почернели от пепла, лицо заливал пот, и видно было, что каждое движение дается ей с огромным трудом. Громко закричав, она взмахнула мечом и со всей силы вонзила его в основание драконьей шеи.

Из зияющей раны фонтаном ударила кровь. Взревев от ярости, дракон с разинутой пастью бросился на нового врага. Женестьева, однако, была к этому готова. Собрав все силы, она вогнала меч прямо в клыкастую пасть, и острое клинка, насквозь проткнув драконью глотку, вонзилось в голову.

Удар был таким сильным, что Женестьева заскользила по камню, пока не зацепилась металлическим каблуком за трещину в полу. Вскрикнув от натуги, она всем телом откинулась назад, но рукояти меча не выпустила. Дракон, неистово извиваясь, попытался запорокнуть голову, однако двуручный клинок все так же плотно сидел в его глотке.

Дракон шатался, на глазах теряя силы, ярко-алая кровь хлестала из его пасти и стекала по рукам Женестьевой. Он опять рухнул на пол, ударив командора о каменный пол, но хватка ее рук, вцепившихся в меч, не ослабла. От сотрясения клинок только глубже вошел в голову дракона, и его исполинская туша содрогнулась от боли.

Бестия попыталась клецнуть зубами, но меч, торчавший в пасти, не давал сомкнуть челюсти. Крохотные язычки пламени вырывались из драконьей глотки, лизали лицо Женестьевой. Дракон попробовал смахнуть ее когтистой лапой, но промахнулся — он явно терял ориентацию. То и дело он пытался взлететь, но только тщетно хлопал громадными крыльями.

Медленно, но неумолимо Женестьева уперлась ногами в пол и налегла на меч, так глубоко продвинув его в драконью глотку, что руки ее по локоть скрылись за частоколом громадных зубов. Снова тело дракона сотрясла судорога, и из черных глаз хлынули струи крови. И в тот самый миг, когда Женестьева закричала от натуги, пытаясь удержаться на ногах под невыносимым натиском чудовища, дракон обессиленно осел на каменный пол.

Громадные крылья замерли, по исполинскому телу в последний раз пробежала судорога.

Дункан не сразу поверил, что все кончилось. Снежная буря, вызванная Фионей, стихала, и в пещере воцарилась мертвая тишина. Слышно было только хриплое дыхание Женестьевой, которая, дрожа от изнеможения всем телом, опустилась на колени рядом с головой чудовища. С трудом двигаясь, она уперлась ногой в драконью морду и медленно потащила из пасти свой меч. С отвратительным чмоканьем клинок выскочил наружу. Темно-красная кровь хлынула из пасти, растекалась вокруг ног воительницы. Глаза дракона были по-прежнему широко открыты, но в них не было ни искры жизни. Сомнений не оставалось — бестия мертва.

Они победили.

Услышав за спиной тихие шаги, Дункан обернулся. Ута осторожно прижимала руку к груди и прихрамывала на одну ногу, платье ее было все в кровавых подтеках. Она торопливо бросилась к командору. Женестьева лишь коротко кивнула и небрежно отвела руку, которую Ута обеспокоенно положила ей на плечо.

— Мне просто нужно отдышаться, — просипела командор. И, не без труда стащив с руки латную перчатку, тыльной стороной руки вытерла пот со лба. — Посмотри, что с остальными.

Ута оглянулась на Дункана, но он показал пальцем в дальний конец пещеры.

— Ступай туда, — сказал он. — Именно в ту сторону зашвырнуло Жюльена, и вот ему-то наверняка серьезно досталось.

Гномка кивнула и убежала.

Фиона и Мэрик были неподалеку. Похоже, ни один из них не был ранен, хотя король выглядел изрядно потрепанным и к тому же с ног до головы был усыпан пеплом. Оба они подбежали к юному Стражу, и эльфийка помогла ему сесть. Дункан скривился: сломанная рука отозвалась острой болью. Кожаные ремни густо покрывала кровь, и не разобрать было, его или драконья. По правде говоря, Дункану и не хотелось чересчур подробно осматривать перелом — очень уж было больно.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Фиона.

— Угадай! — огрызнулся он, баюкая сломанную руку. Боль на мгновение усилилась, и Дункан зашипел сквозь стиснутые зубы, раскачиваясь вперед-назад.

Мэрик восхищенно присвистнул:

— Поверить не могу, что ты прокатился верхом на этой бестии!

— Это была дурацкая выходка! — окрысилась на него Фиона. — Он же мог погибнуть!

— По мне, так он выглядит живехоньким. К тому же сработало.

Дункан помахал дрожащей окровавленной рукой, отвлекая парочку от перепалки:

— Эй! Тут раненый!

Эльфийка гневно фыркнула и насупясь отвернулась от короля. Когда ее пальцы слишком сильно сжали поврежденное место, Дункан дернулся и невольно отпрянул. Это движение тоже причинило ему боль, настолько сильную, что захотелось рухнуть навзничь и корчиться на каменном полу. Кость у него раздроблена, что ли? Очень похоже на то. Казалось, по жилам течет не кровь, а жидкое пламя.

— Ну ладно, ладно, — прошептала Фиона. — Вот тебе заклинание.

Магичка была бледна, лицо ее лоснилось от пота, под глазами темнели круги, однако она собралась с силами и приступила к делу. Крепко стиснув плечо Дункана, она нашептала магические слова. Голубая аура окутала ее и хлынула в Дункана, принеся с собой такую блаженную прохладу, что он невольно вскрикнул.

Он ощущал, как затягивается разорванная плоть, как внутри перемещаются кости. Все это должно было быть чертовски неприятно, но боли не чувствовалось. Было только странное ощущение — магия, свободно растекаясь по его телу, щекотала кончики пальцев.

— У нас есть целебные припарки, — заметил Мэрик, — а также снадобья. Фиона, тебе стоило бы поберечь силы. Вид у тебя совсем изможденный.

Магичка и не подумала остановиться.

— Припарки и снадобья нам еще пригодятся, — бросила она. — Когда некому будет накладывать заклинания.

Король не стал спорить и вместо этого огляделся по сторонам. Дункан проследил за его взглядом и увидел, что к ним хромая направляется Келль. Выглядел охотник ужасно: весь в грязи и запекшейся крови, кожаный жилет на боку распорот в нескольких местах. Плаща с капюшоном он лишился, голову покрывала кровь, но в целом для того, кто совсем недавно побывал в пасти дракона, вид у него был вполне здоровый.

На них Келль даже не посмотрел. Он лихорадочно озирался, особенно пристально всматриваясь в дальний конец пещеры.

— Кромсай! — позвал он. Обычно этого зова было достаточно, чтобы пес стремглав примчался, но сейчас... Никто не залаял, даже не заскулил.

Фиона резко вскинула голову:

— Ох нет... Кромсай!

И только тогда Келль заметил пса. Его мохнатое тело безжизненной грудой осело у подножия стены, в паре шагов от ручейка бурлящей лавы. Хромая, охотник бросился в том направлении. Не обращая внимания на боль, он спешил к своему верному спутнику.

Фиона завершила заклинание.

— Теперь лучше? — обеспокоенно спросила она.

Дункан кивнул и попытался встать. Боль никуда не делась, и рука не двигалась, точно деревяшка, однако ему заметно полегчало. А эльфийка, шурша потрепанной синей юбкой, уже бежала вслед за Келлем.

Казалось, псу уже ничем нельзя помочь. Он не шевелился, и лицо Келля, который дрожащей рукой водил по мохнатому боку, исказило страдание. Дункан никогда прежде не видел охотника таким беспомощным.

— Он...

— Нет, — покачала головой Фиона. Она облегченно вздохнула, и Келль благодарно закрыл глаза. Быть может, он мысленно молился — этого Дункан наверняка сказать не мог. Он не мог припомнить, чтобы охотник возносил благодарственные молитвы Создателю — либо иному богу, — но сейчас, вероятно, был особый случай.

— Он в тяжелом состоянии но, думаю, моей магии хватит.

Она начала творить заклинание, и, когда голубое сияние окутало тело пса, Кромсай вдруг дернулся. Темные глаза его открылись, и, увидев Келля, который стоял перед ним на коленях, пес жалобно заскулил и слабо стукнул хвостом по каменному полу. Охотник гладил его по голове и уговаривал лежать смирно.

— Везучая псинка, — засмеялся Мэрик, и Дункан мог только кивнуть, соглашаясь с ним.

В этот миг по пещере прокатился душераздирающий крик. Заклинание, которое накладывала Фиона, с шипением оборвалось — магичка подняла голову, и все, кто был рядом, обернулись. Вначале Дункан не понял, откуда исходил этот крик, но потом разглядел Уту — в дальнем конце пещеры, рядом с большим каменным выступом. В неярком свечении мха видно было, что пол пещеры до этого места полого поднимается вверх. Именно с той стороны они пришли сюда. Гномка была совершенно неподвижна, и Дункан не сразу сообразил, что рядом с ней скорчилась, припав к полу, еще одна фигура. Это был Николас, который обхватил руками окровавленное, безвольно обмякшее тело Жюльена.

— Фиона! — закричал Дункан, хотя в этом не было никакой необходимости.

Магичка глянула на Келля, и тот быстро кивнул. Она вскочила, подобрав подол юбки, Дункан, хромая и опираясь на Мэрика, медленно двинулся следом и краем глаза заметил, что Женестьева идет туда же.

Эльфийка опустилась рядом с Жюльеном, но оторвать от него охваченного горем Николаса удалось далеко не сразу. Белокурый воин был безутешен и, заливаясь слезами, умолял друга держаться и не умирать. На лице Уты была глубокая печаль, но, когда гномка сочувственно положила руку плечо Николаса, воин сердито оттолкнул ее.

— Помоги ему! — рявкнул он Фионе.

Магичка кивнула, потрясенная до глубины души, и простерла ладони над Жюльеном. Тотчас его окутала голубая аура целительного заклинания, но когда Дункан подошел ближе, он вдруг с ужасающей ясностью увидел истинное положение дел. Все тело Жюльена было изломано, голова неестественно вывернута. Кровь покрывала доспехи и растекалась лужей вокруг воина, а одна рука была совершенно раздавлена.

Если бы Фиона оказалась здесь раньше, возможно... но, судя по тому, как была вывернута шея Жюльена, он, вполне вероятно, умер мгновенно. Во всяком случае, молодой Страж надеялся, что это было так. Глаза Жюльена были широко открыты, но в неподвижном

взгляде стояло странное спокойствие. Как будто с ним совершенно ничего не случилось. Дункан содрогнулся и отвел взгляд.

Магия Фионы вливалась в тело Жюльена, однако почти никаких изменений не происходило. Некоторые раны закрылись, но мертвенно-бледное лицо так и не порозовело, и он оставался недвижим. Магичка старалась изо всех сил, и в глазах ее заблестели слезы.

— Сделай же что-нибудь! — требовал Николас. — Почему ничего не происходит?

— Я пытаюсь! — всхлипнула она.

Женевьева выступила вперед и с каменным лицом коснулась плеча Фионы.

— Прекрати! — велела она.

Эльфийка неуверенно глянула на нее, однако приказ не подлежал толкованию. Заклинание ослабело, а потом и вовсе прервалось.

— Нет! — выкрикнул Николас. Он опять упал на колени и обнял Жюльена, бережно поддерживая его голову и словно не замечая, что шея друга сломана. — Нет, не останавливайся, не смей! Он выздоровеет! Его просто нужно вылечить!

— Он мертв, — сказала Женевьева. Голос ее прозвучал ровно и безжизненно.

Слезы с новой силой хлынули из глаз Николаса, смешиваясь с засохшими каплями крови.

— Откуда тебе знать?

— Погляди на него, Николас. Его больше нет.

Мгновение казалось, что белокурый воин сейчас взбунтуется. Он затрясся от гнева, но затем гнев перешел в слезы. Дрожа всем телом, он опустил голову Жюльена на каменный пол, а затем прижался щекой к его нагруднику. Безутешные рыдания сотрясали все его тело, он касался Жюльена — и тут же отдергивал руки. Дункан больше не мог на это смотреть. Все молчали, и долгое время в тишине пещеры были слышны только горестные рыдания Николаса.

Фиона подняла взгляд на Женевьеву. Лицо магички было залито слезами.

— Ты уверена, что мне не стоит попытаться?.. — Голос ее задрожал, сорвался, и больше она не сказала ни слова.

— Магия не может воскресить мертвеца. — Командор том показала туда, где так и остался сидеть Келль. — Ступай, помоги псу. Нам скоро двигаться дальше.

— Нет! — взревел Николас, вскочив на ноги. — Мы не бросим его здесь!

— Придется. Порождения тьмы уже движутся сюда — ты разве не чувствуешь? У нас очень мало времени.

Женевьева шагнула вперед и, прямо глядя на Николаса, положила руку в латной перчатке ему на плечо. На миг она заколебалась, и сквозь стальную маску командора прорвалось обычное человеческое сострадание. Глаза Женевьевы налились слезами.

— Друг мой... — проговорила она и осеклась.

Николас непонимающе смотрел на нее, и было ясно, что хотя Женевьева искала слова, чтобы утешить, она этих слов так и не нашла.

Затем она сморгнула слезы и, отбросив скорбь, снова приняла уверенный, властный вид. Сняв руку с плеча Николаса, она жестко кивнула ему.

— Прощайся с ним, — повелительно бросила она, — но быстро. Мы уйдем отсюда, как только сможем.

Николас рухнул на колени. Он уже не плакал, и во взгляде, устремленном на мертвого Жюльена, была только оцепенелая пустота. Не сказав больше ни слова, командор повернулась и зашагала к Келлю. И Фиона последовала за ней.

Дункан поглядел на стоявшего рядом Мэрика, но тот лишь неловко смотрел себе под ноги. Жюльена он почти не знал. Сам Дункан был знаком с ним всего пару месяцев, но вот остальные... Ута и Николас были его постоянными спутниками много лет. Гномка опустила руку на колени рядом с Николасом, положила руку ему на плечо, и на сей раз белокурый воин не оттолкнул ее, лишь, окаменев от горя, неотрывно смотрел на тело друга.

В Вал Руайо смерть была обычным явлением. Дункан вырос на улицах, а там люди

частенько попросту исчезали. Иногда их арестовывали, бросали в какую-нибудь сырую темницу, и они уже никогда не выходили оттуда. Иным доводилось заболеть, а лечиться было нечем... и еще, конечно, случались убийства. Дункан знал одну девчонку, ловкую карманницу, которая в свое время очень ему приглянулась. Дворянская карета переехала ее и сломала ногу. Она долго валялась посреди улицы, звала на помощь, но никто не обращал на нее внимания, а когда она наконец выбралась из уличной грязи в ближайший проулок, на ее долю оставалось только одно — умереть от потери крови.

Словом, смерть Дункану была не в новинку. И все же за те несколько месяцев, что прошли после Посвящения, он впервые видел Серого Стража, погибшего в бою. Порой ему казалось, что Стражи непобедимы — воины и маги, которых не способна побороть ни одна сила в Тедесе, — и вот теперь перед ним было наглядное доказательство, что это совсем не так.

Он шагнул вперед, положил руку на другое плечо Николаса и хотел уже сказать что-то утешительное, когда белокурый воин вскочил и стремительно развернулся к нему. В глазах его вспыхнуло такое бешенство, что Дункан невольно отшатнулся.

— Ты! — прорычал Николас. Ута попыталась его утихомирить, но он ее словно не заметил. — Жюльен погиб, спасая твою жалкую шкуру! Почему он не дал этой твари тебя схватить?!

— Я не хотел... — запинаясь начал Дункан.

— А чего ты хотел, когда запрыгнул на спину дракону? Думал, тебе всегда и все будет сходить с рук? Ты свалил дурака, и вот к чему это привело! — С этими словами он на мертвого Жюльена, и слезы с новой силой хлынули из его глаз.

— Зачем же так? — запротестовал Мэрик. — Он подставил дракона под удар.

— И Жюльена тоже! — прорычал Николас. Белокурый воин в упор глядел на Дункана, и во взгляде читалось только одно — обвинение. Что ж, в конце концов Николас был совершенно прав. Мысленным взором юный вор вновь и вновь видел, как Жюльен рывком оттаскивает его от драконьей пасти, и видение это порождало ко одну мысль: это он, Дункан, должен был сейчас валяться здесь со сломанной шеей. Это он должен был заплатить за свое показное удалство, но вышло так, что заплатил другой.

Он взглянул на Уту, и гномка ответила ему долгим, полным немой боли взглядом. Из всех, кого знал Дункан, она была самой сострадательной и чуткой, но все же сейчас даже не подумала вмешаться. Только закрыла глаза и наклонила голову. Ута была согласна с Николасом. Этого ей не требовалось говорить — все и так было предельно ясно.

Дункан медленно отступал, оттесняемый ненавистью, которая горела в глазах Николаса. Мэрик окликнул его, и тогда он развернулся и побежал. Неяркое свечение лавовых ручьев потускнело, и прежде, чем Дункан успел опомниться, он уже покинул пещеру и выбежал в кромешный мрак — прочь от своих недавних спутников. Темнота гостеприимно распахнула объятия, и ему оставалось только одно — бежать что было сил.

Глава 9

Се бездонная бездна, колодец всех душ.
Из сих изумрудных вод рождается новая жизнь.
Приди же ко мне, дитя, дай тебя обнять.
В моих объятиях — Вечность.

Песнь Андрасте, 14:11

Фиона искоса глянула на Мэрика, шагавшего рядом с ней.

— Тебе вовсе незачем было со мной идти, — пробормотала она. — Я и сама прекрасно сумею отыскать Дункана.

— Знаю, — отозвался он.

— У меня есть заклинание, которое приведет прямоком к нему.

— Ты это уже говорила.

— А если я вдруг почую порождений тьмы, то вернусь.

— Это я тоже знаю. — Мэрик серьезно поглядел на нее. — А также знаю, что в этих местах водятся не только порождения тьмы. Я уже имел дело с подобными тварями. Тебе, точно так же как и Дункану, не следует бродить здесь в одиночку.

Возразить против таких доводов Фионе было нечего, а потому она вздохнула и снова сосредоточила внимание на туннеле. С той самой минуты, как они покинули драконью пещеру, Мэрик держался так приятно, что ее это раздражало. Фиона подозревала, что втайне он разделяет их скорбь о погибшем Жюльене, и это было для нее неожиданно. Временами ей казалось, что Мэрик попросту дурачок, который привык больше полагаться на свое легкомысленное обаяние, а не действовать так, как, по мнению Фионы, должен был действовать король. А временами — вот как теперь — он вел себя как рассудительный и опытный человек, и эльфийка, по крайней мере отчасти, могла разглядеть в нем вождя, которым так восторгались ферелденцы.

Когда же он настоящий? Этого Фиона не в силах была понять, а потому твердо решила не думать о Мэрике и сосредоточить все мысли на задаче, которую им предстоит выполнить. И тогда с досадой обнаружила, что не думать о Мэрике, когда он молча шагает рядом, даже труднее, чем когда он болтает без умолку. Наверняка он делал это намеренно.

Недолгое время они шли извилистым коридором, и белое сияние посоха Фионы освещало дорогу, хотя особой необходимости в этом не было. Здесь в изобилии рос светящийся мох, и это, по крайней мере, означало, что Дункан забрел в такую даль не в кромешной темноте. В противном случае его выходка была бы не просто глупостью, но чистой воды самоубийством. И все равно Фиона была исполнена решимости прикончить юношу, когда они его наконец найдут.

А если она этого не сделает, то его прикончит Женевьева. Когда командор узнала, что Дункан убежал, она была вне себя от бешенства. В какой-то момент она даже чуть не приказала отправляться дальше, предоставив пареньку выкручиваться в одиночку. Фиона явственно видела, как эта мысль мелькнула в голове Женевьевы — и командор отбросила ее с большой неохотой.

В конце концов, порождения тьмы их пока еще не нашли. У них еще было время — не много, но было. Фиона вызвалась вернуть Дункана — если получится. С ней пошел Мэрик, и это обстоятельство уменьшало вероятность того, что, вернувшись в пещеру, они там уже никого не застанут. Уменьшало — однако не вычеркивало вовсе. Теперь, когда они основательно заблудились, было не так уж и важно, что только Мэрику известна дорога к тейгу Ортан.

— Погляди-ка, — пробормотал Мэрик, указывая под ноги. Тут и там росли клочки разноцветного мха — в основном пурпурного и серого, но кое-где мелькали оранжевые пятнышки. На стенах блестели капли воды, и воздух здесь был влажный, пахнувший заплесневелой зеленью. Странное дело — они совсем ненамного отошли от пещеры, по которой текли ручейки лавы, а тут все было совсем иное. Фиона думала, что здесь, под землей, не увидит ничего, кроме камня, — а в этих местах, оказывается, кипит своя жизнь. И да, здесь есть драконы.

— Это же просто мох, — сказала она вслух.

— Нет, я имел в виду, что он не поражен скверной. Ты заметила, что здесь почти нет следов порождений тьмы? Это тянется с тех пор, как мы покинули Глубинные троны.

— Вероятно, они нечасто забредают сюда — опасаются дракона.

— А разве им непременно нужно сюда забредать? Я думал, скверна распространяется повсюду.

Фионе пришлось признать, что он прав. Глубоко под землей скверна разрослась так обильно, что казалось, сю пропитан воздух, однако тут ничего подобного не было. Возможно,

заразу выжигали лава и жара? Возможно, все дело в том, что здесь обитал дракон? В конце концов, Древние Боги, говорят, и сами драконы. Вполне вероятно, что между всем этим существует связь.

Впереди показался вход в пещеру, и Фиона, подойдя ближе, услышала шум льющей воды. Они вошли и, остановившись на самом краю небольшого утеса, окинули взглядом простиравшееся внизу подземное озеро. Вода в нем была мутно-зеленая, но камни на дне, поросшие светящимся мхом, подсвечивали ее изнутри, и по каменным сводам пещеры бегали изумрудные блики. Фионе подумалось, что во всем этом есть странная, нечеловеческая красота.

В воздухе едко пахло серой, и со всех сторон доносилось эхо мерно падающих капель. Насколько велика эта пещера, понять было невозможно. Вдалеке была различима только изумрудно-зеленая дымка, смешавшаяся с клубами тумана.

Стоя на краю утеса, Мэрик неотрывно смотрел на озеро, и во взгляде его было благоговение. Он что-то едва слышно проговорил, но Фиона не разобрала ни единого слова.

— Ты о чем? — спросила она.

— “Се бездонная бездна, колодец всех душ. Из сих изумрудных вод рождается новая жизнь”. — Видя, что Фиона не узнала цитату, Мэрик выразительно изогнул бровь. — Это из “Песни Света”.

— Я не получила религиозного воспитания, — сухо отозвалась она. Что было не вполне правдой, но почему королю знать, как живет в эльфинажах? Церквей там не было, а когда приходили священники, они щедро раздавали милостыню и благие советы несчастным, погрязшим во грехе эльфам, и их неизменно сопровождали в большом количестве угрюмые настороженные храмовники, которые оберегали служителей Церкви от всякого рода неприятностей.

— Ясно. Это то самое место в “Песни”, где Андрасте впервые приходит говорить с Создателем. Именно там она убедила Его простить человечество. Там был этот самый дивный храм глубоко под землей, окруженный изумрудными водами. Наверное, я всегда представлял его именно таким.

— Сомневаюсь, что здесь есть храм.

— Да, знаю. Я просто... не обращай внимания. — Слегка покраснев, он указал на тропинку, которая вела вниз по склону утеса. — Думаешь, Дункан и вправду спустился туда?

Эльфийка кивнула:

— Похоже на то. Во всяком случае, он уже близко.

Они спускались по тропинке, которая вблизи оказалась нагромождением валунов, зачастую торчавших довольно далеко друг от друга. Фиона еще не оправилась после недавней волшбы, и пробираться по этим камням в кольчуге и тяжелой юбке оказалось нелегко. Дважды она чуть не поскользнулась на камнях, влажных от вездесущего тумана, и всякий раз Мэрик поддерживал ее, а затем помогал переться на следующий выступ. Фиона отрывисто благодарила, неизменно чувствуя себя последней дурой.

У подножия утеса протянулся берег — полоса грязи и каменных глыб, между которыми белели какие-то странные образования. Словно вдоль края озера расставлены бесформенные изваяния, наполовину погружившиеся в топкую грязь. Вероятно, то были скопления серы или известняка — чего именно, Фиона определить не смогла. Тем не менее в этом зрелище было нечто странное и глубоко печальное. Хотя со всех сторон непрерывно доносился звук капающей воды, казалось, что в пещере царит тишина.

— Погоди, — сказал вдруг Мэрик.

— Что такое? Ты видишь Дункана? Он должен быть где-то неподалеку...

Он потер подбородок, явно заволновавшись, и это возбудило любопытство Фионы. Она остановилась, пристально глядя на Мэрика, и позволила белому свечению посоха погаснуть. В конце концов, света в пещере было предостаточно — пусть даже и странного зеленоватого оттенка, а Фиона уже устала поддерживать заклинание.

— Я хочу тебя поблагодарить, — наконец выпалил Мэрик.

— Поблагодарить?

— Да, за то, что спасла мне жизнь. Когда дракон дохнул огнем, ты могла бы бросить меня на смерть, но не бросила.

Неужели он и впрямь покраснел? В зеленоватом свечении озера понять это было затруднительно, но, судя по тому, как Мэрик запинаясь и избегал смотреть на магичку, — да, покраснел. Что ж, пришла ее очередь потешаться над ним.

— Думаешь, я бы бросила хоть кого-то на смерть, если бы могла спасти его?

Мэрик пожал плечами:

— Речь не о ком-то, а обо мне. Ты ясно дала понять, что я тебе неприятен. Не то чтобы я с тобой спорил, просто... спасибо тебе за то, что для меня сделала. Я знаю, что ты не обязана была это делать.

— Понимаю. — Фиона негромко засмеялась его неловкости. Наверное, этого делать не стоило, но она просто не могла сдержаться. — Я и вправду невысокого мнения о тебе, король Мэрик, но это не значит, что я хочу твоей смерти. Я сделала то, что обязана была, и благодарить меня не за что.

— Нет, есть за что. — Он наконец-то сумел прямо — и очень искренне — взглянуть ей в глаза. — Я найду способ отплатить тебе добром за добро. Обещаю.

Фиона хотела было возразить, но осеклась. Ее так и подмывало сказать этому типу, куда он может засунуть свое обещание. Ей вовсе было ни к чему, чтобы людской король считал, будто он ей обязан, тем более шансы, что он не забудет о своих обязательствах, были более чем ничтожны. Шансы, что он не забудет о своих обязательствах, были более чем ничтожны. Что значит для такого человека долг перед эльфийкой, тем более магом? К тому же и долга-то никакого нет.

Однако сказать это Мэрику она не могла, а почему — знала. На краткий миг на берегу бескрайнего изумрудного озера воцарилась полная тишина.

Затем Фиона вздрогнула, и наваждение рассеялось. Мэрик, смутившись, отвел взгляд, а она отвернулась.

— Как пожелаешь, — безразлично согласилась она, пожав плечами. Наверняка он горазд давать пустые обещания. Это же часть его королевского обаяния, верно? Если повезет, он попросту забудет об этом случае. На самом деле именно это, скорее всего, и произойдет.

Они шли вдоль берега, прокладывая извилистый путь между диковинными белыми образованиями. Со временем к размеренному стуку падающих капель прибавился еще один звук — странный шепот, который исходил, казалось, отовсюду. Мэрик предположил, что так на самом деле шумит вода, но Фиона в этом сомневалась. По поверхности озера то и дело пробегала рябь, отчего на пещерном своде плясали изумрудные блики, однако здесь не было ни прибрежных волн, ни всплесков — ничего такого, что могло бы стать причиной такого движения. Фиона не чувала порождений тьмы, но это не означало, что в пещере не могут обитать другие твари.

Дункана они обнаружили неожиданно. Паренек восседал на особенно крупном белом камне, торчавшем у самой воды, — гигантской капле, чем-то похожей на корабль. Нос этого “корабля” нависал над озером; там-то и сидел юноша, свесив ноги и угрюмо глядя вдаль.

Они подошли ближе, но подниматься вверх Фионе совсем не хотелось. Поверхность белого камня на вид была скользкой, даже склизкой. Кто знает, насколько на самом деле прочна эта штука? В ноздри Фионы ударил сильный запах соли.

— Дункан! — негромко позвала она.

Он не оглянулся.

— Что, послали за мной?

— Я сама вызвалась. Дункан, это глупо. Зачем ты так поступаешь?

— Они не хотят, чтобы я вернулся. — Дункан вздохнул, неотрывно глядя в мутную глубину озера. — Женевьева, может, и хочет, а остальные — нет. И я тоже не хочу возвращаться.

— То есть ты предпочитаешь в одиночку бродить тут в темноте?

— Здесь не так уж и темно, — хохотнул Дункан, но смешок вышел глухой и невеселый.

На долю секунды зеленоватое свечение, исходившее из воды, усилилось, словно откликаясь на его слова. Паренек зачарованно воззрился на сверкающие узоры, которые сплетала на поверхности озера мелкая рябь.

— Но это опасно! Женестьева едва не приказала нам уходить.

— Ну и приказала бы! Я и сам поступил бы точно так же.

— В поисках помощи Фиона оглянулась на Мэрика, но тот лишь бессильно пожал плечами. Он едва был знаком с Дунканом, но, насколько поняла Фиона, за время пути у них сложились более или менее дружеские отношения. И все равно — что мог бы Мэрик сказать Дункану? Он смотрел на паренька с сочувствием, может быть даже с пониманием, но молчал.

Она ухватила за край белого образования, дернула посильнее, проверяя, не обломится ли оно под ее тяжестью. На ощупь камень оказался на удивление твердым и в то же время чуть шершавым и скользким, словно был покрыт мокрым песком, который вот-вот расплзется в кашу. На пальцах Фионы остались белые зернистые следы. Она медленно подтянулась, чувствуя, как погружаются в грязь сапоги сапог, забралась наверх и с опаской двинулась туда, где сидел Дункан.

— Будь осторожнее, — долетел сзади голос Мэрика.

Эльфийка опустила на колени рядом с молодым Стражем, не желая сидеть на белом песке, как сидел он. Она заметила, что кожаный доспех Дункана весь облеплен этим песком, точно паренек в нем от души повалялся.

Несколько минут они молчали и смотрели вдаль над зеленоватой водой, любясь игрой бликов на своде пещеры. Станный шепот все не умолкал, только становился то громче, то тише — словно прилив и отлив. Глубоко под водой мелькали загадочные тени. Что это — рыбы? Или источник таинственных звуков?

Она прибегла к чутью Серого Стража, но не ощутила ничего. Совсем ничего. При мысли о том, что после такого обилия скверны в туннелях они оказались в месте, где нет и следа этой заразы, ей становилось не по себе, но сейчас Фиона предпочла об этом не думать.

— Мне, наверное, придется вернуться? — спросил Дункан.

— Разве что ты считаешь, что сможешь сам выбраться на поверхность.

— Пожалуй, нет.

Он со вздохом поднялся, вытер руки о рубаху. Фиона встала, и они двинулись назад, туда, где их с волнением ожидал Мэрик. Он помог им спуститься, а затем осторожно взглянул на Дункана.

— Как ты? — спросил он.

Паренек пожал плечами:

— Знаешь, я никогда не хотел стать Серым Стражем. Наверное, мне и не стоило. Думаю, Женестьева дала маху, выбрала меня.

Мэрик озадаченно сдвинул брови:

— Помнится, ты уже заговаривал об этом. Почему ты не хотел стать Серым Стражем? Ты имеешь в виду, что вступил в орден не по собственной воле?

— У Стражей есть Право Призыва, — пояснила Фиона. — Этот закон был принят очень давно, еще во времена первого Мора. Все тогда были так благодарны ордену за победу над порождениями тьмы, что Серым Стражам даровали ряд привилегий, в том числе право брать в свои любого, кого пожелают. Если орден хочет, чтобы ты Серым Стражем, ты станешь Серым Стражем, и точка.

— Я ни о чем таком не слышал.

— В наши дни к этому праву прибегают редко. С последнего Мора прошло столько лет, что кое-кто стал считать, будто орден уже не нужен и порождения тьмы никогда уже не выйдут на поверхность. Ордену приходится проявлять осторожность, чтобы не наступить ни на чью мозоль. Именно поэтому нас сейчас так немного.

Дункан выудил из-за пояса полотняный платок и принялся ожесточенно оттирать сапоги и куртку белую грязь. Фиона заметила, что в тех местах, где ему это удалось, на черной

коже остались темно-зеленые пятна. Она вдруг испытала безмерную радость оттого, что не сидела на камне.

— В это дело меня втянула Женестьева, — сказал Дункан. — Понимаешь, меня должны были казнить.

— Казнить? — изумленно переспросил Мэрик.

— Я кое-кого убил.

— Паренек отвернулся, и в глазах его мелькнули тени. Фиона заметила их и могла лишь гадать, заметил ли Мэрик. Она-то хорошо знала, до каких крайностей может довести нелегкая жизнь. О том, что довелось пережить Дункану, ей было известно не много, но достаточно, чтобы сочувствовать ему.

— Я уже сидел в тюрьме и ждал виселицы, когда ко мне заявила Женестьева. Стражники впустили в камеру женщину в доспехах, и она поглядела на меня так, что я решил, будто это и есть мой палач. Мне подумалось, что меня почему-то решили обезглавить прямо в камере.

— Ничего удивительного. Ваш командор — весьма, весьма суровая особа.

— Вместо этого она велела мне сесть и объяснила, что может вызволить меня. Что она может сделать меня Серым Стражем, и если я переживу Посвящение, то стану настоящим воином и буду в кои-то веки воевать за правое дело.

— И ты согласился.

Лицо Дункана потемнело.

— Я отказался.

— Странное решение, если учесть, что ты ожидал повешения.

Паренек поежился: ему явно было не по себе. Долгое время он молчал, но как раз в ту минуту, когда Фиона хотела прекратить разговор и предложить вернуться к отряду, Дункан вздохнул:

— Тот, кого я убил, был Серым Стражем.

— Вот оно как.

— Он застиг меня, когда я обчищал его комнату. На это дело меня навел хозяин трактира — сказал, что постоялец как уезжает надолго. Я даже не знал, кто он такой. Он выхватил меч и потребовал, чтобы я вернул кольцо, обнаружил в комнате, но я отказался. Я сразу понял, что кольцо это дорогое, и оно стало моим по праву.

Мэрик ухмыльнулся:

— “По праву” в данном случае звучит как-то неуместно.

— Я голодал. Зима выдалась нелегкая. — Дункан задумчиво нахмурился. — До тех пор мне еще не случалось убивать. Я и этого парня не хотел убивать, но драка вышла слишком долгая. Он так хотел вернуть это кольцо, что нипочем не желал остановиться. Я только собирался приставить к его горлу кинжал, заставить его сдаться...

Он смолк на полуслове и снова вздохнул.

Мэрик недоуменно взглянул на него:

— Почему тебя это так заботило?

— Думаешь, убийство доставило бы мне удовольствие?

— Нет. — Странное выражение мелькнуло на лице короля. Фиона сердито глянула на него, недвусмысленно намекая, что этот разговор продолжать не стоит, но Мэрик словно не заметил этого. — Когда я впервые убил человека, это было от отчаяния. Я разбил его голову о камень. Мне тоже это не доставило ни малейшего удовольствия, но у меня не было другого выхода.

— Он меня поблагодарил, — прошептал Дункан, погружаясь в воспоминания. — Я перерезал ему горло, и кровь так и хлестала во все стороны. Я пришел в ужас и пытался зажать рану, остановить кровь, а у него на лице появилось такое... облегчение. Словно он наконец обрел мир. Он схватил меня за плечо, остановил и, когда я посмотрел ему в глаза, шепотом сказал: “Спасибо”.

Паренек нервно провел рукой по черным волосам и отвернулся:

— Меня это как громом поразило. Что за человек стал бы благодарить своего убийцу? Что за жизнь у него была, если он рад был умереть? Тут ворвались стражники и скрутили меня. Потасили к судье, и тогда-то я узнал, что этот человек был Серым Стражем.

— Значит, Женестьева взяла в новобранцы того, кто убил ее собрата по ордену?

— Она сказала, ее впечатлило то, что я вообще сумел его убить.

— Но ты отказался.

Дункан невесело хохотнул:

— Я просто подумал, что если стану Серым Стражем, то превращусь в такого, как он. Или она. Неужели и я бы когда-нибудь стал благодарить того, кто перережет мне горло? Да ни за что! Я даже повторил Женестьеве, что этот человек сказал перед смертью. Она выслушала, кивнула и ушла, не сказав ни слова.

Мэрик недоверчиво поглядел на Дункана, но промолчал. Паренек пожал плечами и откашлялся, приняв нарочито беззаботный вид.

— Это не помогло. Назавтра она явилась прямо к месту казни и, прежде чем мне на шею успели накинуть петлю, объявила Право Призыва. Можете представить, какой это вызвало восторг.

— Да уж, — фыркнула Фиона.

Ей припомнилось, какие жаркие споры пришлось выдержать Женестьеве — и не только с городскими властями, но и с братьями по ордену. Те решили, что она спятила. Взять в орден убийцу Серого Стража? Мало того — взять против его воли? Командор, однако, твердо стояла на своем, — впрочем, как всегда. Она пошла тогда в камеру, чтобы посмотреть на Дункана, и разглядела в нем нечто такое, о чем так и не рассказала никому.

Когда она доставила Дункана в крепость в Монсиммаре, пареньку поначалу пришлось нелегко. Никто не хотел с ним знаться, и ел он не в общей трапезной, а у себя в келье. Держался сам по себе. Будучи самой младшей среди Стражей, Фиона вынуждена была сопровождать его на Посвящении. Она вначале отказывалась, но Женестьева не стала слушать возражений. В итоге Дункан ее удивил. Фиона считала его просто никчемным воришкой, а он оказался совсем не таким.

Она положила руку на его плечо:

— Дункан, Николас вне себя от горя. Он не думает, что говорит. Тебе не стоит принимать его слова близко к сердцу.

— Даже если он прав?

— погоди-ка! — вмешался Мэрик. — Ты вынудил дракона приземлиться. Если бы ты этого не сделал, он мог бы кончить любого из нас.

— Да, но погибнуть должен был я. Это я запрыгнул ему на спину, это меня он должен был схватить, а не Жюльена.

Фиона видела, что Дункан искренне терзается виной. Сердце у нее сжалось. Протянув руку, она отвела с его пряди черных волос. Юноша этого словно и не заметил.

— Значит, если бы погиб ты, мы бы не так горевали? — Эльфийка печально улыбнулась. — Ох, Дункан... Жюльен спас тебя, и я могу побиться об заклад, что, если бы все повторилось, он сделал бы то же самое. И ты на его месте поступил бы так же.

На лице Дункана отразилось сомнение.

— Ну... наверное, — пробормотал он.

Улыбаясь, Фиона подтолкнула молодого Стража вперед, и он не стал возражать. Все трое молча двинулись по берегу к подножию утеса, но Мэрик вдруг остановился:

— Послушай... — Он с любопытством глянул на Дункана. — Почему тот Серый Страж так хотел отнять у тебя кольцо? Оно было настолько ценное?

— Он купил это кольцо, чтобы подарить женщине, на которой собрался жениться, — ровным голосом ответил Дункан. — Но так и не подарил.

— Его звали Гай, — добавила Фиона. — И его нареченной была Женестьева.

Глаза Мэрика округлились в немом изумлении, и на этом разговор благополучно закончился.

Не обменявшись больше ни единым словом, они поднялись по тропе на вершину утеса. Станный шепот какое-то звучал им вслед, потом затих. Если этот звук издавали неведомые обитатели серного озера, то они предпочли не показываться на глаза.

Когда Дункан, Мэрик и Фиона наконец вернулись в драконью пещеру, остальные их ждали. Труп дракона распластался на каменном полу и отчего-то показался Фионе меньше, чем был. Брюхо дракона было во многих местах вспорото. Из разрезов вывалились на пол окровавленные внутренности, и среди них стоял Келль, деловито срезая ножом черные чешуйки с драконьей шкуры. Фиона подозревала, что он распорол брюхо дракону, чтобы добыть парочку костей. Драконья кость ценилась высоко, и, как доказывал меч Мэрика, заслуженно. Фиона понятия не имела, так ли тверды эти кости в своем естественном состоянии. Скорее всего, нет, иначе вряд ли бы кому-нибудь удалось отделить их от скелета.

Кромсай, возбужденно лая, вертелся вокруг хозяина, хотя совсем недавно валялся безжизненной грудой шерсти и мускулов и не проявлял ни малейшего намека на живость. Келль сверху вниз поглядел на пса, ухмыльнулся, а затем отхватил ножом изрядный ломоть драконьего мяса. Охотник бросил этот ломоть псу, тот жадно схватил добычу и тут же принялся жевать. Фионе подумалось, что в этом есть нечто глубоко уместное.

Едва они вошли в пещеру, Женестьева обернулась и вперила в них холодный насупленный взгляд. Фиона заметила, что тело Жюльена, туго завернутое в его собственный черный плащ, лежит неподалеку, а возле него по-прежнему стоит на коленях Николас. Воин поднял голову и, заметив Дункана, помрачнел. У та положила руку на его плечо, жестом призывая сдержаться. Николас тут же заметно обмяк, и лицо его исказила гримаса беззвучной скорби. Гномка же бросила на Дункана виноватый взгляд. Фиона не смогла понять, заметил он это или нет. Лицо его оставалось совершенно бесстрастным.

— Наконец-то явились, — процедила Женестьева. — Порождения тьмы уже осмелели. Сюда попыталась пробраться парочка крикунов, и нам пришлось их прикончить. За ними наверняка появятся и другие.

— Во всяком случае, мы вернулись, — заключила Фиона. — Дункан, по счастью, ушел недалеко.

— Извините, — пробормотал Дункан.

Женестьева сурово глянула на паренька, стиснув зубы и плотно поджав губы. Он не поднял глаз на командора, но Фиона подозревала, что он все равно чувствует ее осуждение. Да и кто бы не почувствовал? Оно исходило от Женестьевы явственно ощутимыми волнами.

— Что это было, а? — рявкнула она. — Мне что, Дункан на Глубинных тропах опасаться, что ты сбежишь?

— Я никуда не сбегу, — отозвался Дункан, хотя прозвучало это не слишком убедительно.

— Надо было его бросить, — пробормотал Николас вполголоса, но достаточно громко, чтобы его услышали все.

Глаза Женестьевы округлились от ярости, и она, развернувшись, одарила Николаса убийственным взглядом, но воин дерзко, не дрогнув, встретил этот взгляд.

— Зачем он здесь, с нами? — продолжал он. — Кто он такой? Трущобный крысеныш, которого ты подобрала в Вал Руайо. Убийца! Вор! Ему не место в ордене.

— Я так не считаю! — вскипела она.

— Его присутствие в ордене позорит нас всех!

Стремительнее молнии Женестьева метнулась к Николасу и наотмашь ударила его по лицу. Латная перчатка изрядно усилила этот удар, и воин, пошатнувшись, рухнул навзничь на завернутое в плащ тело Жюльена. Все прочие потрясенно смотрели, как Женестьева с пылающим от гнева лицом стоит над поверженным Николасом. Тот смятенно глядел на командора, почти бессознательно прикрывая ладонью щеку.

— Думай, что говоришь! — прорычала Женестьева. — Парень сбил наземь дракона! Он сделал свое дело, как Жюльен — свое. Если кто и позорит нас, так это ты со своей

бессмысленной истерикой!

В отряде воцарилось неловкое молчание. Ута с обеспокоенным видом шагнула вперед и сделала несколько жестов, обращаясь к Николасу. Фиона не сумела разглядеть этих жестов, но они явно должны были успокоить воина. Тот опасливо покосился на Женевьеву, которая все так же стояла над ним, но командор, словно не заметив этого, разулась и смерила всех остальных по очереди жестким взглядом.

— Нам пора уходить. Так уходим — и побыстрее.

— Нет, — прозвучал твердый голос. Это сказал Келль. Охотник, возившийся с мертвым драконом, медленно выпрямился, вытер лезвие о кожу на брюхе, лишенную чешуи, и лишь затем сунул клинок в ножны. Повернувшись, он встретил взгляд командора со спокойным, полным решимости видом. — Думаю, мы и так зашли слишком далеко. Идти дальше — безумие.

— Ты забыл, кто здесь командор, — негромко и угрожающе проговорила она.

— А ты забыла, как подобает поступать командору. — Келль жестом указал на Мэрика, который напряженно следил за этой стычкой. — С нами король Ферелдена. Он не из тех, чьей жизнью можно бездумно рисковать. Если у нас нет шанса добиться успеха, мы должны вернуться на поверхность.

— Если мы что и должны, так это предотвратить Мор.

Келль печально покачал головой и стянул с рук кожаные перчатки, покрытые темной кровью и омерзительными клочками драконьих внутренностей.

— Но мы его не предотвратим. Здесь, Женевьева, нам удача не светит.

— Ты ошибаешься.

— Вот как? — Светлые глаза охотника сузились. — Если и в самом деле разразится Мор, наш долг — позаботиться о том, чтобы король вернулся на поверхность и помог своим подданным подготовиться к этой беде. Мы же попусту тратим время, разыскивая человека, которого уже невозможно отыскать.

— Я в это не верю!

— Почему? Потому что почти весь орден не поверил твоим видением? — Келль примирительно протянул руки, и в голосе его зазвучала мольба. — Женевьева, я верю твоим видениям. Так давай же прислушаемся к ним и встретим надвигающийся Мор с открытыми глазами!

Женевьева молча, в упор смотрела на него, и лицо ее было каменно-бесстрастным. Фиона содрогнулась, гадая, во что все это выльется. Все замерли, напряженно, со страхом глядя на командора. Она медленно потянула из ножен огромный меч. Едва слышно скрежетнула сталь. Не сводя глаз с охотника, Женевьева выставила перед собой меч. В этом движении была неприкрытая угроза.

— Этого не будет, пока у нас есть шанс остановить Мор. Я говорю, что этот шанс существует, и, если ради победы придется пожертвовать нашими жизнями — всеми нашими жизнями, — мы не сойдем с этого пути, пока я сама не прикажу повернуть.

Келль не дрогнул. Рука его медленно потянулась к рукояти висевшего на боку кистеня, но так и не взялась за оружие. Кромсай, почуввав враждебное напряжение, заворчал и вздыбил шерсть. Оскалив клыки, он зарычал на Женевьеву, и хозяин не одернул его. Молчание затянулось.

Потом между ними встала Ута. Она подняла руки, жестом призывая остановиться и Келля, и Женевьеву, а затем повернулась к охотнику и сердито зажестикულიровала. Руки ее мелькали так быстро, что Фиона ничего не могла понять, но Келль, судя по всему, ее понял и сосредоточенно нахмурился:

— Ты согласна с ней? После всего, что произошло?

Гномка серьезно кивнула. Она снова принялась жестикулировать, и на сей раз Фиона все поняла: “Мы слишком многим пожертвовали, чтобы повернуть назад”.

— Я согласен с Келлем! — вспыхнул Николас. И выпрямился, гневно сверкая глазами.

Он поглядел на Фиону и Мэрика, и то же самое сделали Ута и Келль. Женевьева ни на

кого не смотрела. Она словно закаменела, упрямо не желая признавать, что ее право командовать отрядом может быть подтверждено только всеобщим согласием. Фиона не знала, как поступит эта женщина, если ее мнение не будет поддержано большинством. Пойдет дальше одна? Попытается их убить? Фиона не так долго была в орденах и не знала, что в таких случаях предписывают правила. Вполне вероятно, что ничего. Перед лицом угрозы, которую представляли порождения тьмы, мятеж внутри ордена был попросту невыносим.

— Я здесь для того, чтобы помочь вам, Серым Стражам, — медленно проговорил Мэрик. — О порождениях тьмы вам известно куда больше, чем мне. Если есть шанс спасти Ферелден от Мора, я готов ради этого рискнуть своей жизнью. Но если нет — тогда решение за вами.

— Идиоты! — взорвался вдруг Дункан.

Все взгляды обратились на него. Фиона никогда прежде не видела, чтобы паренек был так взбешен — он просто дрожал от бешенства.

— Мы убили дракона! — гневно бросил он Николасу. — Дракона! И после такого ты хочешь повернуть назад? Что, по-твоему, сказал бы об этом Жюльен?

— Не тебе поминать Жюльена! — огрызнулся Николас, но в голосе его не было прежнего пыла, и он смотрел себе под ноги.

— Хотите поджечь хвосты при первом признаке опасности? Так уходите! Пусть смерть Жюльена станет напрасной, если вам так хочется. У меня не было ни малейшего желания становиться Серым Стражем, и теперь я знаю почему. Вы же просто трусы!

Келль вскинул брови, но промолчал. Николас тоже не сказал ни слова.

— Не надо было мне сюда возвращаться, — продолжал Дункан. Лицо его покраснело от гнева. — Да, я запрыгнул на спину этого растреклятого дракона, и знаете что? Оно того стоило! Ни у кого из вас не хватило духу сделать то же самое. Думаете, Серые Стражи древности, о которых вы столько говорите, те, что столько раз останавливали Мор, — думаете, они проделывали это, заботясь о собственной безопасности?

Он стремительно шагнул к Женеьеве и с решительным видом встал рядом с ней. Командор даже бровью не повела, и лицо ее осталось непроницаемым.

— Если Женеьева здесь — единственная, у кого хватает мужества это понять, тогда я пойду с ней. Я, трусобный крысеныш.

Последние слова Дункан буквально бросил в лицо Николасу. Воин отшатнулся и закрыл глаза. Ута поглядела на одного, на другого, печально покачала головой, но вмешиваться не стала. Келль выгнул бровь, вопросительно и красноречиво глядя на Фиону.

Эльфийка пожала плечами:

— Думаю, Дункан уже все за меня сказал.

В итоге ни Келль, ни Николас не стали оспаривать решение Женеьевы. Командор приняла их возвращение в ряды единомышленников без единого замечания, однако Фиона сомневалась, что она забудет про этот случай. Командор никогда ничего не забывала.

Они прошли туннелями, по которым убежал Дункан, после того как Фиона отметила, что там есть и другие коридоры, которые ведут в разных направлениях. Вернуться прежней дорогой они все-таки не могли — там неизбежно пришлось столкнуться с порождениями тьмы, а именно этого они стремились избежать. Так что волей-неволей пришлось идти вперед и надеяться, что им повезет вернуться на Глубинные тропы и отыскать дорогу в тейг Орган. В глубине души Фиона всерьез опасалась, что эти пещеры тянутся вниз до бесконечности. Вполне вероятно, что обратного пути для них уже нет и не было бы, даже если бы Келль настоял на своем.

Эти мысли она держала при себе.

По предложению Мэрика они взяли с собой Жюльена. Тело его, по-прежнему завернутое в плащ, подняли на плечи и отнесли к изумрудному озеру. Спуститься с ним с утеса по узкой неверной тропе оказалось нелегко, но Серые Стражи не сетовали. Даже Женеьева, несмотря на задержку, не сказала на сей счет ни единого слова.

На берегу, посреди причудливых белых столпов, они сняли с плеч тело павшего товарища и опустили его в изумрудные воды озера. Церковный обычай требовал, чтобы мертвецов сжигали, а пепел подобающим образом предавали земле, однако у них не было никакой возможности разжечь погребальный костер, а захоронить что бы то ни было в камне не было ни времени, ни возможности. Лучше уж так, чем бросить мертвого друга в драконьей пещере на потеху порождениям тьмы.

Некоторое время они смотрели, как вода уносит тело все дальше. Никто не проронил ни слова. Фиона недолго была знакома с темноглазым воином, но ей по душе был его тихий нрав. Для воина Жюльен был на удивление задумчив. К Фионе он всегда относился как к собрату по ордену, не более, — а для какой-то там эльфийки, тем более магички, такое отношение значило очень много.

Николас стоял на коленях у самой воды, низко опустив голову в мучительной скорби. Остальные делали вид, что ничего не замечают, — пусть белокурый воин сохранит хотя бы остатки гордости.

— “Се бездонная бездна, колодец всех душ, — нараспев проговорил Мэрик. — Из сих изумрудных вод рождается новая жизнь. Приди же ко мне, дитя, дай тебя обнять”.

Он подошел к Николасу, бережно положил руку ему на плечо. Тот поднял на Мэрика благодарный взгляд, и глаза его налились слезами.

— “В моих объятиях — Вечность”.

Тело Жюльена медленно погрузилось под воду.

Глава 10

И тьма подступает все ближе, и жарко дышит она —
Шепот в ночи, поступь обмана во снах.

Песнь Преображений, 1:5

Бреган открыл глаза.

Пока он отдыхал, что-то изменилось. Долго ли он спал? В келье царила непроглядная тьма, и точно так же было, когда он только сомкнул глаза, — как будто целую вечность назад. Глубинные тропы — это ночь, уходящая оконечность.

И все же ему отчего-то казалось, что времени прошло немало. Жжение под кожей ослабло, сменилось странным ледящим ощущением. Бреган потыкал себя пальцем — кожа на ощупь была толстой и рыхлой, и, наверное, если бы он ткнул посильнее, в ней надолго осталась бы вмятина. Руки и ноги ощущались обособленно, словно они больше ему не принадлежали.

Рокочущий гул тоже стал слабее. Вслушавшись в него, Бреган понял, что это не вполне так. Звук усилился, отдаленный хор превратился в мощную симфонию, прилив дивно прекрасной музыки, которая больше не пыталась пробиться в его разум, но лишь легонько прикасалась к краю сознания. Не обращать на нее внимания стало гораздо проще, однако сейчас Бреган обнаружил, что эта музыка его отвлекает. Всякий раз, когда он прислушивался к ней, он терял нить размышлений.

Бреган потряс головой, не желая поддаваться этим чарам, и сел. Шкуры, на которых он лежал, стали плотнее и, безусловно, грубее. Пошарив вокруг себя в темноте, Бреган обнаружил охапку какой-то одежды. Это была явно не его одежда. Ткань, из которой ее смастерили, была незнакома Брегану — жесткая, шершавая на ощупь, скорее всего, гномьей работы. Сомнительно было, чтобы эта чужая одежда вообще оказалась ему впору.

Он медленно встал, морщась от боли, отозвавшейся во всем теле. Болело, впрочем, не так уж и сильно. Проведя руками по телу, Бреган обнаружил, что большинство повязок и нашлапок с мазями исчезло. Он выздоровел. Тем не менее кожа на ощупь оставалась грубой,

словно была покрыта множеством шрамов. И вот еще что было странно: Брегану казалось, что он притрагивается не к самому себе, а к кому-то другому. Как будто все тело онемело. И заоченело, пусть он и не дрожал от холода.

Тщательно пошарив в груди тряпья, Бреган выбрал то, что на ощупь показалось ему штанами. Этого пока хватит. Штаны оказались вполне впору, хотя, как он и ожидал, коротковаты.

Куда подевался сияющий камень? Бреган помнил, что, когда он вернулся в келью, камня при нем не было, а вот почему — не мог вспомнить. По сути, он вообще крайне мало помнил о том, как вернулся сюда. Пришел он один, это точно, но куда делся Архитектор? Брегану помнилось, что они вроде бы разговаривали о чем-то, но воспоминание было далеким и смутным. Может, тот как-то воздействовал на его разум?

Мысль об этом должна была бы сильнее встревожить Брегана, однако не встревожила. Такое необычное спокойствие тоже вполне могло быть вызвано магическим вмешательством, однако Страж в этом сомневался. Если бы Архитектор захотел стереть его память или иным образом воздействовать магией на его сознание — у него для этой цели было немало других, более удобных возможностей.

Нет, Бреган вернулся сюда по собственной воле — именно для того, чтобы поспать. Он устал. Руки и ноги отяжелели, словно налитые свинцом, и неотвязный гул сводил с ума. Это он еще помнил, а затем сон всей тяжестью навалился на него и, едва он успел опуститься на пол, как погрузился в забытие и...

И — больше ничего. Снов он не видел, пожалуй, впервые в жизни. Серым Стражам всегда снились сны — такова цена за соприкосновение с групповым сознанием порождений тьмы. А сейчас — ничего. Блаженное забытие.

Бреган подождал еще немного. Снова пошарил вокруг на полу, но не обнаружил ни оружия, ни доспехов. Вероятно, ему по-прежнему не доверяют? Ну да не важно, это осталось в прошлой жизни — жизни воина.

Жизни, которую он ненавидел.

До чего же сладостно просто это осознавать. Брегану захотелось запрыгать по келье, во все горло выкрикивая это признание. Уж верно, здесь ничто ему не мешает это сделать, но кого это заботит? Пусть его меч, где бы он там не валялся, ржавеет и рассыпается в труху.

Еще примерно с час Бреган расхаживал по тесной келье, и вдруг осознал, что ждет, когда появится Архитектор. Странное это было открытие. Гарлок, в конце концов, ему вовсе не друг. Да, Бреган решил остаться, но сам еще до сих пор не вполне понимал почему. Вроде бы он полагал важным и необходимым раз и навсегда покончить с Мором, однако та его часть, что всегда истово ненавидела жизнь Серого Стража, удивлялась, что его это вообще волнует. Какое ему теперь до этого дело? Разве он не превратился в ходячего мертвеца, чей неизбежный конец оказался отсрочен замыслами Архитектора?

От этих мыслей Брегана охватило странное нетерпение. Он обнаружил, что прислушивается к отдаленной музыке, к зову, который проникал в его мысли и убаюкивал всякий раз, когда Страж замечал его существование. Этот звук завораживал до экстаза, и всякий раз мужчине приходилось делать над собой усилие, чтобы отогнать его. Сейчас были дела поважнее.

Бреган подошел к металлической двери и обнаружил, что она не заперта. Дверь отворилась с пронзительным скрипом, и эхо этого звука заметалось окрест, распугивая тишину. Мужчина ожидал, что сейчас начнутся крики и беготня, что на него навалится всем скопом порождения тьмы — однако, этого не случилось. Вокруг снова воцарилась тишина, и нарушали ее только колебания отдаленной музыки.

Выбравшись в коридор, Бреган обнаружил, что зрение проясняется. Он различал грубые очертания стены напротив и даже смутный абрис двери, которую только что открыл. Ощущение было такое, словно он оказался в лесной чаще, и теперь, когда глаза привыкли к слабому лунному свету, сочившемуся сквозь переплетение ветвей, перед ним открывался таинственный мир деревьев, валунов и корней. Вот только здесь были лишь древние камни

да груды трухи и щебня и не было света, к которому могли привыкнуть глаза. Как же получается, что он способен хоть что-то разглядеть?

Моргая и вглядываясь в постепенно отступавшую темноту, Бреган вдруг осознал, что к нему приближается какая-то тень. Он замер, похолодев от ужаса и проклиная себя за то, что, похоже, совершенно лишился способности чувствовать порождений тьмы. Это был крикун — долговязое тощее существо, которое, по мнению Серых Стражей, исполняло у порождений тьмы ту же роль, что наемный убийца у людей. Преимуществом крикунов была скрытность, они нападали из темноты и полосовали противника кривыми длинными когтями. Их боевым кличем был наводящий ужас крик (отчего их и называли крикунами), и этот вопль Брегану до сих пор довелось услышать лишь однажды.

Сейчас, едва завидев Брегана, крикун пригнулся и угрожающе ощерил длинные клыки, зашипел, размахивая когтистыми лапами, однако с места не сдвинулся. Страж застыл, чувствуя, как неумолимо ползет по лбу одинокая капля пота. Затем крикун успокоился. Решил, что на него не собираются нападать? Этому Бреган наверняка не знал. Какова бы ни была причина, тварь двинулась дальше и настороженно прошмыгнула мимо Брегана, не сводя с него подозрительного взгляда мертвенных глаз.

Затем крикун исчез, растворился в темноте. Бреган выжидал, гадая, не вернется ли он, чтобы наброситься сзади. Нападения, однако, так и не последовало. Крикун попросту прошел мимо. Бреган был чужаком, и этого хватило, чтобы вызвать у крикуна подозрения и даже тревогу, — но тем не менее тварь не сочла его опасным.

Брегана пробрала дрожь. Ему стало холодно, и тело, покрытое непривычной на ощупь кожей, казалось одеревеневшим. На миг он едва не поддался дикому желанию впиться ногтями в собственную плоть и полосовать ее до пор, пока то неведомое, что угнездилося в ней, не хлынет наружу. Потом это мгновение прошло, и страх отступил, вернулась странная отрешенность.

Если он в состоянии видеть, пусть и плохо, — пожалуй, не худо бы осмотреться.

Странное ощущение охватило Брегана, когда он шел среди останков древней гномьей крепости. Из-за обилия скверны многие места стали совершенно непроходимы либо изменились настолько, что уже невозможно было распознать, что они представляли собой раньше; но некоторые уголки остались нетронутыми. Бреган обнаружил помещение, которое когда-то, по всей вероятности, служило кухней — с огромным очагом, который теперь зарос черным мхом и грязью, а вокруг него в изобилии валялись проржавевшие сковородки и даже ножи. Длинный кухонный стол, шкафчики, разнообразные бочонки — все это было опрокинуто и в беспорядке валялось на полу, как будто по кухне пронеслась буря, перевернула все вверх дном да так и бросила на произвол времени, пыли и скверны.

И в самом деле, скорее всего, именно это здесь и произошло. К чему, в конце концов, порождения тьмы кухня? Стражи до сих пор еще не обнаружили ни единого доказательства тому, что порождения тьмы чем-то питаются? Их силы поддерживала скверна.

Эта мысль напомнила Брегану о том, что он совершенно не испытывает голода. Он ничего не ел много дней и все же чувствует себя... наполненным. Не сытым, нет, но именно наполненным чем-то, что устраняет голод. Мысль была неприятная, и Бреган постарался отогнать ее прочь.

Интересно, куда подевались трупы гномов? Неужели с тех пор прошло столько времени, что даже скелеты превратились в прах? Или мертвецов убрали? Или все гномы успели бежать отсюда прежде, чем порождения тьмы захватили эту часть Глубинных троп? Брегану пришло в голову, что он понятия не имеет, как порождения тьмы поступают со своими покойниками. Костей нигде видно не было, но ведь должны же эти твари гибнуть от естественных причин, как и всякие живые существа. Если они здесь живут, то где же умирают?

Впрочем, “живут” — это явное преувеличение. Бреган до сих пор не заметил ни единого признака того, что порождения тьмы обжили руины так, как сделали бы это люди или гномы. Не было видно ни спален, ни мест, где хранится имущество. Бреган знал, что

порождения тьмы способны при необходимости заниматься кузнечным ремеслом или строительством, однако здесь ничего такого не было. Они проходили через эти руины, обходили их дозором, но во всем остальном разрушенная крепость оставалась совершенно нежилой.

Бродя по заброшенным залам, Бреган в какой-то момент осознал, что в отдаленную музыку зова вплетается новый звук — странное, неутомимое царапанье. Бреган не мог понять, что это, определил только, что исходит он оттуда, где тени и темнота гуще всего. Любопытство победило осторожность. Склонив голову набок, чтобы лучше слышать, Бреган ощупью двинулся на поиски источника звука.

Это заняло довольно много времени. Прежде всего Бреган увидел свет — яркий, словно маяк в ночи, свет, струившийся из далекого дверного проема. Даже на таком расстоянии этот свет тотчас же обжег глаза. Слепленный, Страж поднес руки к лицу и долго моргал сквозь слезы, прежде чем хоть как-то приспособился к убийственному сиянию и смог двигаться дальше. Чем ближе он подходил, тем нестерпимее становился свет. Зато звук стал отчетливее, — судя по всему, кто-то писал, царапая лист пером. Занятно, что он сумел расслышать это издали. Превозмогая боль в глазах, Бреган добрался до самого порога и заглянул внутрь.

Разглядеть что-то в этом ослепительном сиянии было нелегко, но и то, что Бреган сумел различить, потрясло его до глубины души. Это была библиотека, несколько не затронутая скверной. Вдоль стен протянулись громадные дощатые стеллажи, тесно заставленные книгами, — кажется, только чудом все эти фолианты до сих не рухнули на пол. Книги также лежали на полу высокими неровными стопками, которые, казалось, вот-вот развалятся под собственной тяжестью. Иные тома валялись открытыми, другие были прислонены к стене, и целая гора книг высилась на резном каменном столе, который занимал большую часть комнаты. Такую картину вполне можно было бы увидеть в Орзаммаре, в особняке какого-нибудь знатного гнома, одержимого тягой к знаниям.

За каменным столом, в кресле с лакированной резной спинкой сидел Архитектор. Он что-то писал в большой тетради, переплетенной в кожу, и Бреган видел, как деловито покачивается перо в его руке. Источником слепящего света оказался сияющий камень, который висел сейчас на кресле, рассыпая по библиотеке мерцающие тени. Бреган не мог нить, чтобы камень светился так ярко, — по крайней мере, не настолько, чтобы свет резал глаза.

Заметив стоящего на пороге Брегана, гарлок прервал труд. Похоже, явление Брегана его удивило: он приподнял брови, вернее, то, что могло бы зваться бровями, если бы на его пергаментно-желтой голове росли волосы. Обнаружив, что посетитель чувствует себя не лучшим образом, Архитектор искоса глянул на сияющий камень и тут же догадался, в чем дело. Он взмахнул скрюченной рукой — и сияние заметно притухло, достаточно, чтобы у Брегана вырвался вздох облегчения. Резь в глазах прошла, и теперь он мог свободно рассматривать комнату.

— Прошу прощения, — проговорил Архитектор.

— Я проснулся, а ты так и не пришел.

Гарлок кивнул:

— Ты отдыхал. Я не знал, как долго ты будешь спать. Я забрал сияющий камень, потому что мне нужно было кое-что записать, и я знал, что ты, проснувшись, будешь более... чувствителен.

Бреган смятенно нахмурился. И осторожно переступил порог, дивясь тому, сколько полок с книгами тянется вдоль стен. На брус, который проходил через всю комнату, была подвешена высокая каменная лестница — это позволяло без труда добраться до самой высокой полки. Устройство было, безусловно, гномьей работы, но, в отличие от всего, что Бреган видел в руинах, — в превосходном состоянии.

— Ничего не понимаю, — проговорил он наконец. — Сколько же я проспал? День? Больше?

— Я не знаю, что такое “день”.

— Не знаешь? — Бреган рассеянным взмахом руки указал на книжные полки. — Неужели ни в одной из этих книг не объясняется, что это такое? Я думал, ты прочел их все.

Гарлок откинулся на спинку кресла и, сцепив пальцы рук, с огромным интересом наблюдал за Бреганом. Отчего то Брегану казалось, что он непрошеным заявился в святая святых Архитектора, и тем не менее тот держался, как всегда, учтиво и цивилизованно. Вот только глаза его встревоженно округлялись всякий раз, когда Бреган протягивал руку к какой-нибудь книге. Может, в этих книгах содержится нечто такое, чего он не хочет показывать? Или он попросту ревниво относится к своим сокровищам?

Присмотревшись поближе, Бреган заметил, что книги по большей части пожелтели от времени и рассыпаются на глазах. Многие тома были кое-как подклеены и заново переплетены — вполне вероятно, самим Архитектором. Гарлок наверняка беспокоился, что Бреган может их нечаянно попортить.

Неужели эти старинные фолианты были здесь еще при гномах? Или эмиссар собирал их по всем Глубинным тропам? Бреган попытался представить, как Архитектор методично обходит один за другим разрушенные тейги, просеивая щебень и труху в поисках гномьих книг, которые не успели истлеть за прошедшие столетия. Наверняка таких книг было немного. Те несколько томов, на переплете которых можно было хоть что-то прочесть, были написаны на гномьем языке и для Брегана недоступны. Оставалось только гадать, какие предметы могли интересовать такое существо, как Архитектор.

— Я прочел все эти книги, — ответил гарлок. — Некоторые по многу раз перечитывал. В них упоминается немало такого, о чем я не имею ни малейшего понятия.

— День — это один из способов измерять время. Когда солнце заходит, наступает ночь, а когда снова восходит, считается, что прошел день, в целом — двадцать четыре часа.

— Вот как! — с довольным видом отозвался Архитектор. — Я читал обо всех этих вещах, но не знал, как они связаны между собой. Благодарю тебя за полезные сведения.

— Не за что.

Бреган направился к большому каменному столу, осторожно лавируя между наваленными на полу стопками книг. Он заметил, что некоторые тома довольно велики, а один и вовсе был размером почти со столешницу. Листы его растрескались и так пожелтели от времени, что тонко выписанные строчки почти невозможно было разобрать. Буквы были не гномьи, скорее тевинтерские — из языка древних лордов-магистров. Языка магии.

— Ты сказал, что, проснувшись, я буду более чувствителен. Ты имел в виду — чувствителен к свету? И с какой стати это должно было произойти?

Гарлок с минуту испытующе разглядывал его, склонив голову набок, и казалось, что он смутился. — Ты не помнишь?

— Я почти ничего не помню, но что-то изменилось.

— Ты сетовал, что зов Древних Богов сводит тебя с ума. Я предложил ускорить развитие скверны в твоём теле, и ты согласился.

Бреган оцепенел. Холодная кожа, изменившийся далекий гул, странные ощущения... Что же такое с ним сотворили?

— То есть как — согласился?

В его голосе прозвучала такая паника, что Архитектор оцепенел. Теперь он глядел на собеседника с беспокойством, но тем не менее не поднялся с кресла.

— Я не был полностью уверен, что сумею это сделать, — пояснил он, — но ты настаивал. Признаюсь, эта идея увлекла меня. Я говорю о возможности ускорить твоё перерождение и о том, какие изменения оно бы за собой повлекло. Некоторые из них я сумел предугадать.

Он жестом указал на сияющий камень, который по прежнему болтался на кресле, но теперь источал лишь тусклое оранжевое свечение.

— Камень светит ничуть не ярче, чем прежде. Изменился только допустимый для тебя предел света.

Бреган молчал, потрясенный до глубины души. И он сам попросил об этом? Постепенно до него доходило, что при всей странности его нынешнего состояния неустанный рокочущий гул больше не сводил с ума. Теперь он стал прекрасен, странен и прекрасен, и все потому, что человек изменился, переродился в нечто иное. Он чувствовал это. Чувствовал, как изменилась его плоть.

Бреган поднес руки к лицу. Черные пятна, которые он прежде видел, разрослись. Настолько, что почти сплошь покрывали кожу, и в тех местах она стала грубой и сморщенной, как у порождений тьмы. Ногти теперь были длинные и черные — почти что когти.

Содрогаясь от ужаса, он бессильно уронил руки вдоль тела:

— Зеркало. Дай мне зеркало.

— Мне неизвестен такой предмет.

Бреган ударил кулаком по столу, и несколько книг из стопки, лежавших особенно шатко, со стуком упали на стол.

— Что-нибудь, что отражает! — яростно выкрикнул он. — Я должен сам это увидеть, сам!

Ничуть не смешавшись от его крика, эмиссар медленно подобрал полы коричневой мантии и поднялся из-за стола. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел из комнаты, а Бреган остался стоять, где стоял. Он был в бешенстве. И чувствовал себя полным дураком. Что он натворил? Может, Архитектор просто ушел, оскорбленный его поведением?

Неужели он и впрямь считал, что гарлок сотворил с ним этакое без его позволения? Нет, конечно нет. Если бы Архитектор захотел поставить над ним опыт, он сделал бы это уже давно. Бреган и в самом деле попросил его, и сейчас, когда он размышлял об этом, в памяти промелькнуло смутное воспоминание. Ему было плохо. Рокочущий гул был повсюду. Он хотел положить этому конец.

Архитектор вернулся через несколько минут. Предмет который он держал в руках, был некогда круглым стальным щитом. Изделие гномьих мастеров, но настолько заросшее черными плетью скверны, что в нем уже ничего не могло отразиться. Бреган смятенно взглянул на эмиссара, но тот не обратил на него ни малейшего внимания. Он взмахнул рукой — и на щит обрушилась вспышка черного пламени.

Волна жара ударила в лицо Брегану, и только тогда он осознал, как ему холодно. Он стоял посреди комнаты полуголый, в одних штанах, но холодно ему было вовсе не по причине. И он это знал.

Он смотрел, как черное пламя ползет по щиту, выжигая мерзость, очищая. Прошли считанные секунды — и внутренняя поверхность щита засверкала металлическим блеском. Не зеркало, конечно, но вполне подойдет. Архитектор бесцеремонно сунул щит в руки Брегану.

Страж ожидал, что щит окажется раскаленным, но металл на ощупь не был даже теплым. Бреган заключил, что щит зачарован. В этом не было ничего удивительного — кто знает, сколько сокровищ бросили гномы в туннелях, когда рухнули их древние царства? Предприимчивому порождению тьмы оставалось только отыскать все это.

Бреган поднес щит поближе к лицу. Мелких деталей не разглядеть, но главное очевидно: его лицо сплошь бывала скверна. Седые волосы Брегана выпали целыми клочьями, и лишь редкие жидкие пряди кое-где виднелись на сморщенной почерневшей коже. Губы оттянулись вверх и вниз, обнажив зубы в извечной ухмылке скелета.

Остальное различить было невозможно, и это, наверное, к лучшему. Бреган опустил щит и застыл в оцепенении. Так на его памяти выглядели вурдалаки. Зараженные скверной, которым довелось прожить достаточно долго, чтобы скверна принялась уродовать их плоть. Теперь то же самое случилось с ним. Странно, что сейчас это не вывело его из равновесия. Потрясение ушло, осталось лишь обреченное понимание неизбежности происходящего.

— Ты гневаешься? — осторожно спросил Архитектор.

— Нет.

— Если хочешь присесть, позади тебя есть еще одно кресло.

Бреган обернулся и увидел, что там, куда указывал эмиссар, и вправду стоит каменное кресло — на вид довольно непритязательное. На нем громоздилась гора свитков и потрепанных фолиантов. Мебель, рассчитанная на гномов, оказалась тесновата для Брегана, но ему на это было наплевать.

— Я хочу поговорить о твоём замысле, — объявил он.

Гарлок вздохнул, однако не выразил ни малейшего удивления. Обойдя стол, он уселся в кресло с высокой спинкой. Сияющий камень замерцал, словно приветствуя возвращение хозяина.

— Да, — сказал Архитектор, — настала пора поговорить.

Вопросы один за другим мелькали в голове Брегана. В прошлый раз он был слишком измотан и выбит из колеи, чтобы расспрашивать Архитектора. А сейчас он уже ничего не может поделать со своим физическим состоянием. На самом деле стоило поблагодарить гарлока за то, что избавил его от затяжного и мучительного процесса — того, которому много лет назад положили начало Серые Стражи, когда затащили Брегана в орден. Теперь все закончилось. Ему, если уж на то пошло, сейчас надо бы вздохнуть с облегчением.

— Ты собираешься выпустить скверну на поверхность?

— Те, кто выживет, — медленно заговорил Архитектор, обретут устойчивость к скверне подобно Серым Стражам. И эту устойчивость они передадут потомству.

— Но они будут поражены скверной. Как я сейчас.

Гарлок кивнул с таким видом, как будто уже размышлял об этом и не нашел никаких поводов для беспокойства.

— Да, это так. Я уже говорил тебе ранее, что люди и порождения тьмы должны встретиться посередине. Такова часть пути, которую надлежит пройти. Твоим сородичам предстоит пережить великое преобразование.

С минуту Бреган молча сидел в кресле, обдумывая его слова. Казалось бы, ему следовало ужаснуться самой мысли о том, чтобы устроить человечеству такую бойню. Но ведь это будет устроено для того, чтобы защитить человечество. Он исполняет задачу, которая изначально была возложена на него, на всех Серых Стражей, — покончить с Мором. Спасти мир. Если именно к этому ведет замысел Архитектора, то он, Бреган, не вправе отказаться от конечной цели только потому, что она будет оплачена такой дорогой ценой. Если вспомнить, сколько жизней унес с собой один только Первый Мор... Даже гномьи руины, которые сейчас окружают их, безмолвно и красноречиво говорят обо всех потерях, которые понес тогда мир. Нет, никакая жертва не окажется слишком велика, если благодаря ей человечество будет спасено.

Если будет покончено с Мором.

— Стало быть, тебе нужна моя помощь, чтобы устроить человечеству это преобразование?

Архитектор протянул к нему руки:

— Все нет!

Брегана словно обухом огрели. Он едва не вскочил из кресла, но сумел взять себя в руки, только когда заметил, как напряженно гарлок следит за каждым его движением.

— Тогда зачем ты притащил меня сюда? Я полагал, тебе нужно узнать то, что известно мне. А теперь выходит, что я тебе ни к чему?

— Мне и в самом деле нужно узнать то, что известно тебе, — заверил гарлок, явно довольный тем, что Бреган сумел взять себя в руки, — однако это не имеет ничего общего с преобразованием человечества. Эта часть моего замысла забудет воплощена без твоего участия. — Архитектор задумчиво потер подбородок. — Мне мало что известно о вашем племени, и ваше поведение часто застаёт меня врасплох, однако я предположил, что даже если Серый Страж стремится покончить с Мором так же страстно, как я, он даже ради этого не решится нанести удар по себе подобным. — Он воззрился на Брегана, и во взгляде его вдруг мелькнуло волнение. — Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. — Бреган заметил, как гарлок смотрит на него, заметил, как

порывисто он подался — вперед, сплетая и расплетая пальцы. Что это — возбуждение? Архитектор все время был настолько учтив и сдержан, что сама мысль о том, будто он способен испытывать какие-то эмоции, казалась странной. — Стало быть, моя помощь понадобится тебе в исполнении другой части плана. Той, что касается порождений тьмы.

— Именно так.

— Ты замышляешь устроить бойню и своим сородичам?

Гарлок кивнул:

— То, что я намерен сделать, неизбежно приведет к бойне.

Бреган был заинтригован. Отчего-то он полагал, что к порождениям тьмы замысел Архитектора окажется благосклоннее, чем к людям.

— Но задумал-то ты не бойню?

— Мои сородичи подвластны зову Древних Богов. — Архитектор откинулся на спинку кресла, и задумчивый взгляд его устремился в пространство. В его голосе зазвучал почти религиозный пыл, страстная убежденность в правоте своего дела. Обнаружить такую убежденность здесь, во тьме Глубинных троп, было и занятно, и в то же время пугающе. — Пока звучит зов, не имеет значения, насколько поредели наши ряды. Они редели и прежде, однако всякий раз мы возрождались и всякий раз делали это с одной-единственной целью — найти темницы Древних Богов и освободить их.

Бреган медленно начал осознавать, к чему он клонит.

— Так ты хочешь...

— Да. Найти и убить оставшихся Древних Богов. — Гарлок усмехнулся, и на его уродливом сморщенном лице эта усмешка превратилась в мертвецкий оскал. Было в ней нечто демоническое. — А ты знаешь, где их искать.

Брегану и в голову не пришло притворяться, что это не так. Он подозревал, что именно за этим явился к нему гарлок в тот раз, когда он впервые попытался бежать. Что еще он мог дать Архитектору — такое, чего тот еще не знал или не достиг?

И все же от того, что эти подозрения подтвердились, ему стало не по себе. О том, где расположены древние темницы, в ордене было известно очень немногим. Бреган даже не знал, каким образом были добыты эти сведения или как их можно использовать. В конце концов, то, что Серым Стражам известно местоположение темниц, еще не означало, что Серые Стражи знают, как до них добраться. Все эти места были за пределами досягаемости людей.

— Откуда тебе вообще это известно? — наконец спросил он.

— Ты не первый Серый Страж, который пришел на Глубинные тропы.

Эти слова заставили Брегана призадуматься. И в самом деле — были ведь и другие Серые Стражи. Ритуал Призыва возник в ордене сразу после Первого Мора. В годы, которые последовали за первым нашествием порождений тьмы, все меньше Стражей гибло в бою. Они жили дольше — и со временем обнаружили, что их хваленая устойчивость к скверне ослабевает. Бреган отчего-то решил, что первым угодил в плен к порождениям тьмы, хотя для такого вывода не было никаких оснований.

Сколько же это все продолжается?

— Те, другие Серые Стражи... это они рассказали тебе обо всем? Добровольно?

Архитектор пристально смотрел на Брегана, и оживление, было охватившее его, испарилось. Он молчал, обдумывая ответ. По крайней мере, Бреган предполагал, что он занят именно этим.

— Большинство твоих сородичей, которые приходят на Глубинные тропы, гибнут, хоть я и делал все, чтобы предотвратить это. Порождения тьмы, как ты, впрочем, и сам видел, далеко не всегда подчиняются моим велениям, а если и подчиняются — далеко не всегда возможно взять Серого Стража живым.

— Не сомневаюсь.

— За все это время я сумел отыскать только одного Серого Стража, который пожелал говорить со мной. Именно он рассказал мне о Посвящении, а также о знании, которым могут

обладать такие, как ты.

— И где теперь этот Серый Страж?

— Он мертв. — Голос Архитектора был ровен, может быть, даже печален. Бреган заподозрил, что человек, о котором говорил гарлок, был ему другом. Возможно ли такое? Похоже, что возможно. — Он сам захотел умереть. В отличие от тебя, он не смог выдержать преобразование. Это оказалось выше его сил.

— Понимаю.

— Я знал, что когда-нибудь ты придешь. — Фанатичный пыл Архитектора вспыхнул с новой силой, и гарлок жадно вперил в Брегана взгляд своих белесых глаз. — И знал, что, когда ты придешь, я смогу привести тебя сюда и ты узнаешь истинную цель, которая стоит перед нами.

— Знал?

— У меня было видение.

Брегана пробрал озноб, и он обнаружил, что замерз сильнее прежнего. Сидя в кресле, он с силой потер руки. Порождение тьмы, которому снятся сны, — это воистину нечто странное. Может, Архитектор говорит о пророчестве? Верит ли он в Создателя? Брегану почти страшно было спрашивать об этом, однако чем больше он размышлял о скрытом смысле слов Архитектора, тем сильнее его охватывало волнение.

Однако же идея покончить с Мором... с Мором, который, согласно учению Церкви, был порожден самим Создателем... Люди вторглись на небеса и осквернили их грехом, и Создатель низверг их на землю, и они стали первыми порождениями тьмы. Так разве не уместно было бы, чтобы видения, этот инструмент самого Создателя, помогли положить конец Морю? Быть может, Создатель все-таки простил человечество?

Сама мысль об этом... неужели возможно, что это правда? Сердце Брегана забилося чаще, и он принялся беспокойно постукивать ногой по полу.

— Предположим, — медленно проговорил он, — предположим, я решу рассказать тебе, где находятся оставшиеся Древние Боги. Почему мне знать, что это не обман, придуманный для того, чтобы порождения тьмы исполнили то, к чему их принуждает зов, — нашли Древних Богов?

— Превосходный вопрос. Я не знаю, как можно убедить тебя в этом, однако мое намерение не в том, чтобы пробудить Древних Богов. Я намерен убить их. Зову необходимо положить конец.

Бреган откинулся в кресле, медленно выдохнул. Убить оставшихся Древних Богов? Раз и навсегда предотвратить начало нового Мора? Освободить порождений тьмы от навязанного им стремления? Возможно ли все это? Бреган не знал. И все же в глубине души он отчетливо сознавал, что уже принял решение — в ту самую минуту, когда отказался от бегства на поверхность и вместе с Архитектором вернулся на Глубинные тропы.

Ему даже незачем было говорить это вслух. Эмиссар смотрел на него и молчал; он знал, что Бреган поможет ему. Возможно, ему сообщило об этом видение и он с самого начала знал, что добьется своего. Брегану кое-что было известно о видениях. Он знал, что такое Тень и что значит идти по ее тропам. Он знал, что пути Создателя неисповедимы. Куда более неисповедимы, чем Страж мог себе представить.

— Если мы собираемся это сделать, — вздохнул он, — тебе следует узнать еще кое-что. Я думаю, что сюда идет моя сестра. И с ней другие Стражи. Полагаю, она знает, что я жив.

Гарлок даже не спросил, откуда он все это знает. Просто кивнул:

— Да, мне это известно.

— Известно?

— Именно. — Он подался вперед, не сводя глаз с Брегана. — Нам нужно подготовиться к их прибытию.

Мэрику очень скоро довелось узнать, что означал загадочный шепот, который они слушали на берегу подземного озера. Этот шепот снова зазвучал за спиной, когда отряд по

узкой и длинной пещере, где с обеих сторон высились ряды сталагмитов. Теперь, когда шепот не смешивался со стуком падающей воды, он был слышен гораздо отчетливее — словно какие-то люди затаились в сумраке.

— Да что же это такое? — спросил вслух Мэрик и, замедлив шаг, оглянулся назад, однако ничего не увидел, кроме тех же камней и непроницаемой тьмы. Шепот тотчас стих, словно испугавшись пристального взгляда. Король напряженно всматривался в темноту, почти ожидая увидеть брызнувшие врассыпную тени.

Келль остановился и тоже оглянулся. Мэрик гадал, окажутся ли странные глаза охотника зорче его собственных. Кромсай испытующе принялся и глухо, зловеще зарычал. Наконец Келль указал на один из сталагмитов, торчавший на самом краю круга света.

Мэрик всмотрелся как следует, но так ничего особенного разглядел. Он уже хотел сказать об этом вслух, когда уловил движение. “Сталагмит” зашевелился, превратился в гибкую тварь с длинной змеевидной шеей и оскаленной пастью со множеством острых зубов. Пятнистая шкура почти сливалась с окружавшим ее камнем. Развернувшись к ним, тварь издалека злобно зашипела, а затем с пугающей стремительностью метнулась в темноту и исчезла.

Кромсай вновь зарычал, явно изнывая от желания броситься вдогонку. Охотник едва заметным жестом приструнил пса.

— Гномы называют этих зверей “глубинные охотники”, — прошептал он. — Будь нас меньше или будь их больше, они бы уже напали.

Он кивком указал на соседние сталагмиты, и теперь Мэрик уже сумел разглядеть едва заметные детали, которые отличали их от обычных камней. Он заметил, как твари подогнули конечности под панцирь, укрыли под туловищем длинные шеи. Маскировка была почти идеальной. Хищники были так близко, что Мэрик, протянув руку, мог бы потрогать их пальцем.

— И они просто дадут нам пройти?

— Они некоторое время будут следовать за нами в надежде, что кто-то отстанет. Шепот, который ты слышишь, это их способ переговариваться, сообщать друг другу, что в их владения проникли непрошенные гости.

— Мы слышали этот шепот на берегу озера.

В глазах охотника мелькнули веселые искорки.

— Тогда вам повезло, что так быстро ушли оттуда. Наверняка они созывали сородичей.

— Повезло, — повторил Мэрик.

Дункан довольно долго просидел у озера в одиночку — несомненно, завидная добыча для глубинных охотников. Вот уж кому повезло так повезло.

Они молча двинулись дальше. Опасность незримым покровом нависла над отрядом, и все явно мечтали только об одном — поскорее найти обратный путь на Глубинные тропы, если только таковой существует. Едва они покинули пещеру, Ута остановилась и, опустившись на колени, приложила руку к земле. Она проделывала это уже не впервые и всякий раз закрывала глаза, словно чувала в толще камня нечто такое, чего не могли почуять другие. Мэрик подозревал, что это и есть знаменитое гномье “чувство камня”, хотя прежде никогда не видел, как его применяют на практике.

Выпрямившись, Ута махнула рукой Женеьеве и уверенно повела отряд по новому коридору. Командор не стала спорить. Николас держался угрюмо и отчужденно, едва волок ноги, и непохоже было, что он сумеет нормально сражаться. Дункан с унылым видом брел в самом хвосте отряда, стараясь держаться подальше от Николаса, что, по мнению Мэрика, было весьма благоразумно.

Он намеренно сбавил шаг, дождался юношу и пошел рядом с ним. Какое-то время они молча шагали. Дункан ни разу не глянул на Мэрика, а Фиона одарила его предостерегающим взглядом, однако он не ушел.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он наконец, Лицо Дункана стало озадаченным.

— А как я должен себя чувствовать?

— Не знаю. Там, в пещере, ты произнес весьма впечатляющую речь.

— Ну... наверно. — Дункан пожал плечами, явно надеясь, что на этом разговор и заглохнет.

— Знаешь, ты немного напоминаешь мне меня самого.

— Да ну? Может, мне тогда самое место на троне?

Мэрик не обратил внимания на резкий тон молодого Стража.

— Во времена мятежа я был немногим старше, чем ты сейчас. Я был совершенно не уверен в себе и вечно спрашивал, достоин ли я быть королем. Каждая смерть в бою причиняла мне боль, потому что все эти люди гибли из-за меня.

Дункан фыркнул:

— Сдается мне, ты недурно справлялся с делом.

— Я знаю, что меня называют Мэриком Спасителем. Не знаю, кто это придумал. Скорее всего, Роуэн. Она всегда заботилась о народном обожании, поскольку считала, это важно.

— Я не знаю, кто такая Роуэн.

— Моя жена, королева. — Мэрик постарался, чтобы голос его прозвучал ровно. Судя по тому, с каким любопытством покосился на него Дункан, ему это не слишком удалось. — Она умерла. Три года назад.

— Прими мое сочувствие, — искренне проговорил Дункан. — Ты любил ее?

— Любил. И до сих пор люблю. — Мэрик откашлялся, упорно глядя перед собой. — Однако прежде нее была и другая женщина. Эльфийка по имени Катриэль, та самая, что привела нас в тейг Ортан, когда я был на Глубинных тропах. Она спасла мне жизнь, но, когда я узнал, что она шпионка, что именно из-за нее мы потерпели поражение при Западном Холме, я убил ее. Пронзил мечом.

Мэрик ощутил на себе испытующий взгляд паренька и вдруг порадовался тому, что вокруг царит полумрак, — наверняка ведь он покраснел. И с какой стати ему вдруг вздумалось заговорить обо всем этом? С самой смерти Катриэль он ни с кем ни словом не обмолвился об этой истории. Глупо, наверно.

— Я слышал об этом, — осторожно проговорил Дункан. — Кое-что, во всяком случае.

— Не сомневаюсь. Логэйн постарался, чтобы этот случай получил огласку — пусть-де все знают о торжестве правосудия. — Мэрик повернулся и прямо взглянул на Дункана. — Только я считаю, что правосудие здесь было ни при чем. Я был взбешен, потому что меня предали. Я чувствовал себя в ответе за всех тех людей, которые погибли. Я не мог простить ее. Я убил ее... и никогда в жизни ни о чем так не сожалел, как об этом.

— Понимаю.

— Дункан, все мы ошибаемся. Иногда наши ошибки дорого обходятся другим людям. Главное, чтобы твои намерения были чисты и чтобы ты запомнил полученный урок. — Мэрик слабо, с трудом усмехнулся. — Жаль, что я не знал этого много лет назад.

Некоторое время они шли бок о бок, глядя перед собой и храня неловкое молчание. Наконец Дункан взглянул на Мэрика, и на долю секунды тот мог поклясться, что на лице паренька промелькнуло смущение.

— Спасибо, — тихо сказал Дункан.

Мэрик лишь кивнул и улыбнулся. Сказать ему больше было нечего.

— Стой! — донесся вдруг спереди крик Женевьевы.

Все остановились, Келль мгновенно схватил лук и наложил стрелу. Ута, которая шла впереди, жестами показала, чтобы они подошли к ней. Все двинулись вперед и, когда Фиона осторожно усилила белое свечение посоха, увидели то, что обнаружила гномка.

Впереди изрядная часть пещеры обвалилась и стала почти непроходимой. Однако важнее всего было то, что сквозь расселину в стене пещеры явственно виднелся участок Глубинных троп. Придется карабкаться вверх по груде каменных обломков, а затем протискиваться в довольно узкую расселину, однако ошибиться было невозможно — место по сторону стены было творением гномьих рук.

— Обратный путь! — выдохнула Фиона.

— Похоже, мы вернулись на нужный курс, — заметил Дункан, и Ута согласно кивнула.

— Там есть порождения тьмы? — спросил Мэрик.

— Нет, — отозвалась Фиона. Судя по отрешенному взгляду, она как раз пустила в ход чутье Серого Стража. — По крайней мере, поблизости. — Эльфийка постучала пальцем по ониксовой броши, которая была прикреплена к вороту ее кольчуги. — Сдается, подарки Круга и впрямь пригодились.

На лице Женеьевы явственно отразилось сомнение.

— Это странно, — нахмурясь проговорила она. — Обычно, когда порождений тьмы кто-то потревожит, они так и роятся вокруг, точно пчелы.

Она обнажила меч — огромное лезвие сверкнуло в белом сиянии, исходившем от посоха, — и с оружием в руке осторожно двинулась к завалу. Взмахом руки призвав остальных последовать ее примеру, она начала подъем.

На то, чтобы протиснуться через расселину в стене, времени ушло немало. В конце концов им пришлось оттащить несколько камней, чтобы расширить дыру для тех, кто носил массивные доспехи.

Первой на ту сторону перебралась и сразу подала знак, что все в порядке.

Приятно было вновь очутиться в гномьих туннелях. Мэрик, однако, почти сразу заметил, что вокруг опять появились следы скверны. По сравнению с природными пещерами, которые они только что покинули, это особенно бросалось в глаза. В чем тут дело? Может, в самих Глубинных тропах есть нечто такое, что делает их более восприимчивыми к этой заразе? Мэрик видел на стенах знакомые темные щупальца, грозди набрякших мешков черной плоти. Привычным зрелищем были и полуразрушенные гномьи статуи, — словом, этот участок Глубинных троп ничем не отличался от других. Они могли оказаться где угодно.

Женеьева сумрачно огляделась по сторонам.

— Узнаешь какие-нибудь приметы? — спросила она у Мэрика.

Он покачал головой.

— Тогда пошли дальше.

Женеьева безжалостно подгоняла спутников, каждую минуту опасаясь нападения порождений тьмы. Другие Стражи, судя по всему, считали, что это вряд ли возможно. Вес говорило о том, что они оторвались от погони, и если твари до сих пор разыскивают их, то рыщут они где-то в лабиринте пещер, которые отряд уже покинул. Эта мысль несколько не успокаивала командора, и с каждым часом пути она становилась все резче и напряженнее.

Дважды они миновали боковые туннели, и входы в эти туннели были отмечены каменными арками. Ута знаками объяснила, что это заброшенные тейги, хотя какие именно — понять было невозможно: все надписи, если они только были, уничтожили время и наступление скверны. Всякий раз гномка стояла у входа и неотрывно, печально смотрела в темноту, сжимая и разжимая кулаки. Мэрик поневоле задумался, каково это для нее — знать, что некогда ее сородичи правили огромной империей, которая ныне превратилась в бледную тень самой себя.

Через несколько часов они дошли до места, где участок Глубинных троп почти весь обвалился, образовав зияющий провал, затянутый темнотой и паутиной. Стена с одной стороны уцелела, и вдоль ее подножия тянулся узкий карниз, по которому едва можно было пройти. Путники разглядывали карниз с подозрением, но Ута, похоже, была уверена, что он достаточно прочен. Конца провала видно не было. Посох Фионы не мог осветить всю дорогу, и им оставалось лишь надеяться, что пропасть где-нибудь да заканчивается.

Женеьева пошла первой, отвергнув все возражения доводом, что у нее самые тяжелые доспехи. Если она не сможет пройти по карнизу сейчас, то тем более не сможет и после. Кельь обвязал ее талию веревкой, однако Мэрик сильно сомневался, что это поможет. Это было сделано, скорее, для успокоения совести.

И тем не менее командор без колебаний двинулась вперед, прижимаясь спиной к стене. Вскоре она исчезла в темноте. В молчании текли минуты, и все напряженно следили за

веревкой, которую Келль понемногу выпускал из рук. В тот самый миг, когда казалось, что веревка вот-вот кончится, ее резко дернули. Дважды. Женевьева перебралась на ту сторону.

Мэрик шел одним из последних и пережить еще раз подобное приключение не согласился бы ни за какие коврижки. Медленно передвигая ноги вдоль по карнизу, он едва ощущал, что под ним есть хоть какая-то опора. В непроглядной тьме казалось, что он висит над бездной и вот-вот канет в нее. Один раз ему пришлось остановиться и постоять, прижавшись головой к стене и зажмурившись, чтобы мир перестал вертеться перед глазами. Лишь настойчивое подергивание веревки вынудило его двигаться дальше, ступать шажок за шажком к далекой светящейся точке на той стороне провала.

Когда король наконец шатаясь соступил с карниза, он весь дрожал и обливался потом. Келль подхватил его, и тут убежала Фиона. Мэрику трудно было вообразить более приятное зрелище, чем ласковый свет ее посоха.

— Все в порядке? — озабоченно спросила она.

— Я не свалился, — нервно хихикнул Мэрик.

Эльфийка одарила его суровым взглядом:

— Это означает “да”?

— Э-э... пожалуй.

Фиона презрительно фыркнула и, круто развернувшись, зашагала прочь. Мэрик искоса поглядел на Келля, но охотник лишь пожал плечами. Он и сам ничего не понимал.

Путники двинулись дальше, уже по новому участку Глубинный троп, где своды туннелей казались Мэрику выше. Где-то туннели были неглубоко затоплены тухлой водой, где-то их настолько заполонила скверна, что путникам пришлось прорубать себе дорогу в черной слизи. Тут особенно пригодился меч Мэрика — черная дрянь покорно расползлась перед клинком, охваченным голубым пламенем рун.

Один раз отряд прошел через зал, вдоль стен которого выстроились в ряд гномьи статуи — почти все обрушенные либо до неузнаваемости заросшие мхом и лишайником.

Как раз в тот миг, когда Мэрик уже готов был рухнуть от безмерной усталости, он заметил на одной из стен руны, почти целиком скрытые слоем пыли и грязи.

— Погодите! — выкрикнул он.

Женевьева приказала всем остановиться и с обеспокоенным видом повернулась к Мэрику. Он подбежал к стене, стер перчаткой пыль и счастливо улыбнулся, заметив знакомые знаки. С тех пор как он увидел их впервые, прошло уже немало лет, однако они отчетливо запечатлелись в памяти.

— Я узнал эти руны! — воскликнул он. — Мы проходили здесь! То есть я проходил, когда был здесь в прошлый раз. Мы шли этой дорогой!

— Ты уверен? — скептически осведомилась Женевьева.

— Может, они просто похожи, — прибавил Дункан.

Ута шагнула к стене и внимательно обследовала руны. Затем она повернулась к остальным и сделала несколько жестов, которые Мэрик понял и без перевода.

— Здесь не написано “Ортан”, верно? Это другой тейг.

Ута осторожно кивнула, и тогда Мэрик, повернувшись, окинул внимательным взглядом туннель. Здесь все обильно покрывала скверна, но так было повсюду с тех пор, как они вошли на Глубинные тропы. Вид этого туннеля казался Мэрику знакомым, но потому ли, что он здесь бывая, или потому, что многие туннели похожи друг на друга, — этого он определить не мог.

— Если я прав, впереди должен быть перекресток, и там на стенах тоже есть руны.

Серые Стражи переглянулись, не зная, как ответить на заявление Мэрика. Затем, не говоря ни слова, они повернулись и зашагали вперед. Через несколько минут они действительно вышли на перекресток. Там в стенах виднелись желоба, прорубленные гномами, — желоба, по которым некогда текли ручьи лавы, освещающая туннель. На полу кое-где виднелись груды каменных обломков, а на стенах, подтверждая слова Мэрика, виднелись большие руны.

Мэрик широко улыбнулся:

— Видите? Все так, как я говорил!

На лицах его спутников отразилось утомленное облегчение. Радостно было думать, что, по крайней мере, они все время не блуждали бесцельно. Одну только Женевьеву эта удача больше обеспокоила, чем ободрила. Командор окинула каменный столп подозрительным взглядом и, вскинув брови, посмотрела на Мэрика:

— Ты знаешь, как отсюда выйти к тейгу Орган?

Тот задумался, но лишь на долю секунды.

— Этой дорогой, — жестом показал он. — Насколько я помню, мы пришли сюда другим путем, но потом Катриэль... потом мы увидели эти руны. Именно так мы и узнали, идем.

Командор задумалась.

— Тейг далеко? — наконец спросила она.

— Меньше дня пути.

Коротко кивнув, Женевьева сняла с плеча дорожный мешок и бросила его на пол:

— Тогда устроим привал.

Все прочие колебались, не понимая, почему она отказалась от мысли гнать их дальше. Командор пожала плечами:

— Не знаю уж, по какой причине, но порождений тьмы поблизости нет. Мы должны воспользоваться случаем и отдохнуть. Палатки не ставьте. Мы пробудем здесь недолго.

Учитывая, что Мэрик уже валился с ног, возражать он не стал.

Глава 11

Первые дети Создателя смотрели через Завесу
И проникались завистью к жизни,
Кою не могли ни осязать, ни чують.
Чернейшая зависть та породила демонов.

Песнь Учености, 2:1

Дункан, бредущий вслед за спутниками, чувствовал себя так, словно весь превратился в один огромный синяк. Отдыхали они едва ли пару часов, и этого времени хватило, чтобы стянуть с себя пропотевший кожаный доспех — казалось, он уже добрый месяц носит его не снимая, — и втереть в раны магическую мазь. Над жалкой стоянкой с бальзамом разносились стоны, болезненное шипение и облегченные вздохи.

Рука Дункана все так же болела и плохо двигалась, но Келль, придирчиво осмотрев ее, объявил, что от перелома не осталось и следа. Это чудо совершила магия Фионы, а воздействие мази изрядно ослабило боль, которая мучила Дункана с самого окончания боя. Проверки ради он то и дело сгибал и разгибал руку, хмурясь оттого, что с большим трудом удавалось сжать пальцы в кулак. Тем не менее — удавалось, а это главное.

Единственным из них, кто поспал как следует, был Кромсай. Едва только развели огонь, пес свернулся клубком у ног хозяина и через минуту уже сладко посапывал. Дункану нравилось, как подергивались во сне лапы Кромсая, как он то и дело, не просыпаясь, тявкал — как будто там, в своем сновидении, заливался громким лаем. Псу, наверное, снилось, как он носится по залитым солнцем лужайкам и пугает белок. Дункан и сам бы не отказался от такого сна.

Потом он вспомнил, что в крови у Кромсая, как и у всех Серых Стражей, — скверна. Быть может, ему снятся такие же мрачные сны и, подергивая лапами, он во сне убегает от пугающих теней, которое вечно рыщут на границах сознания Серого Стража.

Ради блага пса Дункан надеялся, что это не так.

Женевьева, напряженная и молчаливая, шла впереди всех. Теперь она всей душой стремилась как можно скорее браться до тейга Ортан и не желала больше терпеть никаких отсрочек. Спутники прилагали все силы, чтобы не отстать, и все равно она неуклонно уходила все дальше. Все переглядывались на ходу, явно гадая, беспокоит ли Женевьеву то, что она все больше и больше отрывается от остального отряда.

Дункан подозревал, что вряд ли. Он перешел поближе к Фионе и некоторое время шагал рядом с ней. После отдыха магичка стала уже не так бледна. Женевьева настрого запретила ей применять магию для того, чтобы ускорить выздоровление раненых, и, хотя Фиону это возмутило, Дункан в душе вынужден был согласиться с командором. Самые серьезные раны и увечья уже не причиняли им прежнего беспокойства, а Фионе силы еще понадобятся, особенно если в тейге Ортан будет так опасно, как утверждал Мэрик.

Он уже рассказал о том, что произошло, когда он проходил здесь восемь лет назад. Гигантские пауки, перерожденные скверной, набросились на Мэрика и его спутников, вынырнув из моря паутины, которой были затянута своды тейга. Чтобы отбиться от тварей, путники подожгли паутину. Дункан задумался, остались ли еще в тейге пауки. От этой мысли его пробрала дрожь. Он и мелких-то паучков не любил, а уж встретиться с этими тварями, когда они с тебя ростом и со жвал их капает яд... Брр, какая мерзость!

— Мне нужно с тобой поговорить, — прошептал Дункан Фионе.

Николас, шедший неподалеку, обжег его неприязненным взглядом и прибавил шаг, чтобы обогнать. Дункан ясно видел, что прощения от него не дождется. На привале воин держался угрюмо и резко, кое-как обработал раны и даже не снял пропотевших и грязных доспехов, хотя у него была такая возможность. Он без вопросов вызвался первым нести стражу и, неловко ступая, отошел от костра, а все остальные с жалостью смотрели ему вслед.

Эльфийка поглядела на Дункана с любопытством:

— О чем ты хочешь поговорить? О Мэрике?

— Вот еще! — фыркнул он. — Что это на вас обоих нашло?

Фиона раздраженно вздохнула:

— Прекрасно. Что в таком случае ты хотел мне сказать?

— Это насчет Женевьевы. — Дункан глянул на командора и едва различил ее в сумраке — так далеко она ушла. Как будто тейг магнитом притягивал женщину и чем ближе они подходили, тем быстрее она вынуждена была двигаться. — Знаешь, ночью она уходила из лагеря. Не для того, чтобы нести стражу, нет. Она выскользнула втихаря.

— Втихаря? — удивилась Фиона. — Зачем?

— Вот и мне подумалось — зачем? Так что я пошел следом.

— И она тебя не заметила?

— Знаешь, в Вал Руайо, до того как вы меня зацапали, я был очень хорошим вором.

— Очко в твою пользу. Что ты видел?

— Ушла она, собственно, недалеко. — Дункан замялся, вдруг усомнившись в том, что он вправе рассказывать эту историю до конца. Быть может, Женевьева углядит в этом посягательство на свою личную жизнь. Однако теперь, когда он уже завел разговор с Фионой, идти на попятную смысла не было. — Она взяла с собой факел и немного отошла от перекрестка. А потом начала снимать доспехи.

— Ты подсматривал, как она раздевается?

— Нет! То есть да, но это было совсем не то, что ты думаешь. Я решил, что ей просто захотелось побыть в одиночестве. Я уже собирался уйти и не мешать ей, но тут заметил...

— Что ты заметил?

— Мне вначале показалось, что синяк.

Перед глазами у Дункана и сейчас стояло темное пятно, которое начиналось на обнаженном плече командора, проходило по боку и заканчивалось почти у бедра. Сначала он испугался, особенно потому, что пятно было очень темное. На синяк не похоже, размышлял он, может быть, ожог от драконьего пламени? Неужели командор все это время скрывал рану? Зачем?

— Только это был не синяк. Думаю, Женестьева сама толком не знала, что это такое. Она поднесла факел поближе, чтобы при свете все хорошенько рассмотреть.

— И что же она увидела?

— Кажется... кажется, это смахивало на кожу порождений тьмы.

Некоторое время Фиона шла молча, глядя перед собой и переваривая услышанное. На миг Дункан пожалел, что рассказал ей об этом. Он просто не знал, что подумать, когда увидел этот “синяк”. Он пришел в ужас, и, судя по Женестьева, с ней произошло то же самое. И все же, у Дункана было такое ощущение, что она видела это пятно не впервые. Она знала о его существовании и скрывала это всех остальных.

— Это может быть просто рана, — пробормотала Фиона. — Старая рана.

— Я так не думаю.

— Что еще это может быть? — Эльфийка обернулась к Дункану, бросила на него резкий взгляд. — Думаешь, она подхватила заразу? Но ведь она Серый Страж, как такое случиться?

Дункан пожал плечами:

— Не знаю.

К ним вдруг подошел Мэрик и своим появлением крайне удачно прервал этот разговор.

— О чем это вы так взволнованно шепчетесь? — осведомился он, борясь с зевотой и безнадежно проигрывая бой.

— Ни о чем, — быстро ответила Фиона.

— Я просто говорил о том, как вымотался, — вставил Дункан. — Не так уж много нам удалось поспать до того, как Женестьева нас растолкала. Я так готов поклясться, что успел веки сомкнуть.

К ним подошел Келль. Лук он нес в руке — наготове, с наложенной на тетиву стрелой. Рядом бодро трусил Кромсай.

— Лично я рад, что мы спали недолго, — пробормотал охотник.

— Это почему же? — спросил Мэрик.

— Сны были невыносимые.

Глаза Келля потемнели, и он отвернулся. Кромсай поглядел на хозяина и вопросительно заскулил.

Ута, присоединившаяся к ним, оживленно зажестичулировала. Фиона вздохнула и согласно кивнула:

— Со мной было то же самое. Сны пришли, едва я закрыла глаза, я словно тонула в них. Она содрогнулась при этом воспоминании.

— Может, все из-за того, что мы на Глубинных тропах? — спросил Келль.

Мэрик пожал плечами:

— Я не видел никаких снов. То есть кроме обычных.

— Серым Стражам всегда снятся сны, — пояснила Фиона. — Это происходит оттого, что мы соединены с групповым сознанием порождений тьмы. Но с тех пор как мы вошли на Глубинные тропы, сны стали гораздо хуже.

— С каждой ночью все хуже, — мрачно добавил Келль.

— Только не у меня! — вскинул руку Дункан. — Со мной все в порядке.

Фиона с подозрением глянула на него:

— Ты уверен? Я могла бы поклясться, что...

— Нет-нет! Мне просто снился сыр.

— О, со мной это тоже бывает, — засмеялся Мэрик.

— Правда? Фиона превращала порождений тьмы в огромные столбы сыра, и я все думал: “Почему именно сыр?”

Я терпеть его не могу!” Но она не хотела пускать в ход другие заклинания и очень разозлилась на меня.

— Так, как сейчас? — Мэрик указал на эльфийку, которая и вправду смотрела на них, сердито сверкая глазами.

— Ну что за болваны! — проворчала она, выразительно закатив глаза.

— Думаю, все дело было в том, что ей как раз сыр очень нравится, — доверительно сообщил Дункан Мэрику. — Она то и дело откусывала от какого-нибудь столба солидный кусок. А я только чуял запах немых ног.

— Это отвратительно!

— Вот и я сказал то же самое!

Впереди из сумрака вдруг возникла Женевьева, и ее явление подействовало на болтунов как ушат холодной воды.

— Почему вы сбавили шаг? — резко спросила она. — Мы уже пришли.

Не дожидаясь ответа, она круто развернулась и удалилась.

Все торопливо бросились за командором и очень скоро обнаружили, что она права.

Фiona подняла посох, и его белое сияние, усилившись, разлилось по пещере, но так и не сумело осветить ее всю. Дункана было такое ощущение, словно они нарушили покой гробницы — исполинского подземного чертога, в котором столетиями обращались во прах скелеты древних гномьих зданий. Он видел бранные останки обрушившихся галерей, рухнувшие наземь и разбившиеся на куски колонны и статуи, выпотрошенные строения.

Когда-то здесь был бурлящий жизнью город, а теперь остались только прах и безмолвие. На всем толстым слое лежала черная пыль, а в вышине, под самым сводом, словно повисла серая туча, слепленная из странного вида комков. Если это были остатки паутины, сожженной восемь лет назад, значит, хозяева до сих пор ее не восстановили. Быть может, гигантские пауки перебрались на другое место жительства? Хотелось бы надеяться.

— Тейг Орган, — почти беззвучно прошептал Мэрик.

Дункан заметил в его отрешенном взгляде страх. Такое происходило всякий раз, когда Мэрик вспоминал о прошлом путешествии по Глубинным тропам. Видя это, Дункан дивился, почему этот человек, несмотря на всю важность их миссии, вообще согласился вернуться сюда.

Женевьева настороженно выставила перед собой меч. Собственно говоря, все они сейчас держали оружие наготове и напряженно всматривались в неподвижную темноту, ожидая, что на них хлынет орда чудовищ.

— Здесь что-нибудь изменилось? — спросила Женевьева, обращаясь к Мэрику.

— Паутины стало меньше.

Командор махнула рукой Келлю. Охотник вышел вперед и, опустившись на колени, стал осматривать толстый слой пыли и грязи, покрывавший каменный пол. Кромсай обошел его, принюхался к полу и чихнул.

— В последнее время в этой пещере было оживленно.

Большинство следов совсем свежие и принадлежат порождениям тьмы.

— А мой брат? — спросила Женевьева.

Келль промолчал, оставив вопрос без ответа. Он пристально смотрел на слой пыли, словно его светлые глаза могли различить в едва заметных следах нечто такое, что всем остальным увидеть было не под силу. Дункан подозревал, что дело именно в этом. Охотник обладал чувствительностью к скверне, которая намного превосходила все навыки следопыта, полученные им на службе у Воинов Пепла. Он всегда первым чуял присутствие порождений тьмы и мог различить отдельные их виды только по запаху. Иные Серые Стражи утверждали, будто Келль способен точно так же учуять и своих собратьев по ордену, различить издали, кто есть кто, — как будто они были порождениями тьмы. Если это было и так, сам охотник на этот счет никогда не высказывался.

— Да, твой брат проходил здесь, — наконец подтвердил он.

— Куда он пошел?

Келль глянул на Женевьеву, выразительно выгнув бровь:

— Я, конечно, знаю его запах, но даже мне не под силу в таком смешении следов... Я знаю только, что он здесь был.

Женевьева досадливо нахмурилась и бессильно взглянула в окутанную мраком даль тейга. Затем, стиснув зубы, повернулась к остальным:

— Тогда мы будем обшаривать каждую пядь этих развалин, пока не отыщем хоть какой-нибудь след моего брата.

— Откуда нам знать, что такой след вообще существует? — спросил Мэрик. — Он мог просто пройти через пещеру. Или пробежать, спасаясь от погони.

— Тогда выясним, куда он убежал, — проворчала Женевьева.

Положив меч на плечо, она развернулась и решительно зашагала по разрушенным улицам древнего тейга. Остальные беспрекословно последовали за ней.

Некоторое время они осторожно пробирались по узким проходам между зданиями. Кое-где стены и галереи обвалились, засыпав путь крупными обломками камня, но так было не везде. Многие арки, покрытые рунами, и искусные изваяния устояли под натиском времени, и это было наилучшим свидетельством высокого мастерства древних гномов.

Посох Фионы заливал все окрест беспощадно ярким светом, но и порождал множество теней. Повсюду, куда ни глядел Дункан, за пределами света лежала непроглядная тьма, таилась за статуями и в дверных проемах, надежно укрывая тайны, которые хранил древний тейг. Юноше представлялось, что там, во мраке, засели пауки, о которых рассказывал Мэрик, их многочисленные черные глазки следят за каждым шагом отряда, выжидая, когда он зайдет так далеко, что отступить уже будет некуда.

Он зябко потер руки, внезапно почувствовав, что замерз, и Фиона метнула на него сумрачный взгляд. Она держала посох наготове, зорко высматривая, не появится враг. И точно так же вели себя все остальные. Единственным звуком, кроме их приглушенных пылью шагов, было ворчание Кромсая. Шерсть у пса стояла дыбом, и он явно считал своим долгом вперить пристальный взгляд во всякое здание, мимо которого они проходили.

Один только Мэрик, похоже, не готовился к неизбежному бою. Он шел, небрежно опустив руку с мечом, всматривался в стены, и взгляд его широко открытых глаз был печален. Про пауков он рассказал, но что же еще произошло восемь лет назад в этом тейге? Вспоминал ли Мэрик свою возлюбленную, эльфийку? Или думал о своей жене?

Они миновали каменную арку. Стена по обе стороны от нее рухнула, и растрескавшийся, покрытый пылью каменный изгиб одиноко маячил в темноте. Наверху были высечены большие руны, и Ута, задержавшись, устремила на них неподвижный взгляд. Угрюмое лицо ее было непроницаемо.

— В чем дело? — негромко спросил Келль, который шел следом за ней.

Ута сделала несколько жестов, но Дункан смог распознать только один из них — “семья”. Он понял, что это место, по всей вероятности, когда-то принадлежало гномьему дому, из которого происходила Ута, а стало быть, ее предкам. Келль понимающе кивнул и похлопал гномку по плечу. Она все так же неотрывно смотрела на арку, и в глазах ее была затаенная решимость.

Они вышли в развалины громадного амфитеатра. Ступени, которые вели к сцене, рассыпались в труху, а на помосте в изобилии валялись пожелтевшие кости порождений тьмы. Их было так много, что Дункана изумило это зрелище.

Когда они шли по узкому проулку, Николас обнаружил в одной из стен расселину, которая вела напрямик в старинный арсенал. Помещение было просторное, и каменные горны все так же стояли на своих местах, словно даже по прошествии стольких лет кто-то вот-вот войдет и разведет в них жаркий огонь. Все прочее лежало в руинах, повсюду валялись раскатившиеся бочонки, на полу ржавели инструменты. Были там и приспособления, которые некогда, по всей вероятности, использовались дляковки металла, а на стенах до сих пор висели внушительного вида мечи, молоты и секиры, ныне потускневшие и изъеденные ржавчиной.

Один из горнов был особенно высок — он доходил до самого каменного свода пещеры, — и его вытяжная труба была сплошь покрыта рунами. Дункану подумалось, что этот горн больше смахивает на громадную печь — в боках его виднелось множество отверстий, расположенных на равном расстоянии друг от друга.

— Это для обработки драконьей кости, — пояснил стоявший у него за спиной

Мэрик. — Кость настолько сильно разогревали, что приходилось вливать через эти отверстия воду, чтобы ее охладить. Видишь, стенки горна уходят под пол? Там находится лавовая яма. — Король весело ухмыльнулся Дункану. — По крайней мере, именно это слово употребил король Эндрин, когда показывал мне такое же устройство в Орзаммаре. Он сказал, что тем горном не пользовались уже много столетий.

Дункан заглянул в одно из отверстий, но там была только темнота — и никакие признаков механизма, открывающего горн.

— Может, именно здесь изготовили твой меч?

— Возможно.

Они прошли через арсенал и, не без труда открыв изрядно проржавевшие двери, обнаружили за ними площадь. Свет посоха выхватил из темноты свидетельства давней битвы — те, что еще не успело окончательно изничтожить время. Кое-где еще виднелись баррикады — груды каменных плит, скамей и прочих увесистых предметов, которые наспех стащили сюда со всей округи. Многие баррикады развалились. То ли рухнули стены, стоявшие вокруг них, то ли их разметал неведомый враг, который обрушился на здешних жителей.

Те, кто жил в этом тейге, никуда не ушли, здесь и остались. Даже под толстым слоем пыли и грязи Дункан различал пожелтевшие кости, обломки оружия и доспехов — и все это явно принадлежало не порождениям тьмы. Посредине площади стоял каменный фонтан, и в центре его по-прежнему высилось изваяние гнома, дующего в рог. Статуя обросла лишайником и густым черным мхом, большая часть поросли высохла, когда иссякла вода. Здесь останков было особенно много. По всей вероятности, в этом месте произошла последняя битва — защитники тейга, оттесненные к фонтану, вели безнадежный бой с захватчиками.

Печальное это было зрелище. Дункан старался не думать о том, какое отчаяние испытывали эти гномы, брошенные здесь на произвол судьбы. Все они погибли, а тех, кто выжил или был только ранен, без сомнения, утащили порождения тьмы, и только мертвые навсегда остались там, где пали. Здесь истлевали их тела, а время шло, руины покрывала пыль, фонтан иссяк, и ничья рука не отметила памятным знаком место их последнего упокоения.

Ута направилась к полуразвалившейся баррикаде и попыталась вытащить одну из каменных плит, которые лежали в ее основании. Плита не поддавалась, гномка удвоила усилия, от напряжения выгибаясь назад, — и лишь тогда Дункан сообразил, что по лицу ее текут слезы. Беззвучно рыдая, Ута с нарастающим отчаянием тянула к себе каменную плиту.

К ней направился Николас, и, едва он подошел, гномка замерла. Воин сострадательно взглянул на нее и наклонился, чтобы помочь. К ним присоединился Келль, и втроем они за считанные минуты справились с неподатливой плитой. Женестьева молча смотрела на все это, не высказывая никаких возражений, хотя видно было, что ей не терпится двинуться дальше.

Ута, Николас и Келль отволокли плиту к фонтану, подняли ее и привалили к каменной статуе. Переводя дух, гномка сняла черный плащ и накинула на верх плиты. Складки ткани опали, и Ута замерла.

И все они молчали. Надгробие вышло скромное, но все же лучше, чем никакого.

Ута вытерла слезы и отогнала скорбь. Если она мысленно и произносила молитву своим предкам-Совершенным, то присоединиться к ней было некому. Дункан, может, и хотел бы помолиться Создателю, но в этом деле он не мог равняться с Мэриком. Он не помнил ни единой строчки из Песни Света, а кроме того, понятия не имел, были бы погибшие гномы благодарны за такое чествование их памяти.

Они двинулись дальше, и вскоре Келль вывел их к заброшенной стоянке. Как он обнаружил это место, Дункан и представить не мог. Давно остывшее кострище чернело у подножия высокого обелиска, который был совсем не затронут разрушительным действием времени. Он торчал в темноте, словно выставленный вверх палец. Обелиск был совершенно гладкий со всех сторон, и вершина его терялась во мраке.

Женестьева подбежала к нему, лихорадочно обшарила стоянку в поисках хоть каких-то

следов. Она ничего не обнаружила, хотя, судя по вмятинам на слое пыли, здесь кто-то недавно спал на походном одеяле. Обернувшись, командор призывно махнула рукой Келлю, хотя тот и так уже спешил к ней со всех ног.

Он опустился на колени у кострища и после минутной поднял взгляд на Женевьеву и кивнул:

— Твой брат был здесь. Стоянка совсем недавняя.

— Есть хоть какие-то намеки, куда он двинулся дальше? — Нет. Однако он здесь спал, а стало быть, до этого еще не столкнулся с порождениями тьмы.

— Разве это возможно? — обеспокоенно спросила Женевьева. — Они наверняка учуяли его. Серый Страж, в одиночку идущий по Глубинным тропам, не может не привлечь внимания порождений тьмы.

— И однако же, все было именно так.

Мэрик выступил вперед:

— Ты уверена, что твоего брата взяли в плен именно порождения тьмы? И в плену ли он вообще? Ты говорила, что он жив, и, скорее всего, так и есть, но я не могу себе представить, чтобы порождения тьмы брали пленных.

Женевьева рывком развернулась к королю, и на миг Дункану почудилось, что убийства не миновать. Гнев ее, однако, постепенно угас, и она, отвернувшись, снова посмотрела на заброшенную стоянку. На мгновение в ее неподвижном взгляде промелькнул страх.

— Нет, — призналась она наконец, — в этом я не уверена. Долгое время все молчали. В темноте пещеры не разносилось ни единого звука, и затхлый воздух колебалось лишь едва заметное дуновение ветерка, — видимо, работало до сих пор какое-то хитроумное гномье устройство, гнавшее в пещеру свежий воздух. Какие же здешние обитатели, помимо порождений тьмы, могли захватить в плен Серого Стража и чего ради им это понадобилось? А если все-таки это были порождения тьмы — с какой стати они вдруг повели себя так, как не вели никогда прежде?

Женевьева озиралась по сторонам. Что она ищет, Дункан понять не мог. Какой-то намек, подсказку, ощущение... хоть что-нибудь? В тейге по большей части царил непроглядная тьма, так что вряд ли командор могла многое разглядеть. Вокруг высились остовы зданий, маячили очертания громадных статуй и разоренных особняков, которые некогда принадлежали знатным гномьим родам. У них просто не хватит времени, чтобы все это обыскать.

— Туда! — твердо объявила Женевьева, ткнув пальцем, вдаль.

Дункан поглядел в ту сторону, куда она указывала. В окутанной мраком части тейга, на самой границе света проступали руины громадного, вырубленного прямо в скале дворца. В былые времена этот дворец был, вероятно, прекрасен: ряды колонн, каменные мостки, ведущие к величавым вратам, которые надменно возвышались над головами входящих, — однако теперь от него остались только жалкие огрызки лестниц, груды щебня и зияющие дыры в скальной стене, за которыми клубилась глубокая темнота. Полосы грязи и поседевшего от времени пепла покрывали древний дворец, и можно было только гадать, что таится в черном лабиринте туннелей.

— Это что, шутка? — едва слышно пробормотал Дункан.

— Но почему именно туда? — осторожно спросил Келль.

— Потому что именно туда пошел бы мой брат, — с непоколебимой уверенностью пояснила Женевьева. — Если он был здесь, значит, пошел туда.

Не прибавив больше ни единого слова, она решительно зашагала к дворцу. Спутники в смятении переглянулись, но тем не менее один за другим двинулись следом. Впрочем, им больше ничего и не оставалось.

— Тычемся наугад, точно слепые щенки, — хмурясь прошептала Фиона.

Дункан искоса глянул на нее, но ничего не сказал. На самом деле они были не так уж и слепы. Их вели видения Женевьевы, однако юноше все чаще казалось, что отряд гонится за призраком. Он уже сомневался в том, что командор точно знает, куда идет, и подозревал, что

такие же сомнения возникли у всех остальных.

На то, чтобы добраться до руин дворца, у них ушло несколько часов. Пол пещеры в этом направлении полого поднимался все выше, однако груды каменных обломков и щебня стали так внушительны... Целые здания обрушились здесь, завалив дорожки, и карабкаться через эти горы камня было проще, чем пытаться их обойти.

Лишь когда отряд подошел к подножию парадной лестницы, Дункан начал осознавать, насколько огромно это сооружение. Сама лестница была так велика, что им пришлось подниматься вверх футов на сто с лишним, в основном по ступеням, которые давным-давно раскрошились и осыпались. Лестница была завалена камнями, обломками костей и проржавленного металла — все, что осталось от защитников тейга.

Одна из уцелевших колонн, которые тянулись вдоль лестницы, была высотой в несколько сотен футов и почти достигала свода пещеры, покрытого густой паутиной трещин. Некогда, вероятно, купол дворца был расписан восхитительными фресками; теперь же его покрывали грязь и пепел, и от былой красоты почти не осталось следа.

Многие колонны давно рухнули, и здоровенный обломок лежал как раз поперек их пути. Видно было, что эта громада, обрушившись вниз, вызвала немалые разрушения и пробила глубокую дыру в обширной мраморной площадке перед исполинскими дверьми дворца.

На месте осталась только одна створка этих дверей, да и та, распахнутая, косо висела на петлях, словно замерла на миг перед тем, как тоже рухнуть наземь. По всей вероятности, она была сделана из бронзы, но сейчас так густо покрылась уродливой паутиной и заросла лишайником, что невозможно было разглядеть причудливые узоры и надписи, которыми некогда была изукрашена.

За порогом стояла тьма. Дункан сумел различить смутные очертания гигантской паутины — ее невесомые клочья свисали со сводчатого потолка. Путники встревоженно переглянулись, заметив за самым порогом черную бесформенную грудку, но когда подошли ближе, оказалось, что этодохлый паук — один из тех гигантских пауков, о которых рассказывал Мэрик. Лапы его, согнутые и плотно прижатые к телу, смахивали на чудовищную грудную клетку, неизвестно было, сколько времени провалялся здесь этот труп, — во всяком случае, он успел покрыться пылью, как и все окрест.

— Наверное, вы прикончили их всех, — прошептал Дункан, с содроганием глядя на паука.

— Мы так не считали, — отозвался Мэрик. — На следующий день мы слышали, как они рыщут в темноте. Во всяком случае, мы думали, что это пауки.

Женевьева потыкала паучий труп кончиком меча, а затем, сильным толчком перевернула его. Теперь была видна голова паука, и Дункан осознал, что эти громадные жвала могли запросто откусить человеку голову. Какое счастье, что многочисленные глазки паука давным-давно высохли.

— Вы считали, что пауки устроили себе гнездо в этом дворце? — спросила Женевьева у короля.

— Мы так и не добрались сюда, чтобы это проверить.

— С тех пор как мы появились здесь, мы не видели ни одного живого паука, — задумчиво проговорила она, обращаясь скорее к самой себе, чем к окружающим.

Келль опустил на колени, провел ладонью по слою пыли на полу, затем растер ее между пальцами.

— Кто-то здесь недавно проходил, — пробормотал он.

— Это был мой брат? — настойчиво спросила Женевьева.

— Не знаю. — Охотник смятенно сдвинул брови. — След какой-то странный. Его определенно оставил кто-то один — либо тот, кого мы ищем, либо порождение тьмы. Только...

— Этого достаточно. Заходим.

Женевьева ступила в дверной проем, выставив перед собой меч и настороженно поглядывая на пряди паутины, свисавшие с потолка.

— Погоди, я не...

— Пошли! — приказала командор.

Дункан бросился ее догонять и услышал, что все последовали за ними. Отряд медленно продвигался в недра гномьего дворца, и по лицу молодого Стража катился пот, а стук сердца отдавался громом в ушах. Он не знал, что они обнаружат там, внутри, но страх, стиснувший ледяными когтями сердце, говорил, что ничего хорошего их не ждет.

Отчего-то Дункану представлялось, что паутина, оплетающая потолок, будет становиться все гуще и гуще, пока отряд не достигнет некоего гнезда и навстречу ему не выползет исполинское чудовище — паучья королева. На деле все обернулось совсем не так. Стоило им отойти от входа во дворец, как паутина начала редеть и наконец совершенно исчезла, и хотя отряд наткнулся еще на пару высохших трупов, вскоре перестали попадаться и они. Тени смыкались вокруг небольшого отряда, воздух становился все более душным и вязким. Тяжелое дыхание путников да эхо их медленных шагов — иных звуков слышно не было.

Они вошли в огромную галерею, где вдоль стен стояли статуи, а на стенах были развешаны громадные картины, под воздействием времени почерневшие и распавшиеся на куски. Посох Фионы освещал лишь малую часть галереи, но казалось, что она тянется бесконечно, и гигантские мраморные колонны вздымались к самому потолку, настолько высокому, что Дункан и разглядеть его не мог.

Звук шагов внезапно изменился, превратился в громкий хруст, словно они шли по мелкому щебню.

— Смотрите! — проговорил Келль.

Дункан посмотрел под ноги. Пол галереи был буквально выстлан бесчисленным множеством костей. Это были кости порождений тьмы. Многие скелеты до сих пор остались нетронутыми, пораженная скверной плоть ссохлась так, что превратилась в плотный футляр. Сохранились у мертвецов и нагрудники из черной кожи, и оружие. Здесь кипела великая битва, порождения тьмы напирали, рвались вперед... Но куда? И что их всех прикончило?

Этих останков становилось тем больше, чем дальше продвигался отряд. Пройти, не ступая на кости и высохшие трупы было возможно, но нелегко. Вскоре Дункан начал различать среди порождений тьмы скелеты гномов. Враги явно превосходили их числом. На каждого защитника тейга приходились многие десятки тварей. Юноша увидел труп гнома, на котором еще сохранились проржавленные доспехи, а вокруг него кучками лежали кости порождений тьмы. Все выглядело так, как если бы порождения рвали гнома на куски — и тут все они умерли. Все разом. Так же не бывает, верно?

— С ума сойти, — озираясь по сторонам, пробормотал Мэрик, как будто прочел мысли Дункана. — И брат командора проходил здесь?

— След-то есть, — отозвался идущий неподалеку Келль.

— Да, но точно ли он принадлежит ее брату?

Охотник одарил Мэрика пронзительным взглядом, однако ничего не сказал. Ответ ясно читался в его глазах: он не знает. Женевьеву это, однако, не остановило. Скорее, наоборот: двигаясь по галерее, она все время ускоряла шаг, словно и в самом деле была уверена, что там, в конце пути, ее ждет брат.

Дункан в этом сильно сомневался. Неужели в этом месте может быть кто-то живой, кроме них самих? Если брат Женевьевы и вправду здесь, отчего же он до сих пор не услышал их приближения? Громкий хруст шагов разносился эхом по всей галерее, и беспорядочный шум казался совершенно неуместным в мертвом покое этой гигантской усыпальницы. Дункану доводилось слышать рассказы о скелетах, одержимых демонами, — скелетах, которые ни с того ни с сего оживают и набрасываются на все живое, — и сейчас он почти ожидал, что здешние мертвецы именно так и поступят. Восстанут, чтобы наказать незваных гостей, потревоживших тишину их посмертной обители.

Впереди выросла громадная двустворчатая каменная дверь. Неудержимая мощь вмяла створки внутрь, и что это была за мощь — путники увидели сразу. Перед дверью лежали трупы огромных порождений тьмы — могучих великанов, которые при жизни были футов двенадцати ростом. Из их черепов вырастали длинные изогнутые рога. Насколько помнилось Дункану, таких тварей называли ограми.

Рядом с трупами лежали тараны — зловещего вида чугунные глыбы, которыми огры, по всей вероятности, молотили по дверям. Как долго это продолжалось, можно было лишь гадать. Наверное, не один день. По ту сторону дверей виднелись груды разнообразных обломков, возведенные защитниками баррикады, которые порождения тьмы в конце концов преодолели — и хлынули в прорыв, мгновенно умирая сотнями.

Женевьева осторожно подошла к дверям, округлив глаза, напряженно всмотрелась в простирающуюся за ними темноту. Взмахом руки в латной перчатке она велела Николасу обойти трупы огров с другой стороны. Ничто не шелохнулось.

— Больше света! — властно бросила она Фионе.

Магичка сдвинула брови, и посох, повинувшись воздействию ее сосредоточенной мысли, вспыхнул ослепительно ярко. Дункан на миг зажмурился и прикрыл ладонью глаза. Он вдруг разглядел всех мертвецов, валявшихся в галерее, которая простиралась позади него на многие сотни футов, — целая армия мертвецов. Он различал руны, высеченные на колоннах, и громадные балки, крест-накрест пересекавшие потолок в сотне футов над головой.

За дверьми располагался круглый, с куполообразным потолком зал. Первое, что увидел Дункан, — стоявший на каменном возвышении трон. Второе — бесчисленное множество скелетов. Все это были гномьи кости, и лежали они так густо, невозможно было разглядеть пол. И только на самом возвышении не было ни единого мертвеца — лишь на троне восседал одинокий скелет. Единственный и безмолвный свидетель давней резни, ныне покрывшийся слоем пыли.

Один за другим путники вошли в зал. Осторожно ступая между мертвыми телами, они потрясенно озирались по сторонам. Тишина стояла плотная, почти ощутимая. Они вступили в иной, мрачный и жуткий мир, где яркий свет посоха Фионы казался грубым и неуместным.

— Вы только посмотрите на них! — дрогнувшим голосом прошептала Фиона.

Больше всего скелетов теснилось у дверей. Вначале Дункан подумал, что все объясняется просто: порождения тьмы ворвались в зал и гномы отчаянно сражались, защищая последний рубеж обороны — своего правителя. Но в таком случае, где же в зале трупы порождений тьмы? Их нет. Ни единого.

Ута с широко раскрытыми глазами сделала какой-то жест. Келль кивнул:

— Согласен. Это слишком странно.

— Надо уходить отсюда, — тихо проговорил Мэрик.

— Нет! — отрезала Женевьева и с мечом наготове начала пробираться ближе к трону. — Здесь кто-то есть. Я чувю это.

— Да, кто-то, но не твой брат! — крикнул ей вслед Мэрик.

Она словно и не расслышала.

Дункан подошел к трупам, которые лежали у самых дверей, опустился на колени. Фиона, заинтригованная не меньше юноши, стояла у него за спиной. Он заметил, что только у некоторых мертвецов осталось оружие — ныне совсем проржавевшее и бесполезное. По ту сторону дверей, в галерее, все мертвецы по-прежнему сжимали в истлевших руках мечи и секиры — но здесь, в зале, оружие побросали на пол.

Фиона резко втянула в себя воздух:

— Посмотри на двери!

В ярком свете Дункан без труда разглядел, что изнутри дверные створки покрыты царапинами. Повсюду были длинные неглубокие следы. Иные скелеты так до сих пор и тянулись к дверям костлявыми руками, тщетно пытаясь расцарапать камень. То же самое творилось на стене у дверей. Костяшки пальцев на иных мертвых руках были стерты до суставов.

Нет, эти гномы не сражались с порождениями тьмы. Они пытались выбраться отсюда — и это когда по дверям молотили тараны огров. Нечто испугало их настолько, что они голыми руками пытались процарапать себе путь к спасению. А потом умерли. Все разом. И вместе с ними умерли порождения тьмы.

Что же здесь произошло?

Что-то здесь было неладно, чудовищно неладно. Дункан обернулся и увидел, что Женестьева поднимается на возвышение, а вслед за ней идут Мэрик и остальные. Командора словно притягивал одинокий скелет, восседавший на троне. Он немного откинулся назад, как будто вольготно раскинулся в каменном, чересчур просторном для него кресле и, положив руки на подлокотники, задремал. На голове у него был искусной работы черный шлем с небольшими рогами и железным щитком, с костлявых плеч ниспадала черная кольчуга, и на тридцать шагов от него не было ни единого трупа.

Те гномы пытались убежать подальше от трона.

— Стойте! — крикнул Дункан.

Женестьева остановилась и с любопытством обернулась... и Дункан ужасом увидел, что скелет, сидевший на троне, вдруг шевельнулся. Он поднял голову, и пустые глазницы налились зловещим багровым светом. Во мраке, сомкнувшемся вокруг отряда, всколыхнулась мощная сила, слуха их коснулся слитный шелест множества голосов — это обретала плоть древняя магия.

Женестьева, с округлившимися от ужаса глазами, развернулась к скелету и угрожающе взмахнула мечом.

— Назад! Все назад! — кричала она спутникам.

Ута и Келль медленно пятились, охотник сжимал в — руках натянутый лук. Кромсай зловеще рычал. Мэрик и Николас, обнажив мечи, остались стоять рядом с Женестьевой.

— ТЫ ПРИШЛА, — произнес голос, который исходил от скелета, восседавшего на троне, но в то же время звучал в голове у Дункана. Он чувствовал, как этот голос проскальзывает в его мысли, точно угорь, точно некая тварь, оставляющая за собой мерзкий след, столь мерзкий, что Дункана пробрала дрожь. — Я ДОЛГО ЖДАЛ, И ТЫ НАКОНЕЦ-ТО ПРИШЛА.

Николас взревел от ярости и бросился к трону, вскинув щит и занеся булаву. Скелет махнул костлявой рукой — и волна магической мощи, ударив в Николаса, сбросила его с возвышения и зашвырнула в груды скелетов.

— Николас! — пронзительно вскрикнула Женестьева.

— КОГДА ГНОМИЙ ПРИНЦ ПРИЗВАЛ МЕНЯ, Я ИСПОЛНИЛ ЕГО ЖЕЛАНИЕ И С ТЕХ ПОР ОЖИДАЛ ВО ТЬМЕ ТОГО, КТО ВЕРНЕТ МЕНЯ В СВЕТ, И ТЫ ПРИШЛА.

— Ни за что! — снова выкрикнула Женестьева. — Ни за что!

Дункан бросился к возвышению, на бегу выхватив кинжалы. Рядом с ним бежала Фиона. Она что-то беззвучно шептала и над навершием ее посоха уже засиял ореол магической силы. Зал заполняла магия, но Дункан не был уверен, что вся она исходит от Фионы. Темное, чуть зеленоватое свечение пощипывало кожу и наполняло все тело странной тяжестью.

— НЕ ТЫ. — Скелет повернулся и указал на Фиону, выставив в ее сторону длинный костлявый палец. Эльфийка мгновенно остановилась, словно налетев на невидимую преграду, и громко вскрикнула, когда ее обволок текучий мрак. — ОНА.

Посох выпал из рук Фионы, его белое сияние погасло и глаза магички широко раскрылись от ужаса.

Мэрик бросился на чудовище, и скелет, взмахнув другой рукой, метнул молнию, которая ударила в короля и швырнула оземь. Электрические разряды спеленали все его тело, и он корчился на полу, пронзительно крича от невыносимой боли.

Две стрелы полетели к трону и застряли в костях скелета. Женестьева вскинула над головой меч:

— Бейте его! Уничтожьте!

Перепрыгнув через корчившегося на полу Мэрика, она бросилась в атаку, и следом за ней бежала Ута. Дункан обернулся к Фионе, потянулся к ней, пытаясь выдернуть из цепких щупальцев тьмы, — и кожу его обжег нестерпимый холод. Он отдернул руку, зашипев сквозь зубы от резкой боли.

— Я ЗНАЮ, ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ. — Скелет поднял обе руки, и зеленоватое свечение, наполнявшее зал, усилилось. Дункан чувствовал, как оно обволакивает его, высасывает силу. Пошатнувшись, он припал на одно колено, голова вдруг сделалась ватной, словно он только что очнулся от глубокого сна. На возвышении Женестьева и Ута тоже повалились на колени. Келль, шатаясь, выронил лук, и Кромсай смятенно заскулил. — Я МАНИЛ ВАС СЮДА, ОБЕЩАЯ ИСПОЛНИТЬ ЭТО ЖЕЛАНИЕ, И ВЫ ПРИШЛИ. НАКОНЕЦ-ТО Я СТАНУ СВОБОДЕН ОТ ЭТОГО МРАКА.

Все силы Дункана уходили на то, чтобы не рухнуть мешком на пол. По лбу его покатались крупные капли пота, и он выронил кинжалы. В глазах все плыло. Он видел, как Мэрик, стискивая зубы, доблестно пытается доползти до скелета. Ута уже упала, потеряв сознание, и неподалеку от нее лежала Женестьева.

Безмерный ужас охватил Дункана, когда он увидел, как из скелета поднимается нечто. Словно паутинные нити дыма вытянулись из мертвых костей и, поплыв через зал, проникли в Фиону.

Эльфийка откинула голову и издала пронзительный, леденящий душу вопль. Все ее тело напряглось, закаменело, руки бессильно раскинулись в стороны. Лицо магички мертвенно побелело, а затем начало меняться. Оно разбухало, черты его искажались. Тело Фионы росло, изменяясь чудовищным образом, голова словно искривилась, изо рта поползли клыки, а Фиона все кричала от невыносимой муки.

А затем преображение завершилось. Там, где только что была Фиона, теперь высился уродливый силуэт одержимого — когтистого чудовища с заемной плотью, и уже не понять было, женщина это или мужчина. Глаза чудовища горели злобой, а когда оно посмотрело на Дункана, во взгляде его заплясало злое веселье. Взмахом руки одержимый указал на него:

— СПАТЬ.

Мир расплылся, завертелся перед глазами, и каменный пол с готовностью рванулся навстречу. И Дункан уснул. Уснул, всем своим существом сопротивляясь этому.

Все они уснули.

Глава 12

Пушкой впереди меня только тьма,
Но Создатель направит меня.
Мне не суждено скитаться по неверным дорогам Загробного
мира.
Ибо там, где Свет Создателя, нет тьмы.
И ничто, сотворенное Им, не будет утеряно.

Песнь Испытаний, 1:14

Солнечный свет лился в отворенное окно, и занавески из желтого шелка едва слышно шуршали под легким ветерком. Не сразу Мэрик осознал, что находится во дворце, в Денериме. Он вдохнул полной грудью, дивясь тому, как восхитительно пахнет чистый воздух, как ласково теплое солнце касается его обнаженной кожи. Об этих бесхитростных радостях так легко позабыть под исполинской толщей земли и камня, на Глубинных тропах...

Глубинные тропы. Эти слова ныли в памяти, точно загноившаяся рана, и Мэрик вдруг опешил, не понимая, почему, собственно, он оказался во дворце. Разве он не должен быть

сейчас под землей вместе с Серыми Стражами? Он попытался напрячь память, однако воспоминания разбегались, точно шустрые капельки ртути. Может, ему все это просто снилось?

Он — в королевских покоях, в своей собственной постели и на нем не тяжелые сильверитовые доспехи, — нагое тело укрыто белоснежными, хрустящими от свежести простынями. У стены красуется туалетный столик красного дерева — подарок королевской четы из Антивы. На маленькой конторке лежат очки гномьей работы, принадлежавшие дедушке, их Мэрик за солидную цену выкупил в Неварре у одного орлесианского дворянина — и внушительный том жизнеописания короля Каленхада, который Мэрик неспешно читал весь прошлый год. Он не большой мастер читать, да и хитросплетения ученого стиля только усложняют дело, но Мэрик упрям.

Он там, где и должен быть. С какой стати он решил, будто и в самом деле ударился в авантюры, пошел на поводу у старинного ордена, которого и в Ферелдене-то больше нет. Вся эта идея сама по себе смехотворна.

В постели рядом с Мэриком кто-то шевельнулся — и он застыл. Роуэн мертва. Не может быть, чтобы это была...

— Мэрик? — невнятно пробормотал сонный голос.

Его охватила паника, сердце неистово застучало. Широко раскрытыми глазами он смотрел, как женщина приподняла голову с подушки. Вьющиеся локоны золотисто-медового цвета — точно такие, какими остались в его памяти, — были взлохмачены и не вполне прикрывали заостренные эльфийские уши. Изумрудно-зеленые глаза моргнули, и женщина улыбнулась.

— Ты так странно на меня смотришь, — хихикнув, проговорила она. — Тебе снился дурной сон?

Катриэль. Это была Катриэль, эльфийка-бард, шпионка, которую он убил восемь лет назад.

— Я...не знаю. — У Мэрика перехватило горло. — М-может быть.

Катриэль состроила гримасу и, протянув руку, отвела пряди волос с его лба. Этого жеста не было в его воспоминаниях, и все же он казался поразительно знакомым. Мэрик перехватил ее руку, прижал ладонь к своей щеке. Даже запах кожи тот же самый. Как он мог забыть?

— Ох, Мэрик, — проговорила Катриэль, и теперь беспокойство в ее голосе стало неподдельным. — Тебе и вправду снился дурной сон. Ох, милый мой, какой же ты у меня чувствительный.

Мэрик еще на мгновение задержал ее ладонь на своей — щеке, страшась, что, если отпустит, Катриэль исчезнет. Наконец он поборол подступающие слезы и взглянул на нее: — Как ты попала сюда? Ничего не понимаю.

— Я забралась в кровать, когда ты уже спал. Надеюсь, я тебя не разбудила.

— Нет, я имел в виду... как же Роуэн?

Катриэль озадаченно сдвинула брови:

— Роуэн в Гварене с Логэйном, где же ей еще быть? В Денерим они прибудут не раньше завтрашнего дня. Ты что, перепутал дни?

— Прибудут? — Мэрик в смятении потер лоб. — Но ведь Роуэн умерла.

Катриэль резко села в постели, и простыни соскользнули, обнажив ее чувственное светлокочее тело — именно такое, каким его помнил Мэрик. Она крепко обняла его и печально вздохнула:

— Так вот что тебе снилось! Ах, Мэрик... Неужели ты забыл? Роуэн и вправду была серьезно больна, и мы так опасались за нее, но Логэйн ее вытащил.

— Логэйн ее вытащил, — повторил Мэрик.

Пустота в сердце заныла, напомнив о своем существовании. Он слишком хорошо помнил, как все это было.

— Ты же знаешь, какой он. — Катриэль нахмурилась и снова отвела со лба непокорные

пряди. — Роуэн угасала, была почти при смерти, а этот ублюдок орал на нее, вопил, что, если она умрет, он самолично прорвется в Тень и приведет ее назад. Ты был на него так сердит.

Мэрик ничего не сумел ответить. Он судорожно сглотнул, и пересохшее горло сдавила судорога. Катриэль обхватила ладонью его щеку и нежно поглядела на него. Когда-то король мог утонуть во взгляде этих изумрудных глаз.

— Я гордилась тобой. Мне всегда был неприятен этот ублюдок, и я не понимаю, почему ты с ним так носишься. Как бы то ни было, он дни и ночи напролет держал ее за руку, не желая ни есть ни пить. Говорят, его воля оказалась так сильна, что Роуэн пришлось подчиниться... и выздороветь.

— И это все, что потребовалось? — сипло прошептал Мэрик.

— Тсс, успокойся, — вкрадчиво проговорила Катриэль и, придвинувшись ближе, легонько поцеловала его в губы.

Он замер, оцепенев, и не сумел ей ответить. — Не волнуйся так, милый. Твоя королева здесь, любовь моя. Хочешь, я помогу тебе забыть этот дурной сон?

Она откинулась на спину, увлекая Мэрика за собой. Он не сопротивлялся. Катриэль снова поцеловала его, и на сей раз он ответил — вначале медленно, затем уже с большим пылом. Вспыхнувшее влечение было так сильно, так неподдельно, что Мэрик не мог не поддаться.

Как же часто он мечтал именно об этом! Вернуться в прошлое, исправить все, что натворил... Теперь все правильно, все так, как и должно быть. Так просто было бы принять эту данность и раствориться в ней. В глубине души Мэрик отчего-то знал, что здесь он сумеет даже позабыть о том, что убил эту женщину, что женился на Роуэн и видел, как она угасает, что лучший друг с годами становился все холоднее и отдалялся. Здесь быть королем — вовсе не тяжкий труд, и когда Мэрик заглянул в глаза Катриэль, увидел ее лукавую улыбку — искушение вспыхнуло с почти неодолимой силой.

Вот только есть еще одна эльфийка... В памяти Мэрика всплыло лицо Фионы, захваченной демоном и превращенной в одержимое чудовище. Крики ее, полные боли, до сих пор звучали в ушах короля, и, хотя то, прежнее существование ускользало из пальцев, словно полузабытый сон, мысль о Фионе неотступно тревожила совесть.

Он обещал.

— Я не могу, — прошептал Мэрик, высвобождаясь из объятий Катриэль.

Подвинувшись на свою половину постели, он встал, а Катриэль, прижимая к груди простыни, смятенно смотрела на него:

— Но почему? В чем дело?

— Все это ненастоящее.

Мэрик не хотел смотреть на нее, не хотел заглядывать в эти зеленые глаза. Он слишком хорошо помнил, как глядел в них в то самое мгновение, когда пронзил мечом грудь Катриэль, — и сам не верил тому, что совершил это. Тогда в этих зеленых глазах он увидел такое безмерное разочарование. Она надеялась, что Мэрик выслушает ее, надеялась воззвать к милосердию, хотя и понимала, насколько это безнадежно, — и он целиком и полностью подтвердил ее худшие ожидания. И все же, насколько бы подлинной и завлекательной ни казалась ему эта новая жизнь с Катриэль, ему нестерпимо было думать о том, что где-то страдает и мучится Фиона. Надо действовать.

— Мэрик, — прозвучал позади тихий голос Катриэль.

Он не обернулся и стиснул кулаки.

— Мэрик, — уже тверже повторила она. — Погляди на меня.

Тогда он неохотно повернулся. Катриэль смотрела на него с грустью, словно понимала, что им предстоит расстаться.

— Мы могли бы жить вместе, — сказала она. — Тебе вовсе незачем возвращаться туда, в другой мир. Ты можешь остаться здесь.

— Остаться здесь — и жить в притворстве? Ты это имеешь в виду?

— Разве это — притворство? — тускло улыбнулась Катриэль. — Что есть реальность,

Мэрик? Что она такое на самом деле? Ты мог бы быть счастлив. Почему ты так твердо уверен, что должен сделать то, отчего будешь несчастен? Неужели ты не заслужил хотя бы малую толику радости?

Она потянулась к нему, ожидая, что тот возьмет ее за руку и вернется в постель. В глазах эльфийки была мольба. Мэрик опустил голову, чувствуя, как сердце рвется от боли, — и рука Катриэль бессильно упала.

Она не заплакала. Король повернулся и вышел из комнаты, торопясь; уйти прежде, чем передумает. Пустота, жившая в его сердце, превратилась в бездонный провал, который ничем нельзя было заполнить. Он отстранился, отгородился от этой пустоты, вынудил себя ничего не чувствовать. Мэрик так часто проделывал нечто подобное, что и теперь справился почти без усилий. Ничего не чувствовать для него стало так же привычно, как дышать.

И едва он ступил за порог, мир преобразился. Со всех сторон его окружал причудливый пейзаж, усеянный отдельно стоящими стенами и дверьми, как если бы кто-то рассыпал повсюду отдельные части здания, не ведая, как им надлежит соединяться друг с другом. Еще невероятнее было небо — бескрайний океан тьмы, которую прихотливо рассекали вихрящиеся белые ленты. В высоте проплывали острова: одни вдалеке, другие, побольше, казалось, совсем близко, рукой подать.

Все здесь отливало странным, неестественным свечением, а на краю зрения дрожало и рассыпалось, словно не могло обрести ясных очертаний. Мэрик видел, одинокие стены медленно передвигались, сходились перед ним, образуя различные фигуры, и вновь распадались на составные части. Одна такая стена бесшумно растаяла, впитавшись в почву, и бесследно исчезла. Внимание короля привлекли летучие огоньки, яркие пятнышки, проворно носившиеся над землей неподалеку от того места, где он стоял.

Это была Тень. Люди попадают сюда во сне, а проникнуть наяву, говорят, способны только маги — но тем не менее он здесь. Может, он уснул? Может, тот демон каким-то образом заточил его в Тени? Что же происходит с его телом в реальном мире?

Ни на один из этих вопросов ответа не было. Мэрик стоял посреди странной равнины, и в лицо ему дул сухой безжизненный ветер. По крайней мере, теперь, когда он покинул “свой” покой, к нему вернулись одежда и доспехи. Это уже кое-что. Сами покои, а с ними и весь остальной дворец, попросту исчезли. И Катриэль тоже. Мэрик огляделся по сторонам, но не нашел ни единого их следа и на миг горько пожалел о том, что потерял.

Но ведь все это было ненастоящее, верно? Катриэль была всего лишь сном, который сотворили затем, чтобы не дать ему выбраться отсюда. Надо надеяться, это значит, что отсюда действительно есть выход.

Но как можно покинуть Тень? Оглядевшись, Мэрик осознал, что даже отдаленно не представляет, куда ему податься. Здесь не было дорог. Не было никаких хитроумных устройств, сияющих порталов — словом, ничего подобного. Были только двери, которые вели куда-то... но куда? Мэрик ничего не знал о царстве снов — только то, что в ту ночь на Глубинных тропах рассказывала Фиона.

— Ты, как я погляжу, уже заблудился, — негромко проговорили у него за спиной.

Мэрик стремительно обернулся — и застыл, увидев Катриэль. Именно такой она ему ярче всего и запомнилась — в прочном кожаном доспехе, который был на ней во время похода по Глубинным тропам. На поясе висел к ножнах кинжал, золотисто-медовые локоны трепетали под дующим на равнине ветром. Эльфийка смотрела на Мэрика, и теперь в ее глазах играли искорки смеха, однако она молчала.

— Тебя... тебя здесь нет, — запинаясь пробормотал он.

— Очень даже есть.

— Но ты не Катриэль!

— Ты в этом так уверен? — Она шагнула ближе, и веселье, искрившееся в ее глазах, сменилось раздражением. — Я тебя хорошо знаю, Мэрик. Ты не ученый. О Тени тебе известно ровно столько же, сколько о виноделии. Тебе нужна моя помощь.

— Твоя помощь, — тупо повторил он.

Катриэль выгнула бровь:

— Полагаешь, сможешь пройти через Тень в одиночку? Когда-то я провела тебя по Глубинным тропам. Я могу стать твоим проводником и здесь. Именно это тебе на самом деле и нужно.

Мэрик отступил на несколько шагов. Это создание было похоже на Катриэль и говорило как она, но ведь это уже не его сон. Скорее всего, перед ним демон, который, потерпев неудачу, последовал за ним из покинутого сновидения. И теперь пытается заманить его назад. С неистово бьющимся сердцем Мэрик выхватил меч.

— Убирайся! — прорычал он. — Ты хочешь снова заманить меня в ловушку, но я с тобой не останусь. Я должен вырваться отсюда!

Катриэль, ничуть не тронутая его речью, с едва скрываемым презрением взирала на рунный клинок:

— Мэрик, на самом деле это вовсе не твой меч. Тебе нужно это понять.

— Я готов поспорить, что он проткнет тебя насквозь.

Она кивнула, едва заметно усмехнувшись:

— Возможно. И что в таком случае ты намерен делать дальше? Бесцельно метаться из стороны в сторону? Щипать себя, пока не проснешься? Здесь нет Логэйна, любовь моя, и он не сможет тебя спасти. Тебе нужна моя помощь.

— Я не возьму в проводники демона!

— О да, конечно. — Катриэль обожгла его выразительным взглядом. — Хорошая мысль. В конце концов, ты ведь не из тех, кто очертя голову бросается на чужие мечи.

— Мэрик отшатнулся. Взгляд этих зеленых всепонимающих глаз ранил его в самое сердце. И все-таки это было невозможно.

— Я оставил тебя в том сне, — упрямо проговорил он. — Я должен был уйти! Я обещал...

— Да, я знаю, — печально отозвалась Катриэль. Затем вздохнула и, подойдя к Мэрику, ласково погладила его по щеке. — Я не сумела сделать тебя счастливым. Ни тогда, ни теперь. Лучше я помогу тебе уйти — если ты хочешь именно этого.

Мэрику казалось, что он разрывается на части.

— Именно этого я и хочу, — твердо проговорил он. — Вырваться отсюда.

— Из Тени, — кивнула эльфийка. Затем она повернулась, взмахом руки обвела окружавшую их равнину, и Мэрик понял, что Катриэль указывает на рассыпанные вокруг двери. — Выходы здесь повсюду, Мэрик. К несчастью, ты не сможешь ими воспользоваться. Тебя удерживают здесь противоестественным образом.

— Демон, — мрачно проговорил он.

Катриэль направилась к одной из дверей. Не зная, как поступить, Мэрик последовал за ней. На ходу он окинул взглядом безжизненную равнину. Что бы на самом деле ни представляла собой эльфийка, в одном она была безусловно права. Без нее он в лучшем случае скитался бы по Тени, надеясь отыскать хоть что-нибудь полезное.

Катриэль дошла до двери и повернулась к Мэрику. Он остановился, гадая, что же она задумала. Меч он держал наготове — на всякий случай.

— Позволь кое-что тебе объяснить, — сказала Катриэль.

Повернула дверную ручку и распахнула дверь. За ней была пустота. Это был дверной проем в ничто, и Катриэль для наглядности даже просунула туда руку.

— Эта дверь не ведет никуда. Пока ты не захочешь, чтобы она куда-то вела.

С этими словами она закрыла дверь, вновь открыла ее... и на сей раз Мэрик отпрянул, увидев зеленый лес. Он ясно различал синее небо, солнце, слышал даже пение птиц.

Катриэль снова захлопнула дверь.

— Это переход, символ, — заявила она, вскинув руку, чтобы привлечь его внимание. — Ты мог бы перенестись отсюда в реальный мир, проснулся бы и понемногу забыл обо всем, что произошло, но этого ты сделать не можешь. Тебя удерживает демон.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил Мэрик.

Катриэль вздохнула, улыбнулась ему, но так и не ответила на вопрос.

— Ты должен сразиться с демоном. В реальный мир через Завесу перешла только часть его, точно так же как здесь оказалась лишь часть тебя. — Плавным жестом она указала на дверь. — Ты можешь добраться до демона, если очень сильно этого захочешь.

— Он спит?

— Нет. Это его владения. Он все так же силен, и его силы достанет, чтобы убить тебя. — Мэрик вопросительно глянул на Катриэль, и взгляд ее стал жестким. — Ты сам придумал этот план. Я не говорила, что он хорош. Я всего лишь помогаю, чем могу.

— Посылая меня на смерть.

— Разве это впервые?

В голосе Катриэль прозвучала горечь, и она, отвернувшись, устремила неподвижный взгляд в никуда. На миг она показалась Мэрику уязвимой и глубоко несчастной. Он помнил ее такой, и сердце его заныло. Затем эльфийка вновь повернулась к нему, и взгляд ее стал прежним, решительным и твердым.

— Точно так же ты можешь отыскать своих спутников, — сказала она. — Они, как и ты, угодили в ловушку своих снов.

— Захотят ли они уйти оттуда?

— Не всякий сумеет отречься от своего заветного желания, как это сделал ты.

В ее зеленых глазах Мэрик увидел жалость, и вдруг его охватили сомнения. Он не знал, что из всего этого выйдет, да и кто знал? В глубине души ему отчаянно хотелось, чтобы Катриэль ушла, вернулась в покинутый сон. Однако еще больше Мэрику хотелось, чтобы она осталась. Наверное, на самом деле он никогда ее не забывал.

— Я попытаюсь, — пробормотал он.

Вполне вероятно, он совершает глупость. Если Катриэль обманывает его, если на самом деле она — некий дух, который стремится вернуть его во власть демона или даже умертвить, — пусть будет так. Он не может в глаза назвать ее лгуньей. После того, что он с ней совершил, — не может. Уж лучше небытие.

И Мэрик повернул дверную ручку.

Мэрику подумалось, что эта улица как две капли воды похожа на все оживленные улочки в бедных кварталах Денерима, вот только он мог поклясться, что находится вовсе не в Ферелдене. Скорее всего, это был Орлей — судя по обрывкам разговоров, которые долетали до его слуха из толпы прохожих. Здесь теснились, прижимаясь друг к другу, магазинчики, лавчонки и мастерские, штукатурка на кирпичных стенах растрескалась и местами осыпалась, и повсюду бросались в глаза признаки бедности. Мелкий дождь прибил пыль на булыжной мостовой и принес с собой резкий запах сырости.

Неужели он все еще в Тени? Похоже, да, пусть даже перемена произошла внезапно. Это место такое же, как его покои в денеримском дворце, — чей-то вымысел или даже сон.

Он приветственно кивнул компании пожилых прачек, которые поспешно снимали с веревок измятое белье. Женщины глазели на его доспехи, возмущенные тем, что он в открытую ходит при оружии, и обсуждали, не следует ли кликнуть городскую стражу. Мэрик понятия не имел, к чему может привести в этом сне подобное событие, да и выяснять не хотел, а потому прибавил шаг.

Среди множества домов был один, который отчего-то казался более настоящим. И штукатурка на его стенах осыпалась куда меньше, чем на соседних домах, и краски были ярче, хотя вся улица выглядела потускневшей, словно залоснившейся от грязи. Мэрик заметил в окне голубые занавески, трепетавшие на ветру, а на подоконнике — ящик с любовно обихожеными травами. Дверь дома, покрашенная в ярко-красный цвет, была закрыта, но рядом виднелись распахнутые створки больших, похожих на амбарные, дверей мастерской.

Мэрик расслышал ритмичный стук молотка — мастерская принадлежала плотнику. Догадаться об этом было проще простого: земля во дворе была присыпана опилками, а рядом

с козлами для распилки бревен стояла пара кресел, еще не покрытых лаком. Мебель была сработана на славу — массивная, прочная. За дверьми, в глубине мастерской виднелись и другие изделия, в том числе перевернутый вверх ножками стол и полуокрашенный туалетный столик. Работы у мастера явно было в достатке.

Стук молотка оборвался.

— Дункан! Ради Андрасте, да занеси ты все со двора в мастерскую, пока дождь не разгулялся!

Голос был низкий, зычный — такой, в представлении Мэрика, должен был принадлежать очень рослому человеку. Кроме того, в этом голосе не было ни следа орлесианского акцента.

— Да чтоб тебе, сынок! — снова гроыхнул тот же голос. — Куда это ты запропастился?

В ту минуту, когда Мэрик подошел к мастерской, на пороге вдруг появился обладатель зычного голоса. Это был настоящий великан — светлокожий, с окладистой бородой и темными, стянутыми в конский хвост волосами. На нем был длинный фартук, присыпанный опилками и покрытый потеками засохшей краски. Недовольно поморщившись, великан ухватил в каждую руку по креслу и тут заметил Мэрика.

— О! Прошу прощения, милорд, — проговорил он, неуверенно разглядывая Мэрика. — Хотите что-нибудь купить?

А я вот решил унести с дождя эти кресла.

— Сработаны они превосходно. Ты мастер своего дела.

Плотник покивал, улыбнувшись с некоторым смущением:

— Спасибо, милорд. Гляжу я, мы с вами земляки. У нас тут не часто встретишь ферелденца, особенно в этой части города.

— Ты из Ферелдена?

— Точнее говоря, из Хайевера. Сынишка мой до сих пор скучает по тем местам, да и я тоже. — Тут он заметил, что дождь понемногу усиливается, и пришел в замешательство. — Да что это я держу вас под дождем! Заходите, милорд, заходите! Милости прошу!

С этими словами плотник попятился вглубь мастерской, унося с собой изрядных размеров кресла так запросто, словно они были легче перышка. Мэрик последовал за ним. Он подозревал, что такой великан мог бы без особого труда унести еще с полдюжины таких кресел, причем, вполне вероятно, на одном плече.

Мастерская оказалась невелика, и почти всю ее занимала мебель, составленная у стен. Оставшегося места едва хватало для верстака, присыпанного стружкой и обрезками дерева, и солидного набора инструментов, да еще на козлах лежал перевернутый большой стол. Это был настоящий шедевр, и его гнутые ножки украшала изысканная резьба в виде переплетенных цветов и листьев. Подобные узоры Мэрику не раз доводилось видеть на мебели орлесианской работы. Такому столу нашлось бы почетное место в любом аристократическом особняке.

Плотник перехватил взгляд Мэрика и расплылся в улыбке. Если задуматься, точно такую улыбку король иногда видел на лице Дункана.

— Это для маркизы, — с гордостью сообщил плотник, — по особому заказу.

— Гляжу, работы у тебя хватает.

— Да уж, мы с сынишкой трудимся не покладая рук. И, я думаю, неплохо справляемся.

Дверь, которая вела из мастерской в жилую часть дома, отворилась, и вошла женщина — смуглая, с копной курчавых черных волос и добрыми, чуть раскосыми глазами. Нелегкая жизнь испещрила ее лицо морщинами, сбрызнула сединой виски, однако, подумалось Мэрику, она по-прежнему была хороша собой. Судя по тому, как округлился под платьем ее живот, она была на сносях.

— Ой! — удивленно воскликнула женщина, увидев Мэрика. — А я думала, Аррин, ты уже закрыл мастерскую.

Она говорила с сильным ривейнским акцентом, однако всеобщим наречием владела в

совершенстве.

— Тайяна, этот господин из Ферелдена.

Женщина вежливо наклонила голову, но при этом поглядывала на Мэрика с легким подозрением. Она явно не верила, что он пришел покупать мебель.

— Доброго дня, сер, — проговорила она.

— По правде говоря, я ищу вашего сына. — Видя их удивленные лица, Мэрик быстро прибавил: — Если, конечно, Дункан — ваш сын. Лет восемнадцати, черноволосый...

Улыбка плотника испарилась бесследно.

— Что он натворил?

— Аррин?.. — Голос женщины дрогнул.

— Ступай в дом, любовь моя, — велел муж. Она испуганно глянула на Мэрика, однако повиновалась и вышла из мастерской. Тогда плотник повернулся к Мэрику и впери в него суровый взгляд. — Что натворил мой сынок? Дункан, случается, попадает в неприятности, но он хороший мальчик, милорд. Мы для него ничего не жалеем, стараемся как можем.

— Не сомневаюсь. — Мэрик ощутил угрызения совести оттого, что обманул этого человека, невольно внушил ему, будто он, Мэрик, важная персона. Правда, не такой уж это был и обман. “И к тому же он не человек, а призрак из сна. Не забывай об этом”. — Мне нужно поговорить с вашим сыном. Это очень важно.

Плотник медленно кивнул:

— Что ж, тогда пойду его отыщу.

Он ушел в дом, а Мэрик остался ждать. Снаружи молотил по крыше дождь. По мостовой, громыхая на булыжниках, проехали несколько карет, женский голос — далекий, едва различимый — скликал домой детей. Полыхнула молния, и следом за ней раздались первые раскаты грома.

Через некоторое время дверь отворилась. Вернулся великан-плотник, а за ним угрюмо брел Дункан. Юноша промок до нитки, словно только что вернулся с дождя. На нем были черные штаны и белая рубаха, насквозь пропитавшиеся влагой.

Дункан удивленно уставился на Мэрика, а затем перевел взгляд на отца.

— Я этого человека не знаю и ничего плохого ему не сделал! — горячо заявил он.

— Хватит уже! — Отец втолкнул его в мастерскую.

Мэрик откашлялся.

— По правде говоря, — сказал он, — я хотел бы побеседовать с вашим сыном с глазу на глаз.

— С глазу на глаз? — Плотник сердито глянул на Дункана, тот закатил глаза к потолку и вздохнул. Наконец великан повернулся к Мэрику. — Как пожелаете, — бросил он. Метнул на Дункана предостерегающий взгляд и вышел, захлопнув за собой дверь.

Дункан скрестил руки на груди и с вызовом уставился на Мэрика, но не произнес ни слова. В его глазах не было ни малейшего намека на знакомство с гостем. Король снова откашлялся. Дело обещало быть нелегким.

— Ты, наверное, меня не помнишь?

Паренек сощурился:

— А что, должен помнить?

— Мы познакомились не так уж давно.

— Думаю, ты меня с кем-то путаешь.

— Нет, не путаю. — Мэрик жестом обвел мастерскую. — Знаю, в это, может быть, трудно поверить, но я понятия не имею, как еще объяснить тебе, что к чему. Все это — настоящее.

— Да ну? Еще какое настоящее!

Дункан отступил на шаг, глядя на Мэрика так, словно тот спятил. Королю подумалось, что паренек не так уж и неправ. Сама идея Тени казалась совершенно невероятной. Как объяснить кому-то, что все окружающее — сон? Что, если бы к нему, Мэрику, год назад пришли и сказали нечто подобное?

В глубине души он с грустью подозревал, что вполне мог бы обрадоваться такому заявлению.

— Нет, Дункан. Это сон. Плод воображения.

Дункан повернулся к двери, но Мэрик схватил его за плечо и рывком развернул назад. Теперь паренек пришел в ярость, но за этой яростью в его глазах таилось что-то еще. Может быть, сомнение? Мэрик ухватился за эту соломинку.

— Дункан, ты знаешь, о чем я говорю, — не отступал он. — Ты — Серый Страж. Мы в Тени, во сне, нас забросил сюда демон, которого мы обнаружили в гномьем дворце.

Неужели ты этого не помнишь?

Дункан вырвался, отпрянул так резко, что ударился спиной о дощатую стену мастерской. Штабель кресел, высившийся по соседству, отозвался громким бряканьем.

— Неправда! — прорычал он, вдруг придя в бешенство. — Не было всего этого, не было! Это просто сон!

— Нет, Дункан, это — сон.

— Нет! — выкрикнул паренек.

Размахивая кулаками, он бросился на Мэрика, но тот перехватил его запястья, и вместе они повалились на стол, предназначенный для некоей маркизы. Стол свалился с козел и рухнул на пол с оглушительным треском — это отломалась начисто пара гнутых ножек. Дункан навалился на Мэрика, извивался, пытаясь высвободить руки, лицо его исказилось от ярости. Королю едва удавалось сдерживать его натиск. Наконец он отшвырнул от себя юношу.

— Не дури! — рявкнул он. — Ты же знаешь, что это правда! Вижу, что знаешь!

Дункан грянулся на пол, ударился головой о другое кресло, и оно от толчка вылетело на залитый дождем двор.

Дверь, ведущая в дом, распахнулась настежь, и в мастерскую, размахивая плотницким молотком, ворвался перепуганный и взбешенный отец Дункана.

— Что здесь творится?

Увидев, что Мэрик валяется навзничь на сломанном столе, а неподалеку от него сидит на полу Дункан, плотник тотчас ринулся на Мэрика. Сильные руки, ухватившись за горловину нагрудника, вздернули короля в воздух с такой легкостью, словно он вовсе ничего не весил. Перед самыми глазами Мэрика оказалось багровое от ярости лицо силача.

— Зачем ты явился в мой дом? Пакостить? А ну убирайся!

— погоди, отец, — прозвучал едва слышный, просительный голос Дункана.

Этого было довольно, чтобы плотник остановился. Держа на весу Мэрика, он обернулся к сыну и смерил его сердитым взглядом:

— Так это ты виноват? Дункан, я тебя такому не учил.

Паренек взглянул на отца, и в этом взгляде было столько безнадежной тоски, что Мэрик понял: он осознал правду.

— Да, отец, — тихо проговорил Дункан, — ты меня такому не учил.

— И что же ты скажешь в свое оправдание?

— Ты умер, — прошептал Дункан.

Глаза его влажно заблестели, и он, отвернувшись, украдкой провел по ним ладонью. Ярость плотника мгновенно испарилась, и он опустил Мэрика на опрокинутый стол с такой небрежной легкостью, будто отложил какую-то безделицу.

— Сынок, — проговорил он внезапно севшим голосом, — этого могло бы и не случиться.

— Это уже случилось.

С глазами, красными от слез, юноша повернулся к отцу. Мгновение они молча смотрели друг на друга. Потом плотник печально вздохнул, и Дункан закрыл глаза. И в этот миг мастерская исчезла. Попросту сгинула, сменившись равниной и небом Тени, в котором плыли острова.

Дункан этого словно и не заметил. Он снова был в черном кожаном доспехе и тунике

Серого Стража, на поясе висели кинжалы. Паренек неотрывно смотрел на то место, где только что стоял отец, и по лицу его катились слезы.

— Я думал... — Голос Дункана сорвался, и он тяжело сглотнул. — Я думал, это и вправду они, а все остальное мне приснилось в кошмарном сне.

— Знаю.

— Я так радовался. Так радовался, что я не остался один, что они не...

— Знаю.

Мэрик напрягся, увидев, что к ним приближается Катриэль. Он уже почти поверил, что она просто исчезнет, что ее появление было очередным сном. Эльфийка, однако, никуда не делась. Подойдя к ним, она с насмешливым интересом воззрилась на Дункана.

Паренек обернулся посмотреть, куда это глядит Мэрик, опешил от неожиданности при виде Катриэль. Он настороженно попятился, нашаривая на поясе кинжалы, но эльфийка подняла руку, показывая, что в ней нет оружия.

— Слишком уж ты молод, — заметила она, усмехаясь.

Дункан обернулся, недоуменно поглядел на Мэрика.

— Это Катриэль, — со вздохом пояснил тот.

— Ты хочешь сказать...

— Да, та самая Катриэль.

— Но она же...

— Мертва? — договорила за него эльфийка, настороженно покосившись на Мэрика. — Это всего лишь слухи. Я пришла вам помочь. Если ты предпочтешь вообразить, будто я — исчадие преисподней, воображай на здоровье. Я и при жизни была немногим лучше.

Дункан явно смешался.

— Мы не можем ей доверять! — пробормотал он.

— Она привела меня к тебе, — отозвался Мэрик.

Затем он обратился к Катриэль, стараясь при этом не смотреть ей в глаза. Невероятно мучительно было видеть ее рядом, пробуждать воспоминания, которые он, казалось бы, давно и надежно похоронил в толще памяти.

— Нам нужно отыскать остальных, — сказал он.

Катриэль кивнула и жестом указала на пустынную тропу, вдоль которой с двух сторон стояли статуи.

— В том направлении есть еще одна дверь, — сказала она. — Она перенесет вас туда, где вам нужно оказаться.

Мэрик и Дункан стояли в сердце Морозных гор. Дул резкий холодный ветер. Высоко над головой вздымались величавые, увенчанные голубоватыми шапками вершины. Снег, укрывавший землю, почти доходил до края сапог, и, судя по собиравшимся в небе тучам, надвигалась снежная буря.

— Замечательно! — кисло пробормотал Дункан. — Опять по уши в снегу.

Мэрик искоса глянул на паренька, но смолчал. Катриэль, как и в прошлый раз, осталась по ту сторону портала. То ли она не могла последовать за ними, то ли не хотела — Мэрик не знал наверняка. Он обнаружил, что все время возвращается мыслями к эльфийке. Если она — творение его сна, то каким образом смогла уйти оттуда? Почему она помогает Мэрику бороться с демоном, который ее сотворил?

Может, она и сама — демон? Или же его, Мэрика, попросту водят за нос? Но до сих пор все ее сведения неизменно оказывались полезны.

В глубине души Мэрик подумывал о том, возможно ли, что это на самом деле Катриэль. Говорят же, что умершие на пути к Создателю проходят через Тень и иным случается здесь заплутать. Быть может, Катриэль — призрак? Это была опасная, пугающая мысль, и Мэрик постарался отогнать ее.

Вверх по горному склону тянулась крутая тропа, и путники двинулись по ней. Ели и сосны, которые в основном и росли в здешних местах, зачастую так тесно подступали к

тропе, что приходилось раздвигать руками колючие ветки, чтобы пройти дальше.

Тропа сделала поворот, и путникам открылся незабываемый вид. Морозные горы предстали перед ними во всем своем великолепии: исполинские пики словно вонзались в небо, а у их подножия, в долине, раскинулся лес, полого сбегавший к замерзшему озеру, которое Мэрик сумел рассмотреть до мельчайших подробностей. Казалось, не будь озеро покрыто льдом и снегом, можно было бы прыгнуть отсюда прямо в воду. Зрелище было впечатляющее.

— Что это? — пробормотал Дункан.

Мэрик обернулся глянуть, что такое увидел его спутник, и обнаружил, что тропа, обогнув утес и протянувшись дальше по горному склону, обрывалась у обнесенного стенами поселения. Невзрачный и угрюмый с виду поселок стоял на краю утеса и, казалось, наполовину уходил вглубь горы. Мэрик разглядел на стенах людей — бородатых, длинноволосых, в теплых меховых плащах, и люди эти уже тыкали пальцем в двух чужаков. Истошно залаяли псы — поднялась тревога.

— Что-то вид у них не слишком дружелюбный, — сухо заметил Дункан.

— Это аввары. Горное племя. Им и не положено относиться к нам с симпатией.

— Будем драться?

— Нет, давай подождем и поглядим, как поступят они.

Вскоре из ворот вышли трое — рослые суровые воины, которые вели нескольких злобных волкодавов. Псы рычали и лаяли, в нетерпении натягивая ремни. Судя по тому, что их до сих пор не спустили на пришельцев, воины собирались поговорить. По крайней мере, Мэрик на это надеялся.

Все трое остановились в нескольких шагах от Мэрика и Дункана, сверля их подозрительными взглядами и удерживая псов. Предводитель оказался заметно старше товарищей — его длинные волосы, ниспадавшие ниже плеч, были совсем седыми, однако он был могучего сложения, и от него веяло властью.

— Равнинники, — проворчал он.

Это было утверждение, а не вопрос, но Мэрик тем не менее кивнул. Лучше быть с этими людьми поучтивее. Аввары долго воевали с равнинниками, а когда много веков назад король Каленхад объединял тейрны в единое государство, наотрез отказались пойти под королевскую руку. Годы, миновавшие с тех пор, только укрепили желание авваров оставаться независимыми.

— Зачем вы пришли? — властно спросил воин.

— Мы ищем человека по имени Келль, — сказал Мэрик.

Судя по взглядам, которыми обменялись между собой воины, они точно знали, о ком он говорит. В этом не было ничего удивительного. Похоже, во всех этих снах события были целиком и полностью сосредоточены вокруг одного персонажа.

Да и снятся ли кому-нибудь сны другого рода? Сны, в которых человек оказывается лишь сторонним наблюдателем, незначущей соринкой в великом плане бытия?

— Вы ищете Келля ап Моргана? Зачем?

— Именно об этом мне и нужно поговорить с Келлем.

Ответ Мэрика пришелся не по вкусу горцам — видно было, как рассердила их такая дерзость. Дункан быстро глянул на Мэрика, многозначительно шевельнув бровями. Он явно считал, что они вот-вот ввяжутся в драку, и, похоже, был ничуть не против. По счастью, седовласый предводитель строго цыкнул на спутников, приструнив их ярость прежде, чем она выплеснулась наружу.

— Поглядим, — буркнул он.

Кивком велел другим воинам следовать за ним, он развернулся и двинулся вверх по тропе к поселку. Воины, волоча на туго натянутых сворках псов, побежали следом. Мэрику и Дункану оставалось либо пойти за ними, либо так и остаться на тропе. Выбор небогатый.

— От них воняет мочей, — пожаловался Дункан, без особого, впрочем, пыла.

— Можешь остаться здесь, если хочешь.

Они вошли в поселок, и тут же навстречу им высыпала толпа любопытных. Ребятишки глазели на чужаков, засунув палец в рот, — грязные, с виду сушие дикари. Взрослые выглядели немногим лучше. Вся жизнь этих людей проходила в упорной борьбе за выживание; словно сорная трава, они упрямо цеплялись корнями за эту гору, подвергаясь бесчисленным напастям: болезни, нехватка дичи, кровопролитная вражда с соседними кланами. Жизнь авваров была тяжела и незавидна, но они умели выносить невзгоды.

Дома, располагавшиеся у пещер, были приземисты, но на вид вполне добротны. Мэрик напомнил себе, что эти люди — отнюдь не дикари. Им были знакомы каменная кладка и горное дело, они торговали с гномами, закупая оружие и прочие припасы. Над каждой дверью была натянута шкура, щедро, в ярких красках расписанная рунами.

Тотемы, стоявшие перед большинством домов, тоже были типично авварские. Эти каменные идолы, если Мэрик ничего не напутал, были посвящены богам. Он знал только одного авварского бога, вернее, богиню — Владычицу Небес, которой горцы отдавали своих мертвецов, оставляя тела на открытых скальных площадках, чтобы птицы дочиста обглодали кости. Мэрик полагал, что этот обычай ничем не хуже традиции сжигать мертвых, хотя его и занимала мысль, что же аввары делали потом с этими костями.

Через неказистый двор, главным украшением которого служили распяленные шкуры и горки собачьего дерьма, воины провели Мэрика и Дункана к большому каменному дому. На самом деле этот дом, скорее, можно было назвать лачугой, однако он выглядел просторнее прочих, и над входом в него красовалась впечатляющая резьба — голова орла. Здесь явно проживала какая-то важная персона.

Седовласый воин тотчас прошел в дом, но, когда Мэрик хотел последовать за ним, два других аввара встали у него на пути, скрестив руки на груди и сверля его суровым взглядом. Стало быть, в дом нельзя.

Пока они дожидались во дворе, подошли несколько псов и принялись с любопытством обнюхивать их ноги. Псы эти выглядели не такими ухоженными, как Кромсай, — они куда больше смахивали на волков. Дункан закашлялся и прикрыл ладонью рот, но Мэрик лишь усмехнулся. Будучи ферелденцем, он с детских лет привык к обществу собак.

Шайка ребятишек, выглядывая из-за ближайшего угла, боязливо тарасилась на чужаков. Один из них, расхрабрившись, бросил камень в Мэрика, изрядно промахнулся, и вся шайка, хихикая с перепугу, брызнула наутек. Воины, охранявшие дверь, не обратили на эту выходку ни малейшего внимания.

Когда седовласый аввар наконец появился во дворе, он был не один. За ним шел молодой воин, в меховом плаще красноватого оттенка, с длинными каштановыми волосами и коротко подстриженной бородкой. Увидев его настороженные, необычайно светлые глаза, Мэрик понял, что это Келль. Да, он длинноволос, и голые руки от плеча до запястья покрыты племенными татуировками, но эту молчаливую сдержанность ни с чем не спутаешь.

— Келль?.. — потрясенно выдохнул Дункан.

Охотник вскинул брови. Седовласый воин глянул на него и нахмурился:

— Эти равнинники, ярл, вроде как явились поговорить с тобой. Ты их знаешь? Мы можем скормить их псам.

Келль пристально всмотрелся в Мэрика и Дункана, поочередно окинув их испытующим взглядом. Мэрик не заметил ни малейшего намека на узнавание, но это еще ничего не значило — охотник хорошо умел хранить непроницаемый вид. Дункан поднял было руку, собираясь заговорить, но седовласый воин грозно рыкнул на него. Что случится, если Келль решит, что не намерен с ними разговаривать? Они посреди поселка, где полным-полно закаленных в бою горцев. Они и глазом моргнуть не успеют, как их изрежут на куски.

— Пусть войдут, — сказал наконец Келль.

Казалось, он еще колебался, но тем не менее шагнул в сторону и жестом пригласил Мэрика и Дункана в дом. Прочие воины явно изумились такому решению, однако перечить не стали.

Внутри было просторно и почти пусто: только мягкие шкуры покрывали пол да стояло

большое кресло с высокой спинкой, сколоченное из чурбаков. Это помещение явно служило парадным залом — Мэрик таких навидался без счету. Бросались в глаза развешанные на стенах луки и звериные головы. Один из этих трофеев когда-то был частью гигантского медведя — в его навек разинутой пасти целиком поместилась бы голова человека. Впечатляющая добыча.

Проем в дальней стене прикрывала занавеска, и за ней Мэрик мало что сумел разглядеть. Он ясно расслышал, как воркует младенец и молодой женский голос тихо напевает колыбельную. Затем пение стихло, и Мэрику почудилось, что из-за занавески кто-то с любопытством поглядывает в зал, однако рассмотреть подробностей не смог.

Келль уселся в кресло и, подперев кулаком подбородок, окинул гостей внимательным взглядом.

— Я видел вас обоих во сне, — пробормотал он, — а теперь вы здесь. Как это может быть?

— Это был не сон, — отрывисто бросил Дункан. — А вот это — сон.

Мэрик не стал бы вот так рубить сплеча, но, возможно, это было и к лучшему. Охотник взглянул на него, затем на Дункана, явно гадая, не шутят ли они. Видя, что никто и не собирался шутить, он нахмурился:

— Это не сон. Вы стоите передо мной, в моем доме, в поселке моего клана. Это все настоящее.

Прежде чем Дункан успел что-то ответить, Мэрик поднял руку. Шагнув к горцу, он коснулся плеча охотника и заглянул в глаза. В них было смятение. Келль не был уверен, что они говорят правду, и этого, пожалуй, было достаточно.

— Ты помнишь тот свой сон? — мягко спросил Мэрик. — Ты был Серым Стражем, так же как вот он, Дункан. Мы столкнулись с демоном, который заточил нас в Тени, — взмахом руки он обвел зал. — Это и есть Тень. Это твой сон.

Лицо Келля стало темнее тучи, и он вскочил с кресла, отбросив руку Мэрика. Охваченный смятением, он двинулся было к занавеске, которая прикрывала вход в соседнюю комнату, но так и не отдернул ее. Наклонив голову, он мгновение прислушивался к тому, как по ту сторону занавески плачет ребенок.

— Тогда как вы сюда попали?

— Сон можно прервать, — сказал Мэрик. — Именно это я сделал, когда понял, что к чему. И отправился искать вас. Нам нельзя здесь оставаться, и мы должны помочь Фионе.

— Фионе, — повторил Келль, словно пробуя имя на вкус. — Магичке.

Мэрик кивнул:

— Думаю, мы все спим.

— А может быть, мы мертвы. Может быть, это — Загробный мир. — В голосе Келля промелькнула тень надежды. — И вы — демоны, посланные, чтобы лишить меня последнего отдохновения.

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дункан.

Охотник помолчал немного, размышляя, затем закрыл глаза.

— Нет, — сказал он мрачно. — Я знаю, что случилось с этим поселком, с теми, кто в нем жил. — Он открыл заблестевшие глаза и обвел зал уже ясным взором. — Я не приемлю лжи.

Младенец за стеной вдруг громко завопил, и Келль дернулся, будто его ударили. Он замер, прислушиваясь, лицо его побелело. Никто из них не шелохнулся.

— Тебе нужно проститься? — осторожно спросил Мэрик.

Келль покачал головой.

— Нет, — севшим голосом ответил он. — Я сделал это много лет назад.

Молодой вождь авваров превратился в Келля, каким помнил его Мэрик, — гладко выбритый, безволосый, в плаще с капюшоном и в кожаном доспехе. Глаза его из-под капюшона блестели мрачно и ярко. Миг спустя дом, в котором они стояли, исчез, и вокруг опять расстилалась безлюдная равнина Тени.

Дверь привела Мэрика, Дункана и Келля в гномье жилище. Потолки в этом доме были низкие, явственно пахло угольным дымом и тушеным мясом. Здесь жила большая семья; среди прочных стульев гномьей работы валялись детские игрушки и скатанные меховые одеяла, а стол был усыпан свитками пергамента. На всех стенах висели карты, и среди многих стран Мэрик узнал Ферелден. Большая жаровня, наполненная до краев раскаленными углями, озаряла комнату теплым оранжевым светом.

В комнату вбежал мальчик лет десяти — юный гном с копной непокорных рыжих волос. Вбежал и остановился как вкопанный — он явно ожидал увидеть не троих людей, а кого-то другого, и восторженное предвкушение на его лице сменилось неподдельным ужасом.

— Мам! Пап! — пронзительно завопил он. — Небогяды пришли!

— Люди?

Почтенного вида гномка, вытирая руки о фартук, вошла в комнату из полутемной кухни. Слышно было, как там булькает в горшке какое-то варево, и Мэрик заметил, что позади нее, боязливо выглядывая из-за материнских юбок, прячутся еще несколько детишек. Черные волосы женщины уже заметно перевитые сединой, были стянуты на за-в тяжелый узел, а на носу красовались очки. Точно же, какие носил дедушка Мэрика.

— Клянусь Предками! — воскликнула гномка. — И вправду люди!

Народу в комнате прибавилось. Вошел пожилой гном — поперек себя толще, лысый и с медно-рыжей бородой почти до пояса. Он опирался на палку, и вид у него был весьма солидный — так мог бы выглядеть ученый. Рядом с ним шел плечистый юноша. Его рыжая борода была заметно короче, зато любовно заплетена в косички.

Юноша, явно разгневанный вторжением незнакомцев, ринулся на них с кулаками. Пожилой гном ухватил его за рубаху и рывком оттащил назад:

— погоди, Тэм! Не глупи.

— Что вам здесь надо? — сердито спросил юноша.

Гномка шагнула вперед, замахав руками на ребятишек, которые прятались за ее юбками. Те отступили в кухню, но недалеко. Напряжение, возникшее в комнате, тем не менее пугало их, но страх боролся с любопытством. Женщина настороженно кивнула Мэрику:

— Человек, у нас нет ничего такого, что могло бы вам пригодиться. Не трогайте нас, не надо.

Мэрик примирительно поднял руки:

— Прошу вас, успокойтесь. Мы не сделаем вам ничего дурного.

Он оглянулся на Дункана и Келля, и те кивнули. Никто из них не хотел затевать ссору с этим семейством.

— Тогда ответьте на вопрос моего мальчика, — проворчал пожилой гном. — Что вам здесь надо?

— Отец, они пришли за мной.

Мэрик обернулся на звук этого голоса и, потрясенным, увидел, что в комнату вошла Ута. Ее длинная коса была расплетена, и рыжие волосы роскошной гривой рассыпались по плечам. На ней были простое гномье платье и плащ из тонкой кожи. Лицо ее было печально.

— Вам ни к чему их бояться. Это друзья.

— Друзья? — смятенно отозвалась пожилая гномка. — Ута, с каких это пор ты знаешься с людьми? Что еще за странности?

— Прости, мама, это трудно объяснить. — Ута повернулась к Мэрику и товарищам по ордену, кивнула. — Надеюсь, у вас все в порядке?

— Ты можешь говорить! — воскликнул Дункан.

— Да, похоже, что здесь — могу.

— И ты помнишь нас? — осторожно спросил Мэрик. — Ты знаешь, кто мы?

— Ты — король Ферелдена, — ответила она с печальным вздохом. — Твои спутники — Серые Стражи, как и я сама. Да, я вас помню.

На лицах гномов, которые слышали этот разговор, отразились смутение и испуг. Пожилой гном выступил вперед, покосился на Мэрика с таким видом, словно тот был змеей, готовой вот-вот ужалить, однако же подошел к Уте и взял ее за руку:

— О чем ты говоришь, Ута? Это безумие!

Гномка полными слез глазами взглянула на отца и ласково погладила его по щеке:

— Я знаю, отец, все знаю. Мне пора уходить.

— Уходить? Куда уходить?

— Мать Уты решительно двинулась к ним — тревога за дочь пересилила страх перед людьми. Ребятишки толпились у нее за спиной и что-то непонимающе лопотали.

— Что это значит — тебе пора уходить? — спросила пожилая гномка. — С какой стати ты куда-то отправишься с этими небогьями?

Ута стиснула зубы, сиюсь сдержать слезы, которые грозили вот-вот хлынуть из глаз.

— Так надо, — севшим голосом прошептала она.

Она обняла отца, затем мать, и они, хотя и не понимали, что происходит, ответили ей таким же крепким и любящим объятием. Ребятишки теснились вокруг Уты и, обхватив ее за ноги, испуганно хныкали — они почуяли неладное.

— Ты что же, и на ужин не останешься? А твои друзья? — В голосе матери мелькнула слабая надежда. Лицо ее было залито слезами.

Ничего не ответив, Ута нежно поцеловала в щеку мать, потом бормочущего что-то отца. После этого она повернулась к юноше, который с угрюмым видом стоял неподалеку. Начала было говорить, но от горя у нее перехватило горло. Она помолчала, стараясь взять себя в руки, а юноша между тем недоуменно смотрел на нее.

— Ты славно сражался, Тэм, — наконец выдавила Ута. И заставила себя посмотреть ему прямо в глаза, хоть и видно было, что это дается ей нелегко. — Я гордилась тобой, Тэм. Очень гордилась.

— Гордилась?

— О да! — с жаром проговорила она. — Я поклялась отомстить за тебя.

Оглянувшись, Ута окинула взглядом родных, и глаза ее снова налились слезами.

— Я поклялась отомстить за всех вас. И отомщу.

В голосе ее прозвенела решимость, и комната исчезла. Они снова были в Тени, на равнине, среди немисливо высоких каменных колонн, и Ута оцепенело смотрела вдаль. Выглядела она как прежде: неброское коричневое платье и туго заплетенная коса.

Затем она повернулась к товарищам, и стало видно, что глаза ее красны от слез. Она сделала несколько выразительных жестов и под конец прижала к сердцу крепко стиснутый кулак. Лицо ее было искажено таким безмерным горем, что Мэрик не нашелся что сказать.

К Уте подошел Келль. Долгое время они молча смотрели друг на друга, а затем гномка крепко, обеими руками обхватила его за пояс. Охотник ласково погладил ее по голове.

— Мы не виним тебя, Ута, — сказал он. — Ты продержалась столько, сколько смогла.

Дункан молчал, невесело опустив голову. Мэрик глядел на него и думал, что паренек, быть может, сейчас вспоминает своих родных. Он заметил Катриэль — та стояла неподалеку, однако присоединяться не спешила. Как, наверное, было бы здорово остаться с ней хоть ненадолго, хоть на малую толику продлить эту ложь. Так хочется поговорить с ней, объяснить...

Но нет, он должен гнать эти мысли. Он обещал. И на кон поставлены их жизни.

Надо идти.

Бревенчатая хижина стояла на вершине холма, посреди — зеленого леса, который, казалось, бесконечно тянулся под ясным синим небом. Огромные сосны величаво вздымались, словно череда часовых, и рядом с этими великанами хижина казалась совсем крохотной. На деле, конечно, было не так. Подойдя ближе, путники убедились, что размеры этого строения вполне внушительны. Перед домом была сложена высокая поленница, а из трубы поднимался уютный дымок. Рядом с дверью сушилась растянутая шкура, а в большом

очаге еще дымились угли, и вертел, установленный над ним, был испачкан жиром недавно жарившегося здесь мяса.

— Мы в лесу Арбор, — задумчиво проговорил Келль, озираясь по сторонам. — На юге Орлея. Опасный край. Во всяком случае, жить в этих местах нелегко.

Дункан оживился, поднял голову.

— Опасный? — с интересом переспросил он. — Здесь водятся хищники?

— Нет. Дриады.

— Кто бы ни жил в этой хижине, дела у него явно идут неплохо, — заметил Мэрик. — И кстати, там кто-то есть.

Он указал пальцем, на боковую стену, возле которой голый по пояс мужчина с коротко остриженными темными волосами и бородкой деловито рубил дрова на большом пне. Путники двинулись вверх по утоптанной тропе, прислушиваясь к размеренному стуку топора, который разносился на всю округу. С ближайшего дерева сорвалась стая ворон и с оглушительным карканьем растаяла в небе.

Стук топора оборвался.

Подойдя к хижине, путники обнаружили, что темноволосый мужчина бросил работу и настороженно смотрит на них, сжимая в руке топор. Он еще не успел отдышаться, и его голый торс лоснился от пота. На вновь прибывших он смотрел, как смотрят на стаю бродячих псов, не зная, набросятся ли они или трусливо удержат. Что было у него на уме — неизвестно, но вслух он не произнес ни слова. Мэрик не сразу сообразил, что знает этого человека.

— Жюльен! — потрясенно воскликнул Дункан.

Воин прищурился:

— Мы знакомы?

— Конечно! — живо отозвался Дункан. — Мы...

— Друзья Николаса, — перебил Келль и прижал ладонь к груди Дункана, не давая ему броситься вперед.

Паренек на мгновение растерялся, но потом до него дошло, почему охотник так поступил. Это был не Жюльен. Это не мог быть Жюльен. Жюльен мертв.

— Что-то не верится, — отозвался воин, приподняв топор чуть выше. — Никто, даже мои родственники, не знает, что мы поселились здесь. Вы не похожи на заурядных бандитов, которые иногда посещают нас, но я скажу вам то же, что в последний раз говорил незваным гостям: убирайтесь или пеняйте на себя.

— Уверю тебя, — сказал Мэрик, — мы не бандиты.

— Тогда кто же вы?

— Это будет проще объяснить, когда мы поговорим с Николасом.

Жюльен смерил их настороженным взглядом. Оглядев всех троих по очереди, он наконец опустил топор. Сделано это было без особой охоты и только потому, что их оружие оставалось в ножнах.

— Посмотрим, — бросил он и, размахнувшись, вогнал топор в пень, двинулся к хижине и, сдернув на ходу с верха поленницы влажную от пота рубашку, перекинул ее через плечо.

Внутренности хижины занимала одна-единственная комната, и по многим признакам было видно, что живут здесь довольно давно. Самой приметной деталью в обстановке комнаты был большой, сложенный из камней очаг. Перед ним располагались два потертых кресла, а вокруг на полу стояли несколько винных бутылок. Книжный шкаф был битком набит запыленными фолиантами, на столе, который стоял рядом со шкафом, располагались стопки бумаг, несколько скомканных листов и золотой, искусной работы чернильный прибор. В кухне вокруг плиты валялись чугунные котелки и тарелки, а дальше находилась единственная в комнате постель — широкое ложе, покрытое несколькими медвежьими шкурами.

Николас сидел в кресле перед очагом, в котором жарко пылал огонь, распространяя по комнате уютный свет и дымный запах. Одетый в длинную черную рубашку и кожаные

штаны, Николас смотрел на огонь, и плечи его сутулились, словно от невидимой, но тяжелой ноши. Когда все они вслед за Жюльеном вошли в комнату, он даже не обернулся.

— Ты слышал? — спросил Жюльен.

Николас все так же смотрел на огонь, и на лице его была безмерная усталость.

— Слышал.

— Так ты знаешь этих людей?

Мэрик шагнул вперед:

— Николас, я знаю, что в это трудно поверить, но...

Белокурый воин поднялся и отодвинул кресло, надсадным скрипом прервав Мэрика на полуслове. Затем он серьезно взглянул на Жюльена:

— Я должен поговорить с ними наедине.

— Что?! Ты с ума сошел! Скажи вначале, кто это такие!

Николас подошел к нему. Словно не замечая, что они не одни, он обхватил ладонью подбородок Жюльена и нежно поцеловал его в губы. Тот вначале казался раздосадованным, но потом все же ответил на поцелуй. Так сладостно могли бы целоваться супруги, прожившие в согласии много лет.

Мэрик отвел взгляд, смущенный этой сценой и тем, что сейчас сообразил, какие отношения связывали на самом деле этих двоих. Не просто товарищи по оружию и куда больше, нежели близкие друзья. Его спутников, Серых Стражей, эта сцена, судя по всему, нисколько не удивила.

— Я не сошел с ума, — прошептал Николас, — но ты должен мне довериться.

Жюльен явно не знал, что и думать, но все же неохотно аул. Метнув напоследок подозрительный взгляд на Мэрика, он отрывисто бросил:

— Тогда я подожду снаружи. Рядом.

С этими словами он решительно пересек комнату, распахнул большой шкаф, стоящий рядом с ложем, и достал оттуда двуручный меч. Клинок был тусклый — им явно давно не пользовались. Вскинув его на плечо, Жюльен с мрачным видом двинулся к выходу.

Николас смотрел ему вслед, опечаленно хмурясь. Едва Жюльен вышел за дверь, белокурый воин вздохнул:

— Он не знает.

— Но ты знаешь? — спросил Мэрик. — Ты знаешь, что это сон?

— Я знаю, что мы в Тени. Я это сразу понял. Как только я увидел Жюльена живым, я понял, что этого не может быть. Я держал его в объятиях... мертвого. Такое не забывается.

— Значит, нам ничего не придется объяснять, — с облегчением проговорил Дункан.

Наступило неловкое молчание. Николас вернулся к очагу, провел ладонью по полке над ним, словно проверяя, насколько она гладкая. Мэрику показалось, что в глазах его появилось затравленное выражение. Долгое время все они молча смотрели на мужчину, застывшего у очага. В комнате было слышно лишь потрескивание огня.

— Мы говорили об этом, — пробормотал белокурый воин. Он так и не обернулся к ним. — О том, чтобы уйти из Серых Стражей и поселиться здесь. У нас было бы еще несколько лет до того, как скверна возьмет свое, и мы провели бы эти годы друг с другом. Мы могли бы по-настоящему быть вместе. — Он снова легонько провел ладонью по полке над очагом. — Все было так замечательно, так подробно продумано...

Голос Николаса сорвался, и он смолк, неотрывно глядя в огонь.

— Ты хочешь остаться, — сказал Келль.

Это был не вопрос, а утверждение. Охотник и Ута обменялись печальными понимающими взглядами.

Николас кивнул:

— Да. Хочу.

— Ты не можешь так поступить! — вскинулся Дункан, и видно было, что он пришел в ужас, осознав, к чему они клонят. — Так нельзя! Ты же знаешь, что это не Жюльен, верно? Все это — ложь!

— Нет, не ложь.

В голосе белокурого воина прозвучала решимость. Мэрик подошел к нему, осторожно положил руку ему на плечо, заглянул в глаза.

— Но ведь это сон. Твое тело, как и наши, — там, в реальном мире. Если ты останешься здесь...

— То умру? — Николас смущенно улыбнулся. — Мы всегда знали, что один из нас может погибнуть в бою. Я думал, что готов к этому, а оказалось — нет. — Он повернулся к очагу, не в силах смотреть в глаза Мэрику. — Я люблю Жюльена. Скажите мне, что я должен вернуться к жизни, в которой я не смогу жить без него. Скажите, что мне все равно предстоит умереть.

Этого Мэрик сказать не мог. Он снял руку с плеча Николаса и отступил.

— Но... — Дункан огляделся, и его смятение лишь усилилось, когда он увидел, что все остальные готовы принять решение Николаса. — Ты это серьезно? Тебе надо вернуться! Это же самоубийство!

— Бывает смерть и похуже этой.

— Нет! Так нельзя!

Дункан бросился к Николасу с таким видом, словно хотел толкнуть его в очаг. Белокурый воин перехватил его за ремни доспеха и удержал. Дункан, правда, и не особо сопротивлялся. Он был не столько взбешен, сколько потрясен.

— Как ты можешь допустить, чтобы демон одолел тебя?

Николас медленно кивнул, прикрыв глаза, словно эта мысль причиняла ему боль.

— Жюльен спас тебя, — со вздохом проговорил он. — Он поступил правильно, и я это знаю. Мне только жаль, что я не погиб вместе с ним.

Николас помолчал и, открыв глаза, прямо взглянул на Дункана. По лицу его текли слезы.

— Я действительно погиб вместе с ним. И демон тут ни при чем.

— Но...

— Оставьте мне мой сон! — взмолился Николас дрогнувшим голосом. Теперь он смотрел не только на Дункана. — Прошу вас, оставьте мне хотя бы это...

Казалось, Дункан снова примется возражать, однако он, взглянув в лицо мужчине, мгновенно остыл. И в конце концов кивнул. Мэрик видел, что он не смирился с этим решением, но не может больше спорить с болью, искажившей лицо Николаса. Смятенно глянув на Мэрика, Дункан развернулся и опрометью выскочил из хижины.

Келль подошел к Николасу и протянул руку.

— Ты верно служил, — сказал он. — Ты исполнил свой долг. Так пусть твоя служба окончится здесь и сейчас.

Николас с жаром пожал протянутую руку, и слезы потекли из его глаз с новой силой. Он едва сдерживал громкие рыдания.

Ута тоже шагнула к белокурому воину. В глазах ее, светившихся состраданием, блестели слезы. Она не стала изъясняться жестами, просто взяла его руки в свои.

— Спасибо тебе, — прохрипел он срывающимся голосом.

Мэрик прощально кивнул Николасу. В глубине души он испытывал беспокойство оттого, что с ними не будет такого могучего воина, но разве было бы лучше потребовать, чтобы Николас вернулся и погиб где-нибудь на Глупых тропах? Или, что хуже, остался бы жив и до конца дней влачил одинокое существование? Сдается, Серым Стражам даже в мирное время не суждена благодатная кончина. Может, так оно даже лучше — самому выбрать, какой смертью умереть.

Эта мысль тяготила Мэрика, словно грозовая туча над головой, когда, оставив Николаса в хижине, они вышли во двор. Там, скрестив руки на груди, ждал их Дункан. Вид у него был скорее горестный, чем воинственный. Трудно, должно быть, понять подобный поступок, когда тебе самому до смерти еще так далеко. Может, даже и лучше, что Дункан этого не понимал.

Жюльен проводил их сумрачным взглядом и вернулся в хижину, к своему возлюбленному. Этому сну не суждено было закончиться и исчезнуть, и мысль об этом отчего-то принесла Мэрику смутное облегчение.

— Мы должны найти Женевьеву, — сказал Дункан.

Мэрик кивнул, и небольшой отряд торопливо зашагал вниз по холму, чтобы пуститься на поиски командора Серых Стражей.

Времени оставалось слишком мало.

Глава 13

Сделайте же, други мои, последний вдох,
Пройдите Завесу, Тень и все звезды в небе,
И упокойтесь одесную Создателя,
И обретите Прощение.

Песнь Испытаний, 1:16

Стражник с подозрением разглядывал чужаков через окошко в массивных воротах. На зубчатой стене над воротами висело полотнище с гербом — длиннорогий олень на черном фоне. Герба Дункан не распознал, но предположил, что он орлесианский. Эту догадку подтверждал акцент стражника.

— Милорд не велел впускать пришлых, — презрительно ухмыльнулся он.

Мэрик оглянулся на спутников в поисках поддержки и совета. Добрую половину дня они брели через болота, пока не увидели впереди форпост. Он возник из тумана, его растрескавшиеся каменные стены были увиты плющом и густо поросли бородами серого мха. Казалось, болота упорно стараются вытеснить постройку из своих владений, однако она держалась стойко.

За стенами был только донжон, окруженный небольшим внутренним двором — по прикидкам Келля, здесь могло бы разместиться не больше сотни солдат. Подобные форпосты империя возводила на границах, дабы не пропустить вторжение неприятеля, хотя вот уже много веков никаких нападений не случилось. В такие места удобно было высылать впавших в немилость аристократов, хотя многие дворяне относились к новой службе серьезно и стремились достойно исполнять ее. Они вершили суд в окрестных деревнях и старались очистить леса от разбойников и языческих шаек.

Этот форпост, однако, выглядел так, словно у него едва хватало сил выдержать натиск болот, и если в округе и были какие-то поселения, присутствие их никак не бросалось в глаза. То была промозглая и сырая глушь, где в изобилии водились змеи, и вряд ли у кого-то возникло бы желание обживать эти места.

Дункан лишь пожал плечами, Ута и Келль тоже не спешили выдвигать предложения. Мэрик вздохнул и повернулся к скучавшему у окошка стражнику:

— Мы разыскиваем своего друга. Это женщина.

Стражник искоса глянул на него:

— У нас тут ферелденцев не водится.

— Она не ферелденка. Она орлесианка, может быть, капитан стражи. Ее зовут Женевьева.

— Да ну? Не знаю я никаких Женевьев. И она уж точно не капитан стражи, разве что он, стоило мне на минутку отвернуться, поменял пол. Пошли вон отсюда!

Стражник уже собирался захлопнуть окошко, но тут из-за спины его донесся невнятный голос. Дункан напряг слух, однако не сумел разобрать ни слова. Стражник что-то буркнул в ответ и посмотрел на Мэрика:

— Вот мой друг говорит, будто так зовут новую жену сенешаля. Это, случаем, не она?

— Скорее всего.

— Так какое у вас к ней дело? Мы тут пришлых не очень-то жалуем. И никого не выпускаем, кроме как по приказу его милости. Так что ежели вы принесли какое-то послание — давайте мне и ступайте себе дальше.

Мэрик замешкался. Дункан явственно видел, как он лихорадочно соображает, что бы этакое придумать, — но все без толку. Обманщик из ферелденского короля был, похоже, никудышный. Впрочем, юношу это нисколько не удивляло.

— Передайте жене сенешаля, что ее хочет видеть брат, — сказал он.

Стражник прижался лицом к смотровому окошку, выпучивая глаза, чтобы лучше рассмотреть говорящего.

— Это ты, что ли, брат?

Дункана так и подмывало указать на Мэрика, но, судя по паническому выражению в глазах короля, ничего хорошего из этого не вышло бы. И очень жаль, потому что, если не считать Мэрика, за брата Женевьевы мог сойти только Келль, а он врать умел даже хуже, чем король.

— Я, — сказал он вслух, — сводный брат. Мое имя Бреган.

Стражник глубокомысленно пожевал нижнюю губу, вызываяще разглядывая смуглое лицо Дункана.

— Ладно, — проворчал он наконец, — поглядим, что она сама об этом скажет. А вы ждите здесь.

И окошко с громким стуком захлопнулось.

Мэрик нахмурился.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — прошептал он.

— У тебя есть получше?

Ута сделала какой-то сложный жест, обращаясь к Келлю, и охотник в ответ пожал плечами.

— Понятия не имею, кем может быть этот сенешаль, — добавил он вслух. — Я мало что знаю о нашем командоре помимо ее жизни в ордене.

Гномка кивнула, как бы подтверждая, что и ей известно не больше.

Они еще долго торчали в тумане у ворот, слушая, как вдалеке, на болотах, голосит неизвестная птица. Когда снова стукнуло смотровое окошко, все вздрогнули от неожиданности.

— Эй, ты! — проворчал стражник, глядя на Дункана. — Миледи сказала, что примет брата. Остальные могут подождать снаружи.

— Ты уверен, что стоит так поступить? — спросил Мэрик. — Мы ведь только...

— Это приказ сенешаля.

Стражник захлопнул окошко, и секунду спустя створки рот с надрывным скрипом приотворились. Внутренний двор, видневшийся за ними, был по большей части не замощен, возле кузницы росло одно-единственное дерево, замшелое и кривое. В конюшне, судя по всему, содержалась лишь пара лошадей, а самая истоптанная дорожка соединяла донжон с башней, стоявшей у ворот. По двору слонялись несколько солдат в мешковатых кольчужных доспехах с таким же гербом, как над воротами, — длиннорогий олень черном фоне.

Усталый стражник жестом велел Дункану проходить во двор, и тот волей-неволей подчинился. На ходу он перехватил взгляд Мэрика, в котором ясно читалось: “Теперь все зависит от тебя”. Замечательно. Просто чудненько. И когда только он научится держать язык за зубами?

Переминаясь в грязи, он дожидался, когда за его спиной закроют ворота. Наконец раздался оглушительный и бесповоротный грохот. Стражник подошел к Дункану и помахал товарищу, который торчал неподалеку. Этот стражник был очень молод, даже моложе Дункана, а его доспех, судя по всему, изготовили для какого-нибудь великана. Шлем все время сползал ему на глаза, и стражнику приходилось сдвигать его на затылок.

— Отведешь этого парня в покои сенешаля, — буркнул первый стражник. — И живо!

Молоденький стражник испуганно закивал и рысцой побежал к донжону. Он даже не оглянулся проверить, последовал ли за ним Дункан. Тот тяжело вздохнул и побежал следом.

Путь их пролегал под подъемной решеткой донжона, настолько заржавевшей, что, видимо, ею не пользовались уже много лет. Вдоль стены росли высокие камыши. Внутри было темно, зато все здесь выглядело куда опрятнее. Окна встречались редко, а низкие потолки нависали буквально над головой, однако молоденький стражник явно хорошо знал дорогу. Подгоняя Дункана, он пробежал мимо небольшого зала, заставленного столами и стульями, и свернул в узкий боковой коридор, который привел к длинной лестнице.

— Как называется этот форпост? — спросил Дункан, когда они поднимались по лестнице.

Юнец удивленно глянул на него:

— Ты разве не знаешь? Удавка.

— Это настоящее название?

— Нет, — хихикнул стражник. — Я и не помню, как это место зовется на карте. Даже его милость называет его Удавкой. Говорят, Нахашинские топи душат человека и вытягивают из него жизнь.

— Остроумно придумано.

Лестница вела на этаж, где, судя по всему, жили хозяин да с семьей, а также старшие чины. Из крохотной гостиной, застланной изящным антиванским ковром, несколько дверей вели в тесные покои. Девочка, сидевшая в углу гостиной, — рыжие косички, неказистое серое платье — уставилась на вошедших с любопытством, но молоденький стражник, словно не заметив ее, повел Дункана к одной из дверей.

За приоткрытыми дубовыми створками находилась еще одна комната, настолько тесная, что в ней едва было чем дышать. Почти все место в комнате занимали небольшой письменный стол и единственный стул. К стене были прислонены несколько мечей, на крюке, с грехом пополам освещая комнату, висел одинокий фонарь. В дальних стенах были еще две двери, но обе оказались закрыты.

— Когда закончите, сер, выходите на лестницу. Я буду ждать там. — С этими словами молоденький стражник развернулся на каблуках и непринужденно вышел.

Дункан огляделся. Ничто в этой комнате не напоминало ему о Женеьеве — разве что мечи. Если она тут не сенешаль, а только жена сенешаля, то как вообще она оказалась этом замке? По-прежнему ли она Серый Страж? Служила ли она в местном гарнизоне или же была телохранительницей у хозяина замка? Дункану трудно было представить, чтобы Женеьева с ее гордыней согласилась на такую незначительную должность, но, в конце концов, это же ее сон.

Одна из дверей распахнулась, и Дункан резко обернулся. Это была не Женеьева. В комнату вошел мужчина в пластинчатых доспехах, который неловко нес под мышкой сколько длинных свитков. У него были пронзительные синие глаза, черные волосы, тронутые сединой на висках и аккуратно подстриженная борода. Остановившись, он с любопытством разглядывал Дункана, и тот вдруг осознал, кто стоит перед ним.

Это был Гай. Серый Страж, которого он убил.

— Ты не Бреган, — вполне мирно, хотя и озадаченно проговорил хозяин замка. Шагнув к письменному столу, он вывалил свою ношу поверх уже валявшихся там бумаг. Несколько листов соскользнули со стола и лениво опустились на пол. Гай, задумчиво почесывая бородку, опять испытующе оглядел Дункана. — Я же приказал не приводить сюда чужих. Бреган же здесь, верно? Он что, не желает нас видеть?

Дункан открыл рот, попытался что-то сказать — и не смог. Если бы он раньше дал себе задуматься, то сообразил бы, что увидит здесь этого человека. Гай был нареченным Женеьевы. Ничего удивительного, что в ее самых заветных мечтах он был жив, а она стала его женой. Дункан, правда, почти ничего не знал об этом человеке. По вполне понятным причинам другие Серые Стражи не слишком охотно говорили про убитого с его убийцей. Правда, говорили о нем только хорошее; был он славный человек, Женеьеву знал с детства и

последовал за ней в орден. Вот и все, что Дункану было известно.

Молодой вор молчал, и удивление Гая возросло, а затем сменилось откровенной тревогой.

— Что-нибудь случилось? — спросил он, понижая голос. — Бреган... жив? С ним что-то произошло?

— Нет, он... у него все в порядке, — через силу выдавил Дункан.

— Вот как! — кивнул Гай и вновь воззрился на Дункана, ожидая более подробных объяснений. В этот миг отворилась другая дверь, и вошла женщина. На ней было длинное серое платье, белоснежно-седые волосы ниспадали ниже плеч.

Женщина была дородна, с добрым лицом и смешливыми морщинками в уголках губ и глаз, и Дункану пришлось взглянуть в нее как следует, прежде чем он осознал, что это Женестьева. Не воительница с коротко остриженными седыми волосами и жестким мужественным лицом, а обычная женщина, жена Гая.

Она приветственно улыбнулась Дункану, но, увидев, что тот потрясенно уставился на нее, приоткрыв рот, озадаченно взглянула на мужа.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Сам не понимаю. Мне сказали, что здесь твой брат, и я решил устроить тебе сюрприз, а потому ничего не сказал. Однако теперь я уже не знаю, что и думать.

— Бреган? — взволнованно воскликнула Женестьева и, просияв улыбкой, повернулась к Дункану. — Он и вправду здесь? Есть какие-то новости? Да говори же, говори! У меня уже целую вечность не было от него вестей!

Это добродушное воркование показалось Дункану дикостью. С тем же успехом Женестьева могла отрастить рога — он бы так же тарашился на нее, не в силах оторвать глаз. Однако от него ждали ответа, так что пришлось брать себя в руки.

— Мне... э-э... — он запнулся, — мне нужно поговорить с Женестьевой. С глазу на глаз.

Тревога мелькнула в ее глазах, и она быстро глянула на Гая.

— Стало быть, новости дурные, — мрачно сказал тот. — Мне, так или иначе, нужно поговорить с лордом Амброзом. Если я тебе понадобится, любовь моя, только крикни.

Он нежно поцеловал жену в лоб, однако Женестьева словно и не заметила этого — так напряженно она смотрела на Дункана. Гай напоследок настороженно покосился и вышел в гостиную, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Женщина неотрывно, со страхом смотрела на Дункана. Теперь, когда Гай ушел, ему стало неизмеримо легче, но как начать разговор, он понятия не имел.

— Ты не знаешь, да? — наконец спросил он, в глубине души лелея безумную надежду, что ошибается.

По крайней мере, взгляд ее стал еще напряженнее:

— Чего именно я не знаю?

— Что все это, — Дункан плавным жестом обвел комнату, — только сон. Ненастоящее.

Женестьева всматривалась в него, пытаясь осознать значение его слов, как будто ей самой это до сих пор в голову не приходило. Затем она нахмурилась:

— Ты это хотел мне сказать? Это что, шутка?

— Нет, не шутка. Меня зовут Дункан. Ты помнишь меня?

— Бреган хотя бы здесь? Ты хотя бы знаком с моим братом? — Женестьева сердитым шагом направилась к двери за спиной Дункана. — Вот что: я не намерена дольше терпеть эту чушь! Мой муж сгноит тебя в темнице!

— погоди! — Дункан схватил ее за плечо.

Женестьева рывком обернулась, и во взгляде ее был уже не испуг, а испепеляющий гнев.

— Скажи, что тебе не снилось, будто ты — воин! — почти взмолился он. — Что ты — Серый Страж, ты командуешь нашим отрядом, и то, что нам предстоит сделать, — это вопрос жизни и смерти!

— Это был только сон, — пробормотала Женестьева, однако сомнение в ее глазах противоречило словам. Она не оттолкнула руку Дункана.

— Ты уверена? Откуда же я тогда знаю, что тебе снилось именно это?

— Нет, это невозможно. — Женестьева покачала головой и, заметив наконец, что Дункан держит ее за плечо, решительно вырвалась. И, нервно ломая руки, отошла в другой конец комнаты. — Тот сон был просто ужасен! Это... это, верно, какой-нибудь ловкий трюк!

— Ты — командор Серых Стражей в Орлее. И это вовсе не трюк.

— Да я много лет не брала в руки меча! Когда я была еще молода, в нашу деревню как-то пришел Серый Страж, и он говорил, что ищет новобранцев, но я ему не подошла. Брат уговорил меня махнуть рукой на это дело. Так и было, я же ясно помню!

— Но это неправда.

— Нет, правда! — Женестьева в ярости погрозила ему кулаком, и в голосе ее зазвенело безумное отчаяние. — Мой брат — шевалье, генерал в армии императрицы! У него жена, сын! И он вовсе не так жалок и несчастен, каким был в моем сне!

— Он Серый Страж, как и ты. Вернее, был Серым Стражем. Мы разыскиваем его.

— Нет, нет, нет! — Женестьева отвернулась, схватившись за голову с таким видом, словно боялась, что она вот-вот взорвется. Дункан забеспокоился, что, быть может, перегнул палку. Но что ему еще делать? Нельзя же уйти и вернуться позже, чтобы дать Женестьеве время все обдумать. — Я виделась с братом только два месяца назад! Он привез с собой сына, и он так безумно счастлив!

Женестьева осеклась, потрясенная до глубины души, и, медленно повернувшись к Дункану, вперила в него опасно горящий взгляд.

— А как же Гай? Хочешь сказать, что его тоже не существует?

Дункан попятился. Он хорошо знал этот взгляд. Только эти горящие глаза и напоминали о той несгибаемой воительнице, которой на самом деле была эта полная добродушная женщина. К лучшему ли это? Дункан не знал.

— Гай... умер.

— Он жив! — стальным голосом возразила Женестьева. — Ты пытаешься отнять у меня мужа — единственное, ради чего мне стоит жить, что я ценю превыше всего на свете!

— Во все я не пытаюсь отнять у тебя мужа! — возмутился Дункан. — У тебя его просто нет!

— Потому что ты убил его! — взревела Женестьева, и лицо ее вспыхнуло от ярости.

Стиснув кулаки, она рванулась было к Дункану, но тут же остановилась. Ее трясло от бешенства, но в глазах что-то дрогнуло — она с ужасом осознала, что сказала.

— И откуда бы тебе это знать, — медленно проговорил Дункан, — если только ты не помнишь, кто я такой? — Он осторожно двинулся к Женестьеве. — А ведь ты меня помнишь, верно? Ты просто не хочешь этого признавать.

С яростным воплем Женестьева метнулась через комнату, схватила один из мечей, прислоненных к стене, и развернулась к Дункану. Он прочел в ее глазах смертный приговор. Первый выпад ему удалось отразить кинжалом, но второй едва не выбил у него оружие. Женщина, которая много лет не брала в руки меча, не могла так сражаться — ему противостояла воительница, закаленная в боях.

— Прекрати! — крикнул Дункан, но Женестьева лишь удвоила натиск.

С искаженным от ярости лицом она наносила мощные удары, вынуждая Дункана отступать, пока он едва не споткнулся. В тесноте этой комнаты кинжалами орудовать было проще, чем мечом, но Дункан не хотел ранить женщину. Правда, он и собственную кожу предпочел бы сохранить целой и невредимой.

Он нанес удар по руке, в которой Женестьева сжимала меч, надеясь обезоружить ее, однако командор оказалась чересчур проворна. Крутнувшись, она отбила кинжал, а затем прижала Дункана к стене и приставила острейший клинок к его горлу. Юноша чувствовал, как острая сталь прорезает кожу. Задохнувшись от боли, он до предела откинул голову назад и старался даже не сглотнуть.

Седовласая женщина холодно смотрела ему в глаза. Вот теперь это, несмотря на внешность, была та самая Женестьева, которую Дункан так хорошо знал. Она могла бы

перерезать ему горло в мгновение ока, и он никак не сумел бы ей помешать. Можно ли убить его в Тени? Значит ли это, что его тело в реальном мире умрет? Капля пота катилась по лбу, мгновение растянулось до бесконечности.

Наконец Женестьева чуть отвела меч. Дункан выдохнул и судорожно сглотнул.

— Назови хоть одну причину оставить тебя в живых, — жестко проговорила она.

— Ты наш командор! Ты нужна нам!

— Это хорошая жизнь, — проговорила Женестьева негромким, твердым как сталь голосом. — Бреган счастлив. Я счастлива. Гай жив. И что самое главное — я не имею и никогда не имела никакого касательства к Серым Стражам. Особенно к мелким паршивым ублюдкам вроде тебя.

Ее последние слова словно хлестнули Дункана наотмашь. Не в силах ничего ответить, он лишь потрясенно уставился на Женестьеву.

— А ты как думал? — процедила она. — Что я взяла в орден убийцу своего возлюбленного затем, чтобы его вознаградить? Это было наказание. Я хотела стать Серым Стражем, но брат превратил мою службу в жалкое прозябание. Он ненавидел орден, и я, зная, что он пошел в Серые Стражи ради меня, тоже возненавидела. Ты отнял у меня то единственное, что помогало мне обо всем этом забыть.

— Мне жаль...

— Нет, это мне жаль! — Женестьева заскрежетала зубами, от гнева дрожа всем телом. — Я была так уверена, что ты издохнешь на Посвящении, едва попробуешь на вкус то, через что нам всем довелось пройти, и этого глотка тебе хватит, чтобы захлебнуться насмерть... но ты выжил. Создатель снова жестоко посмеялся надо мной.

— Но я думал...

— Ты доказал, что можешь быть полезен, — ледяным тоном перебила она. — Ты обладаешь определенными навыками и умеешь добиваться своего. Из тебя вышел отменный Серый Страж. — Женщина презрительно усмехнулась. — Поздравляю.

Еще мгновение они молча смотрели друг на друга, а затем Женестьева резко отстранилась.

— Уходи! — бросила она. — Вернись ко всем остальным — и убирайтесь отсюда. Никто меня отсюда не вытащит. Ни ты, ни кто другой.

Дункан бессильно соскользнул на пол, кашляя, задыхаясь и хватаясь за горло. Он чувствовал, как из неглубокого пореза течет кровь. Женестьева отступила на шаг, не сводя с юноши горящих ненавистью глаз, а он только и мог, что в ответ отупело таращиться на нее.

Неужели она говорит правду? Дункан ломал над этим голову с самого начала. У него и в мыслях не было, что Женестьева после всего им совершенного может питать к нему теплые чувства, но чтобы так его ненавидеть? Почему, в таком случае она держала Дункана при себе? Почему, едва став командором, не отослала его в какую-нибудь другую крепость Серых Стражей? Это было в ее власти.

— Я тебе не верю, — твердо сказал он вслух.

Женщина уничижительно фыркнула:

— И что же, по-твоему, правда?

— То, что ты на такое не способна. Я уважаю тебя. Ты спасла меня из тюрьмы, и я знаю: ты поступила так потому, что считала это правильным. Думаю, ты просто пытаешься сделать так, чтобы я ушел.

Женестьева вздохнула, и яростная гримаса, искажавшая ее лицо, разгладилась.

— Так уйди.

— То есть ты хочешь тут остаться? Жить во лжи?

— Правдой я сыта по горло.

Дункан медленно кивнул, потирая шею, затем осторожно прокашлялся. Ощущения были такие, словно ему раздавили гортань.

— Стало быть, ты хочешь сдаться. Как Николас.

Женестьева нахмурилась, положила меч на стол, поверх свитков и бумаг. Несколько

листов соскользнули на пол. Она подняла взгляд на Дункана:

— Что значит “как Николас”? Что он сделал?

— Он остался с Жюльеном. Отказался уйти с нами. Предпочел остаться в Тени и умереть.

Печаль мимолетной тенью промелькнула во взгляде Женевьевы, и она опустила глаза.

— Что ж, если он так хочет — пусть у него будет хотя бы это.

— Ты и вправду так думаешь?

— Почему бы и нет? — огрызнулась она. — Разве было бы лучше, если бы он вернулся в реальный мир? Разве это такое преступление — хотеть остаться с любимым? Так пусть Николас останется с Жюльеном. Пусть оба они обретут мир.

— Но тот, с кем он остался, — не Жюльен.

— А почему тебе это знать? Говорят, духи умерших проходят через Тень. Я верю, что дух Жюльена остался бы с Николасом, если бы они встретились здесь, в Тени.

Дункан помолчал.

— Ты думаешь, что Гай — тоже дух?

Женевьева устремила взгляд на дверь, как будто могла хоть что-то рассмотреть сквозь нее. В глазах ее была тоска. Безнадежное желание вернуть то, от чего она отказалась много лет назад. Затем по лицу ее прошла тень, и Дункан понял, какой ответ он услышит.

— Нет, — с горечью сказала Женевьева.

Наступило неловкое молчание. Дункан поднялся с пола, а она все стояла, не двигаясь с места и подчеркнуто не глядя в его сторону. Голова склонилась, губы искривила горькая гримаса. Эту сцену прервал стук распахнувшейся двери, и в комнату ворвался Гай.

— Что здесь происходит? — резко спросил он, с тревогой глянув вначале на Дункана, потом на свою жену. — Мне сказали, что отсюда были слышны крики. Вы дрались?

— Ничего здесь не происходит, — ровным, безжизненным голосом сказала Женевьева. На Гая она тоже не смотрела.

Взгляд его упал на меч, лежавший поперек стола, и он поджал губы. Затем с подозрением покосился на Дункана.

— Ты уверена? — спросил он. — Я могу приказать, чтобы этого юнца выставили за ворота; незачем ему тебя огорчать, любовь моя.

— Не надо, — сказала она.

И умолкла, упорно глядя себе под ноги. Дункан не знал, как ему поступить. Может, уйти? Может, Женевьева теперь и видеть его не хочет? Гай искоса глянул на него, и в этом взгляде смешались растерянность и недоумение. Подобно Дункану, он тоже не знал, что делать, но явно чувствовал неладное.

Придвинувшись к Женевьеве, он положил руку на плечи и дождался, пока женщина поднимет на него взгляд. Глаза ее покраснели от слез.

— Что случилось, любовь моя? — с мольбой в голосе проговорил он. — Расскажи, не скрывай.

— Я должна уйти.

— Уйти?! Куда? И когда ты вернешься?

Женевьева смахнула слезы с глаз и стиснула зубы. Прижав ладонь к щеке Гая, она всмотрелась в его лицо так пристально, словно хотела навсегда запечатлеть в памяти каждую черточку. А затем нежно, очень нежно поцеловала его в губы. Гай недоуменно сдвинул брови.

— Скоро, — прошептала Женевьева, — надеюсь, что скоро.

И в это мгновение донжон, посреди которого они стояли, исчез. Дункан, застигнутый этим событием врасплох, едва не упал, когда стена, на которую он опирался, растаяла в воздухе. Они находились на каменистой равнине, и над головой простирались бесконечные небеса Тени. Женевьева была облачена в массивные доспехи и тунику Серого Стража, белоснежно-седые волосы снова были коротко подстрижены. Стискивая зубы, она упорно смотрела себе под ноги и не двигалась с места.

К ним уже бежал Мэрик, а за ним — Ута и Келль.

— Ты победил! — крикнул он, приблизившись.

— Да, наверное, — пробормотал Дункан.

Он не спускал глаз с Женеьевы и видел, как она закрыла глаза, собирая волю в кулак. К ней вернулась прежняя жесткость, хотя, пожалуй, она до конца и не исчезала, верно?

За спиной Уты и Келля к ним медленно приближалась уже знакомая Дункану золотоволосая эльфийка — Катриэль. Мэрик увидел ее в ту же минуту и замер, оцепенев. Заметила незнакомку и Женеьева. В глазах ее мелькнула тревога, и она потянула из ножен меч.

— Погоди! — воскликнул Мэрик, вскинув руку, чтобы остановить ее.

Женеьева не опустила меч.

— С какой стати? Кто это такая?

— Женщина, которую я... когда-то знал.

— Стало быть, демон!

И она бросилась на Катриэль. Та не тронулась с места, словно не замечая опасности. Она неотрывно смотрела на Мэрика, и в ее зеленых глазах была бесконечная печаль. Эльфийка являлась к ним всякий раз, когда они выходили из очередного сна, и всякий раз ее взгляд становился все печальнее и безнадежнее. То же самое происходило и с Мэриком. Дункан явственно видел, как сердце короля рвется на части, когда он смотрит на Катриэль.

Сейчас Мэрик бросился за Женеьевой и нагнал ее в тот самый миг, когда она добежала до эльфийки. Вцепившись в доспехи, он оттащил Женеьеву назад, хотя сделать это было нелегко. Ута и Келль смотрели на них с тревогой, но не вмешивались.

— Перестань! Она может нам помочь! — выкрикнул Мэрик.

Женеьева поглядела на него как на сумасшедшего.

— Помочь? Демон?

Мэрик смешался и бросил горестный взгляд на Катриэль. Эльфийка все так же неотрывно смотрела на него — и ничего более. Женеьева, неодобрительно хмурясь, отступила на шаг, однако меч держала наготове. Мэрик шагнул вплотную к эльфийке, терзаясь волнением и страхом.

— Ты сможешь нам сразиться с демоном? — тихо спросил он.

Катриэль печально глядела на него.

— Нет, — сказала она. — И тебе тоже не следует с ним сражаться.

— Почему?

— Потому что я люблю тебя.

Мэрик отпрянул, уязвленный ее словами в самое сердце, и тогда Катриэль бросилась к нему. По лицу ее потекли слезы, в глазах вспыхнул лихорадочный огонь.

— Мэрик, демон убьет тебя! Не иди на смерть ради долга! О, почему всегда одно и то же — долг, долг?..

— Я обещал, — пробормотал Мэрик.

Он попытался отвести взгляд, но эльфийка обеими руками обхватила его подбородок, повернула голову, вынуждая смотреть на нее, и слезы еще обильнее хлынули из ее глаз. Мэрик сопротивлялся, но слабо, и, когда наконец Катриэль заглянула в глаза королю, по его щеке поползла предательская капля.

— Пусть они сами идут сражаться с демоном! — жарко прошептала Катриэль. Голос ее дрожал и срывался от нахлынувших чувств. — Разве мало ты до сих пор жертвовал собой?

— Я должен спасти Фиону.

— Не только она нуждается в спасении! Есть и другие пойманные Тенью, живущие в бесконечном сне. — Катриэль не сводила с него глаз, и во взгляде ее была отчаянная мольба.

— Мэрик, здесь твоя мать. Мы могли бы вместе спасти ее. Пожалуйста... не уходи!

Мэрик вздрогнул, как от удара плетью, безмерная боль исказила его лицо, однако он не отвел взгляда. Несколько мгновений оба молчали, и эти мгновения длились вечность, потом на лице Катриэль отразилась покорность, и эльфийка обреченно кивнула. Лицо ее было

залито слезами. Дункану стало неловко, словно он подсматривал, и даже Женевьева, недовольно морщась, отвернулась.

— Да, — прошептала эльфийка. — Я понимаю.

— Если бы только я мог попросить, чтобы ты простила меня!

Катриэль протянула руку и нежно, с печальной улыбкой отвела с его лба непокорную прядь волос.

— Прости себя сам, — проговорила она. — И забудь меня.

С этими словами эльфийка повернулась и пошла прочь.

Мэрик не двинулся с места, лишь глядел ей вслед. Лицо его было спокойно, почти безмятежно, а почему — Дункан не знал.

Эта сцена пробудила в нем сомнения. Может быть, в Тени и впрямь есть добрые духи, а не только демоны? Может, призраки и вправду существуют? Может, Создатель и в самом деле оберегает Своих детей и приходит на помощь тем из них, кто отчаяннее всего в этой помощи нуждается?

А может, все, что сейчас произошло, — лишь последняя попытка увлечь Мэрика.

Дункан вдруг испытал безмерную радость оттого, что им предстоит сразиться с демоном. Вырваться отсюда или погибнуть — ничего другого ему не надо. Он сыт по горло кошмарами.

Они вошли в эльфинаж — огороженную стенами часть большого города. Жалкие лачуги теснились, прилепившись друг к другу, а порой даже заползая на крышу соседнего строения. Это была беспорядочная мешанина нищих жилищ и замызганных лавчонок, поперек улочек были натянуты бельевые веревки — порой в два, а то и в три ряда. Мостовой не было, и улица тонула в грязи, на дорожках стояли затхлые лужи, воняло испражнениями. Единственным ярким пятном во всем квартале была центральная площадь, над которой широко простирал могучие ветви ухоженный дуб, и его буйная зеленая листва смыкалась в полог, под которым земля оставалась на диво сухой. Здесь был выстроен дощатый помост, обрамленный шестью, на которых голубели нарядные гирлянды. Дункану представилось, что здесь, наверное, устраиваются праздники, пусть даже сейчас запыленный помост был совершенно пуст.

Самое странное, мысленно отметил он, что во всем эльфинаже нет ни живой души. На улице не видно прохожих, ни один эльф не выглядывает из окна или из дверного проема. В небе клубились черные тучи, надвигался дождь, однако никто не спешил снять с веревок свежевывстиранное белье. Ставни окон размеренно брякали на ветру. Казалось, весь квартал в одночасье превратился в пустыню.

Дункан вытащил кинжалы. В тишине, царившей вокруг, была недобрая странность, от которой у него мурашки ползли по коже.

Ута, прищурившись, огляделась по сторонам и быстро жестикулировала, обращаясь к Келлю.

— Ты права, — пробормотал он. — Этот сон совсем не похож на другие, и не только потому, что здесь нет ни души.

Дункан мысленно признал его правоту. В этом месте его те обрело странную ясность, и потому все окружающее казалось самую чуточку ненастоящим — словно он смотрел на мир сквозь стекло. Даже небо здесь было совершенно безжизненное, пасмурные тучи заволокли его сплошь, из конца в конец. Дункану даже хотелось, чтобы эти тучи разошлись, открыв обычное небо Тени с его летающими островами.

— Тогда где же мы найдем демона? — спросил Мэрик.

На этот вопрос никто ответить не мог. Чугунные ворота на выходе из эльфинажа были заперты. Массивные основные створки были сделаны почти сплошными, как будто эльфам не позволялось даже через щелку заглядывать в город, где все жили лучше, чем они.

Не то чтобы труппы Вал Руайо выглядели намного не этого места, размышлял Дункан, однако и то, что они, немного отличались в лучшую сторону, уже было ужасно.

Эльфинаж походил на огромную свалку, как будто жители его были отбросами, от которых брезгливо избавился город. Эльфы явно старались как могли украсить место его обитания, однако даже самый незадачливый воришка из тех, с кем Дункану довелось столкнуться в трущобах, отвернулся бы с праведным негодованием, если бы ему предложили поселиться здесь.

Понемногу изучая окрестности, Дункан заметил, что заперты не только ворота эльфинажа, но и все двери. Все, кроме одной. Дверь безобидного с виду строения на другой стороне площади была распахнута, словно их приглашали войти.

— Глядите-ка, — показал на нее Дункан.

Путники посмотрели на дверь и остановились.

— Как-то уж слишком кстати, — пробормотала Женестьева.

Никто ей не возразил, однако весь отряд молча двинулся через площадь к распахнутой двери.

— Там будет Фиона? — шепотом спросил Мэрик. — Или только демон?

— Не знаю, — отозвался Келль.

Женестьева подала Стражам знак разделиться. Келль и Ута обогнули громадный дуб с одной стороны, Женестьева и Дункан двинулись с другой. Мэрик последовал за ними. Они шли молча, и слышен был только свист ветра над головой.

Когда отряд, бесшумно ступая, вошел в дом, Дункан остановился. Прихожая оказалась совсем не такой, как он ожидал. Прежде всего, она была гораздо просторнее и стены были оклеены тончайшей бумагой — Дункану уже доводилось видеть такое в домах настоящих богачей. Бумагу покрывал узор — крохотные розочки, выраставшие из лозы, которая поднималась к белоснежному, заостренному посредине куполу. Полы из темного, гладко отполированного дерева были такие чистые, хоть накрывай на них обед.

— Это не может быть тот самый дом, — пробормотал Дункан.

Теперь и все остальные озирались, крепче сжимая оружие.

— Но мы вошли в дверь, верно? — прошептал Мэрик. — Где еще мы можем быть?

— Нас заманивают, — объявила Женестьева. — Это ловушка.

— А разве у нас есть выбор?

На это она ничего не смогла ответить. После минутной заминки отряд двинулся дальше. Теперь уже было очевидно, что они оказались в особняке, богатом жилище орлесианского аристократа. Они миновали роскошно обставленную гостиную, коридор, который вел, судя по всему, в помещения слуг, и даже оранжерею с побеленными дверьми, которые открывались в цветущий, залитый солнцем сад.

Все здесь, как в эльфинаже, казалось чуточку ненастоящим, и оттого возникало ощущение, что что-то неладно. Дункан заметил, что и в особняке нет ни единой живой души. В коридорах на каждом шагу должны были бы встречаться слуги и стражники, челядь должна была бы деловито сновать по всему дому — и тем не менее единственным обитателем этих стен оставалась тишина.

— Слышите? — негромко спросил Келль.

Отряд остановился посреди коридора. Дункан склонил голову к плечу — и едва уловил слабый женский крик. Вполне вероятно, что кричала Фиона, но наверняка сказать было невозможно — звук доносился издалека, и, не будь здесь так тихо, они бы его и не расслышали. Отряд двинулся дальше, и Келль шел первым, стараясь понять, откуда доносится крик. Они прошли через просторный внутренний двор, усаженный зелеными кустами; над фонтаном высилось мраморное изваяние Андрасте. Келль открыл раздвижное окно, и путники забрались на кухню. В этом просторном помещении толпились бы слуги, которые торопились бы допечь хлеб и завершить вечернюю трапезу, но сейчас тут не было никого. Не было даже привычных запахов — словно кухней не пользовались уже много лет. Крики и рыдания женщины стали, однако, заметно громче, и, когда Келль провел всех остальных в дальнюю часть помещения, они обнаружили узкую лестницу, которая уводила вниз, в темноту.

Крики доносились именно оттуда.

— Спустимся? — спросил Мэрик, не обращая ни к кому в отдельности.

Ответа не последовало. У них не было иного способа вернуться в мир живых, освободиться от неведомого заклятия, которое наложил на них демон. Если это и вправду ловушка, стало быть, придется войти в нее, полностью сознавая все последствия и надеясь, что им все же удастся обнаружить выход.

Отряд гуськом спускался по лестнице, и Дункану с каждым шагом становилось все страшнее. Ступеньки зловеще поскрипывали, и воздух с каждой минутой пронзительно холодел. Сердце Дункана лихорадочно стучало, и он вынужден был заставлять себя двигаться дальше. Стены, окружавшие их, изменялись, превращались в природный камень. Отряд оказался в сырой пещере, и женские крики звучали далеко впереди, эхом разносясь над лужами загнившей воды.

На самом деле это вовсе не пещера, подумал Дункан. Это воспоминание о некоем месте, настолько ужасном, что памяти Фионы здесь царит безмерный страх. Он чувствовал, как этот страх проникает в него, и знал, что то же самое ощущают все остальные. Обливаясь потом, с широко раскрытыми глазами они медленно продвигались вперед в темноте. Фионе не довелось попасть в сон, где сбывались ее заветные мечты, — она угодила в свой самый страшный кошмар.

Впереди замаячил слабый свет, огромная пещера плавно перешла в другую, поменьше. Здесь было пусто, только посередине стоял чугунный канделябр, и от зыбкого пламени свечей на каменном полу плясали тени. Спinoй к вошедшим стоял мужчина с седыми волосами, стянутыми на затылке в элегантный хвост. На нем были бархатный вышитый жилет и высокие кожаные сапоги — типичная одежда орлесианского аристократа; в руке он держал свернутый ременной хлыст.

Для чего он нужен, стало ясно сразу. На каменном полу ничком, ногами к входу лежала Фиона; руки ее, поднятые над головой, были прикованы к стене. Магичка бессильно свесила голову, мантия на спине была распорота ударами хлыста, обнаженная кожа залита кровью. Дункан решил бы, что она мертва, если бы не видел, как вздрагивают ее плечи, и не слышал судорожных рыданий.

— И ты полагала, что я позволю Церкви забрать тебя? — насмешливо говорил аристократ, возвышаясь над избитой Фионой. — Уволочь тебя в Круг магов? Ха!

— Простите, хозяин! — взмолилась Фиона.

Голова ее свесилась еще ниже. Говорила она хриплым шепотом и при этом непрестанно всхлипывала.

— Помни, что у меня есть связи! Я могу сделать так, что они и думать забудут о какой-то эльфийской шлюшке! Маг, который тебя обнаружил, ошибся — и дело с концом!

— Да, хозяин...

— Я ведь тебя держу не ради каких-то там мерзких магических фокусов, верно?

— Да, хозяин...

Хотя Дункан не видел лица аристократа, ясно было, что он вне себя от бешенства. Встряхнув рукой, он развернул ременной хлыст и звучно им щелкнул.

— Ты меня не слушаешь, глупая девчонка! Довольно с меня твоего нахальства! Довольно! — С этими словами он высоко занес хлыст, готовясь снова ударить Фиону.

— Прекрати! — властно крикнула Женестьева.

Настороженно выставив перед собой меч, она первой шагнула в малую пещеру. Все прочие последовали за ней и рассыпались, стараясь держаться подальше от аристократа. Пока неизвестно было, чего от него можно ожидать.

Мужчина замер, так и не опустив хлыста, и медленно повернулся к вошедшим. Он был вызывающе красив. Глаза его, по орлесианской моде, были подведены сурьмой, однако куда больше привлекало внимание то, что они отливали зловещим пурпурным цветом. Аристократ расплылся в улыбке, словно был чрезвычайно доволен увиденным.

— А! Наконец-то они явились! Что, нашли способ выбраться из своих снов? Что ж,

швыряйтесь щедрыми дарами, коли так охота, — новых вы уже не получите.

— Нам не нужны твои дары, — глухо, с угрозой в голосе проговорила Женестьева и наставила на него меч. — Отпусти Фиону и освободи всех нас. Слышишь?

Аристократ легкомысленно рассмеялся:

— Отпустить мою бесценную девочку? Вот уж нет! Я честно заплатил за нее! Я ее столько лет растил и воспитывал и не намерен пускать на ветер свои труды!

— Мы знаем, кто ты такой. Можешь не притворяться.

Демон укоризненно поцокал языком:

— Думаете, вы и вправду здесь? Думаете, все то оружие, которое вы на меня наставили, — настоящее? Кто здесь, по-вашему, заурядный сновидец, а кто — подлинный хозяин эго царства?

Он взмахнул рукой — и толчок чудовищной силы отшвырнул Женестьеву назад. Ударившись со всей силы о стену пещеры, командор громко застонала, и меч ее, выпав, лягнул о каменный пол. Демон, ухмыляясь, вскинул руку — Женестьева поднялась в воздух, словно невидимые, но сильные пальцы сдавили ее шею. Она так и повисла в пустоте, болтая ногами, хватаясь за горло и задыхаясь.

Келль пустил стрелу, и она воткнулась в шею аристократа, не причинив ему ни малейшего вреда. Ута бросилась на демона, за ней с высоко занесенным мечом последовал Мэрик, однако противник лишь небрежно взмахнул другой рукой — и они покатались по полу. Келль выстрелил еще дважды и, видя, что стрелы не наносят демону никакого ущерба, сдернул с пояса кистень и бросился в атаку.

— Ну это уж и вовсе глупо, — сухо заметил демон.

Одной рукой по-прежнему прижимая к стене Женестьеву, он махнул другой рукой в сторону охотника — и тот, мгновенно отлетев прочь, грянулся о каменный пол.

Дункан, сжимавший в руках кинжалы, пока не спешил вступать в бой. Вначале он собирался зайти сзади и ударить в спину, но, увидев, как бесполезны оказались все попытки атаковать демона, решил, что и от этого замысла вряд ли будет прок. Тогда он украдкой подобрался ближе к Фионе и осторожно тронул ее за плечо:

— Как ты?

Магичка медленно подняла голову, и он сообразил, что вопрос был дурацкий. Исхлестанную спину эльфийки заливала кровь, и, когда она вопросительно глянула на Дункана покрасневшими от слез глазами, по ее заплаканному лицу он понял: она понятия не имеет, кто он такой.

— Дай-ка я попробую снять эти кандалы.

Дункан взял ее руки в свои, мельком заметив, что запястья Фионы вспухли и покраснели, натертые тяжелыми железными браслетами. Похоже, справиться будет просто. Дункан сунул руку за пояс и достал спрятанную в потайном месте отмычку.

— Прочь от нее! — взревел демон.

Развернувшись к Дункану, он выбросил вперед руку, и паренька отшвырнуло от Фионы. Проехав несколько шагов по полу, он ударился головой о каменный выступ и взвыл от боли. Полуоглушенный, юноша попытался сесть, и до слуха его донеслись крики — это Женестьева и прочие его спутники снова бросились в атаку на демона. Может быть, ему все-таки удалось успешно отвлечь эту тварь? Мысль была утешительная.

Дункан поднялся на ноги как раз в ту минуту, когда двуручный меч Женестьевы вонзился в солнечное сплетение врага. Клинок без труда прошел насквозь, не пролив ни капли крови, и демон почти разочарованно глянул на женщину:

— Нет, это и в самом деле все, на что ты способна? Неужели такие жалкие потуги могут произвести на меня впечатление?

Рука его рванулась вперед так стремительно, что Женестьева не успела увернуться, и, стиснув горло, легко оторвало ее от земли.

Командор задыхалась и барахталась, безуспешно пытаясь вырваться.

— Видишь? — хихикнул демон. — Я могу проделать это и старым испытанным

способом. Как только ваши силы окончательно истощатся в бессмысленной борьбе, вы все тихо и мирно испустите дух. Оставлять вас про запас было, похоже, ни к чему.

Неподалеку распластался на полу потерявший сознание Келль. Уты нигде не было видно. Мэрик стоял возле демона и с явным трудом заносил рунный меч для очередного удара.

— Мэрик, не надо! — пронзительно крикнул Дункан.

Демон повернул голову и, заметив короля, ухватил того за горло точно так же, как Женевьеву. Мэрик громко вскрикнул и, повиснув в пустоте, отчаянно замахал мечом, пытаясь достать тварь. Проку от этого было мало — ему удалось только распороть в нескольких местах вышитый жилет.

Демон-аристократ покосился на эти разрезы, и его лиловые глаза опасно вспыхнули.

— Вот за это ты мне заплатишь!

Не отпуская Женевьевы, он другой рукой принялся все сильнее сжимать горло Мэрика. Раздался зловещий чмокающий хруст, и Мэрик гортанно зарычал от невыносимой боли. Эхо его крика заметалось по пещере.

И словно в ответ ему вдруг раздался другой крик — дикий, животный вопль боли и ярости. Это кричала Фиона. Эльфийка поднялась с пола словно безумная, дрожа от натуги всем телом, глаза ее горели, и вокруг сжатых кулаков горел ослепительный ореол магической силы. Демон на миг замешкался, с любопытством оглянувшись на нее, — и в этот миг Фиона швырнула в него громадный сгусток молний.

Вспышка ослепила Дункана, а гром, последовавший за ней, едва не сбил с ног. Шатаясь, он привалился спиной к стене и, когда открыл глаза, увидел, что Фиона, истощенная этим взрывом энергии, упала на колени. Демон, выронив Женевьеву и Мэрика, распростерся на полу. Жилет его сгорел дотла, и на обнаженной груди дымился след удара. Судя по всему, демон был оглушен.

Дункан не мог не воспользоваться этим случаем. Очертя голову он ринулся вперед, подпрыгнул и приземлился на выбитого из колеи демона. “Поглядим, как тебе понравится вот это!” Приземлившись, Дункан в тот же миг вонзил оба кинжала в голову, и они бескровно вошли в глаза твари.

Демон взревел от боли, ослепленный, замахал наугад руками. Неведомая сила ухватила Дункана поперек и подбросила высоко в воздух. Он ударился о свод пещеры, и тут же словно исполинская рука припечатала его к камню, сдавила, не давая вздохнуть.

— Это было глупо, малявка, очень глупо! — прорычал демон-аристократ, выдернув из глаза кинжал. Лиловое свечение в этом глазу стало болезненно ярким, словно сочилось из неведомой трещины. Демон повернулся к Фионе, и лицо его исказилось жуткой, нечеловеческой гримасой.

— Хочешь поиграть, детка? Соскучилась по хлысту? И когда только ты поумнеешь?

— Никогда! — выкрикнула Фиона. Она снова поднялась на ноги, настолько ослабевшая, что дрожала всем телом, лицо ее превратилось в маску безграничной ненависти. — Никогда больше ты меня не тронешь! Никогда!

— Посмотрим! — процедил он.

Вокруг его руки возникло пламя — черное, пронизавшее воздух таким лютым холодом, что Дункан содрогнулся. Демон протянул руку к Фионе, черное пламя вокруг его пальцев разрасталось все сильнее. Эльфийка, не дрогнув, все с той же ненавистью смотрела на своего мучителя.

Однако, прежде чем демон успел нанести удар, Дункан увидел, как за спиной у него поднимается окровавленный Мэрик. Король взмахнул рунным мечом и одним ударом снес демону голову.

Они проснулись.

Дункан поднялся со стылого каменного пола гномьих руин. Вокруг все так же лежали груды скелетов. Он увидел останки правителя гномов — того самого, кем некогда завладел

демон. Теперь скелет распластался на троне, словно никогда и не приходил в движение. Мертвое опять стало просто мертвым, и Дункан смотрел, как кости гномьего правителя крошатся, на глазах рассыпаясь в прах. Какая бы магия ни сохраняла их целостность, ныне она бесследно исчезла. Через считанные секунды на троне осталась только горстка праха.

Зловещая аура, что еще недавно окутывала зал, рассеялась. Дункан слышал, как шевелятся, просыпаясь, его спутники, видел, как на возвышении приходит в себя Мэрик. Совсем рядом с Дунканом пошевелилась Фиона. Дункан увидел, что к ней вернулся обычный облик, и от ран, которые были нанесены ей в Тени, не осталось ни следа. То же относилось к каждому из них.

Фиона глядела на свои руки, с трудом веря глазам:

— Это... это реальный мир? Я жива?

— Мы все живы, — с ухмылкой сообщил ей Дункан.

Эльфийка подалась к нему, стиснула в объятиях, плача от изнеможения и радости, и Дункан тоже обнял ее. Он и представить не мог, через что ей довелось пройти. Да и не хотел представлять. С него достаточно было и того, что он помнил собственное прошлое.

Проснулись, однако, не все. Один за другим приходили они в себя, но Николас так и лежал, распростершись на полу, там, куда швырнул его удар демона, — безгласный и бездыханный, как окружавшие его древние мертвецы.

В душе Дункан надеялся, что где бы сейчас ни пребывал белокурый воин, сон его благополучно длится и он обрел покой, которого так отчаянно желал. Пусть хотя бы из них обретет покой.

Глава 14

И когда снизошли на них черные тучи,
Взглянули они на то, что натворила Гордыня,
И впали в отчаянье.

Погребальные Песни, 7:10

Фиона испытала безмерное облегчение, когда они наконец-то покинули руины дворца. Отряд, по сути, бежал оттуда после того, как Келль воссоединился с Кромсаем. Пес то и дело принимался лаять на хозяина, словно выговаривал за то, что все остальные так надолго покидали его. Фиона не знала, спал ли пес, был ли он, как и все они, где-то в Тени. Собакам ведь снятся сны, правда? Как бы то ни было, Кромсай явно не находил себе места от радости, да и Келль тоже. Охотник почти ничего не говорил, только гладил пса по голове и печально улыбался.

Тело Николаса они взяли с собой. Казалось неправильным бросить его среди древних гномов, умерших такой страшной смертью. Келль и Мэрик несли его, не обменявшись за всю дорогу ни единым словом; Женестьева шла впереди. Фиона брела вслед за ними, обхватив себя руками за плечи и пытаясь хоть немного согреться. Она никак не могла унять дрожь. Чем чаще она вспоминала пережитый кошмар, тем сильнее пробирал ее холод.

Николаса положили возле руин дворца, у подножия громадной лестницы. Немало времени ушло у них, чтобы набрать каменных обломков и не только присыпать тело, но и возвести нечто вроде могильного кургана. Женестьева набросила на верх кургана свой черный плащ, а потом они долго стояли вокруг могилы, скорбно опустив головы. Пещера внесла в эту церемонию только одно — гнетущее безмолвие.

— Нехорошо, что мы не похоронили его как подобает, — пробормотала Фиона.

— Это был его выбор, — отрезала Женестьева.

Фионе на эти слова возразить было нечего, да и всем остальным тоже. Не могли же они проделать долгий обратный путь к подземному озеру, чтобы Николас покоился рядом со

своим возлюбленным. Мысль, конечно, была привлекательная, но все хорошо понимали, что это невозможно. Порождения тьмы нагонят их гораздо раньше. И тогда все будет кончено.

Фионе казалось, что им стоило бы кое-что обсудить. Поговорить о том, куда их завели поиски, а также о том, они идут сейчас. Фиона ощущала потребность осознать то, что с ними произошло, пусть даже ее собственный разум противился изо всех сил. Всякий раз, когда она вспоминала, как врезался в ее спину хлыст, мысли ее тотчас с ужасом отшатывались от этого воспоминания. И такое сходило не только с ней, а потому все они покорно и последовали за Женеьевой, когда она повела их назад в тейг.

Несколько часов отряд брел по разрушенным улицам. Теперь Фиона почти не замечала окружавшие их со всех сторон руины города — она слишком была погружена во собственного прошлого. Там, в Тени, ей казалось, что все происходит на самом деле. Демон принял образ человека, купившего ее у работорговцев, которые забрали девочку после смерти родителей. Фиона тогда понятия не имела, кто такие эти добрые люди, знала только, что они дали ей пищу, кров и теплую постель. Потом другой человек, еще добрее, забрал ее у этих людей и привел в роскошный дом, и она почувствовала себя самой счастливой девочкой во всем эльфинаже.

Как же она тогда была наивна! Граф Дориан (именно звали нового хозяина Фионы) желал обзавестись наложницей-эльфийкой, чтобы держать ее при себе как домашнее животное, наряжать в миленькие платья и брать с собой во время поездок в столицу — как берут с собой нужные в дороге вещи. Графиня не стала возражать против этой новой игрушки и, занятая собственными шашнями на стороне, словно не замечала существования Фионы. Девочка жила в этом доме пленницей, и никто посторонний не ведал о ее существовании, а она знала только, что должна всячески ублажать графа, а не то он рассердится. Зачастую было так, что граф сердился на нее независимо от того, ублажила она его или нет.

Спасти от этого человека было нелегко. Фионе повезло: на улицах Вал Руайо она привлекла внимание одного пожилого мага, хотя гнев графа, когда он узнал об этом, описать было невозможно. Фиона до сих пор содрогалась, вспоминая о том, как он отхлестал ее в ту ночь. Длинный ремненной хлыст терзал и рвал тело до тех пор, пока она не стала молить о смерти, но граф отказал ей и в этой малости.

И тогда Фиона рассердилась. Она погрузилась глубоко в самое себя и потребовала, чтобы магический дар, ежели он у нее имеется, дар, в который она и сама почти не верила, — проявил себя и спас ее. И это случилось. Она убила графа сгустком магической энергии и обессилена лежала рядом с его трупом; истекая кровью.

Тогда-то и явились демоны. Они нашептывали ласковые речи, суля унять боль, и так не терпелось им поскорее завладеть ею, что они теребили и щипали ее сознание, а она только и могла, что лежать и беззвучно плакать, сопротивляясь их посулам.

Там, в подземелье, и обнаружила ее графиня — потерявшую сознание в луже собственной крови. Почти мертвую. Почему эта женщина связалась с Кругом магов и предложила им забрать ее, Фиона так и не узнала. Она больше никогда в жизни не встречалась с графиней. Может быть, эта женщина пожалела ее? Может, она в глубине души была благодарна эльфийке, которая наконец прикончила ее жестокого супруга и сделала ее богатой вдовой? С той же легкостью графиня могла бы кликнуть стражу или просто бросить Фиону умирать.

В Круге, увы, оказалось немногим лучше. По крайней мере, кошмары со временем стали приходить реже. Фиона думала уже, что совсем покончила с ними. Но словно старая, внешне затянувшаяся рана вдруг открылась в ее сердце и теперь кровоточила и ныла.

Отряд как раз преодолел довольно обширный участок площади, настолько заваленный щебнем и обломками камня, что невозможно было разобрать, что находилось здесь раньше, и тут Келль снова обнаружил след Брегана. Охотник поднял руку, призывая всех остановиться, опустил колени и, прикрыв светлые глаза, провел ладонью по камню. Затем он приподнял голову, словно приносясь, и негромко проговорил:

— Я нашел его.

Все тотчас поняли, о ком идет речь. Женестьева пришла в крайнее возбуждение. Она едва не набросилась на Келля с кулаками, требуя, чтобы он немедленно указал дорогу. Охотник смерил ее взглядом, и на долю секунды Фионе показалось, что сейчас он снова взбунтуется. Келль, однако, промолчал, кивнул и, поднявшись, повел их вперед.

Женестьева была так напряжена, что ее билa дрожь. По сравнению с тем, как угрюма и неразговорчива была командор, когда они покинули руины гномьего дворца, такая перемена казалась разительной. Неужели она по-прежнему одержима желанием найти брата? Сдается, что так, хотя самой Фионе иногда приходилось напоминать себе, зачем вообще они спустились под землю. Они пробыли на Глубинных тропах всего два дня? Три? А кажется, будто целую вечность.

Дункан какое-то время шел рядом с Фионой. Перехватив ее взгляд, он печально улыбнулся. Улыбка, по всей вероятности, должна была ободрить, но только напомнила, что и Дункану довелось испытать в Тени немало страданий. Что именно с ним там произошло, она не знала, да этого и не требовалось знать. Он просто выглядел взрoлее.

— Почему демон хотел заполучить именно тебя? — вдруг спросил Дункан.

— Потому что демон становится особенно могущественным, когда завладевает магом.

— По-моему, у него и так могущества было с избытком.

Фиона пожала плечами:

— Не знаю. Ему так долго пришлось поддерживать свое существование в нашем мире, что, вполне вероятно, сил у него осталось немного. А может, ему всегда хотелось заполучить именно мага. Такова природа демонов — страстно желать именно того, что они не могут получить. Дункан кивнул, обдумывая эту мысль.

— Спасибо, что пришел за мной, — прошептала Фиона.

— Тебе не меня нужно благодарить, — ответил Дункан, кивнув куда-то вбок, — и Фиона, глянув в ту сторону, увидела Мэрика.

Король шел неподалеку и был слишком поглощен своими мыслями, чтобы обнаружить, что разговор, идет о нем.

— Почему? Потому что он убил демона?

— Он первым вырвался из своего сна, а потом пошел вытаскивать остальных. И все твердил, что мы должны спасти тебя. Если бы не он, я бы, наверное, не ушел от своих... то есть остался бы в своем сне. Наверняка бы остался.

Дункан нахмурился, отвел взгляд, чтобы не выдать своей боли. Какой же сон мог бы навсегда удержать мальчишку, росшего в одиночестве в тущобах Вал Руайо? Фионе не хотелось спрашивать об этом, а потому она ободряюще сжала его руку.

Еще час они пробирались между грудями щебня и обломками стен, пока не добрались до внушительной двери — выхода из тейга Ортан. Мэрик заметил, что восемь лет назад уже проходил здесь со своими спутниками и как раз несколько часов спустя они впервые наткнулись на порождений тьмы. Фиона, Келль и Ута переглянулись, но вслух ничего не сказали. Никто из них не чувствовал поблизости опасности. Это казалось особенно странным, если вспомнить, как долго эти твари гнались за ними по пятам. Эльфийке подумалось, что, когда порождения снова возьмут их след, она, вполне вероятно, будет мечтать о том, чтобы с ними снова приключилась такая странность.

Чугунные створки громадной двери были давным-давно искорежены, словно их смяла чья-то могучая рука. Фиона подозревала, что здесь поработали огры. Этих синекожих гигантов порождения тьмы пускали в ход всякий раз, когда требовалась грубая сила. И тем не менее зрелище было впечатляющее. Фиона отчетливо представила себе, как волна порождений тьмы хлынула в эту брешь, безжалостно сминая последние укрепления защитников тейга.

Кромсай, возбужденно пофыркивая, обнюхивал груды щебня, лежавшие перед дверью. Затем он поднял морду, выглянул во тьму, которая царила по ту сторону двери, и заскулил. Фиона была с ним целиком и полностью согласна.

Покинув город древних гномов, они снова очутились на Глубинных тропах и очень скоро увидели знакомые следы скверны. В этих местах она разрослась особенно густо, так что за ней невозможно было различить камень. Словно омерзительная кожа обтянула туннель снизу доверху, и у Фионы мурашки ползли по спине, когда под сапогами чавкала скользкая мякоть. При одной только мысли о том, что эта дрянь могла бы коснуться кожи, ее передергивало от отвращения.

Вдобавок появился странный новый звук. Возможно, слово “звук” не слишком подходило, потому что Фиона не столько слышала, сколько чувствовала его. Только сейчас эльфийка осознала, что это ощущение возникло уже некоторое время назад. Порой казалось, что чей-то бесплотный голос шепчет ее имя. Порой это было похоже на тишайшее, необычайно манящее пение слитного хора, доносившееся издалека.

Это явление как-то было связано с порождениями тьмы. Больше Фионе о нем ничего не было известно.

Так они шли долго. Магичка даже не знала наверняка, сколько длился этот путь, — все ее мысли были сосредоточены на том, чтобы переставлять ноги и поддерживать сведение посоха. Изнуренный разум молил о передышке, но Фиона была почти рада тому, что она так измотана. И подозревала, что точно так же радуются все остальные, потому что неуклонное движение вперед почти не оставляло сил на раздумья.

Келль в сопровождении верного пса все так же шел впереди. Охотник то и дело останавливался, опускался на колени и, сосредоточенно хмуря брови, изучал невидимый след. Как ему удавалось чують во всей этой мерзости след одного-единственного Серого Стража, для Фионы так и оставалось загадкой. И тем не менее — удавалось. Миновав несколько коридоров, он вел и вел вперед своих спутников, пока они не добрались до другого участка Глубинных троп, где каменная кладка древних гномов обрушилась, обнажив внизу непроглядную черноту пещер — пещер под Глубинными тропами где и обитали порождения тьмы.

— Туда, — бросил Келль, показав пальцем вниз.

Женевьева подошла ближе ровно настолько, чтобы заглянуть в провал и убедиться, что каменистую осыпь можно преодолеть.

— Значит, мы пойдем туда, — непререкаемо заявила она.

— Нет, не пойдем. Сначала поговорим.

— Разговоры меня не интересуют.

С этими словами Женевьева обогнула Келля и, пройдя вперед, начала спускаться в темноту. Фиона двинулась было следом, но охотник в упор глянул на нее и выразительно покачал головой. Она остановилась, и так же поступили все, кто шел следом.

Они стояли и ждали. Без посоха Фионы, освещавшего дорогу, Женевьева не могла отойти далеко. Фиона услышала, как командор в конце концов остановилась и раздраженно вздохнула. Затем она повернула назад и вскарабкалась по каменистой осыпи. Вне себя от бешенства, она скрестила руки на груди и вперила уничтожающий взгляд в Келля. Кромсай, державшийся рядом с хозяином, угрожающе заворчал, но охотник жестом велел псу примолкнуть.

— Это что же, опять бунт? — жестко спросила командор.

Охотник с минуту испытующе разглядывал ее, и лицо его было задумчиво. Этот человек всегда превосходно умел скрывать чувства, и теперь Фиона понятия не имела, разгневан, он или попросту обеспокоен.

— Женевьева, — медленно проговорил он, — мы шли за тобой, когда ты очертя голову бросалась от одной опасности к другой. Мы пошли за тобой в тот треклятый дворец. Больше так продолжаться не может.

— Мы не повернем назад.

— Я и не говорю, что нужно повернуть назад.

— В том, что произошло во дворце, моей вины нет, — не сдавалась она. — Нас завела туда иллюзия, и вы точно так же поддались, как и я.

— Нас завели туда твои неосторожность и одержимость. — Келль говорил, тщательно подбирая слова.

Дункан глянул на Фиону с тревогой, но ничего не сказал. Она подумала, что разделяет его чувства. Ни к чему хорошему эта сцена не приведет.

— И что дальше? — резко спросила Женевьева. — Что ты в таком случае предлагаешь? Я — командир отряда. Ты пытаешься занять мое место?

— У меня нет желания командовать, — ответил Келль, — но в нашем отряде я после тебя второй по чину Серый Страж. Мой долг — сделать все, чтобы мы по мере своих способностей благополучно завершили эту миссию, а это требует той самой осторожности, которую ты не желаешь проявлять.

— К Создателю твою осторожность! — зло огрызнулась она.

Светлые глаза Келля сузились.

— Одумайся, командор.

Мэрик, стоявший позади Фионы, выступил вперед.

— Я согласен с Келлем, — оказал он. Голос его звучал, как всегда, рассудительно. — Страж, я готов рисковать жизнью ради спасения своей страны, однако не намерен гибнуть бессмысленно.

— Вы все так думаете? — Взгляд Женевьевы переместился с Мэрика на Келля, затем на Дункана. На паренька почему-то глядела дольше всего. — Вы считаете, что я стремлюсь к бессмысленной смерти?

Дункан опустил глаза, и на лице его отразилось смятение.

— Не знаю, — ответил Келль. — Погибнуть мог бы любой из нас. Однако, если так будет продолжаться дальше, погибнем мы все.

Женевьева, стискивая зубы, со злобой глянула на него. Руки, опустившиеся вдоль тела, сжались в кулаки.

— Благодарю, Келль, — процедила она. — Твое мнение принято к сведению. А теперь спускаемся в пещеру.

Охотник заколебался:

— Думаю, ты неверно меня поняла. Я...

Латный кулак Женевьевы взлетел так стремительно, что Фиона даже не заметила этого движения. Келль, однако, заметил и отпрыгнул назад, ловко уклонившись от удара.

— Я сказала — спускаемся! — проревела она, побагровев и трясясь всем телом от безумной ярости.

Кромсай с громким рычанием бросился на Женевьеву. Она успела лишь прикрыть лицо, когда пес всей своей тяжестью врезался в нее, сомкнув челюсти на запястье, прикрытом латной перчаткой. Толчок сбил командора с ног, и оба они грузно рухнули наземь, проехавшись по каменному полу. Пес рычал, мотая головой, а Женевьева безуспешно пыталась сбросить его с себя.

— Кромсай! Не смей! — рявкнул Келль.

Пес не послушался. Поглощенный яростной дракой, он не дрогнул, даже когда Келль попытался силой оттащить его от врага. Наконец Женевьева изловчилась и мощным толчком отшвырнула пса.

Кромсай шмякнулся в шаге от нее, сжимая в зубах латную перчатку. В тот же миг он вскочил, бросил перчатку и изготовился к новому броску. Ута, метнувшись к псу, крепко обхватила его руками за шею. Кромсай удивленно рыкнул на нее, но затем снова, оскалив клыки, развернулся к Женевьеве.

Келль протянул ей руку:

— Прошу прощения, командор. Он...

От второго удара охотнику увернуться не удалось. С яростным воплем Женевьева впечатала кулак в его лицо, и он, зашатавшись, отступил. Кромсай оглушительно лаял, возмущенный тем, что ему не дают броситься на защиту хозяина. Женевьева вскочила и бросилась на Келля, но на сей раз Мэрик и Дункан сумели ее остановить. Они вдвоем

вцепились в командора сзади, и при этом она, обезумевшая от ярости, едва не ухитрилась вырваться. Кулак, с которого стянул перчатку Кромсай, уже был отведен назад, чтобы нанести новый удар по застывшему в шаге от нее охотнику, однако Дункан успел его удержать.

Вот тогда-то Фиона и увидела, что по руке Женеьевы — по тыльной стороне ладони, по запястью и, вполне вероятно, выше — расплзлось уродливое темное пятно. Как раз такое пятно, о котором рассказывал Дункан. Это был не синяк, не кровоподтек, не иной след естественного происхождения. Казалось, что в этом месте гниет кожа.

Фиона потрясенно вскрикнула.

Ута тоже увидела пятно. Миг спустя его отчетливо разглядели в свете посоха Дункан и Мэрик. Женеьева заметила, что все они глядят в одну точку, повернула голову и обнаружила, что гнилостное пятно на ее руке выставлено на всеобщее обозрение. Боевой дух командора разом иссяк. Она обмякла, бессильно уронив руку вдоль тела. Дункан и Мэрик осторожно попятнулись.

— Что это? — спросил Мэрик, с ужасом глядя на руку Женеьевы.

Командор поморщилась. Отошла туда, где валялась брошенная Кромсаем перчатка, и подняла ее. С минуту она молчала, стирая собачью слюну и не обращая ни малейшего внимания на злобное рычание пса.

— Это скверна порождений тьмы, — наконец сказала она так тихо, что Мэрик ее едва расслышал.

— Но...

— Рано или поздно, Мэрик, она настигает всех нас.

Келль шагнул вперед, потирая ушибленный кулаком Женеьевы подбородок. Казалось, он несколько не был зол — только огорчен. Одним жестом и строгим взглядом охотник утихомирил Кромсая, а потом стянул длинную кожаную перчатку и вытянул вперед руку. От кисти до самого локтя отчетливо темнело пятно, не такое крупное, как у Женеьевы, но все же внушительных размеров.

— У меня тоже, — ровно проговорил он.

Ута закатала рукав коричневого платья. По рукам ее до самых плеч тянулась россыпь темных пятен. Гномка сделала несколько жестов, и Келль кивнул.

— Это началось, когда мы спустились на Глубинные тропы, — сказал он. — Это — и сны.

Женеьева, смятенно нахмурясь, переводила взгляд с Келля на Уту.

— Я думала, это происходит только со мной, — пробормотала она.

— Если бы ты поговорила с нами, мы бы все тебе рассказали.

На это командору нечего было ответить. С растерянным и несчастным видом стояла она перед спутниками, и долгое время все молчали. Фиона вопросительно глянула на Дункана, однако он энергично помотал головой. Значит, у него таких пятен нет. И у нее тоже... по крайней мере, она ничего такого не замечала. Пока.

— Почему это происходит? — вслух спросила Фиона, нарушая тягостную тишину. — Может быть, дело в том, что порождения тьмы совсем рядом?

Женеьева задумалась:

— В архивах ордена не описано ни одного случая, чтобы на Серых Стражей таким образом воздействовала близость порождений тьмы. Я считала, что для меня попросту настало время Призыва. Возможно, все же причина кроется в другом.

— В чем, например?

Командор промолчала, неподвижно глядя себе под ноги. Келль натянул перчатку на руку и тоже не произнес ни слова. Ута лишь нахмурилась. Они не знают, поняла Фиона. Мысль была неутешительная.

— Тогда, может, никакого Мора и нет? — предположил Дункан. Все взгляды обратились на него, и он кивнул, подтверждая свою мысль. — Мы не знаем наверняка, что виной этому именно порождения тьмы. Они просто здесь, на Глубинных тропах. Причина

может крыться совсем в другом, вы сами так сказали.

Женевьева неуверенно кивнула.

— И все же, — сказала она, — что-то здесь не так.

— Но мы не знаем, связано ли это с порождениями тьмы, — пробормотал Келль, — или с Мором. В конце концов, единственная наша задача — предотвратить Мор. Если его не будет...

Он умолк, оборвав эту фразу на полуслове, и Серые Стражи обменялись обеспокоенными взглядами.

— Но Мор будет, — громко сказал Мэрик.

Фиона оглянулась на него и увидела, как он смутился, оказавшись в центре всеобщего внимания.

— Я не хотел вам этого рассказывать, — проговорил он, явно колеблясь, — однако существует причина, по которой я принял вас, когда вы только прибыли в Денерим. Причина, по которой я поверил вам.

— А я-то думал, что все дело в несокрушимом обаянии нашего командора, — ехидно вставил Дункан.

Мэрик пропустил его слова мимо ушей.

— После гибели моей матери, — начал он серьезным, почти торжественным голосом, — мы с Логэйном, удирая от орлесианцев, заблудились в Диких землях Коркари. Там мы повстречали одну старуху, ведьму, которая спасла нас. Она предостерегла меня. Она сказала, что Ферелдену грозит Мор.

Рассказ явно был неполон, однако Мэрик после этих слов умолк и более не прибавил ни слова.

Женевьева обдумала услышанное и с любопытством взглянула на короля:

— Какая-то ведьма, укрывшаяся в Диких землях? И ты ей поверил?

— Она говорила не только об этом, и... кое-что сбылось.

— Мэрик, — сказала Фиона, — магия не способна провидеть будущее.

— Но ведь существуют видения? Ты сама говорила, что у магов бывают видения. — Он протяжно, шумно выдохнул. — Не знаю, верю ли я этой ведьме. Однако я заплатил за ее слова дорогую цену, и, если это неправда, совпадений все равно слишком много.

Фиона заметила, как в его глазах мелькнула тень. Она не знала всех подробностей его разговора с ведьмой из Диких земель, однако ясно видела, что сказанное колдуньей тревожит Мэрика до сих пор. И он верит в то, что ему тогда сказали. Но это, в конце концов, и неудивительно. Поверила же она, Фиона, в видение Женевьевы. И не только она — все поверили. Совсем не трудно было счесть, что исток этих видений — Мор, предостережение о грядущей катастрофе.

Женевьева твердо кивнула. Убежденность в собственной правоте вернулась к ней с лихвой — Фиона видела это по фанатичному блеску, которым вспыхнули ее глаза.

— Это не совпадение, — решительно заявила командор. — Стало быть, мы двинемся дальше. Со всеми предосторожностями, — добавила она, неприязненно покосившись на Келля.

Охотник, помрачнев, покачал головой:

— Командор, мы все выдохлись. И ты тоже. На нашу долю выпало слишком много испытаний. Прежде чем двигаться дальше, нам надо отдохнуть и набраться сил.

— Но мы уже почти на месте! Надо спешить!

— Броши Ремийе пока прячут нас от порождений тьмы, — проговорил Келль, указывая на ониксовую безделушку, которая была приколоты к его жилету. — И там, впереди, нам понадобятся все наши силы. Мы устроим привал. Здесь.

Женевьева воззрилась на охотника так, словно он окончательно спятил, но в конце концов сдалась.

— Как хочешь, — буркнула она.

Не сказав больше ни слова, командор отошла к ближайшей стене и сбросила с плеч

дорожный мешок.

Кажется, им все-таки удастся устроить передышку.

Этот сон был похож на сотни других снов, которые посещали Фиону с тех пор, как она стала Серым Стражем. Раньше, правда, ей неизменно казалось, что она смотрит на все издалека, словно сквозь дымку, и сон легко забывался. Сейчас все было отчетливо, как наяву.

Фиона стояла на поле битвы, усыпанном мертвыми телами. То были солдаты в массивных доспехах, рыцари со значками грифона — символа ордена. Все мертвецы были чудовищно изрублены. Густой, липкий запах крови и разложения пропитывал воздух, слух магички раздражало назойливое жужжание мух.

Небо над головой целиком затянула громадная туча — черная, бурлящая. Она походила на исполинское чернильное пятно, медленно расплывающееся в воде, и ее непроглядная туша затмевала горизонт. Фионе рассказывали, что это такое. Первый признак Мора, говорили Серые Стражи, проявляется в небе — вот такими тучами. Когда пробуждается могущественный дракон, скверна, исходящая от него, проникает в мир и распространяется все шире.

Фиона была одна на этом мертвецком поле. Совсем одна. Поднялся ветер — тошнотворный, насыщенный трупной вонью. Тьма накрыла эльфийку, и она отшатнулась, увидев, что неподалеку, из земли, усеянной трупами, поднимается нечто. Оно было огромно. Исполинская черная сущность, от которой веяло невообразимым холодом и ужасом.

Фиону пронзил страх. Сердце ее неистово застучало, и она отвела взгляд. Она не хотела видеть это. Она вскинула руки, закрыла ладонями глаза, чтобы не видеть это. И тем не менее ясно ощущала, как оно приближается. Нога провалилась между двумя трупами, и Фиона, потеряв равновесие, упала навзничь прямо на мертвцов. Спиной она ощущала прикосновение неживой плоти, но по-прежнему закрывала ладонями глаза. И по-прежнему чувствовала, как восставшая тьма неуклонно движется к ней.

Тьма приближалась. Тьма пришла за ней.

Фиона закричала от ужаса...

...И проснулась. Не сразу ей удалось вспомнить, где она находится, и сообразить, что здешняя тьма — совершенно естественное явление. Костер почти погас, и лишь крохотные язычки пламени плясали на углях, почти не давая света. Фиона разглядела, что по ту сторону костра лежит кто-то — повернувшись к ней спиной, укутанный мраком. Может быть, Келль? Рядом с ним устроился Кромсай — его легко распознать по мохнатой спине и шумному дыханию. Других звуков слышно не было, и тишина, казавшаяся почти осязаемой, подступала со всех сторон.

— Что с тобой? — прошептали за спиной у Фионы. Она вздрогнула от неожиданности, и тут же чья-то рука ласково, успокаивающе коснулась плеча. — Извини. Я просто услышал, как ты ворочаешься.

Это был Мэрик. Сердце Фионы забило быстрее, чем ей хотелось бы, и она поспешно села. Пот заливал лицо, пропитывал подкольчужную рубашку, вызывая неприятный зуд. Мэрик, лежавший у костра, смотрел на нее снизу вверх. Глаза у него были сонные, светлые волосы растрепаны, серебристый доспех потускнел под слоем грязи и запекшейся крови.

— Все хорошо, — прошептала в ответ Фиона и добавила, подумав: — Извини, что разбудила.

Миг спустя она услышала, как Мэрик устраивается поудобнее, собираясь снова заснуть.

Фиона сидела, неотрывно глядя на язычки огня. Ута, тоже лежавшая неподалеку, крепко спала, спал и Дункан. Женевьева, по всей вероятности, несет стражу где-то в непроглядной темноте, которая начинается уже в шаге от лагеря. Их теперь осталось так мало... Фиона крепко обхватила себя руками, дрожа всем телом. Раньше она и не замечала, как здесь холодно. Должно быть, на нее наконец подействовали вечные сетования Дункана.

Она взяла посох и встала — бесшумно, не желая разбудить спутников. Гномка зашевелилась во сне, задрожала, замолотила руками пустоту, сражаясь с невидимым врагом.

Фиона сострадала ей всем сердцем. Сама она даже представить не могла, каково сейчас приходится Женевиэве, Келлю и Уте. После того как отряд устроился на отдых, она внимательно осмотрела себя — насколько это удалось сделать, не снимая кольчуги и юбки. Не обнаружив пятен скверны, она испытала огромное облегчение. Да они и не должны были обнаружиться. Фиона стала Серым Стражем лишь немногим раньше Дункана — для нее час Призыва еще настолько далек, что пока можно о нем не задумываться. И все же, как сказала Женевиэва, причина происходящего может заключаться совсем в другом.

Немного сосредоточившись, Фиона засветила посох. Не настолько ярко, чтобы разбудить остальных, но достаточно, чтобы видеть, куда ступает. Она не собиралась уходить далеко — просто отойти ненадолго, побыть одной. Если она снова заснет, ей приснится тот же сон, а то и кое-что пострашнее. Уж лучше пройтись.

Фиона остановилась на краю груды щебня посреди обрушенного коридора. Дальше все покрывала вездесущая черная слизь, и снова ступать по ней не хотелось. Она навидалась уже столько скверны, что хватит до конца жизни, и именно оттуда, издали, доносился тот странный звук, неизъяснимо прекрасный шепот.

Фиона не хотела прислушиваться к нему, однако ничего не могла с собой поделать. Закрыв глаза, она попыталась разобраться, что нашептывает этот далекий голос. Что это — песня? Имя? Казалось, шепот зовет именно ее, так вкрадчиво, нежно ласкает душу...

За спиной раздались чьи-то шаги, и Фиона вздрогнула. Обернувшись, она увидела, что к ней, осторожно ступая, подходит Мэрик.

— Вижу, тебе тоже не спится, — прошептал он.

— Мне казалось, что тебе как раз спится.

— Нет, — сказал он и добавил уже настойчивее: — Совсем не спится.

— А я уже жалею, что пыталась заснуть.

Мэрик сбросил с плеч меховой плащ и разостлал его на каменном полу — там, где было поменьше щебня. Он уселся на край плаща и, привалившись спиной к стене, утомленно вздохнул. Затем покосился на Фиону и жестом предложил ей присесть с другой стороны. Немного поколебавшись, она поставила посох у стены. В конце концов, совсем обязательно держать его в руках, чтобы подпитывать свечение.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Мэрик собрался что-то сказать, но Фиона его опередила.

— Спасибо тебе, — запинаясь проговорила она.

Мэрик опешил, чуть склонил голову набок, — казалось, слова Фионы застали его врасплох.

— За что?

— За то, что пришел за мной. Дункан говорит, что ты первым вырвался из ловушки и что именно ты настоял на том, чтобы отыскать меня. — Эта речь давалась ей с трудом — если вспомнить, как прежде она грубила Мэрику, притом не единожды. Если бы он сейчас перестал так упорно тарашиться на нее, ей было бы гораздо проще. — Как ты сделал?

Мэрик встряхнул головой, словно пытаясь собраться мыслями, и смятенно взглянул на Фиону:

— Что именно? Как отыскал тебя?

— Как ты вырвался из своего сна?

— А! — Мэрик серьезно кивнул. — Я же обещал тебе отплатить добром за добро.

— И ты всегда исполняешь обещания?

— Стараюсь. Этого хватило, чтобы напомнить, что я не могу там остаться, хотя остаться очень хотелось. Я знал, что должен тебя спасти, если только это будет в моих силах.

Искренность, звучавшая в его голосе, тронула Фиону до глубины души. На глаза выступили слезы, и она, чувствуя себя совсем глупо, поспешила их смахнуть. Похоже, она совсем неверно судила об этом человеке. Все ее представления о Мэрике были основаны на том, что он — венценосная особа, герой преданий и все такое прочее, а он взял да и оказался просто хорошим человеком.

Мэрик отвел взгляд, и это дало Фионе время совладать с собой.

— Тогда — спасибо тебе, — повторила она. — Я... не ожидала, что ты отплатишь мне за спасение таким вот образом... да и что вообще отплатишь, не ожидала... но для меня это очень много значит.

Мэрик медленно кивнул и снова обернулся к ней. Лицо его было очень серьезно, взгляд напряжен.

— Знаешь, — промолвил он, — я хотел поговорить с тобой... сказать тебе кое-что. Я не такой, как тот человек из твоего сна. Я знаю, что ты обо мне думаешь, но я совсем не такой.

— Да, я знаю.

— Понятия не имею, какое зло он тебе причинил, но...

— Я была рабыней, — ответила Фиона, стараясь, чтобы это прозвучало легко, как бы между прочим. — Граф купил меня у работоторговцев, когда мне было семь лет, и до четырнадцати лет я была его наложницей. — Она выпалила эти слова и почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Она никогда об этом никому не рассказывала. Эту часть своей жизни она погребла глубоко в памяти, затолкала в самый темный угол, чтобы никогда больше об этом не думать. И однако сейчас Фионе казалось, что она непременно должна рассказать об этом Мэрику. — То, что ты видел в пещере, происходило со мной все семь лет, пока я наконец не убила его и не сбежала в Круг.

В широко раскрытых глазах Мэрика был ужас.

— Не знаю, что и сказать...

— А что тут скажешь? — пожала она плечами. — В империи рабство вне закона, однако оно процветает. Никто не замечает, если то тут, то там пропадают эльфы. Никому нет дела до того, что происходит с нами в эльфинаже. И пока никому нет до этого дела, богатые и влиятельные люди, такие как граф, делают что хотят и с кем хотят.

— Мне очень жаль...

— Не стоит. Мне повезло. У меня обнаружился магический дар, для кого-то иного — проклятие, а для меня — свобода. Я укрылась в Круге — одинокая эльфийка в огромной башне, невежественная и пугавшаяся всякого, кто подходил слишком близко. — Фиона поморщилась при этом воспоминании. — Очень скоро я обнаружила, что маги — самые обычные люди. Своенравные, печальные, нетерпимые — словом, такие, как все. Я поклялась, что не останусь в их власти, а потому сбежала и от них.

— К Серым Стражам.

Фиона кивнула:

— Некоторые считают, что стать Серым Стражем — это исполнение долга. Или наказание. Дункана сделали новобранцем против его воли. Я же умоляла, чтобы меня взяли в орден.

Это воспоминание было не из приятных. Ритуал Посвящения, который следовал за ним, был еще неприятнее. Выпей кровь порождений тьмы, сказали ей, и если останешься в живых, то только на время. Ты будешь Серым Стражем до пор, пока не настанет время Призыва. И Фиона с радостью испила крови из ритуальной чаши. И ни разу об этом не пожалела.

Они сидели рядом на меховом плаще и молчали, уставясь в темноту. Первым в конце концов заговорил Мэрик.

— Мою мать убили у меня на глазах, — тихо сказал он. — Мне пришлось возглавить мятеж, который был делом всей ее жизни, а я совершенно не был к этому готов.

— Ты не обязан мне все это рассказывать.

— Нет, обязан. — Мэрик глядел на нее, и лицо его было мрачно. — Среди нас была одна эльфийка, ее звали Катриэль. Шпионка из Орлея. Я влюбился в нее, а она в меня. Она спасла мне жизнь, и, однако, когда я узнал, кто она такая, я не дал ей шанса оправдаться. Я убил ее.

— Я этого не знала.

Мэрик невесело усмехнулся:

— Тогда ты единственная в мире, кто этого не знал.

— Это она была... в твоём сне?

Он кивнул:

— Я бы отдал все на свете, только бы вернуть тот день. Но не мог. Надо было жить дальше, потому что Ферелден нуждался во мне. Я женился на женщине, которая любила моего друга, потому что Ферелден нуждался во мне. А когда она умерла, я продолжал жить, хотя жизнь моя опустела, — потому что Ферелден нуждался во мне. — Мэрик снова взглянул на Фиону, и в глазах его была печаль. — Все, что я делал, я делал потому, что Ферелден нуждался во мне.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— У всех нас свои кошмары.

Пальцы Мэрика коснулись ее руки, легонько сжали. Фиона вдруг ощутила, что ее влечет к нему — властно, неудержимо. Неожиданно для себя самой она потянулась к Мэрику и робко, почти испуганно коснулась губами его губ, и почти мгновенно отпрянула. Мэрик изумился не меньше ее самой, однако не выказал ни малейшего недовольства.

Тогда Фиона вновь, уже решительнее подалась к нему, и этот поцелуй был долгим и страстным. Она ощутила на своем лице его дыхание и возликовала, когда его руки заключили ее в объятия.

Она хотела этого. Чтобы рядом был хороший человек, чтобы можно было хоть ненадолго забыть о том, где они находятся и что с ними произошло. Она нуждалась хотя бы в кратком утешении, и Мэрик, наверное, тоже. Высвободившись из его горячих рук, Фиона торопливо принялась стягивать кольчугу, лихорадочно дергая крепившие ее ремни. Затем она принялась за подбитую войлоком подкольчужную рубаху и, избавившись от нее, облегченно вздохнула.

Мэрик заколебался:

— Фиона, я... может, нам не стоило бы...

Не слушая его, Фиона принялась расстегивать ремни его нагрудника. На лице короля промелькнуло страдальческое выражение: он боролся с собой вопреки сжигавшему его желанию.

— А как же остальные?

— Да наплевать.

— Но... здесь?

— Забудь, где мы.

Фиона стащила с Мэрика нагрудник, и король лишь беспомощно глядел на нее. Она принялась за оплечья доспеха, и король стал ей помогать. После долгой возни с ремнями и застежками они общими усилиями стянули с Мэрика громоздкий доспех.

Фиона расстегнула его нижнюю рубаху, грязную и пропотевшую, стянула ее, обнажив торс. Грудь Мэрика покрывали мелкие раны и кровоподтеки; впрочем, и сама эльфийка наверняка выглядела не лучше. Король пожирал ее взглядом так жадно, что, казалось, вот-вот проглотит целиком. Он был красив — от этого никуда не денешься, но ведь не все же красавцы — негодяи.

— Ты уверена? — хрипло прошептал Мэрик. — У меня слишком много... воспоминаний об этих местах. Я не знаю, смогу ли...

— Тсс! — шикнула на него Фиона, приложив палец к его губам. Он сразу смолк и посмотрел с такой отчаянной тоской, что у нее болезненно сжалось сердце. Она медленно погладила его по щеке. — Я устала от страданий. Так устала. А ты?

Ответ последовал мгновенно. Мэрик потянулся к ней и поцеловал так осторожно, будто боялся что-то сломать. За этим поцелуем последовал другой, потом третий.

“Ненавижу темноту”, — подумала Фиона.

И позволила свечению посоха погаснуть.

И так мы пылали. Мы возводили царства и затевали войны,
Грезил о ложных богах, о великих демонах,
Что прошли бы через Завесу в наш смертный мир,
И к ним обратили свое поклоненье и презрели тебя.

Погребальные Песни, 1:8

Женевьева шла одна по подземным туннелям.

Вначале она освещала путь факелом, но, углубившись во владения порождений тьмы, заметила, что в туннелях все чаще встречается светящийся мох, расплзавшийся по стенам, точно плесень. Вполне вероятно, это и была плесень. Быть может, у скверны, которая склизкой пленкой покрывала каменные туннели, существовали свои периоды роста и отмирания. Что бы ни представлял собой источник тошнотворного зеленоватого свечения, заполнявшего туннели, этот свет со временем настолько усилился, что Женевьева погасила факел, который мог пригодиться потом.

Если только оно будет — это “потом”.

По всему выходит, что вернуться из этого путешествия ей не суждено. Истина эта давно уже маячила перед глазами, да только Женевьева упорно не желала ее замечать. Правильно она поступила, что ушла одна. Бреган — ее брат, и именно она утверждала, что он еще жив. Стало быть, это ее бремя. Спутники были полезны в начале пути, но до цели ей лучше идти в одиночку.

Келль проснется, обнаружит, что Женевьева ушла, и справедливо рассудит, что им надлежит отказаться от миссии и вернуться на поверхность. Возвращение станет нелегким, но Женевьева не сомневалась, что они справятся. Куда меньше она была уверена в собственном успехе.

Однако нельзя поддаваться сомнениям. Она чувствовала, что Бреган где-то впереди, чувствовала его точно так же, как порождений тьмы. Всякий раз, поворачивая в очередной туннель, она краем сознания ощущала присутствие брата, как если бы незримый ветер доносил издали его запах. Женевьева не знала, почему раньше она только видела брата во сне, а теперь еще и чует его. Может быть, дело в том, что она так близка к цели. Понимание того, что брат совсем рядом, только руку протяни, мучило ее, словно неотвязный зуд под кожей.

Закружилась голова, и командор остановилась, привалилась плечом к стене туннеля. Черная слизь размазалась по наплечнику, но она не обратила на это внимания. Проклятая песня! Чем сильнее Женевьева сосредоточивалась, стараясь определить, где находится брат, тем громче звучала эта мелодия, тем настойчивее проникала в сознание. Звучание слитного хора сводило с ума, но она упорно сопротивлялась. Нельзя сдаваться, именно сейчас — нельзя.

Это началось несколько недель назад, еще до того, как дай прибыли в Ферелден. Вначале Женевьева слышала только слабый шепот, странный рокочущий гул, но сочла, что он порожден необычайно сильными и яркими снами. А потом наконец поняла, что это такое. С ней произошло то же, что и с Бреганом: пришло время Призыва.

Посвящение они с братом проходили вместе, так что Женевьева знала, что и ей недолго осталось ждать, но отчего-то думала, что времени у нее будет больше. Серые Стражи выдвинули ее на должность, которую занимал брат, поскольку знали, что это временно, от силы год, в лучшем случае два, и все-таки Женевьева твердо вознамерилась обмануть их ожидания. Столько лет прожила она в тени брата, и вот пришло ее время, а потом зазвучал в голове проклятый шепот и лишил даже этого скромного триумфа.

Женевьева никому не рассказала об этом. Серые Стражи пренебрегли ее предостережениями, в лучшем случае предлагали подготовить орден к грядущему бедствию

— если, конечно, она окажется права. Им даже в голову не пришло, что бедствие можно предотвратить. Глупцы! Если бы Женестьева решила им открыться, они бы, чего доброго, ухватились за такую возможность и отправили бы ее на Глубинные тропы в одиночку — умирать.

Женестьева вытерла пот со лба. И устала на дрожащую руку в стальной перчатке. Давненько она не чувствовала себя такой слабой, словно по жилам вместе с кровью обильно растекался яд. Из-за этого под кожей стоял непрерывный зуд, и командору больше всего на свете хотелось сбросить доспехи и скрести себя ногтями, пока вся плоть не сойдет с костей.

Однако менять решение уже поздно.

Отгнав страх, который холодной змеей свернулся под сердцем, Женестьева оттолкнулась от стены и двинулась дальше. Ее шатало, но невероятным усилием воли она вынуждала себя переставлять ноги. “Я уже здесь, — думала она, — и теперь никто, ничто мне не помешает. Я остановлю Мор!”

Несколько часов, которые показались Женестьеве вечностью, она брела по склизкому месиву скверны и гнилой грязи, и тусклое зеленоватое свечение мха на стенах порой становилось таким ярким, что ее мучило, а иногда слабело настолько, что возникал соблазн зажечь факел. Она шла через залегший в туннелях мрак и на каждом перекрестке останавливалась, прислушивалась, проверяла, не почует ли снова присутствие Брегана. Разум ее настойчиво обшаривал все вокруг, пытаясь отыскать хоть что-нибудь, однако расслышать ей удавалось только одно — все ту же далекую и манящую песню.

Где же порождения тьмы? Одно время они упорно преследовали отряд, и тогда Женестьева чутьем Серого Стража безошибочно определяла, что эти твари рыскают повсюду. Потом, в Пещерах под Глубинными тропами, порождения тьмы потеряли их след, и... что же было дальше? Твари попросту исчезли.

В это Женестьеве верилось с трудом. Как бы успешно ни действовали броши, которые вручил им Первый Чародей, действие их не могло изменить поведение самих порождений тьмы. Едва обнаружив присутствие отряда, они хлынули бы к месту вторжения со всех сторон, и сейчас Глубинные тропы гудели бы, словно разъяренный улей. То, что добыча временно ускользнула, только заставило бы искать вдвое усерднее. Сама мысль, что порождения тьмы могли по ошибке направить поиски совсем в другую сторону, казалась Женестьеве абсурдной.

Что-то здесь явно было не так. Командор испытала досаду, осознав, что в ее распоряжении до сих пор нет самой важной детали головоломки. Что побуждает порождений тьмы к такому странному поведению? Если Бреган и в самом деле угодил в плен к ним, отчего они стали брать пленных именно сейчас, если никогда так не поступали за все те столетия, что орден посылал старейших Серых Стражей исполнять Призыв?

Хотя, может быть, они брали пленных и раньше. Те, кто уходил на Призыв, исчезали бесследно. Что, если их отправляли в лапы порождений тьмы? Орден, правда, утверждал, что именно на смерть, и Женестьеве волей-неволей приходилось этому верить.

Шаг за шагом продвигаясь вперед по каменному туннелю, она заметила, что стены стали ровнее. Здесь явно поработали гномы. Стало быть, эти туннели обходным путем привели ее на старейшую часть Глубинных троп. Здесь не было ни статуй, ни желобов для лавы, да и камень был обработан заметно грубее. Что же это такое? Наиглубиннейшие тропы? Женестьева никогда не слышала о чем-то подобном.

И вдруг совершенно неожиданно она ощутила, что к ней приближаются порождения тьмы. Женестьева замерла, выжидая, крепче сжала рукоять меча. Почему она не обнаружила их раньше? Неужели они научились скрываться от чутя Серых Стражей? Да уж, мысль отрезвляющая.

Она медленно, небольшими шажками двинулась вперед, чувствуя, как по лбу катятся крупные капли пота, безуспешно, до рези в глазах вглядываясь во тьму, чтобы не пропустить нападения, — и тогда осознала, что к ней направляется всего одно порождение тьмы. Разведчик, не сумевший учуять ее сквозь защиту броши?

С ним надо расправиться быстро. Прикончить прежде, чем он обнаружит присутствие Женеьевы, и тогда ей, возможно, удастся ускользнуть от всей орды, которая, безусловно, засела где-то поблизости.

Женеьева отступила к стене, прижалась к ней, затаившись за опорной колонной. Сама по себе колонна была недостаточно велика, чтобы спрятаться за ней целиком, зато здесь было темно. Порождения видят во мраке гораздо лучше людей, но все равно хуже, чем на свету.

Она ждала, слушая, как оглушительно стучит в груди сердце. То и дело она осторожно выглядывала из-за колонны, дожидаясь, когда враг окажется в поле зрения. Шли минуты. Пот, стекая со лба, заливал глаза, но Женеьева этого не замечала.

Вскоре ее терпение было вознаграждено. В глубине коридора появился силуэт, едва различимый в зеленоватом свечении мха. Шаркая ногами, он брел в сторону Женеьевы и в безмерной, всепоглощающей тишине туннеля четко слышно было его сиплое дыхание. Судя по размерам, это был гарлок. Женеьева приподняла меч. Даже гарлока можно прикончить одним ударом.

Она сильнее прижалась к стене, распласталась, стараясь слиться с ней, и задержала дыхание, напряженно прислушиваясь к едва различимым шагам. Враг подходил все ближе и ближе. Отчетливо хрустнул под его ногой камешек, валявшийся совсем рядом, — значит, пора атаковать. Женеьева выступила из-за колонны, приготовилась бесшумно взмахнуть мечом...

— Женеьева!

Бреган. Перед ней стоял Бреган, и командор знала, что это он, хотя на нем были черные доспехи порождений тьмы, а кожа его, пораженная скверной, изменилась. Седые волосы его совершенно выпали, глаза были красны, словно налиты кровью, и тем не менее это был ее брат.

Женеьева так и замерла с занесенным для удара мечом, и крик ужаса, похожий на вой, вырвался из ее груди. Андрасте милосердная, что с ним произошло?

— Бреган? — пробормотала она, не веря собственным глазам.

Он кивнул. Он казался спокоен, и налитые кровью глаза с интересом поглядывали на ее оружие. Женеьева опустила клинок, а затем швырнула его наземь. Меч упал, глухо брякнув о камень. Неужели она должна убить Брегана? Знание, которым он обладает, должно умереть вместе с ним, но что, он уже рассказал все, что ему было известно? Что, если у него найдется, что рассказать ей?

Глядя на то, каким он стал, Женеьева в глубине души задавалась вопросом, не следует ли ей прикончить Брегана в любом случае. Брат пожертвовал ради нее всем, даже подобием жизни. Неужели она не способна совершить такую малость ради него?

— Мы на время отогнали порождений тьмы, — сказал Бреган. — Я знал, что ты придешь, и хотел, чтобы ты добралась благополучно.

— Что значит “мы”? Бреган, что с тобой стало?

Брат шагнул к ней, бережно взял за плечи. Его налитые кровью глаза одновременно притягивали и ужасали Женеьеву, она не могла оторвать от них взгляд. Что бы она ни воображала себе, разыскивая Брегана, ей и в голову не приходило, что он может оказаться вовсе не пленником. А уж то, что он мог превратиться в такое чудовище, было еще страшнее.

— Вот такими мы и становимся, — сказал Бреган. — Если станешь выжидать чересчур долго, скверна завладеет тобой, и ты превратишься вот в такое.

— Это чудовищно!

— Нет. Это — свобода! — Брат настойчиво встряхнул ее. — Женеьева, у нас есть шанс! Шанс сделать то, что до сих пор не удавалось ни одному Серому Стражу. Мы можем покончить с Мором! Навсегда!

Смысл его слов доходил до Женеьевы медленно, и, поняв наконец, что сказал Бреган, она смятенно взглянула на него:

— Покончить с Мором? Как?

— Для этого понадобится жертва. Великая жертва. Только мы должны принести ее

добровольно. — Бреган держался так решительно, и голос его звучал так уверенно. — Если ты пойдешь со мной, мы все тебе объясним. Пойдем же!

— Здесь есть и другие Серые Стражи?

— Нет, только гарлок-эмиссар. — Он мгновенно почувствовал, как напряглась при этих словах Женевьева, и прижал палец к губам, чтобы предотвратить вспышку. — Я знаю, что ты думаешь. Я и сам думал так же, но он совсем не похож на прочих порождений тьмы. Он — другой, он наш союзник. Пойдем со мной, послушаешь, что он скажет. Больше я тебя ни о чем не прошу.

— Ты с ума сошел?

Бреган, казалось, задумался, что ей ответить. Он разжал руки, и Женевьева попятилась. В мыслях ее царило полное смятение. Может, это она, а не Бреган сошла с ума? Как нарочно, именно в эту минуту странная далекая мелодия стала громче и напористее проникала в ее сознание. Собрав силы, Женевьева отогнала ее. Она должна узнать, в чем тут дело, что произошло с братом.

— Возможно, — задумчиво проговорил он. — Не знаю.

Женевьева бросилась к нему, взяла его руку в свои. Кожа у него была холодная и липкая на ощупь, но Женевьева, не обратив на это внимания, умоляюще заглянула ему в глаза:

— Бреган, тебя надо увести отсюда! Увести, пока не случилось что-то ужасное!

— И куда я пойду? — спросил Бреган. Женевьева не нашлась что ответить, и тогда он засмеялся. Это был холодный, безрадостный смех. — Найдется ли место, где первый же встречный не захочет, едва увидев, прикончить меня на месте? И найдется ли такое место для тебя? — С этими словами он осторожно потянул с ее рук перчатки. Женевьева не сопротивлялась. Перчатки сползли, обнажив темные пятна. — Мы мертвы, Женевьева. Мертвы с той минуты, когда пригубили крови на Посвящении, чтобы любой ценой остановить Мор. Таков долг Серого Стража, верно? Женевьева, у нас с тобой есть шанс исполнить этот долг.

— Но...

— Ты и в самом деле пришла сюда, чтобы меня спасти? — Бреган разжал пальцы, и Женевьева поспешно отдернула руки, спрятала их за спиной. — Ты прошла весь этот путь, сражаясь с порождениями тьмы и еще неведомо с кем только ради того, чтобы вернуть меня домой?

— Я пришла, чтобы остановить тебя. — Женевьева нахмурилась, прежде хладнокровие понемногу возвращалось к ней. — Я пришла, чтобы предотвратить Мор.

— Ну так сделай это!

Бреган протянул к ней сморщенную, изъеденную скверной рукой. Женевьева бесстрастно смотрела на нее, гадая, на самом ли деле ее ожидает именно такая судьба. Знали ли об этом Серые Стражи древности? Может быть, такое случалось и раньше, и именно тогда они создали Призыв? В подобном случае смерть и в самом деле куда более предпочтительный исход.

Однако она должна узнать правду. Цель ордена благородна и возвышенна, она спасла уже немало жизней и спасет еще больше. Женевьева хотела вступить в орден задолго до того, как тот Страж явился в ее родную деревню в поисках новобранцев. Что, если в речах Брегана и вправду есть зерно истины? Прекратить Мор. Навсегда. Разве такая цель не стоит любой жертвы?

Женевьева взяла Брегана за руку. Она дрожала как осиновый лист и никак не могла унять эту дрожь.

— А как же... как же остальные? — неуверенно спросила она.

— Насчет их я ничего не могу обещать.

— Бреган, ты уверен, что этого можно достигнуть?

Брат улыбнулся, обнажив зубы — желтые и пугающе острые, намного острее, чем помнилось Женевьева. Зубы порождения тьмы.

— Я уже больше ни в чем не уверен, — сказал он.

С этими словами он повел Женеьеву вперед, в глубину туннеля, в темноту, и далекая мелодия взмыла, превратившись в слитный хор, который заглушил все остальное.

Когда отряд проснулся, обнаружилось, что Женеьева исчезла. Куда она направилась, догадаться было нетрудно. Келль проклинал себя за то, что сделал глупость и согласился, когда Женеьева сама вызвалась нести стражу, хотя у Мэрика были на этот счет другие мысли. Командор бросила их спящими и беззащитными. Кто угодно мог напасть и перебить всех до единого — и ради чего? Ради того чтобы Женеьева могла отдаться своему безумному желанию непременно отыскать брата. Король даже сомневался, что она в самом деле стремится предотвратить Мор.

Другие, впрочем, верили ей безоговорочно. Дункан, особенно удрученный уходом Женеьевы, метался по стоянке и запальчиво твердил о том, какая она дура. Подобная манера говорить о командоре показалась Мэрику по меньшей мере странной, и он поневоле задумался, что же произошло между Дунканом и Женеьевой в ее сне.

Ута посмотрела, как паренек мечется по стоянке, и знаками показала, что они должны пойти за командором. Остальные вначале ничего не сказали, только обменялись неловкими взглядами. Мэрик понял, о чем они думают. Отправляясь на поиски командора, они выполняли долг Серого Стража. Если при этом они до сих пор считали, что существует возможность предотвратить близкий Мор, — долг Серого Стража состоял и в этом, однако к Мэрику он никакого касательства не имел. Король уже выполнил свои обязательства, и никто из них не мог в здравом уме требовать, чтобы он отправился на верную — почти верную — смерть.

Тогда Мэрик поглядел на Фиону и обнаружил, что она искусно избегает смотреть ему в глаза. Проснулся он один, и с тех пор они не сказали друг другу ни слова. Собственно, эльфийка вообще почти ничего не говорила. Насколько мог определить Мэрик, она нисколько не злилась. Быть может, Фиона просто старалась сделать вид, что ничего не произошло или что все происшедшее было минутной слабостью — не более. Быть может, он слишком много говорил о Катриэль. Тогда, восемь лет назад, у них тоже была ночь любви — именно здесь, на Глубинных тропах, и не сравнивать эти две ночи было попросту невозможно.

Мэрик сказал Стражам, что он, конечно же, пойдет с ними. Обратной дороги теперь не было — точно так же, как не было ее после боя с драконом. Они зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. И не важно, верил ли теперь Мэрик в предсказания ведьмы, — он был обречен пройти этот путь до конца.

А потому они спустились вниз. Фиона шла первой, и ее посох ослепительной белизной сиял в зеленоватом сумраке. Они старались двигаться быстро — насколько хватало сил. Один взгляд на лица Стражей сказал Мэрику все, что ему нужно было знать: порождения тьмы вернулись. Даже он сейчас мог слышать едва различимый признак их приближения — дальний монотонный гул, который с каждой минутой становился все ближе.

— Когда они нас нагонят? — спросил он у Келля.

Охотник напряженно вглядывался в темноту, и в его светлых глазах появился опасный блеск. Внезапно он сорвал с плеча лук и пустил стрелу. Кромсай, припавший к его ногам, зарычал, шерсть его встала дыбом. Дункан выхватил серебряные кинжалы и, морщась от напряжения, тоже вглядывался в темноту, выискивая невидимого врага.

— Теперь уже скоро, — вполголоса бросил он Мэрику.

— Так быстро? Откуда они все взялись?

— Не знаю. Они и впереди и позади нас.

— Их можно как-нибудь обойти?

Дункан не ответил, и весь отряд бросился бежать. Фиона вскинула посох, выкрикнула защитное заклинание — и каждым в их небольшом отряде возникло голубое сияние. Они прибавили ходу, увидев впереди перекресток. Там было три ответвления, и во всех туннелях стоял сумрак, пронизанный зеленоватым свечением.

Келль махнул рукой, призывая спутников остановиться, и пристально вглядывался по

очереди во все туннели. Мэрик крепче стиснул рукоять меча, сердце его затрепетало от страха. Все прочие тотчас заняли оборонительную позицию, встав спиной к охотнику и держа оружие наготове. Нечеловеческий гул порождений тьмы, казалось, доносился со всех сторон.

— Они во всех туннелях.

Келль нахмурился, усиленно размышляя. Кромсай рычал на темноту, скаля клыки, и охотник рассеянно погладил пса по голове, успокаивая.

— Так куда же мы пойдем? В какую сторону? — нетерпеливо спросил Дункан.

Ута указала вперед, и Келль кивнул:

— Да. Здесь нельзя оставаться. Мы должны найти более удобную позицию, потому что, куда бы ни пошли, бой неизбежен.

— И как только Женевьева ухитрилась здесь пройти? — спросила Фиона. В голосе ее прозвучало нарастающее отчаяние.

Не ответив на этот вопрос, охотник первым побежал вперед, и все прочие, не отставая от него, двинулись следом. Мэрику подумалось, что Женевьева, вполне вероятно, и не смогла здесь пройти. Может быть, она уже мертва, а они об этом никогда не узнают. Что его всерьез занимало, так это поразительная точность, с которой порождения тьмы их обнаружили, и это притом, что Стражей прикрывала защита ониксовых брошей. Что-то здесь было не так.

Они бежали уже по другому туннелю, в котором кое-где поверх слоя скверны на каменном полу высились груды щебня. Вдоль скальных стен тянулась череда старинных статуй, большинство изваяний так обрушилось и обросло, что порой нелегко было разобрать, что это такое. Неужели гномы обитали даже здесь, за пределами Глубинных троп? Впрочем, разглядывать местные диковинки было некогда. Они бежали, задыхаясь от изнеможения и страха. Мэрик споткнулся на груде каменных осколков, и Ута, метнувшись к нему, поддержала, не дала упасть. Король взглядом поблагодарил ее и побежал дальше.

Туннель вывел беглецов в пещеру, и они тотчас остановились. Половину пещеры занимало странное сооружение — массивный помост, обрамленный высокими колоннами, к которому вела широкая лестница. Вдоль лестницы с двух сторон высились статуи, а в каменной стене позади помоста была высечена огромная арка. Некогда все это выглядело впечатляюще — быть может, здесь был храм, посвященный некоему гномьему божеству, — но бывшее великолепие сменилось чернотой гнили. Пол перед лестницей скверна покрывала так густо, что образовала черные гроздья гигантских, причудливой формы мешков размером с человеческий рост. Точно такие же гроздья висели под сводом пещеры, и какая-то дрянь медленно сочилась из них, собираясь в вонючие зеленые лужи.

Келль указал на помост:

— Мы будем драться здесь.

Никто не возразил. Слой скверны был такой густой, что черная слизь облепляла сапоги Мэрика и всякий раз, когда он выдергивал ногу, раздавалось мерзкое влажное чмокание. Едкая вонь была почти невыносима.

На верху помоста стояло что-то вроде алтаря — незамысловатое плоское сооружение высотой по пояс Мэрику. Во всяком случае, он предположил, что когда-то это был алтарь. Теперь же его так обильно покрывала гнилостная пузырящаяся масса, что Мэрику к нему и близко подходить не хотелось.

Беглецы почти сразу развернулись, встав цепью у самого верха лестницы и глядя на простершуюся внизу пещеру. Король слышал только тяжелое хриплое дыхание товарищей и монотонный гул приближающейся орды. Неутоленный голод слышался в этом звуке, становившемся то громче, то тише. Фиона высоко подняла посох, и он тут же брызнул нестерпимо ярким сиянием. Мэрику почудилось, будто мерзость, заполонившая пещеру, в ужасе корчится, пытаясь укрыться от этого слепящего света. А может, и не потому что в тишине пещеры раздалось едва слышное шипение и несколько черных гроздей скверны лопнули, разбрызгав вокруг темно-зеленую жижу.

Кромсай яростно залаял, но тут же притих, повинувшись Келля. Ута взглянула на охотника

с неприкрытым сомнением, и он, едва заметно, горько усмехнувшись, кивнул. Потом протянул руку и ласково погладил ее по щеке. Пес смотрел на эту сцену, моргая от удивления. Ута схватила руку Келля, прижала на миг к своей щеке, а затем отпустила. Глаза ее влажно заблестели.

Фиона мельком глянула на них и снова устремила взгляд на пещеру. На лице ее была написана решимость.

— С нами еще не покончено, — торжественно проговорила она.

— Да уж, похоже на то, — пробормотал Дункан.

— Келль повернулся к пареньку, окинул его задумчивым взглядом.

— Дункан, — сказал он, — ты должен уйти. Когда мы будем драться с порождениями, ты незаметно ускользнешь.

— Ускользну?

— Ты у нас мастер красться в темноте. В одиночку ты мог бы пробраться мимо орды незамеченным. Мог отыскать Женевьеву или даже ее брата.

— Думаю, ты переоцениваешь мои воровские таланты, — фыркнул Дункан.

— Хотя бы попытайся, — поддержала Келля Фиона. — Мы не знаем, сколько порождений движется сюда. Кто-то должен довести миссию до конца, если это вообще возможно.

— Я вас не брошу, — упрямо отрезал Дункан. — Я никуда не уйду.

— А если я тебе прикажу? — спросил Келль.

— Тогда мне, наверное, придется не подчиниться приказу.

Охотник ухмыльнулся:

— Тогда я, пожалуй, не стану приказывать.

Они снова замерли в ожидании. Монотонный гул становился все громче и громче, и вот наконец в пещеру ворвались первые порождения тьмы. Это были несколько низкорослых генлоков, а за ними следовал гарлок в массивных черных доспехах, с зазубренным и весьма грозным на вид мечом. Гарлок зашипел, и генлоки последовали его примеру.

Стрела, свистнув в воздухе, вонзилась гарлоку между глаз. Тот рухнул замертво, не издав ни единого звука. Генлоки взревели и ринулись вперед. Снова засвистели стрелы, и порождения тьмы повалились наземь, даже не успев добраться, до лестницы.

— У меня кончаются стрелы, — сообщил охотник, снова натягивая лук.

— А у меня — чистые подштанники, — в тон ему отозвался Дункан.

Теперь уже с двух сторон к ним снова хлынули порождения тьмы. Они катились волной, и их монотонный гул разом заполнил всю пещеру, начисто заглушив все прочие звуки.

Фиона наставила на них посох, наморщила лоб, сосредоточиваясь... и огненный шар полетел к подножию лестницы. Он взорвался перед первыми рядами порождений тьмы, расшвыряв их в разные стороны и озарив все вспышкой магического пламени. Порождения душераздирающе вопили от боли, многие, превратившись в пылающие факелы, корчились и валялись на пол. Огонь перекинулся на черную слизь, которая покрывала пол, и она вдруг запылала, стремительно наполнив пещеру едким дымом.

Мэрик был потрясен до глубины души.

— И на сколько таких шаров тебя хватит? — спросил он.

Не ответив, эльфийка вдруг покачнулась и начала падать навзничь. Король бросился к ней, поддержал, и у него перехватило дыхание, когда он увидел, что Фиона уже побелела как мел и по лицу ее градом катится пот.

Она быстро-быстро заморгала и с усилием выпрямилась.

— Еще на парочку, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Порождения тьмы, не обращая внимания на горящих собратьев, сквозь стену пламени бежали к лестнице. В тех, кто был впереди, полетели новые стрелы. Фиона громко, надсадно вскрикнула, и второй огненный шар обрушился в гущу порождений тьмы, взорвавшись с такой силой, что в лицо Мэрику ударили волна жара и вонь паленого мяса.

В пещеру уже пробивались все новые порождения тьмы, хотя их становилось трудно различить за стеной огня и дыма. Мэрик закашлялся, протер заслезившиеся глаза. Похоже, воздуховоды, сработанные гномами, в этой пещере были похуже, чем в других местах, или же, скорее всего, просто забиты той же самой скверной, которая покрывала все вокруг.

Ну и пусть. Если не останется другого выхода, лучше уж задохнуться, чем погибнуть от рук этих тварей.

Как только по лестнице взбежал первый гарлок, Мэрик бросился ему навстречу. Лицо твари было обуглено, прозрачные глаза горели безмерной ненавистью. Король отбил его выпад, затем развернулся и одним ударом снес противнику голову. Из обрубка шеи фонтаном ударила черная кровь.

Следом уже мчались другие порождения тьмы. Сзади самым ухом со свистом пролетела стрела, вонзилась в одного из врагов, и тот покатился по лестнице на пол. Вскинув меч, Мэрик бросился в атаку. Теперь, когда самые тяжеловооруженные Стражи либо погибли, либо исчезли бесследно, защищать первую линию обороны предстояло именно ему. Если бы только еще лестница была поуже!

Он отразил мечом удар первого вражеского клинка брызнули искры — и в этот миг над головой пролетел еще один огненный шар. Самого взрыва Мэрик не видел шар упал слишком далеко, — однако грохот и волна нестерпимого жара едва не сбили его с ног. Несколько порождений тьмы, уже взбежавших на лестницу, упали; Мэрик воспользовался случаем и воткнул одному из них меч в затылок.

Клуб густого дыма окутал его, он закашлялся, задыхаясь, и тут его швырнуло навзничь: это низкорослый генлок в потрепанном пластинчатом доспехе с шипами прыгнул на него и всем своим весом ударил в грудь. Мэрик взвыл от боли, ударившись головой о ступеньку, и с ужасом смотрел, как генлок ликующе заносит дубинку, чтобы раскроить ему череп.

Сделать это генлоку помешала перепрыгнувшая через Мэрика Ута. Король успел лишь заметить, как промелькнули мимо коричневое платье и длинная рыжая коса, и тут же генлок, напавший на него, отлетел прочь. Вскочив, Мэрик увидел, как гномка, придавив своей тяжестью поверженную тварь, ударом кулака разбила ей лицо. Брызги крови и обломки зубов полетели во все стороны. Без малейшей задержки Ута развернулась и ударом ноги в грудь сбросила с лестницы мчавшегося в атаку гарлока.

Над головой снова полетели стрелы. Мэрик поспешно вскинул меч — на него кинулся бледнокожий гарлок, вынырнувший неизвестно откуда. Огромным клинком он нанес такой удар, что Мэрику едва удалось отбить его. Рыча от натуги, король извернулся и наверху рукояти ударил гарлока в лоб. Слышно было, как затрещали кости, и тварь, заскулив от боли, повалилась на пол.

Рядом легко, словно танцую, Дункан сражался с двумя шипящими от ярости гарлоками. Сильверитовые кинжалы порхали в воздухе в ритме биения сердца молодого Стража, нанося быстрые точные удары, и Мэрик невольно залюбовался. Секунда — один гарлок схватился за горло, пытаясь остановить кровь; вторая — кинжал полоснул по голеним другого противника, рассекая кости и сухожилия; третья — обе твари затихли на каменном полу.

В эту минуту на Мэрика хлынула новая волна порождений тьмы, и больше он уже не мог разглядеть никого, кроме наседающих врагов. Король размахивал мечом, чертя воздухе широкие дуги и заботясь лишь о том, как вынудить врагов отступить. Голубые руны на клинке пылали ярко, как никогда, и казалось, что порождения тьмы шарахаются от этого пламени.

Едкий дым жег глаза, от омерзительной вони горелого мяса Мэрика едва не выворачивало наизнанку. Он колот и рубил, почти ничего не видя перед собой. Отрубленные конечности отлетали в сторону, а раненые твари, отброшенные тяжелыми ударами Мэрика, напарывались на оружие своих же товарищей.

Лестница была завалена трупами порождений тьмы, но живые все прибывали. На помосте царили теснота и хаос. Пот заливал лицо Мэрика, дышать в духоте становилось все труднее. Оглянувшись, он увидел Келля. Кистень в руках охотника описывал круги, раздирая

шипастым шаром горла противников. Бок о бок с хозяином бился Кромсай. С его оскаленных клыков обильно капала черная кровь, и всклокоченная шерсть слиплась от крови, только уже красной — его собственной.

Мэрик тоже был ранен. Ныло бедро, проткнутое копьём противника, и эта рана изрядно замедляла движения. Мощным взмахом меча он срубил генлока, пытавшегося проскочить мимо него по лестнице, затем развернулся и насадил на клинок другого, который мчался, высоко занеся над головой черный меч.

Где Фиона? Мэрик огляделся, пытаясь отыскать ее, но увидел лишь беспорядочное кипение боя. Мелькнуло лицо Уты, дравшейся неподалеку, — искаженное гримасой мрачной решимости и забрызганное черной кровью. Вокруг густо клубился дым и царила неразбериха. Надо было ему держаться рядом с Фионой. Надо было защищать ее, а не бросаться вперед.

Мэрик на миг замешкался, услышав, как в хаосе боя прорезался новый звук — гортанный рев, низкий и невероятно громкий. Ничего подобного королю прежде не доводилось слышать. Бросив взгляд на подножие лестницы, он увидел, что на сцене боя появилось новое действующее лицо. То была крупная мускулистая тварь с синей кожей и черными изогнутыми рогами. При виде Мэрика тварь испустила яростный рык, обнажив острые как бритва клыки. Из оскаленной пасти брызнула густая слюна.

— Огр! — донесся сзади встревоженный крик Келля. Синекожий исполин ринулся вверх по лестнице, топчя своих же собратьев и расчищая путь ударами внушительных кулаков. Взгляд его молочно-белесых глаз был устремлен на Мэрика. Два гарлока, оказавшиеся перед огром, заторопились убраться с его пути, но огр не стал дожидаться. Он наступил на одного из них, а другого ударил так, что тот пролетел через всю пещеру и со всей силы врезался в стену. Мэрик, выставив перед собой меч, напряженно следил за несущимся на него огром. Исполин воинственно рыкнул и обрушил на короля удар могучего кулака. Мэрик откатился вбок и тут же вскочил, не сводя глаз с нового врага. Из-под громадного кулака брызнули во все стороны осколки камня, и в ступеньке образовалась изрядных размеров трещина. Огр остановился, повернул рогатую голову, впери в Мэрика злобно сверкающий взгляд, словно лишь сейчас сообразил, что этого противника не так-то легко будет прикончить.

Тварь кинулась на Мэрика, молотя по воздуху громадными когтистыми лапами. Одного удара такой лапы хватило бы, чтобы оторвать Мэрику голову. Король отпрыгнул от нового удара, перекатился вперед и рубанул огра по ногам. Меч без малейших усилий рассек толстую синюю кожу, и из раны брызнула черная кровь.

Огр извернулся, пытаясь когтистыми лапами сграбастать Мэрика. Тот чудом увернулся, снова откатившись вбок. Дым гуще заволок все вокруг, глаза слезились, но он не упускал чудище из виду.

Издав оглушительный рев, огр выпрямился, а затем с невероятной силой грохнул кулаками по лестнице. Мощный удар сотряс все сооружение, и Мэрик от толчка опрокинулся на спину. В ушах у него звенело, и, мотая головой, он вдруг увидел, что над ним нависла синяя исполинская туша.

Мясистые лапы схватили короля и подняли над толпой. Меча Мэрик не выронил, но что толку в оружии, если обе руки прижаты к бокам? Он извивался, пытаясь вырваться, но огр сдавил его так, что, доспехи впились в тело. От невыносимой боли король закричал.

И, открыв глаза, увидел прямо перед собой морду огра. Видны были все бороздки на изогнутых рогах, все жилы, вздувшиеся под синей кожей. Тварь злорадно оскалилась, и в ноздри Мэрику ударила трупная вонь его дыхания.

“Он может откусить мне голову этими клыками, — отрешенно подумал Мэрик. — Или просто раздавить всмятку. Что ж, подобная смерть не так уж плоха. Куда лучше, чем разбить голову, поскользнувшись в луже, или подавиться куриной ножкой”.

Он с силой зажмурился, ожидая неизбежного. Внезапно по всей пещере прокатился гром, и прямо в грудь огра ударила молния. Волна жара обожгла лицо Мэрика, уши заложило

от грохота, и он вывалился из лап огра, которого ударом молнии отбросило назад. Исполин заревел от боли. Мэрик шлепнулся на лестницу, неловко подвернув ногу. Он так и покатился бы вниз по ступенькам, если бы не ткнулся в груды вражеских трупов, заваливших подъем.

Мэрик застонал, не в силах пошевелиться, и увидел, как огр медленно понимается на ноги. След от удара молнии, занимавший большую часть его груди, до сих пор шипел и дымился. Чудовище устремило злобный взгляд на вершину лестницы — там стояла Фиона, и над навершием ее посоха курился дымок. Забрызганная черной кровью и измазанная сажей, с искаженным в яростной ухмылке лицом, она подала на эльфийскую богиню мести.

— Точно! — выкрикнула она. — Попробуй добраться до меня, синий ублюдок!

Огр заревел в ответ и с силой опустил кулаки на ступеньку у себя под ногами. Лестница содрогнулась от удара, и Мэрик не сразу сообразил, что задумал исполин. И лишь потом увидел, как огромные когти огра вгрызаются в каменную ступеньку. Испустив надрывный громкий стон, чудовище выдрало когтями кусок камня. Посыпались обломки камня, и один обломок, вполне годный на то, чтобы разозлить Мэрику голову, упал на ступеньку едва ли в шаге от него.

Взревев от усилия, огр швырнул кусок ступеньки в Фиону. Эльфийка вскинула посох и прокричала заклинание. С посоха, облекшегося в ослепительно-белое пламя, сорвалась еще одна молния и ударила прямо в летящий снаряд. С оглушительным треском, который раскатился по всей пещере, камень превратился в облако пыли и мельчайших осколков, брызнувших во все стороны.

Фиона, бледная от изнеможения, отступила шатаясь, и огр неуклюже ринулся вверх по лестнице. Мэрик, собрав силы, вынудил себя подняться. Вывихнутая нога словно горела огнем. Превозмогая боль, он побежал за огром, перемахивая разом через две, а то и три ступеньки.

Огр добрался до вершины лестницы, и его исполинская туша нависла над магичкой. Фиона подняла было посох и из последних сил попыталась сотворить заклинание, однако вокруг нее лишь завихрились бессильные завитки света. Огр победно заревел.

В это мгновение Мэрик подбежал сзади к твари. Не замедляя бега, он с громким воинственным кличем всадил рунный клинок между лопаток огра, прорубая толстую кожу и кость.

Фонтан холодной черной крови ударил из раны, заливая лицо короля. Огр пронзительно завизжал от боли, выгибая спину и хватаясь когтистыми лапами за пустоту. Неистово изгибаясь, он безуспешно пытался дотянуться до обидчика. Мэрик из последних сил цеплялся за меч, но пальцы его выпустили рукоять, которая стала скользкой от черной крови. Отлетев в сторону, он упал на помост и ударился головой о камень.

Огр выгнулся еще сильнее, стараясь добраться до источника невыносимой боли. Мэрик видел, что из его груди выступает кончик рунного клинка. Синекожий исполин медленно, как бы нехотя, завалился назад, а затем рухнул навзничь. Лестница содрогнулась под его тяжестью, и исполинская туша покатила по ступенькам.

Облако дыма заволокло лицо Мэрика, разъедая глаза. Он ощущал кожей жар бушующего неподалеку пламени, слышал, как с шипением лопаются в огне гроздь скверны. Где-то вдалеке раздался лай Кромсая, потом что-то прокричал Дункан. Мэрик ничего не видел, совсем ничего. В ушах стоял гулкий звон, но потом он понял, что звенит у него в голове. Голова раскалывалась от ноющей боли, и он не мог шевельнуться.

— Мэрик! — Это был голос Фионы.

Король вдруг понял, что лежит с закрытыми глазами. Шум боя внезапно стал невообразимо далеким, как если бы все это происходило вовсе не здесь и к нему, Мэрику, не имело ни малейшего отношения. Слабость охватила его, и с ней снизошел безмерный покой. Он открыл глаза и увидел над собой лицо Фионы. Магичка была бледна от изнеможения, ее темные, коротко подстриженные волосы слиплись от черной крови, которая текла струйками по лицу. Она обнимала Мэрика, и он чувствовал, как из его разбитой головы сочится кровь. Какое испуганное лицо у Фионы, подумал он.

Король хотел успокоить ее, но не мог. Рука, словно налитая свинцом, почти не повиновалась; он попытался погладить Фиону по щеке, но промахнулся.

— Вставай, Мэрик! Ты должен встать! — отчаянно крикнула Фиона.

Затем ее внимание отвлекло что-то другое. Глаза Фионы, устремленные вдаль, округлились от ужаса, и монотонный гул внезапно стал громче. Он заполнял всю пещеру, и Мэрик без труда представил себе, как на них сразу с двух сторон катится новая волна порождений тьмы.

— Плохо дело, — пробормотал он. — Я-то надеялся, что мы прикончили всех.

— Им нет конца.

Изнуренная, разом растерявшая боевой запал, Фиона обреченно смотрела на приближавшуюся орду. Где-то вдалеке закричал Келль, и Кромсай заскулил от боли.

Мэрик посмотрел на Фиону и слабо улыбнулся. Отчего-то близкий конец не казался ему таким уж страшным. Ему жаль было маленького Кайлана, но он знал, что Логэйн позаботится о мальчике куда лучше, чем позаботился бы он, Мэрик. Слишком долго прожил он, ощущая внутри пустоту, которая только разрасталась с каждым годом.

И однако, сейчас, лежа в объятиях Фионы, Мэрик чувствовал странное умиротворение. Он смотрел на эльфийку и думал только о том, как она прекрасна. Эти темные глаза повидали столько страданий. Мэрику хотелось сказать Фионе, что больше не надо бояться, что теперь все будет хорошо.

А потом на них обрушилась волна магии, леденящей силы, с какой Мэрик прежде никогда не сталкивался. На долю секунды перед его глазами вспыхнула слепящая белизна, а затем он погрузился во тьму. И сожалел сейчас только о том, что он — один.

Глава 16

Благословенны те, кто встает
Против зла и скверны и не отступает.
Благословенны хранители мира,
защитники справедливости.

Песнь Благословений, 4:10

— Дункан!

Звук собственного имени медленно проникал в сознание Дункана, и он не сразу, но все же сообразил, постепенно приходит в себя. Шажок за шажком выкарабкивался он из мутного марева поглотившей его боли. Он помнил бой. Помнил, как в пещеру ворвался огр и как потом бесконечные волны порождений тьмы накрыли их с головой. Копье вонзилось ему в живот и вышло с другой стороны. Дункан помнил невыносимую боль, помнил, как изо рта, пузырясь, хлынула кровь и враги навалились на него. А потом...

Он очнулся и резко сел. Слишком резко. Барабанный рокот в висках превратился в мучительную боль. Дункан поморщился, схватился обеими руками за голову, словно так можно было не дать ей лопнуть. Именно тогда он обнаружил, что на руках у него тяжелые железные кандалы.

— Что за... — пробормотал он.

— Осторожнее, — предостерег тот же голос, что звал его по имени. — Мы все ранены.

По-прежнему сжимая обеими руками голову, Дункан медленно открыл глаза. Небольшую комнату озарял резкий оранжевый свет, исходящий от странного амулета, который висел возле двери. При взгляде на него боль в голове вспыхнула с новой силой, и юноша поспешно отвел глаза.

Голос, который советовал быть осторожнее, оказался прав: Дункан обнаружил, что перевязан. Широкий кусок плотной материи стягивал живот, и под ним на ране было еще

что-то мягкое, согревавшее и в то же время вызывавшее зуд. Другие повязки были наложены на плечо и левое бедро — Дункан даже не помнил, когда получил эти раны, хотя теперь они болели так, что только держись. Полотно, которое использовали для перевязки, отливало желтизной и вообще выглядело подозрительно.

— Как ты себя чувствуешь?

Обеспокоенный голос принадлежал Фионе. Дункан поморгал, привыкая к свечению амулета, и увидел, что эльфийка сидит рядом. Выглядела она ужасно: волосы слиплись от засохшей черной крови, в кольчуге, заляпанной кровью, зияло несколько прорех, юбка порвана и вся в грязи. На руках у Фионы тоже были кандалы, и от их замка к стене протянулась ржавая цепь.

Остальные выглядели не лучше. В тусклом оранжевом свете Дункан различил Келля. Нога у него была почти целиком обмотана повязками, кожаная куртка лишилась рукавов и превратилась в изодранный жилет. Желтоватое полотно закрывало почти всю грудь охотника, и из пары прорех сочилась темная сукровица. Рядом с Келлем спал Кромсай, охотник с отрешенным видом поглаживал пса. На собаке повязок не было, но шерсть так слиплась от крови, что наверняка и он не обошелся без ранений.

Рядом, обхватив руками колени, сидела Ута. На лице у нее виднелось несколько неглубоких ран, коричневое платье было так перепачкано сажей и кровью порождений тьмы, что казалось черным. Она мрачно разглядывала свои кандалы — с таким видом, словно надеялась отпереть замок одной только силой взгляда.

Король Мэрик лежал на полу по другую сторону от Дункана. Он до сих пор не пришел в сознание, и повязка, обмотавшая голову, была пугающе обильно пропитана кровью. Сильверитовый доспех короля потускнел, потемнел и был так испачкан, что Дункан не сумел определить, есть ли у Мэрика и другие раны.

Комната, в которой они находились, была тюремной камерой. Длинное, узкое помещение с каменными стенами и цепями, которые крепились к стенам внушительного вида крюками. Сами стены в изобилии покрывала скверна, ее черные щупальца расползались во все стороны, и Дункан порадовался тому, что мрак, залегший в углах камеры, скрывает большую часть этого отвратительного зрелища. Затхлый воздух был пропитан запахом крови и насыщен омерзительной взвесью, которая проникала в легкие с каждым вдохом.

— Дункан, как ты себя чувствуешь? — повторила Фиона. — Мне кажется, ты еще не вполне пришел в себя.

— Это точно, — пробормотал он. — Как мы сюда попали?

— Не знаю. — Фиона оглядела камеру, и взгляд ее остановился на каменной двери. — Мы не можем добраться до двери, чтобы узнать, заперта она или нет, а в кандалах я не могу творить заклинания.

— Что, совсем не можешь?

— Не могу сотворить ничего такого, что бы помогло нам выбраться. — Фиона перевела взгляд на Мэрика, лежавшего рядом с Дунканом, и на лице ее отразилась неприкрытая тревога. — Ты не мог бы проверить, что с Мэриком? Он до сих пор ни разу не шевельнулся, а я не могу до него дотянуться.

Дункан повернулся к Мэрику, подобрал повыше цепь кандалов — она оказалась довольно увесистой — и прижал пальцы к шее короля. Пульс хотя и слабый, но, безусловно, был.

— Он жив.

Фиона облегченно вздохнула. Охотник, хмурясь, поглядел на них.

— Песня здесь звучит очень громко, — заметил он.

— Какая песня? — удивился Дункан.

Он ничего такого не слышал: в узкой камере, если не считать их дыхания, стояла полная тишина. Зато он чуял, что вокруг полным-полно порождений тьмы — бескрайнее море, которое начинается сразу за дверью. Неужели этим тварям нет конца?

Фиона лукаво взглянула на него:

— Ты что же, и вправду ее не слышишь?

— Что я не слышу? Нет здесь никакой песни.

Эльфийка искоса глянула на Келля:

— Я слышу ее очень слабо, как бы издалека. Раньше я думала, что этот звук исходит от порождений тьмы, но теперь в этом не уверена.

— Это Призыв, — торжественно и мрачно сказал Келль.

Фиона уставилась на него, потрясенная до глубины души, и Дункан разделял ее чувства. Призыв? Но ведь быть того не может, чтобы Фиона услышала его так рано!

Ута, обращаясь к охотнику, сделала несколько жестов, и Келль кивнул:

— Я тоже не думаю, будто это из-за того, что мы на Глубинных тропах. С нами происходит что-то неладное.

Он указал на пятна скверны, темневшие на его руках и груди в тех местах, где ее не прикрывала повязка. Пятен было много. Если бы такого человека увидели на городской улице, дети наверняка швыряли бы в него камнями и обзывали прокаженным, если не хуже.

На лице Фионы проступил ужас. Она подняла скованные запястья, и рукав подкольчужной рубахи сполз, обнажив руку. Она была покрыта длинными царапинами и запекшейся кровью, но среди них отчетливо были видны пятна скверны. Не такие обширные, как у Келля, но вполне узнаваемые.

— Я осматривала себя только вчера! Ничего подобного не было!

— Скверна пожирает нас изнутри, — согласился Келль. — И гораздо быстрее, чем следовало бы.

Ута сумрачно кивнула и снова уставилась на кандалы.

Дункан извернулся, пытаясь осмотреть на себе открытые участки кожи. Таковых оказалось немного. Кожаные ремни, прикрывавшие плечи, кое-где разболтались, но не настолько, чтобы доспех сполз. Правда, штаны были разорваны, но кожа в прорехах оказалась так плотно покрыта засохшей кровью, что разглядеть что-то было невозможно. Впрочем, на руках у него пятен не было.

— Я ничего не вижу, — волнуясь, объявил он. — И не слышу никакой песни.

Фиона пожала плечами:

— Ты позже всех нас прошел Посвящение.

Это было малоутешительно. Фиона прошла ритуал всего лишь на несколько месяцев раньше Дункана, в то время как Келль и Ута были Серыми Стражами уже много лет.

— Стало быть, вот где порождения тьмы держат пленников, — проговорил он, надеясь сменить тему. — Интересно, палачи у них есть? И придут ли они нас допрашивать?

Ута сделала неприличный жест, и Келль, нахмурясь, поглядел на нее.

— Он же не знает, — мягко упрекнул он и, повернувшись к Дункану, пояснил: — Порождения тьмы не держат пленников. Серым Стражам известно, что порождения способны заниматься простейшим ремеслом, однако у них, судя по всему, нет никакого желания допрашивать нас или выведывать наши планы. Они, знаешь ли, довольно простые и прямолинейные существа.

— Не хотелось бы тебе перечить, однако все смахивает на то, что мы тут пленники.

— Знаю. — Светлые глаза охотника сузились, он помолчал, — обдумывая разговор. И едва слышно пробормотал: — Я надеялся, что здесь окажется Женевьева.

Время шло медленно. Оружие у них отобрали, как и дорожные мешки, так что еды не было, и запас лечебных снадобий, который прихватила с собой Фиона, тоже оказался в руках порождений тьмы. Время от времени издалека доносились странные звуки — громкий металлический звон, словно чем-то тяжелым молотили по железу, потом протяжные стоны. Кроме того, снаружи слышны были шипение и шаркающие шаги. Звуки были слабые, едва различимые, но сомнений не оставалось — там, за дверью, были порождения тьмы, но пленников они отчего-то не трогали.

Прошло время, и Мэрик подал признаки жизни. Вначале он застонал, и Дункан, по настоянию Фионы, осмотрел повязку и убедился, что неведомая дрянь, которую наложили на

рану, все-таки сделала свое дело. Кровотечение остановилось. Юноша легонько потряс короля за плечо, и тот наконец открыл глаза.

С минуту он бессмысленно моргал, затем повернул голову и поглядел на Дункана. Взгляд его был рассеян, и он еще не вполне сознавал, что с ним происходит.

— Кайлан?.. — простонал он.

Дункан хихикнул:

— Ну разве что, если твой сын нисколько не похож на тебя.

Мэрик опять поморгал:

— Дункан?

— Точно.

Помочь королю сесть оказалось делом нелегким и долгим, а затем последовал тот же вопрос, который задал, очнувшись, Дункан. Фиону явно радовало уже то, что Мэрик хотя бы пришел в себя и с каждой минутой держится все увереннее.

— Что это была за ледяная магия? — пробормотал он. — Кто сотворил заклинание?

— Эмиссар, — ответила Фиона. — Правда, его самого я не видела.

— Эмиссары — это те, что умеют говорить, да? Что ж, если нам повезет, мы его рано или поздно увидим.

Снова потянулись часы, и пленники по очереди поспали. Нельзя сказать, чтобы сон пошел им на пользу: в камере было слишком холодно и всех донимали, раны. Дункану отчаянно хотелось содрать повязку и соскрести загадочную мазь, которая вызывала такой зуд. Если эту мазь и впрямь приготовили порождения тьмы, то молодой Страж не желал, чтобы она соприкасалась с открытой раной. Оставалось только гадать, что натворит эта дрянь, смешавшись с его кровью. При одной мысли об этом юношу тошнило.

Наконец снаружи послышались новые звуки. Пленники вскинулись: к двери камеры приближались чьи-то шаги. Их там несколько, подумал Дункан. По меньшей мере трое. Явно порождения тьмы — он чуял, как от них несет скверной. С надрывным пронзительным скрипом дверь распахнулась, хотя Дункан так и не услышал скрежета, с которым ключ поворачивается в замке. Значит, их не запирали? Странная тюрьма, что и говорить.

Первым в камеру вошел эмиссар. Дункан никогда прежде не видел таких тварей, но этот выглядел именно так, как он всегда представлял себе мага порождений тьмы: грязная мантия, черный посох, небольшая сморщенная голова и мертвенный оскал зубов. И все же, как бы омерзительно ни выглядел эмиссар, в каждом его движении были спокойствие и достоинство, что говорило о развитом разуме. Этот гарлок вовсе не был заурядным чудовищем. Глядя на него, Дункан не знал, что ему надлежит чувствовать — восхищение или ужас.

Два гарлока, вошедшие следом, выглядели куда более воинственно. И все-таки вид у них был странный. Их сморщенная, пораженная скверной кожа выглядела немного иначе, и глаза у них были не мертвенно-белесые, а красные, словно налитые кровью. Может, это вурдалаки? Волос у обоих не было, но Дункан тем не менее видел, что одно из этих порождений явно женского пола и...

Он остолбенел, испытав потрясение даже прежде, чем ел понять его причину. Женщина в упор, испытующе смотрела на него. Жесткие черты ее лица, твердо сжатые губы — все это было знакомо Дункану. Черного плаща с гербом Серых Стражей на ней не было, но доспехи она носила те же самые — только теперь они потускнели, а не сверкали серебром, как раньше.

— Женестьева!.. — беззвучно выдохнул он.

Глаза Мэрика округлились, и все остальные, осознав правду, испытали не меньшее потрясение. Кромсай поднял голову и опасно зарычал.

— Что с тобой произошло? — изумленно пробормотал Келль.

Женестьева подняла руку, обернувшись к эмиссару и второму гарлоку.

— Погодите, — сказала она.

Дункану подумалось, что голос ее звучит странно. В нем слышалось слабое шипение, и

от этого звука бросало в дрожь. Повернувшись к ним, Женестьева опустилась на колени, по очереди оглядела всех налитыми кровью глазами.

— Только не пугайтесь, — проговорила она.

— Ты, наверное, шутишь, — фыркнул Мэрик.

— Я знаю, что мой вид для вас ужасен. Все ваши чувства твердят, что я порождение тьмы, но это не так. Именно такими становятся Серые Стражи, когда скверна успевае т завладеть их плотью.

Келль поглядел на гарлока в доспехах, стоявшего за спиной у Женестьевы, и во взгляде его мелькнуло узнавание. Женестьева кивнула:

— Это Бреган, мой брат.

Бреган наклонил голову, не говоря ни слова. И все они, онемев от потрясения, смотрели на него. Дункан не был знаком с братом Женестьевы и мог только воображать, каким этот человек окажется при встрече, но такое ему и в голову не приходило.

— А это — Архитектор.

Женестьева указала на эмиссара, и тот учтиво поклонился.

— Архитектор?.. — с подозрением в голосе повторила Фиона.

— Мне посчастливилось отыскать вас вовремя, — проговорил эмиссар. Речь его была куда мягче и выразительнее, чем Дункан мог ожидать от порождения тьмы. — Моя способность управлять поведением собратьев имеет свои пределы и, увы, не всегда действена. Когда в них проснулась жажда крови, даже я не сумел отвести их от вас. Я прошу прощения за то, что вы оказались так близки к гибели. Такой исход был бы крайне плачевен.

— Ты просишь прощения? — Фиона одарила его уничтожающим взглядом.

Женестьева снова подняла руку, выразительно глянув на эмиссара, и нахмурилась:

— Я понимаю, как все это выглядит в ваших глазах, но прошу только одного: дайте мне возможность объяснить вам то, что уже объяснили мне.

Пленники молчали. Дункан даже не представлял, что они могли бы ответить на эти слова. Он не мог оторвать взгляда от своего командира... или, наверное, бывшего командира. Нельзя же быть одновременно и Серым Стражем, и порождением тьмы. Серые волосы Женестьевы исчезли, кожа потемнела и сморщилась. Зато бесследно ушло и безумное напряжение, которое владело ею в последние дни. Ему на смену явилась хладнокровная целеустремленность, которая сквозила в каждом движении, в каждом жесте Женестьевы. Интересно, подумал Дункан, видят ли это остальные?

— Я не понимаю, — медленно проговорил Келль. — Значит, мы попали сюда не случайно? И теперь, когда ты нашла брата, твои планы изменились?

— Мои планы остались прежними, — торжественно проговорила она.

— Если ты и вправду хочешь с нами поговорить — освободи нас. К чему держать нас в плену?

Женестьева переглянулась с Архитектором. По лицу эмиссара Дункан ничего не смог разобрать, однако она тяжело вздохнула и снова повернулась к охотнику:

— Так будет, пока вы не выслушаете наши объяснения. Ради вашего же блага.

— Ясно.

Что еще можно было сказать?

— Архитектор не такой, как его сородичи. То, что управляет всеми порождениями тьмы, над ним не властно, и он Хочет сделать своих братьев такими же свободными.

Эмиссар задумчиво потер подбородок.

— Если мы перестанем быть подвластны зову Древних Богов, — сказал он, — у нас не будет причины их искать. У нас не будет причины подниматься на поверхность, и не будет Мора.

Ута резко вскинула голову, словно услышав нечто необычайно для нее важное. Келля эта речь тоже явно не оставила равнодушным. Фиона приглушенно ахнула:

— Не будет Мора? Ты хочешь сказать — никогда?

Женевьева улыбнулась, обнажив два ряда острых, пожелтевших под воздействием скверны зубов.

— Теперь понимаете? У Архитектора есть план, который под силу исполнить только Серым Стражам. — Она сделала глубокий вдох. — Мы существуем на полпути между человечеством и порождениями тьмы. В нас есть скверна, но мы ей не подвластны. В силах Архитектора ускорить развитие скверны в нашей плоти, превратить нас в то, чем мы неизбежно становились бы, если бы традиция ордена посылала нас на смерть.

— Но зачем? — ужаснулась Фиона.

— Затем, что порождения тьмы теперь не обращают на нас внимания, — ответил ей Бреган.

Женевьева оглянулась на брата, и он, шагнув вперед, встал рядом с ней. От него веяло неистойвой убежденностью. Налитые кровью глаза сверкали.

— Мне известно, где находятся Древние Боги. Серым Стражам это всегда было известно. Трудность в том, что они всегда были вне пределов нашей досягаемости, в местах, незнакомых нам и кишаших порождениями тьмы.

Он умолк, давая пленникам возможность осмыслить его слова. Ута возбужденно зажестичулировала, и Женевьева горячо кивнула:

— Если бы таких Серых Стражей, как мы, было больше, если бы нам помогало порождение тьмы, знакомое с подземными краями, мы могли бы отыскать Древних Богов и убить прежде, чем скверна изменит их. Мы прекратили бы Мор прежде, чем он начнется, и покончили бы с Призывом.

— И освободили бы моих братьев, — прибавил Архитектор — негромко, почти благоговейно.

То, как он при этом сцепил пальцы на груди, напомнило Дункану манеры служителей Церкви. Был ли этот жест намеренным? Неужели эмиссар лицедействует?

— Ты хочешь сказать этой твари, где искать Древних Богов? — выкрикнула Фиона.

— Уже сказал.

Ответ Брегана ошеломил всех. Пленники потрясенно смотрели на него. Брат Женевьевы скрестил руки на груди и высокомерно смолк.

— Нам представилась редкостная возможность, — медленно проговорила Женевьева. — Мы можем сделать то, ради чего Серые Стражи существуют уже много веков — веков, в которые на мир раз за разом обрушивался Мор, убивая бесчисленное множество людей и грозя уничтожить все живое. Мы можем покончить с этим! — Она выразительно хлопнула ладонью по сжатому кулаку. — Мы — Серые Стражи, мы поклялись сделать все для победы над порождениями тьмы. Мы пожертвовали свои жизни в ту минуту, когда прошли Посвящение и испили оскверненной крови. И одно только существование Архитектора дает нам шанс совершить то, что казалось невыполнимым!

— Если вы верите этому порождению тьмы, — сказал вдруг Мэрик.

Бреган смерил короля холодным взглядом. Все прочие тоже странно взглянули на него, и Дункан знал почему. Мэрик, единственный среди них, не был Серым Стражем. Входит ли в этот план и его участь? Дункан хотел спросить, что будет с королем, но потом вспомнил слова Женевьевы, сказанные в первую ночь, которую отряд провел Глубинных тропах: если Мэрик узнает то, чего ему не следует знать, он должен умереть.

Лучше уж, пожалуй, об этом пока не спрашивать.

— Да, — наконец неохотно подтвердил Бреган, — если мы верим этому порождению тьмы.

— А вы верите? — быстро спросил Келль.

— Да, я верю в его замысел.

— А я верю Брегану, — вставила Женевьева, глядя на брата с неподдельной нежностью. Странно было видеть подобное выражение на лице, исковерканном скверной, в налитых кровью глазах.

— А откуда нам знать, что вашими мыслями не управляет кто-то другой? —

недоверчиво спросила Фиона. — Всем известно, что магия крови дает власть над чужим разумом. Тот, кто попал под влияние мага крови, зачастую даже не подозревает об этом.

— Будь это так, — отозвался Архитектор, — зачем бы нам вообще понадобилось вас убеждать?

— Тогда скажи мне вот что, — бросила она. — Если твои собратья и впрямь получают свободу, разве это сделает их лучше? Перестанут они устраивать налеты на поверхность? Или нападать на гномов? Перестанут распространять заразу?

Эти вопросы, казалось, ничуть не смутили Архитектора.

— Я свободен, — просто проговорил он. — Это дает мне возможность сознательно поступать иначе, чем мои сородичи. Отчего же ты не хочешь предоставить такую возможность прочим порождениям тьмы?

Фиона заметно смешалась. Бреган подался вперед.

— Это только один шаг, — сказал он, — всего лишь первый шаг, за которым последуют и другие. Однако, прежде чем двигаться дальше, мы должны покончить с Мором.

— И что это за “другие шаги”? — с иронией осведомился Мэрик.

Бреган пропустил его слова мимо ушей. Он кивнул Женевьеве, и она встала:

— Всего мы вам сейчас не станем рассказывать. Пони маю, как это выглядит, однако у нас нет выбора. Я целиком и полностью доверяю брату и готова пойти на все, чтобы исполнить свою клятву. Вы, возможно, настроены иначе. — Женевьева опустила глаза и на минуту неловко смолкла, обдумывая дальнейшие слова. — Благодарю вас за то, что прошли со мной этот путь. Я искренне полагала, что после моего ухода вы повернете назад, но, раз уж вы оказались здесь, я вынуждена просить вас последовать за мной чуть дальше.

Ответом ей было молчание. Наконец Фиона, вскинув бровь, поглядела на бывшего командора:

— А если мы откажемся?

— Тогда вы останетесь здесь, — ответил Бреган. — До тех пор, пока мы не завершим свое дело.

— А как же Мэрик? — выпалил Дункан.

И тут же пожалел, что не сдержался. Все, особенно сам Мэрик, взглянули на него с любопытством. Все, кроме Женевьевы. Если быть точнее, она старательно избегала его взгляда.

— Его отправят на поверхность, — проговорил Архитектор, тщательно подбирая слова. — В свое время.

— Какая любезность, — пробормотал Мэрик.

— Отправят? — не отступал Дункан. — Живым?

На губах эмиссара промелькнуло смутное подобие усмешки.

— К нашим союзникам.

Подробностей не последовало, и Дункан сдался. Ответа на свой вопрос он явно не получит, и остается только гадать, каких “союзников” имеет в виду эмиссар. Союзников Брегана, скорее всего. Дункан заметил, что Женевьева при упоминании союзников украдкой метнула на брата заинтригованный взгляд. Может, эти двое и ей рассказали не все? Занятно.

Женевьева повернулась, чтобы уйти.

— Я даю вам время, чтобы принять решение, — сказала она. — В конце концов, если мне и Брегану придется исполнить это дело вдвоем, значит, так и должно быть.

Бреган кивнул сестре, но, когда вся троица двинулась к выходу, Ута вдруг с силой ударила кандалами по каменному полу. Звон металла привлек всеобщее внимание. Гномка сидела, пожирая взглядом Женевьеву и Брегана. Дункан не мог понять, какие чувства ее обуревают — ярость или нечто другое.

Ута одной рукой сделала несколько жестов. Рука ее двигалась быстро и отчетливо. Уверенно. Лицо гномки при этом не изменилось, но Келль потрясенно вздрогнул:

— Нет, Ута! Не надо!

— У тебя есть еще время подумать, если...

Ута недвусмысленно рассекла ладонью воздух: нет.

Келль с отчаянием смотрел на нее, качая головой.

— Нет, прошу тебя, подожди! Мы могли бы...

Гномка повернулась к охотнику и печально взглянула на него. Дункан видел, как руки ее замелькали, плетя паутину жестов, предназначавшихся только охотнику. Дункан почти ничего не понял, ясно было только, что это объяснение, сопровождавшееся резкими движениями ладоней и решительным выражением лица.

Зато на лице Келля все явственнее проступала безысходность. Наконец он обреченно кивнул:

— Если ты считаешь, что так надо...

Ута энергично помахала ладонью. Да, она именно так и считала.

Женевьева посмотрела на гномку с болью, но затем перевела взгляд на стоявшего у нее за спиной Архитектора и коротко кивнула. Эмиссар, опираясь на посох, шурша складками мантии, опустился на колени рядом с Женевьевой и протянул гномке тонкую увядшую руку.

Ута взяла ее, стиснув зубы и не сводя глаз с эмиссара. Дункан ожидал, что сейчас зазвучит заклинание, начнется некий ритуал, однако в камере стояла мертвая тишина. Архитектор неотрывно смотрел в глаза Уты, и вначале ничего не происходило. Затем на руке, к которой прикасался эмиссар, начали проступать темные жилы. Они переплетались, становясь все темнее, и наконец покрыли всю ладонь Уты.

Гномка закрыла глаза, чуть заметно дрожа. Дункан видел, как черные жилы проступили на ее шее. Дрожь, сотрясавшая тело Уты, стала отчетливее, и гномка сильнее стиснула зубы, стараясь держать себя в руках. Проснулся, почуяв неладное, Кромсай, и, когда он увидел совсем рядом порождение тьмы, когда ощутил воздействие странной магии, — в горле пса заклокотало рычание. Келль, пытаясь утихомирить пса, положил ладонь на его загривок. Сам охотник отвернулся и крепко зажмурился. У него не было сил вынести это зрелище.

Вокруг ладони Архитектора возникла тень, черная бесформенная масса, которая словно выползала из него. Тень разрасталась, и в тесной камере ощутимо похолодало. Дункан поежился от холода и увидел, что на стене рядом с Утой нарастает иней. Дыхание срывалось с губ белыми облачками. Тень переползла с руки Архитектора на ладонь Уты, а потом медленно всосалась в ее плоть. Кожа гномки собиралась в морщины, увядая на глазах, и воздух наполнился омерзительной вонью разложения.

Ута начала дергаться в конвульсиях, но тем не менее пыталась преодолеть боль, которая обжигала ее изнутри. Темные пятна на коже разрослись, напоззли на шею, покрыли лицо. В медно-рыжих волосах появились седые нити, и вскоре волосы совсем побелели. Длинная коса гномки извивалась и корчилась у нее за спиной, словно спичка, выгорающая дотла. Глаза Уты резко распахнулись — уже красные, словно налитые кровью, рот открылся в беззвучном крике, и остатки седых волос попросту осыпались с ее головы.

А потом все закончилось.

Ута выдернула ладонь из руки Архитектора и скорчилась, содрогаясь всем телом в ознобе, который постепенно затихал. Белые облачка дыхания, срывавшиеся с ее губ, становились все бледнее и наконец исчезли. Гномка не шевелилась. Дункану на миг почудилось, будто она умерла, но, когда Ута медленно села, стало ясно, что ей попросту холодно.

Эмиссар кивнул гномке и опустил руку. Стылый холод, царивший в камере, тотчас же заметно ослабел, хотя окончательно не исчез.

Пленники неотрывно смотрели на Уту — все, кроме Келля. Он упорно отводил глаза, успокаивая жалобно скулящего Кромсая. Фиона качала головой, словно не веря собственным глазам, и видно было, что она в бешенстве, но сам Дункан не знал, что и думать. Ута выглядела теперь так же, как Бреган и Женевьева — безволосая голова, сморщенная кожа, налитые кровью глаза, — однако держалась при этом совершенно спокойно. Она коротко кивнула Архитектору, и тот провел пальцем по ее кандалам. Замок с громким щелчком открылся.

Неплохой прием, подумал Дункан. Надо будет как-нибудь ему научиться.

Гномка поднялась на ноги, отошла к Женеьеве и встала рядом, даже не оглянувшись на своих прежних товарищей.

— Благодарю тебя, — сказала Женеьева дружеским тоном, каким обычно хвалят хорошего солдата. Ута снова кивнула, но не сделала ни единого жеста. — Женеьева перевела взгляд на охотника. — А ты, Келль?

Охотник молчал, избегая смотреть на нее, но Дункан по его смятенному лицу видел, что его терзают сомнения. Глаза его были закрыты, брови страдальчески нахмурены.

Женеьева взглянула на Фиону — без особой, впрочем, надежды.

— Фиона?

Магичка обожгла ее полным ненависти взглядом.

— Да как ты смеешь спрашивать меня об этом? — процедила она. — Нас швырнули в камеру, ничего толком не рассказали, а теперь ты ждешь, что мы снова потрусим за тобой, как послушные собачки? Ты же бросила нас!

— Вам следовало повернуть назад.

— Но мы не повернули! Мы хотели завершить миссию!

— И я тоже. И до сих пор этим занимаюсь. — Женеьева презрительно фыркнула. — Ты же не ребенок. Именно в этом состоит наш долг. Именно в этом. Мы идем на жертвы, чтобы покончить с Мором. Вы пришли сюда за мной в первую очередь именно поэтому.

— Ты спятила. — Эльфийка с негодованием помотала головой. — Если бы я хоть на минуту поверила, что вы и вправду сумеете покончить с Мором...

Женеьева оборвала ее на полуслове, повернувшись к Дункану.

— Ну а ты? — спросила она.

Этот вопрос застиг Дункана врасплох. Как же ему поступить? На свой лад Женеьева права. Все они, по сути, уже мертвы. Его бы давно казнили, если бы он не стал Серым Стражем. Он проживает срок, взятый взаймы у судьбы, так есть ли разница в том, каким образом он будет бороться с Мором? Точно так же он мог бы погибнуть в пещере с алтарем или в других боях, а так, по крайней мере, у него будет шанс совершить нечто по-настоящему значимое.

И все же его удивляло то, как неожиданно переменилась Женеьева. Еще недавно она была так исполнена решимости найти брата и, если понадобится, убить его, словно это составляло смысл ее жизни. Теперь же она стремилась к совершенно другой цели — и это всего лишь после одного разговора с Бреганом и его дружкой-эmissаром. Что же здесь на самом деле происходит? И почему Женеьева согласилась во все это ввязаться?

Однако Дункану очень хотелось верить ей. Хотелось доказать, что из него выйдет именно такой Серый Страж, каким хотела бы видеть его Женеьева.

— Я... — начал он и устался на Женеьеву, не в силах связно сложить ответ.

— Не делай этого, — едва слышно пробормотал Мэрик.

— Не вмешивайся! — рявкнула Женеьева.

— Нет, вмешивайся! — Фиона с силой грохнула кандалами по полу и обожгла ее яростным взглядом. — Неужели здесь только мы в своем уме? Ты готова поставить все на какой-то сомнительный козырь! На слова порождения тьмы!

Женеьева словно и не расслышала ее.

— Итак, Дункан?

— Я... не знаю, — выдавил он.

Ответ прозвучал жалко, и Дункан вспыхнул от стыда, когда на лице Женеьевы отразилось явное разочарование.

— Пусть будет так. — Она махнула рукой Уте, Брегану и эmissару, подавая знак уходить. Сейчас мы оставим вас, поразмыслите над своим выбором.

Дункан смотрел, как все четверо друг за другом покидают камеру, и, когда каменная дверь с гулким стуком захлопнулась, сердце его сжалось. Отчего-то ему казалось, что он упустил свой шанс.

Камера опустела с уходом Уты. Ее кандалы и цепь валясь на полу рядом с Келлем, словно немой укор, и Дункан старался не смотреть на них. Охотник, измученный душевными терзаниями, подтянул повыше колени и прижался к ним лбом. Кромсай заскулил и ткнулся черным носом ему в подмышку, пытаясь, насколько мог, утешить хозяина.

— Что же нам теперь делать? — безнадежно проговорила Фиона.

Никто не отозвался. После долгого молчания Дункан искоса глянул на эльфийку.

— Что, если ты ошибаешься? — спросил он. — Что, если план — вовсе не безумие? Что, если настоящее сумасшествие — продолжать безнадежный бой, когда есть другая возможность победить?

— По-твоему, бой, который мы ведем, — безнадежный?

— Похоже на то, — хмыкнул он. Ты встречала когда-нибудь Серого Стража, который считал бы по-другому? Сколько раз еще нам суждено сражаться с очередным Мором, прежде, чем мы окончательно потерпим поражение? Мы могли бы прекратить Мор!

— Или только ухудшить дело, — язвительно вставил Мэрик.

— Что может быть хуже, чем сидеть сложа руки?

Король обреченно вздохнул:

— Когда это поиск простых путей приводил к добру? Этот замысел порожден не здравым смыслом. Ваш командор хватается за соломинку, потому что так она и ее брат рассчитывают стать героями.

— Я так не думаю.

— В самом деле? — недоверчиво осведомился Мэрик. — Знаешь, вашего командора трудно назвать уравновешенной особой.

Келль, уткнувшийся лицом в колени, резко вскинул голову.

— Это Призыв, — пробормотал он, едва приоткрыв глаза. — Эта песня звучит у нас в голове, проникает в нашу плоть. Она медленно сводит меня с ума. Если Женестьева слышала ее дольше, чем мы с Утой...

Мэрик кивнул:

— Значит, ими управляет Архитектор. Дождается, пока вы не услышите эту песню...

— Я ее не слышу, — упрямо перебил Дункан.

— Я думаю, что этот Бреган и сам по себе зашел достаточно далеко. Равно как и Женестьева. Они оба дошли уже до той грани, когда должны были убить себя, выйдя на Глубинные тропы. Песня звучит у них в голове, сводит их с ума, и что же делает этот эмиссар? Предлагает им шанс все исправить. Наполнить жизнь новым смыслом.

— И чего, по-твоему, он на самом деле добивается?

— Может, он просто хочет отыскать Древних Богов. — Мэрик помолчал, размышляя. — Может, именно с этого начнется Мор, о котором предупреждала меня ведьма. С того, что Архитектора приведут напрямиком к Древнему Богу.

— Или с того, что мы отказались ему помочь, — возразил Дункан. — Архитектор не похож на тех порождений тьмы, которых мы видели. Может, он и в самом деле не такой, как все они.

— И что это меняет? — спросила Фиона. — Дункан, эти твари — зло. И ты это знаешь. Ты чувствуешь внутри себя то, что течет по их жилам с самого рождения. Ты и вправду готов довериться тому, кто всю жизнь не знал ничего другого?

— И у него есть союзники, — заметил Келль. — Союзники, о которых нам не желают рассказывать.

Дункан понял, что охотник понемногу склоняется к точке зрения Мэрика и Фионы, хотя самого Келля это обстоятельство явно не радовало. Охотник угрюмо покачал головой:

— Управляет нами Архитектор или нет — в любом случае мы не имеем права рисковать.

— Но Женестьева права! — не сдавался Дункан. — Наш долг — одолеть Мор!

Келль впери в него пристальный взгляд своих светлых глаз:

— Наш долг — защитить человечество от Мора. — Голос его зазвучал негромко и

напряженно, и видно было, что с каждым словом в нем крепнет уверенность в своей правоте. — Вот в чем различие. Раз за разом выходим мы в бой с порождениями тьмы, и именно в этом состоит наша обязанность. Мы не вправе судить, не вправе рисковать жизнями тех, кого защищаем.

— Но...

— Нам дано принимать нелегкие решения, которые нельзя не принять. Мы не смеем считать, что это делает нас богами.

Дункан привалился спиной к стене, прижался затылком к холодному камню. Это было приятно. Голова шла кругом, и он уже не знал, что и думать. Женестьева всегда говорила, что Серые Стражи делают то, что необходимо. Если было необходимо сжечь дотла деревню, чтобы не дать порождениям тьмы рассеяться по округе, — деревню сжигали. И никто высказывал возражений. Во время Мора слово Стражей было решающим.

Но ведь сейчас не Мор? Порождения тьмы еще не отыскали Древнего Бога, не заразили его скверной, не превратили в архидемона. Цель Серых Стражей состояла единственно в том, чтобы прийти сюда и помешать этому случиться. Женестьева говорила, что нельзя допустить даже малейшей возможности, однако теперь она говорит совсем другое. План, который она восхваляет, допускает, что все пойдет наперекосяк и начнется Мор. Если Архитектор именно к этому стремится, он может достичь успеха, и Серые Стражи не предотвратят Мор, а посодействуют его началу.

Женестьева считает, что ради такой цели стоит рискнуть. Она страстно убеждена в своей правоте — стоит только глянуть на нее, чтобы это понять. И она хотела, чтобы Дункан разделил ее убежденность. Но может быть, она просто упустила из виду то, ради чего на самом деле явилась сюда. Может, ей хочется наполнить смыслом свою жизнь, получить воздаяние за все то, от чего она отреклась.

Или за все то, что у нее отняли.

— Что будем делать? — спросил Дункан в пустоту, стараясь не смотреть на товарищей, хоть и чувствовал, что все они глядят на него. Он внимательно изучил свои кандалы. В глубине души ему отчаянно хотелось махнуть на все рукой, послать всех подальше и встать на сторону командора. Дункан всегда преклонялся перед Женестьевой, видел в ней великую воительницу, для которой не существует невозможного. Именно поэтому он последовал за ней в Ферелден, а потом согласился пойти на Глубинные тропы. Она в одиночку поборола бы угрозу, предотвратила грядущий Мор и доказала бы Серым Стражам свою правоту, а он, Дункан, был бы рядом и помогал ей как мог. В конце концов, он был у нее в долгу.

Но затем он вспомнил, что говорила Женестьева в своем сне. Там Дункан увидел ту сторону ее натуры, о существовании которой и не подозревал. Женестьева оказалась самым обычным человеком, и величия в ее сне было ничуть не больше, чем в других. Стало быть, она тоже не безупречна и способна ошибаться. Отчего-то мысль об этом породила в душе юноши горечь и пустоту, словно он лишился чего-то невероятно важного.

— Выберемся отсюда, — вполголоса заявил Келль.

— Мы должны предостеречь Ферелден, — сказал Мэрик. — Мы должны предупредить людей, что близится Мор, а то и нечто похуже.

— А если Архитектор все-таки прав? — спросил Дункан.

— Тогда в наших предостережениях не будет нужды.

Дункан обдумал его слова и медленно кивнул:

— Что ж, ладно.

Откачнувшись назад, Дункан подтянул колени между скованными руками, чтобы подошвами сапог упереться в кандалы. Фиона, казалось, готова была вмешаться, но Дункан словно не замечал ее. Надавлив сапогами, он до упора сдвинул железные браслеты на кисти рук, преодолевая боль от царапин, оставленных на запястьях шершавым металлом.

Зашипев сквозь зубы, Дункан резко выпрямил ноги, и большие пальцы рук со щелчком выскочили из суставов. Сдирая кожу, оставляя кровавые следы, кандалы медленно сползли. Глухобрякнув, они упали на пол, и Дункан рухнул рядом, тяжело и надрывно дыша. Стиснув

зубы, он с силой уперся ладонями в пол и толчком вправил пальцы. Боль была невероятная, и Дункан явственно чувствовал, как под кожей трещат и рвутся сухожилия. И тем не менее этот фокус сработал.

Он помедлил с минуту, привыкая к острой боли, а затем глубоко вздохнул и вскочил на ноги. И увидел ошеломление лица товарищей.

— А что такого? — с невинным видом осведомился Дункан. — Думаете, мне не случилось выбираться из тюрем и пострашнее этой?

Запустив руку в пояс, он с удовлетворением убедился, что верная отмычка по-прежнему лежит в потайном месте. Дункан с ухмылкой извлек ее на всеобщее обозрение.

— А теперь, — сказал он, — давайте выберемся отсюда, пока они не вернулись.

Глава 17

Создатель, хотя меня окружает тьма,
Я пребуду в свете. Я вынесу бурю. Я выстою.
То, что создал ты, не в силах никто сокрушить.

Песнь Испытаний, 1:10

То, что Дункану удалось отыскать их оружие, было настоящим везением.

После того как Фиона наскоро сотворила пару исцеляющих заклинаний, паренек бесшумно приоткрыл каменную дверь и высунул голову наружу. Чутье Серых Стражей говорило, что вблизи тварей почти нет. Ни охраны, ни патрулей, ни запертых дверей — Дункан высказал мысль, что, даже если порождения тьмы и стали брать пленных, у них явно недостает опыта содержания врагов под стражей.

Мэрик склонен был с этим согласиться. Возможно, их тюремщикам даже в голову не приходило, что пленники способны избавиться от цепей. Или, вполне вероятно, они и представить себе не могли, что пленникам захочется покинуть камеру. Скорее всего, они прекрасно понимали, что побег продлится до первой же встречи с ордой порождения тьмы.

Дункан вернулся через минуту, неся в охапке оружие отряда. Все оно было сложено в соседней камере, там же лежали дорожные мешки и магические броши. Видимо, все эти вещи сохранили на тот случай, если они примут предложение Женевьевы. И все равно то, что к оружию даже не приставили стражу, казалось невероятной глупостью.

Впрочем, может быть, у порождений тьмы вовсе не было стражников. Говорил же Архитектор, что не обладает безраздельной властью над сородичами. Чтобы вырвать Мэрика и его товарищей из лап порождений тьмы, он не приказал попросту прекратить бой, а вынужден был применить магию. Архитектор был чужаком, отщепенцем, а потому в его распоряжении вряд ли было много надежных пособников, которым можно доверить охрану тюремных камер. Мэрика обстоятельство почему-то совсем не огорчало.

Приятно было снова взять в руки меч из драконьей кости, пусть даже покрытый черной кровью огра. Оставалось гадать, как порождения тьмы осмелились дотронуться до рунного меча и даже принести его сюда, но Мэрик и счастливый случай предпочел принять без лишних вопросов.

Нашлись и посох Фионы, и кистень Келля. Только серебряные кинжалы Дункана пропали бесследно. Впрочем, паренек тут же выудил из мешка другое оружие — обсидиановый кинжал с резной, странного вида рукоятью. Дункан прикинул вес кинжала, сделав несколько рубящих взмахов. И остался доволен, и Мэрик должен был признать, что кинжал и впрямь выглядит устрашающе. Черный клинок отчасти напомнил броши Серых Стражей, хотя выглядел куда изящнее и казался сработанным из черного стекла.

— Что ж, по крайней мере, у тебя будет оружие, с которым ты знаком, — заметил Мэрик.

— Я стащил его в башне, когда мы были в Круге магов, — как ни в чем не бывало сообщил Дункан. — Я уж почти и забыл, что он лежит в мешке.

То, что произошло дальше, было уже не везением, а наглядным объяснением того, почему Женестьева так ценила Дункана. Паренек медленно, но верно вел товарищей по залам древних руин, время от времени в одиночку пробираясь вперед, чтобы разведать подходящий маршрут, однако успешно оберегая отряд от встречи с рышущими вокруг порождениями тьмы. Правда, такая опасность возникала нечасто — по неведомой причине порождений в руинах было немного, да и те проходили мимо, торопясь по своим загадочным делам. Отчего так было, Мэрик понятия не имел.

Сами руины были когда-то, насколько сумел понять Мэрик, гномьей крепостью. Постройка понемногу рушилась, в стенах зияли трещины, чернели дыры в тех местах, вывалились камни, и все покрывала скверна. В руинах стоял запах пыли и грязи. Где они сейчас — на Глубинных тропах или по-прежнему под ними? И самое главное сколько времени пройдет, прежде чем Женестьева и ее новые друзья обнаружат, что пленники сбежали?

Когда Дункан в третий раз вернулся из своей короткой вылазки, он был мрачен. Мэрик заметил, что с его кинжала капает свежая черная кровь.

— Теперь уже ждать недолго, — проворчал паренек.

— Оно успело тебя увидеть? — спросил Келль.

— Нет, конечно. Думаешь, они и так не сообразят, что случилось?

Охотник задумчиво нахмурился.

— Тогда поспешим, — сказал он.

И они прибавили ходу, ныряя в боковые комнаты всякий раз, когда чуяли приближение порождений тьмы. Кромсай, затаившись вместе с ними в темноте, ворчал — впрочем, не настолько громко, чтобы его услышали враги. Келль сердито посматривал на пса, и тому хотя бы хватало совести принять виноватый вид. Очевидно, магические броши по-прежнему надежно скрывали Стражей... либо порождения тьмы попросту принимали их за сородичей.

После того как отряд примерно с час пробирался крадучись по темным безлюдным залам, Дункан вывел спутников к широкой лестнице, которая уводила вниз, во тьму, но вместо того, чтобы продолжать путь, остановился и поднял руку. Прикусив губу, паренек напряженно всматривался в темноту.

— Там много порождений тьмы, — прошептала Фиона.

— Это точно.

Лица у Серых Стражей были встревоженные. Даже Кромсай прижал уши и впериł злобный взгляд в темноту у подножия лестницы.

— Что значит “много”? — спросил Мэрик.

— Сотня, — ответил Келль, — а может, и больше.

— Отсюда есть другой выход?

— Я уже искал, — вздохнул Дункан. — Нашел широкий туннель, который, думается мне, выводит наружу, но в конце его порождений тьмы было намного больше. Наверное, несколько тысяч. Мне что-то не захотелось туда соваться.

— Разумное решение.

Они стояли наверху лестницы, не зная, какое принять решение. Вот почему Женестьева и остальные не беспокоились, что пленники сбегут. Даже если они и выберутся из камеры, что дальше? Единственный выход из руин ведет прямехонько к небольшому войску порождений тьмы. Можно даже не надеяться, что они сумеют с боем пробиться наружу.

Дункан осторожно двинулся по ступеням в темноту, знаком показав спутникам, чтобы оставались на месте. Келль вслед пареньку с тревогой, однако здесь они ничего могли поделаться. У них два выхода: либо двигаться дальше, либо повернуть назад, а там, позади, их не ждет ничего хорошего. Женестьева захочет снова взять их в плен — во всяком случае, попытается это сделать. И в случае успеха командор и ее братец не повторят ошибки. Может, эмиссар и не разбирается в том, как надо содержать пленных, но те двое прекрасно

осведомлены на сей счет.

А потому они ждали. Келль присел на ступеньку, глядя мохнатую голову Кромсая, а пес тихонько поскуливал. Фиона напряженно вглядывалась в темноту, в которой растворился Дункан. Мэрик привалился к каменной стене и вдруг осознал, что не сводит глаз с эльфийки. Он любовался ее темными глазами, плавным изгибом шеи. Странно было, что сейчас, в этой тягостной тишине, его внимание занято таким посторонним предметом, однако Мэрик ничего не мог с собой поделать. Он все время думал о той ночи, которую они провели вместе.

— Что он может оттуда увидеть? — наконец спросил он вслух.

— Немногое, — отозвалась Фиона, и на долю секунды глаза их встретились.

Магичка отвела взгляд почти мгновенно, но кое-что Мэрик все-таки успел рассмотреть. Она тоже думала о той ночи.

— Фиона... — начал он, но тут же осекся. Что он может сказать? Время и место для такого разговора не самые подходящие, но ведь другого случая может и не представиться.

Эльфийка не смотрела на него.

— Мэрик, — сказала она, — не нужно ничего говорить.

— А мне кажется, что нужно.

Фиона хотела еще что-то сказать, но тут вернулся Дункан. Паренек вынырнул из темноты бесшумно. В нескольких шагах от них он остановился, задумчиво потирая подбородок.

— Что ж, — пробормотал он, — врать не буду. Дело плохо.

Келль медленно кивнул. Глаза охотника были закрыты, на лице застыла страдальческая гримаса. В последний раз погладив Кромсая, он уперся ладонями в колени и встал:

— Рассказывай. Что ты обнаружил?

— Внизу лестница обрывается и выходит прямо в пещеру. Пещера большая. Порождения тьмы там повсюду. По-моему, они копают.

— Копают?

— Судя по звуку. Я подобрался поближе, но слишком далеко соваться не осмелился. Стоит только ступить в пещеру — и ты у них как на ладони. Спрятаться негде, и они нас сразу заметят.

Охотник снова кивнул:

— И что? Там есть выход наружу?

— Я не разглядел, — вздохнул Дункан. — Вроде бы, если повернуть налево, пол пещеры поднимается вверх, но что толку? Нам не проскочить мимо орды. Стоит только одному из них отвлечься от раскопок — и мы пропали.

— Значит, найдем другой выход, — решительно заявил Мэрик.

— Нет, — сказал Келль. Повернувшись, он вгляделся в темноту коридора, которым они пришли к лестнице. — Думаю, наше исчезновение уже обнаружили. У нас слишком мало времени.

— Значит, нам конец. — Мэрика охватило отчаяние. Он возбужденно провел ладонью по волосам. — Тогда вернемся назад, сдадимся и поищем другое решение. Поговорим с Женеьевой или с ее братом, заставим их понять...

— Ты что, Женеьеву не знаешь? — фыркнул Дункан.

Фиона покачала головой:

— Мэрик, думаю, это нам не поможет.

— И что тогда? Хочешь побежать вперед, на верную смерть?

Он шагнул к эльфийке, схватил ее за плечи, заставил посмотреть себе в глаза. Лицо у Фионы было удрученное, казалось, она вот-вот расплачется.

— Мэрик... — пробормотала она, печально покачав головой.

— Нет! Я не дам тебе умереть! И сам тоже не собираюсь умирать. Когда я отправился сюда, мне хотелось умереть. Думаю, я встретил бы смерть с радостью. Я считал, что мне больше незачем жить, но теперь все изменилось!

С этими словами он сильнее встряхнул Фиону, но она только с жалостью посмотрела на

него:

— Мэрик... теперь уже слишком поздно.

— Я с этим не согласен. И Фиона — та, которую я знаю, та, что храбро противостояла своему поработителю, — тоже бы с этим не согласилась.

Он выпятил челюсть, упрямо глядя на Фиону, требуя взглядом, чтобы она не сдавалась, — словно мог подтолкнуть ее к действиям одной только силой воли. И эльфийка, вместо того чтобы сникнуть под этим взглядом, нехотя расправила плечи и кивнула. Мэрик увидел, как в ее глазах загорелась решимость.

— Будь по-твоему, — сумрачно сказала она.

— Хоть по-твоему, хоть по-вашему, — вмешался Дункан, — а только надо что-то решать, и поскорее. Порождения тьмы общаются друг с другом, и всякая новость расходитя у них в мгновение ока. Не пройдет и двух минут, они будут кишеть тут сотнями.

— Тогда мы вернемся и будем драться! — объявила Фиона. Она высвободилась из рук Мэрика, и вокруг навершия посоха начал разрастаться, потрескивая, голубой ореол маской силы. — Мы сразимся с Архитектором, а если Женевьева, ее брат или Ута попытаются нас остановить — мы сразимся и с ними!

— Нет! — отрезал Келль с такой силой, что Фиона обернулась к нему, и глаза ее широко раскрылись от изумления.

Мэрик тоже опешил. Охотник смотрел вниз, в пещеру за подножием лестницы, где кишели порождения тьмы, и на лице его была мрачная решимость. Рука его так крепко сжимала рукоять висевшего на поясе кистеня, что костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Вы должны выбраться на поверхность и предупредить орден. Серые Стражи должны узнать, что среди порождений тьмы произошли перемены. Услышать из первых уст, кто такой Архитектор и что он задумал.

— Но... — в смятении начала Фиона.

Охотник сунул руку за отворот куртки и достал сияющий камень, который они забрали из камеры. Яркое оранжевое свечение тотчас озарило подземный коридор. Келль повесил камень на шею:

— Я отвлеку порождений тьмы на себя. У меня останется сил их учуять, и какое-то время я смогу ускользнуть от них. — Он повернулся и прямо взглянул на Фиону. Светлые глаза его были непреклонны. — Этого времени вам хватит, чтобы уйти.

Теперь на лице Фионы отразилась тревога, и она в поисках поддержки оглянулась на Мэрика и Дункана. Молодой Страж тоже встревожился, но Мэрику были слишком хорошо знакомы интонации, звучавшие в голосе Келля. Точно так же говорил Логэйн, сообщая, что надо без лишних споров совершить нечто чудовищное. Хуже того — король осознавал, что не в силах возразить Келлю.

— Так нельзя! — с отчаянием воскликнула Фиона. — Не делай этого!

— Надо было мне тверже стоять на том, чтобы мы повернули назад, пока еще была такая возможность. Я совершил ошибку.

Келль присел на корточки перед Кромсаем и погладил его по голове. Пес смотрел на него круглыми непонимающими глазами. Он чувствовал, что происходит что-то неладное.

— Возьмите его с собой, — проговорил охотник, и голос его вдруг сорвался от нахлынувших чувств. — Он прошел долгий путь и уцелел во многих боях. Я хочу, чтобы у него был шанс выжить.

В последний раз погладив пса, он поднялся и сурово кивнул Дункану:

— Поручаю тебе вывести отсюда короля Мэрика. Фиона тебе поможет. Я знаю, ты справишься.

Паренек в ответ лишь кивнул, не в силах сказать ни слова.

Келль протянул руку Мэрику:

— Ваше величество, я сожалею, что все обернулось таким вот образом. Вы славный воин... для короля равнинников, конечно, — прибавил он с сумрачной ухмылкой, словно

намекая, что шутит.

Мэрик невесело усмехнулся в ответ и пожал протянутую руку:

— Храни тебя Создатель, Келль.

Не сказав больше ни слова, охотник повернулся и начал спускаться. На ходу он сдернул с пояса кистень, размоталась, брякнув, короткая цепь, и шипастый шар закачался в такт шагам. Мэрик уже слышал, как далеко в темноте зашевелились порождения тьмы. В воздухе разнесся едва слышный шепот, слитный гул, медленно нарастая, подступал к ним со всех сторон. Порождения знали, что беглецы здесь. Знали — и шли сюда.

Фиона бросилась к Кромсаю, хотела схватить его за ошейник, чтобы удержать, однако пес оказался проворнее. Громко и сердито гавкнув, он прыжками помчался вниз по лестнице. Охотник обернулся, с явной досадой глядя на приближавшегося пса.

— Нет! — властно прикрикнул он и показал пальцем на Фиону, Мэрика и Дункана. — Останешься с ними, Кромсай. С ними!

Пес низко опустил голову, в смятении прижав уши. Кромсай был умной собакой, но все же — только собакой. Келль сердито глянул на него, с каждой секундой злясь все сильнее.

— Останешься с ними, я сказал! — рявкнул он.

— Сюда, Кромсай, ко мне! — звала Фиона.

Испуганный тем, что обидел хозяина, пес распластался у ног, тычась носом в сапоги, жалобно заскулил. Келль взбешенно ухватил Кромсая за загривок, с усилием поднял, развернул и толчком направил вверх по лестнице.

— Пошел! Живо! Иди к ним!

Пес, однако, не подчинился и тут же бросился назад. Развернувшись, охотник с искаженным от муки лицом смотрел на огромного пса, который, припав к его ногам, скулил, точно потерявшийся щенок. Внезапно Келль шагнул вперед и ударил пса в бок ногой.

— Слушайся, кому говорят! — прорычал он.

Удар был сильный, и хотя Кромсаю случалось переносить и худшие испытания — все же он был боевой волкодав, и под шкурой его бугрились литые мускулы, — пес обмяк, оторопело завизжав, и эхо этого визга разнеслось по всему коридору. Фиона в ужасе прикрыла рот рукой, Мэрик онемел. Келль оглянулся на них, и в глазах его были мольба и нестерпимая боль. Затем он посмотрел на пса, который, дрожа от страха, скорчился у его ног, и разрыдался.

— Прости меня, прости! — проговорил он срывающимся от горя голосом.

Опустившись на колени, он обхватил руками голову пса и стал лихорадочно гладить густую шерсть. Кромсай взглянул на хозяина большими карими глазами и неуверенно завилял хвостом. Келль сквозь слезы с трудом ободряюще улыбнулся.

— Мне так совестно, старый мой друг, — прошептал он. — Сможешь ли ты меня простить?

Кромсай медленно поставил уши торчком и энергично замолотил хвостом по ступенькам. Келль мог бы и не задавать этого вопроса.

Слитный гул порождений тьмы неотвратимо приближался, и Мэрик слышал, как засустились они у подножия лестницы. Времени у беглецов оставалось в обрез.

Келль поднялся с мокрым от слез лицом, и Кромсай тут же вскочил. Охотник с грустью поглядел на пса и крепче сжал рукоять кистеня.

— Ну, что скажешь, дружок? — проговорил он. — Ты готов дать последний бой? Нас будет только двое — ты и я.

Пес запрыгал, ликуя оттого, что хозяин все же решил взять его с собой, и возбужденно залаял, предвкушая сражение.

Охотник поглядел на товарищей, стоявших наверху лестницы, и сурово кивнул.

— Дайте мне минуту, — сказал он твердо.

И Мэрик, взглянув в его светлые глаза, понял, что Келлю и в самом деле нужна именно минута — не больше и не меньше.

Не тратя времени на прощания, охотник развернулся и побежал вниз, к пещере.

Кромсай прыжками помчался следом. Келль испустил боевой клич и ринулся в темноту. Порождения тьмы откликнулись на этот вызов мгновенно. Мэрик услышал яростное шипение — словно плеснули водой на раскаленное железо — и топот множества ног. Порождения ринулись в атаку.

Келля, однако, им было не догнать. Охотник и Кромсай стремглав промчались направо и растаяли в темноте, уводя за собой тварей. Последнее, что успел рассмотреть Мэрик, — стремительно удалявшийся оранжевый огонек амулета.

— Проскочил! — восхищенно выдохнул Дункан.

Мэрик кивнул:

— Постараемся, чтобы его жертва не была напрасной.

Они выждали еще минуту, напряженно прислушиваясь к шуму погони, который все явственнее доносился сзади. В пещере, хвала Создателю, было тихо. Келлю явно удалось отвлечь на себя порождений тьмы, во всяком случае, на время. Наконец Мэрик понял, что дольше ждать не в силах. Выхватив меч, он побежал вниз по лестнице. Дункан и Фиона, не колеблясь ни секунды, последовали за ним.

Что есть духу промчались они через пещеру и, покинув гномьи руины, вновь оказались на Глубинных тропах.

Мэрик не мог сказать, сколько часов длилось это бегство. Сразу после пещеры Дункан обогнал Мэрика и Фиону и побежал первым, призывая спутников поднажать. Один тоннель почти незаметно сменялся другим, темнота расступалась перед ослепительно-белым свечением посоха. Каждый раз, когда Дункан чуял в опасной близости порождений тьмы, он отдавал приказ прятаться, и трижды беглецам пришлось все-таки сражаться с небольшими отрядами порождений тьмы.

Каждый раз такой бой неизбежно выдавал врагам их местонахождение, и твари с удвоенным усердием бросались в погоню. Каждый раз беглецам только чудом удавалось ускользнуть.

Наконец Дункан остановил спутников и, задрав голову, посмотрел на сводчатый потолок туннеля. Мэрик сделал то же самое, но не нашел никаких отличий от того, что они уже видели раньше, — те же каменные балки, по большей части раскрошившиеся настолько, что оставалось лишь гадать, как долго еще Глубинные тропы продержатся, прежде чем обрушиться окончательно. Что, собственно говоря, было бы не так уж и печально.

— Мы ближе к поверхности, — пробормотал Дункан. — Думаю, этот туннель ведет вверх.

Фиона изогнула бровь:

— Откуда ты знаешь?

— Предчувствие.

Они постояли немного, тяжело дыша и обливаясь потом, но вскоре Дункан потребовал бежать дальше. Фиона возражать не стала. Изнурительный бег продолжался. Мэрик уже начал гадать, не добегут ли они в конце концов до самого Гварена. Он помнил, что по здешним туннелям можно рано или поздно выбраться к этому восточному порту. То-то будет забавно — ведь он сам много лет назад позаботился о том, чтобы наглухо запечатать местный вход на Глубинные тропы.

Хотя “забавно”, пожалуй, не самое подходящее слово.

Они пробрались через длинный зал со множеством высоких колонн, где с потолка обвалилось столько камня, что пришлось карабкаться по завалам. В зале слышалась переключка глубинных охотников, причем настолько отчетливо, что Фиона, когда они взобрались на очередную грудку обломков, тревожно огляделась по сторонам.

— Они могут напасть на нас? — испуганно спросила она.

— Нас теперь всего трое, так почему бы и нет? — попытался пошутить Мэрик, но он так запыхался, что попытка оказалась неудачной.

Фиона с упреком глянула на него, но ничего не сказала.

— Если не будем сбавлять ход, они не успеют нас сожрать, — напомнил Дункан.

Паренек, казалось, обладал неисчерпаемым запасом сил — он выглядел лишь слегка утомленным, в то время как Мэрик и Фиона, стараясь поспевать за ним, шатались и едва не падали с ног. Тем не менее пока им сопутствовала удача. В любую минуту это могло измениться, и потому они продолжали бежать.

Через целую вечность изнурительного бега по бесконечным туннелям Мэрику казалось, что он вот-вот рухнет замертво. Он даже перестал присматриваться к перекресткам, которые то и дело встречались на пути. Дункан заверял, они вовсе не движутся по кругу, однако Мэрик понятия не имел, каким образом паренек находит нужное направление. Может, он просто выбирает любой путь, который уводит подальше от порождений тьмы? Способ вполне здравый, хотя все равно неизвестно, куда он заведет.

Интересно, что делает сейчас Женеьева? Ищет ли она их отдельно, или Архитектор на самом деле обладает куда большей властью над братьями, чем утверждал? Мэрик попытался представить себе порождений тьмы, которые методично обшаривают туннели и пещеры под предводительством Серого Стража, однако воображение отказалось повиноваться. Слишком уж дикой казалась подобная картина. По счастью, хотя Женеьева наверняка догадалась, куда направляются беглецы, она понятия не имеет, каким путем они пробираются к цели, — просто потому, что они этого и сами не знают.

А может быть, ей и нет дела до беглецов. Может быть, она, ее брат и Ута попросту продолжают воплощать замысел Архитектора, отнеся их побег в разряд досадных неудач. В конце концов, говорила же она, что они намерены справиться и без посторонней помощи. Впрочем, Мэрику в это отчего-то не верилось.

Они пробегали мимо разрушенного сооружения, которое когда некогда было, по всей вероятности, гномьим форпостом, когда Мэрик заметил, что посреди руин возвышается изрядно потемневшая статуя. Он замер как вкопанный, широко раскрытыми глазами глядя на статую. Наполовину ее покрывала черная пленка скверны, но облик великого гномьего короля, занесшего над головой боевой молот, не распознать было невозможно. Мэрик подошел к порогу небольшой пещеры, в которой размещался форпост, окинул внимательным взглядом груды щебня, обрушенные коридоры, рассыпанные повсюду загадочного вида обломки. Неужели?..

Фиона, бежавшая впереди, остановилась, обернулся и Дункан.

— Что там такое, Мэрик? — крикнула она. — Что ты нашел?

— Я здесь когда-то уже был.

Он медленно двинулся к статуе. Обломки камня хрустели под сапогами, и эхо металось по всей пещере. Мэрик вдруг осознал, как невыносимо болят у него ноги. Дункан и Фиона вслед за ним настороженно вступили в пещеру, озираясь по сторонам с таким видом, словно опасались, что из темноты вот-вот выпрыгнет какая-нибудь подземная тварь.

— Это Эндрин Каменный Молот, благоговейно прошептал Мэрик. — Первый король гномов.

— Замечательно, — пробормотал Дункан. — Почему мы остановились?

— Восемь лет назад нас привели сюда воины Легиона Мертвых. Это был форпост Легиона. — Мэрик указал на заваленный щебнем пол неподалеку от статуи. — А здесь похоронили легионеров, которые погибли в бою с порождениями тьмы, — в том самом бою, когда мы впервые столкнулись с этими тварями.

— Думаешь, тут что-нибудь осталось? — спросила Фиона.

— Вполне возможно. Я помню, что они не смогли забрать с собой все припасы.

Дункан разглядывал обрушенные входы боковых пещер. Здесь явно потрудились кто-то, жаждавший уничтожить все, что вынужден был оставить Легион. Может, это были порождения тьмы? В конце концов, воины Легиона Мертвых, как и Серые Стражи, самые ненавистные их враги. Видимо, порождения явились сюда и устроили разгром сразу после того, как гномы покинули форпост.

— Если что здесь и осталось, то оно раздавлено в крошево, — заметил паренек. — Или

испорчено.

— Поискать все равно не помешает.

— Ты не хуже меня знаешь, что порождений тьмы сейчас поблизости нет. Я их даже не чую.

— Может, ты и права. — Дункан покосился на вход в пещеру, и на лице его вдруг мелькнула тревога. — Просто все время жду, что из темного угла выскочит Женевьева — во всей своей зачумленной красе. У меня такое ощущение, будто она идет за нами по пятам.

Фиона фыркнула:

— Дункан, Женевьева всего лишь человек, и мы в этом уже прекрасно убедились.

— Да, пожалуй, — согласился Дункан, но в глазах его при этом был не столько страх, сколько печаль. В последний раз задумчиво глянув на вход в пещеру, он повернулся к спутникам и кивнул. — Хорошо, останемся здесь и отдохнем. Вход всего один, и, хотя пол завален камнем, здесь при случае будет удобно обороняться. Словом, место ничем не хуже прочих.

Некоторое время они шарили в развалинах, однако отыскать удалось куда меньше, чем рассчитывал Мэрик, — всего лишь пару каменных ящиков, в которых оказалась кухонная утварь — горшки и сковородки — да пара истрепанных одеял и немного грязной одежды и обуви. По счастью, гномьи ящики были сработаны на совесть, и все это добро уцелело. Мэрик сумел отыскать пару сапог, которые оказались ему впору, а Дункан обнаружил серый кожаный жилет, успешно заменивший его изодранную куртку.

Фиона отыскала ящик со съестными припасами, которые по большей части пришли в негодность — несомненно, именно поэтому их и бросили, но кое-что выглядело более или менее съедобно, и все трое в молчании принялись жевать. Это были вяленые мясные шарики, хотя из какого мяса их сделали, Мэрик даже представить себе не мог. Может, это и вовсе было не мясо. Налтур, командир Легиона, помнится, сетовал на отсутствие приличной еды. И похоже, сетовал не зря.

Эльфийка гораздо больше обрадовалась, обнаружив под грудой камней пыльную растрескавшуюся ванну.

— На ней двеомер! — воскликнула Фиона.

Провела ладонью над ванной — и та начала заполняться водой. Нечто подобное Мэрик видел восемь лет назад в тейге Орган, и Фиона объяснила, что это довольно простые чары — из тех, что обычно накладывают гномьи Хранители.

Эта находка дала беглецам возможность хоть немного помыться. Мэрик и не представлял, насколько он грязен, покуда не начал смывать с себя пыль и засохшие брызги черной крови. Он ополоснул волосы, с тревогой глядя на то, как вода в ванне стремительно обретает красновато-бурый оттенок. А потом постепенно стала опять прозрачной — как по волшебству.

“Именно что по волшебству, — поправил себя Мэрик. — Надо будет обзавестись такими ваннами во дворце”.

Он снова вытер лицо тряпкой, заменявшей полотенце, наслаждаясь ощущением прохладных капель влаги на коже. Затем, плюнув на осторожность, расстегнул ремни нагрудника и стянул с себя верхнюю половину доспеха. В маленькой пещере было тесно, зато здесь можно было хоть немного побыть одному, и с минуту Мэрик просто наслаждался покоем, сидя у ванны, слушая редкие всплески воды и снова чувствуя себя человеком.

— Жаль, мне это в голову не пришло. — У входа в пещеру стояла Фиона.

Мэрик улыбнулся ей:

— Где Дункан?

— Стоит на страже у входа в форпост. Он увидел, как я поглядываю на эту пещеру, закатил глаза и сообщил, где именно он будет, пока кто-нибудь из нас не явится его сменить. — Фиона засмеялась, но смех тут же стих, растворившись в тишине. По лицу эльфийки промелькнула тень, и она нахмурилась. — Он по-прежнему не слышит Призыв.

— А ты слышишь?

— Да. И чем дальше, тем хуже.

Фиона подошла к Мэрику, опустилась на колени рядом с ним, поставила посох у стены. Стараясь не смотреть на короля, стала медленно стягивать под кольчужную рубашку. Едва она обнажила спину, Мэрик увидел на ее коже уже знакомые следы скверны. Пятна были небольшие, но заметные, а Мэрик точно помнил, что той ночью, когда они были вместе, не видел ничего подобного.

Фиона вдруг задрожала, закрыв лицо руками, и подавила обессиленный вскрик.

— Ты их видишь? — дрогнувшим от боли голосом спросила она.

— Вижу.

— Ну да, конечно. Как их можно не увидеть? — Фиона вы терла глаза и сердито тряхнула головой. — На руках тоже пятна... В конце концов я стану такой, как Келль. Или Ута.

— Не станешь.

— Не говори так. — Она с упреком глянула на него. — Стану, конечно же. Скверну излечить невозможно, так ведь? Даже если мы выберемся наверх, я... я обречена. Я уже даже не чувствую себя эльфийкой.

Мэрик шикнул на нее, и она, закрыв глаза, глубоко, судорожно вздохнула. Окунув в воду самодельное полотенце, он принялся бережно обмывать ее спину. От прикосновения ледяной воды Фиона вскинулась было, но очень скоро смирилась. Некоторое время Мэрик протирал мокрым полотенцем ее кожу, касаясь и пятен скверны, а она молчала, все так же глядя в пустоту. Небольшую пещеру наполнила тишина, напряженная, но вместе с тем непостижимо приятная.

— Мэрик, — наконец проговорила Фиона, — думаешь, мы и вправду сумеем выбраться отсюда?

— Да.

— Но почему, собственно? Наши шансы невелики.

— Да просто... — Он улыбнулся. — Мне почти всю жизнь невероятно везло. В ту ночь, когда убили мою мать, я чудом избежал смерти и случайно встретился с Логэйном. Во время мятежа он спасал мне жизнь столько раз, что я сбился со счета. И не только он. По справедливости, мне должно бы повезти и сейчас.

— Быть может, ты уже исчерпал запас своего везения, — пробормотала Фиона.

Видимо, эти слова прозвучали резче, чем ей хотелось, и она, едва договорив, прикусила нижнюю губу. Мэрик ничуть не обиделся. Улыбнувшись еще шире, он провел мокрым полотенцем по шее Фионы и почувствовал, как она задрожала.

— А я думаю, что мое везение как раз возвращается.

Эльфийка наконец-то повернула голову и с любопытством глянула на Мэрика. Он продолжал отмывать ее от засохшей крови, а она все смотрела на него и явно о чем-то размышляла. Мэрик не стал спрашивать о чем, и в конце концов Фиона, нахмурясь, высказала то, что занимало ее мысли:

— Знаешь, тебе вовсе незачем жить так, как ты сейчас живешь.

— В самом деле? И как же я живу?

— Как человек, загнанный в западню. — (Теперь пришла очередь Мэрика отводить глаза.) — Ты же король, Мэрик, и свободы у тебя хоть отбавляй. А ты ведешь себя так, словно ты раб. Словно этот дар Создателя на самом деле — тяжелое бремя.

Мэрик вздохнул, долго и старательно прополаскивая в воде полотенце. Черная кровь, стекая с ткани, расплывалась по поверхности воды, словно зловещий цветок.

— Не так уж я и свободен, как ты думаешь, — наконец сказал он.

— Вот как? И что же лишает тебя свободы?

— У меня не было выбора — стать или не стать королем. Я был нужен своей стране. И Логэйн, и Роуэн смотрели на меня так, словно ждали, что я займу предназначенное мне место. Я должен был стать сильным королем. Хорошим королем. Возродить Ферелден. И я все это сделал.

Но... сейчас мне кажется только, что впереди у меня долгий, очень долгий путь, без передышки, без неожиданностей, и я буду шагать и шагать по этому пути, пока в один прекрасный день не рухну замертво. — Мэрик невесело рассмеялся. — Наверное, мне устроят весьма пышные похороны и женщины Ферелдена будут рыдать над моей могилой, оплакивая Мэрика Спасителя.

Глаза Фионы сузились, и она с подозрением глянула на него:

— И ты совсем не хотел быть королем? Ничутьточки?

— Я хотел отомстить за мать. Я хотел вышвырнуть орлесианцев из Ферелдена.

— И это все?

— Ну...

Фиона резко повернулась, оказавшись лицом к лицу с Мэриком, подол ее юбки громко зашуршал по каменному полу. Словно не замечая, что грудь ее обнажена, она двумя пальцами ухватила Мэрика за подбородок:

— Как звали ту эльфийку, которую ты убил?

Мэрик почувствовал, что лицо его вспыхнуло. Он совсем не хотел сейчас говорить об этом, но темные глаза Фионы смотрели так, словно проникали в самые сокровенные мысли.

— Катриэль, — тихо ответил он.

— Ты любил ее?

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Ты любил ее? — настойчиво повторила Фиона.

— Да.

Признание далось ему нелегко. Он отвернулся бы, но пальцы Фионы безжалостно впелись в подбородок. Магичка заглянула в его глаза и нежно улыбнулась:

— И ты до конца своих дней намерен казнить себя за что совершил? — Она изумленно покачала головой, и ее влажно заблестели. — Мэрик, там, на лестнице, ты сказал, что изменился, что хочешь жить. Так живи! У тебя столько свободы, сколько у меня никогда не было. Так воспользуйся этой свободой! Тебе так хочется расплатиться за зло, которое ты причинил той эльфийке? Сделай все, чтобы никто больше не повторил ее участь. — Фиона разжала пальцы и смахнула слезы, сконфуженно хмурясь от того, расплакалась. — Я слышала столько рассказов о замечательном Мэрике Спасителе, что была твердо уверена: все это ложь. Благородная маска наподобие той, которую носил мой бывший хозяин, сладкая улыбка, за которой скрывается тошнотворное нутро. Но нет, на самом деле Ферелдену крайне повезло: его король — хороший человек.

— Я не такой уж и хороший.

Эльфийка недоверчиво фыркнула:

— Такое может сказать о себе только хороший человек.

Она отняла у Мэрика влажное полотенце и принялась старательно вытирать его лицо. Король не мешал ей. Затем Фиона остановилась и очень серьезно взглянула на него:

— Мэрик, ты должен простить себя. А не то, клянусь, я тебе так врежу...

Почти то же самое сказала ему в Тени Катриэль. При мысли об этом Мэрик ощутил укол сожаления, но все равно рассмеялся, глядя в лицо эльфийке, и это было очень приятно — смеяться. Фиона вновь принялась вытирать его лицо, но Мэрик протянул руку, остановил ее и оборвал смех.

— Поезжай со мной, — сказал он серьезно. — В Денерим.

— Мы еще даже не выбрались с Глубинных троп...

— Мы оба можем умереть, я знаю. Все равно — поезжай со мной.

Фиона мягко улыбнулась, но в этой улыбке Мэрик прочел отказ еще до того, как услышал ее слова.

— Я — Серый Страж, — вздохнула она. — И к тому же эльф. И к тому же маг. И вдобавок ко всему этому заражена скверной. Мне недолго осталось жить.

— Мне нет до этого дела.

— А мне — есть. — (Мэрик отчетливо понял, что спорить с ней бесполезно.) — А еще

мне есть дело до тебя.

Он наклонился и поцеловал ее. Фиону, которая собиралась еще что-то сказать, этот поцелуй застиг врасплох, но она тут же смолкла и с готовностью прильнула к Мэрику. Он опустил ее на пол, стал целовать все жарче, каменная ванна от толчков покачивалась так, что ледяная вода выплескивалась наружу и растекалась по их одежде. Ни Мэрик, ни Фиона этого не замечали.

Когда Дункан через некоторое время разбудил их, намеренно громко покашляв у входа в пещерку, вид у него был изрядно ошарашенный. Мэрик и Фиона, поправив мокрую одежду и наспех натянув доспехи, наконец выбрались наружу, и Дункан, оглядев их, хохотнул:

— Думаю, у вас больше не осталось претензий друг к другу?

Фиона отчаянно покраснела, и Дункан ухмыльнулся.

А потом сказал, что почувал приближение порождений тьмы. На этом веселье закончилось, и все трое, прихватив с собой то немногое, что могло пригодиться, торопливо покинули форпост. Мэрик заметил под глазами Дункана темные круги, и ему стало совестно. Пареньку тоже не мешало бы поспать, а вышло так, что они с Фионой эгоистично истратили все время краткого отдыха друг на друга.

Дункан тем не менее на это не сетовал. Вдобавок выглядел он гораздо собраннее и решительнее прежнего. Мэрик не был уверен, что понимает, в чем дело.

Они то бежали, то переходили на шаг, один за другим минуя темные туннели, и хотя король пытался вспомнить, каким путем вели их к форпосту воины Легиона Мертвых, картинка никак не складывалась в единое целое. Очень скоро до него дошло, что он вовсе не узнает туннелей, мелькающих мимо.

В этом изнуряющем темпе они, не щадя себя, продвигались несколько часов. Судя по встревоженному лицу Дункана, порождения тьмы по-прежнему были недалеко. На Глубинных тропах царил тишина. Только звук их шагов отдавался эхом в туннелях, и через некоторое время Мэрик заметил, что следов скверны вокруг становится все меньше.

— Мы поднялись выше? — проговорил он в пространство, ни к кому особо не обращаясь. Дункан и Фиона искоса глянули на него, но ничего не сказали.

Еще час они, обливаясь потом, из последних сил продвигались вперед. Не оставалось сомнений, что туннель полого поднимается вверх, — Мэрик определил это уже по тому, как ныли его измученные ноги. Подъем изрядно замедлял продвижение, однако они не сдавались. В конце концов, именно в этом направлении они и стремились — вверх.

На вершине подъема при свете посоха Фионы они обнаружили, что зашли в тупик. Сводчатый потолок в этом месте обрушился, наглухо завалив обломками туннель. Обойти эти завалы было невозможно. Беглецы остановились как вкопанные, оцепенело глядя на покрытую пылью стену камня.

— Ну вот и все, — проворчал Дункан, вытирая пот со лба. — Надо возвращаться, и побыстрее, не то мы наткнемся порождений тьмы прежде, чем добежим до перекрестка.

Он повернулся, но не успел сделать ни шагу.

— Погодите! — вскинул руки Мэрик. — Чувствуете этот запах?

Мэрику так долго пришлось вдыхать вонь скверны и затхлость пыли, что казалось, обоняние перестало работать — просто из чувства самосохранения. И однако, теперь, стоя в десяти шагах от огромного каменного завала, он мог бы поклясться, что чувствует...

— Воздух, — прошептала Фиона. — Свежий воздух!

Глаза ее заблестели. Подойдя к завалу, она стала карабкаться все выше, пока не добралась почти до самого потолка. И, расплывшись в улыбке, обернулась к Дункану и Мэрику:

— Я думаю, туннель ведет наружу! Там, за этим завалом, выход!

— Ты уверена? — спросил Дункан.

— Света я не вижу, но между камнями здесь, наверху, определенно просачивается свежий воздух. — Морщась от усилия, Фиона просунула руку между двумя внушительных

размеров глыбами. — Да, именно так. Я чувствую кожей его движение.

Мэрик задумчиво почесал подбородок:

— Может быть, этот туннель раньше вел к выходу на поверхность? К одному из тех выходов, которые потом запечатали?

— Какая разница, — вздохнул Дункан. — Прокопаться через этот завал мы все равно не успеем. Порождения тьмы достигнут нас гораздо раньше. — Он оглянулся на погруженный в темноту туннель. — По крайней мере, вниз бежать будет гораздо легче, чем вверх.

— Нет, — твердо сказала Фиона. Эльфийка спустилась с завала и направилась к ним, решительно сжимая в руке посох. Когда Мэрик взглянул в ее глаза, ему стало не по себе. — Мы выберемся отсюда. Прямо сейчас.

Дункан уставился на нее разинув рот:

— Ты хочешь сказать...

Фиона остановилась перед ними, жестко сдвинула брови:

— Отойдите назад. Чем дальше, тем лучше.

Мэрик и Дункан повиновались. Они еще бежали вниз по туннелю, а Фиона уже начала сосредоточивать волю. Завитки магического огня возникали вокруг ее рук, перетекая в посох, и пламя вдруг полыхнуло сильнее и жарче.

Эльфийка, однако, не выпустила его на волю. Она подняла посох над головой, закрыла глаза, губы ее шевелились, беззвучно выговаривая заклинание. Огонь разгорался. Ослепительно-белое сияние магической энергии потекло вдоль тела Фионы, и в туннеле стало светло как днем. Посох содрогался, и было ясно, что Фиона удерживает эту мощь с большим трудом. Сжав зубы, она обеими руками со всей силы стиснула посох, и фигурку ее медленно окружил огненный ореол.

— Она спятила! — воскликнул Дункан. — Она обрушит потолок нам на голову!

Мэрик не был в этом так уверен.

— Может, нам стоило бы отойти немного дальше?..

Огненный шар, наконец вырвавшись на волю, сотряс весь туннель. Полыхнул слепящий, всеобъемлющий свет, уши заложило от оглушительного грохота, и волна силы, освобожденной взрывом, отшвырнула Мэрика и Дункана несколько шагов. Совсем рядом рухнули одна за другой огромные глыбы камня, за ними хлынуло облако густой пыли и дыма, и Мэрик едва не задохнулся. Он зашелся надрывным кашлем; мелькнула мысль, что Дункан, наверное, был прав... и тут король обнаружил кое-что еще.

Пыльное облако заколыхалось. В туннеле дул ветер.

Мэрик сел и снова закашлялся. У Дункана, похоже, все было в порядке, но вот Фиону сквозь завесу пыли он разглядеть не мог. Король с трудом поднялся на ноги и облегченно вздохнул, увидев, что магичка лежит навзничь в нескольких шагах от него. Ее отшвырнуло взрывом огненного шара, она кашляла, задыхалась и была бледна, но в целом, похоже, не пострадала.

Груда камня, завалившая туннель, заметно осела. Стены и потолок обуглились, верхнюю часть завала снесло начисто — судя по всему, куда-то наружу. В образовавшемся отверстии стояла непроглядная чернота, но зато оттуда шел свежий воздух. Много воздуха. Никогда еще в жизни Мэрик не вдыхал запаха слаще.

— Фиона! — со смехом воскликнул он. — У тебя получилось! Получилось!

— Великолепно, — слабым голосом пробормотала она.

Мэрик протянул к ней руки, помог медленно встать. Он подозревал, что на этот огненный шар магичка израсходовала все свои силы. Хорошо еще, что взрывом верхушку завала вынесло наружу, а не, скажем, в туннель. И что струя огня не ударила, отразившись от камня, прямо в них. И...

Мэрик глянул вверх и увидел, что по потолку туннеля, который прежде был, мягко говоря, не в лучшем состоянии, разбегаются зловещие трещины. Сверху уже снова сыпались обломки камня, струйками текла пыль.

— Надо выбираться отсюда, — пробормотал Дункан, подходя к ним. Он заметно

хромал.

Мэрик жестом указал ему на верх завала. Дункан сразу понял, что от него требуется. Отверстие между потолком туннеля и вершиной завала было не слишком широко, и ему пришлось медленно, ползком продвигаться вперед, разгребая каменное крошево.

Мэрик и Фиона стояли бок о бок, тревожно следя за тем, как позади Дункана скатываются на пол камни. В отверстии пока что видны были его ноги — он еще не выбрался наружу. Между тем с потолка все так же осыпались камни и пыль. Мало того, Мэрик видел, что на стенах тоже появились внушительных размеров трещины. Этот туннель долго не продержится.

— Ох, — пробормотала Фиона, изнуренная настолько, что нетерпение мучило ее больше, чем страх. — Все это могло закончиться весьма плачевно.

— Да что ты говоришь! — ухмыльнулся ей Мэрик и, обернувшись к завалу, крикнул: — Дункан! Время не ждет!

С той стороны отверстия, в котором торчали ноги Дункана, донесся неразборчивый ответ — то ли согласное “угу”, то ли крепкое словцо. Как бы то ни было, ноги юноши, дернувшись напоследок, исчезли в отверстии. От этого движения с вершины завала осыпался, громко стуча по камням, поток щебня. Миг спустя Дункан просунул в отверстие голову.

— Здесь пещера! — воскликнул он. — Самая настоящая пещера! И из нее есть выход наружу!

Вслед за Дунканом Мэрик отправил Фиону. Он помогал эльфийке взбираться на завал, покауда ее не подхватил Дункан. Едва разжав руки, Мэрик принялся торопливо снимать доспех. Если уж Дункан едва сумел протиснуться в отверстие, у него шансов на удачу гораздо меньше, а уж в громоздком сильверитовом доспехе их и вовсе не останется. Нагрудник с громким бряканьем полетел на пол, а Мэрик уже лихорадочно избавлялся от других частей брони. Жаль лишаться такой великолепной вещи, но другого выхода нет.

Когда посох Фионы исчез в отверстии, Мэрик лишился единственного источника света. Белое сияние становилось все слабее, потом погасло, и остались только темнота да постепенно нарастающий грохот. Нечто невероятно тяжелое рухнуло на пол позади Мэрика, и он был рад тому, что не может этого видеть.

С той стороны завала донесся приглушенный выкрик — что-то вроде “Все в порядке!”, — и Мэрик не стал мешкать. Проворно взобравшись на завал, он просунул в отверстие меч и дорожный мешок, а затем нырнул туда сам. Он успел проползти совсем немного, когда позади, в туннеле, раздался совсем уже оглушительный грохот и на Мэрика осыпался густой поток пыли.

На миг ему почудилось, что он сейчас задохнется в этой невероятно тесной и узкой дыре. Сквозь пелену пыли брезжил слабый свет, и Мэрик, задыхаясь и кашляя, отчаянно пытался ползти вперед. Он опасался, что долго так не продержится. Ему казалось, что потолок туннеля вот-вот придавит его. Голова пошла кругом, движения замедлились. Он слышал, как позади продолжает рушиться туннель, и грохот обвала был таким устрашающе громким, словно ему на голову валилась вся гора. Мэрик закричал, и этот пронзительный крик потонул в оглушительном грохоте.

А потом чьи-то руки ухватили его, и он почувствовал, что его волокут вперед. Получалось это медленно, и Мэрик изо всех сил извивался, отталкивался ногами. Обломки камней сквозь рубашку впивались в тело, и он слышал треск рвущейся ткани. Камни царапали кожу, и каждая царапина обжигала острой, мучительной болью.

И вдруг все кончилось. Мэрика выдернули из отверстия, он скатился по каменистой осыпи и распластался внизу, ошеломленно глядя на завесу пыли, сквозь которую смутно брезжил свет. Рядом заходились в кашле Дункан и Фиона; король отчетливо слышал их, хотя мог различить только смутные силуэты. У него кружилась голова, его подташнивало, словно весь мир, убыстряясь, вращался вокруг него.

— Скорее уведем его отсюда! — прокричала Фиона.

И снова их руки с двух сторон ухватили Мэрика, пытаясь поднять на ноги. Мэрик помогал им как мог, стараясь встать, но без особого успеха. Краем глаза он заметил валявшийся на камнях рунный меч, подхватил его — и тут Дункан и Фиона повлекли его в другом направлении.

Мэрик шатался, едва переставляя ноги; все трое хрипели и надсадно кашляли. В клубах пыли, заполонившей пещеру, явственно проступали развалины каких-то сооружений. Мэрик разглядел, что проход в пещеру наполовину прикрывают остатки громадной металлической двери, похожей на те, которыми гномы запечатывали входы на Глубинные тропы, но эта дверь проржавела настолько, что уже трудно было определить, для чего она предназначалась.

Удивительно, подумал Мэрик, что эта пещера вообще уцелела. Возможно, завал устроили намеренно, чтобы перекрыть вход. Оставалось только гадать, сделали это снаружи или изнутри.

В лицо Мэрику хлестнул стылый ветер, и лишь тогда он осознал, что они стоят на каменистом склоне, покрытом снегом. Была ночь, и над головой, в ясном небе, сверкали мириады звезд и сияла серебром почти полная луна. Все трое молчали, ошеломленные этой картиной, и Мэрику подумалось, что он никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

Фиона отпустила его и привалилась к камням, утирая рукой пот со лба. Снег тут был глубокий, почти до колен. Холод; проникая сквозь сапоги, леденил ноги, и это ощущение показалось Мэрику восхитительным. Наклонившись, он зачерпнул пригоршню снега и протер им лицо. Все они были с ног до головы покрыты беловато-серой пылью, которая припорошила и лица.

Дункан хихикнул и, вытирая лицо тыльной стороной ладони, огляделся по сторонам. Большую часть окрестного пейзажа закрывали окружавшие их скалы, однако Мэрик разглядел вдали смутные силуэты деревьев.

— Где мы? — громко спросил Дункан.

— Точно не знаю, — ответил Мэрик. — Надо будет подняться повыше, оглядеться.

— Погоди, — вздохнула Фиона.

С усилием оттолкнувшись от камней, она положила руки на плечо Мэрика. Только сейчас он сообразил, что его рубашка превратилась в лохмотья и измазана кровью. На груди у него было несколько глубоких порезов, покрытых грязью, и все они обильно кровоточили.

Фиона закрыла глаза, пробуждая магическую силу, хотя сама до сих пор была бледна и едва держалась на ногах от слабости. Мэрик остановил ее и покачал головой:

— Нет, это можно будет сделать и потом.

Магичка не стала спорить, и одно это уже говорило о том, насколько она истощена.

Они медленно двинулись вверх по пологому склону. Дункан шел первым и помогал Мэрику и Фионе. Поднявшись на вершину, король обнаружил, что в ясном свете луны окрестности лежат как на ладони. Они были в самых предгорьях Морозных гор, каменистый, кое-где поросший деревьями склон, который простирался перед ними, спускался к равнине, а вдалеке чернел густой лес.

— Думаю, мы на северо-востоке гор, — сказал Мэрик. — В той стороне, — указал он вдаль, — по всей видимости, башня Круга магов. Будь сейчас день, мы, пожалуй, даже сумели бы ее разглядеть.

Фиона обеспокоенно взглянула на него:

— Откуда ты это знаешь?

— Полагаешь, я родился во дворце? Не забывай, я полжизни провел, скрываясь в этих горах. Мне-то казалось, что я не особенно присматривался к окрестностям, а вот однако же... Мы недалеко от озера Каленхад.

Дункан с силой потер ладони. Судя по всему, он уже замерзал, и на сей раз у него не было даже мехового плаща, чтобы согреться. Паренек как-то странно покосился на Мэрика, который был не только без доспехов, но и почти без рубашки, и лишь удивленно покачал головой.

— Тогда пойдемте, — предложил он.

Все трое двинулись вниз по склону. Фиона попыталась хоть как-то скрепить окровавленные лохмотья, в которые превратилась рубашка Мэрика, но ее старания не увенчались особым успехом. Король не огорчился — приятно было ощущать кожей морозный воздух и дыхание стылого ветра, хотя он подозревал, что еще до наступления утра наверняка изменит свое мнение.

Вскоре, однако, стало видно, что навстречу им от подножия склона движутся трое. Они вынырнули из темноты, вначале едва различимые, и Мэрик решил было, что это порождения тьмы. В тревоге он вскинул меч, а Дункан выхватил черный кинжал, но Фиона взволнованно ткнула пальцем в сторону идущих.

— Это же маги! — воскликнула она.

И была права. Беглецы остановились, глядя, как трое магов неспешно приближаются к ним. Теперь уже можно было без труда разглядеть их мантии и посохи. Собственно говоря, маг, шагавший во главе этого небольшого отряда, был не кто иной, как Первый Чародей Ремийе. Он дружески улыбался и, подняв руку, приветственно махал Мэрику и его спутникам.

— Первый Чародей?.. — озадаченно пробормотал Дункан.

Мэрику тоже пришло в голову, что эта встреча — на редкость удобное совпадение, однако Фиона искренне возликовала.:

— Первый Чародей! — крикнула она. — Хвала Создателю, что вы нас нашли!

С этими словами эльфийка подхватила край юбки и пустилась бежать навстречу Первому Чародею и его спутникам.

Мэрика вдруг охватило недоброе предчувствие. Он протянул было руку, чтобы удержать Фиону, но она была уже далеко. Слишком поздно увидел он, как Первый Чародей, перестав улыбаться, вскинул над головой посох, по которому пробежали разряды магической энергии. Два других мага сделали то же самое, и Фиона вдруг резко остановилась. Радость на ее лице сменилась непониманием.

Дункан вскрикнул и ринулся вперед. Мэрик бежал за ним, размахивая мечом и громко крича. В тот же миг маги обрушили на них поток энергии, и Мэрик вдруг застыл, словно парализованный. Он так и стоял, занеся меч над головой, не в силах шевельнуться. Прямо перед ним замер Дункан, а в нескольких шагах впереди оцепенела Фиона. Всех троих окружала аура парализующего заклинания.

Ремийе опустил посох и снова улыбнулся, только на сей раз эта улыбка сочилась злобой. Подойдя к Фионе, он отечески похлопал ее по щеке и хихикнул. Эльфийка, застыв в неподвижности, с ужасом смотрела на него. Мэрик отчаянно пытался превозмочь действие заклинания, мечтая только о том, чтобы разрубить орлесианского мага пополам, но все его попытки закончились ничем.

— Ну-ну, — насмешливо проговорил Ремийе, теребя щегольскую бородку и разглядывая пленников. — Архитектор предполагал, что вы можете выбрать для бегства именно этот путь. Я не верил, что такое возможно, и, однако, вы здесь.

Он подал знак магам, стоявшим у него за спиной, и те достали из мешка несколько длинных цепей. Ремийе с ухмылкой посмотрел на Мэрика.

— Как же мне повезло, — усмехнулся он.

Глава 18

Но та, что стойка, что верит,
Не устрашаема тьмой мира,
Та познает истинный покой.

Песнь Преображений, 10:1

По пути в башню Круга Дункан кипел от злости. Пленников снова сковали и вдобавок заткнули кляпами рта, причем Дункана сковывали вдвое усерднее, чем Мэрика и Фиону. Магам, видимо, уже сообщили, кто, скорее всего, был главным виновником предыдущего побега.

Их везли на крупах лошадей. Дункан и Мэрик, лишенные возможности говорить, мрачно переглядывались. Фиона была охвачена такой яростью, что, судя по виду, мечтала превратиться в огнедышащего дракона. И если бы взгляды, которые она бросала на Первого Чародея Ремийе, могли причинить ему хоть какой-то ущерб, орлесианцу сейчас приходилось бы несладко. Дункан был полностью солидарен с Фионой. Одно дело — Женевьева и ее братец, настолько спятившие, что спелись с порождениями тьмы, дабы навсегда покончить с Мором, но стали бы маги ввязываться в это дело по той же самой причине? Как бы мало Дункан ни знал магов, такое предположение казалось ему невероятным.

Ремийе по пути весело болтал со своими спутниками по-орлесиански, правда понемногу и нечасто — все трое явно торопились. Впрочем, и этого Дункану хватило, чтобы кое-что понять. Во-первых, два других мага тоже были орлесианцами, что для Ферелдена было редкостью; во-вторых, башня, судя по всему, захвачена заговорщиками. В разговорах мелькали упоминания о магах, которых “подчинили” и даже убили.

Стало быть, в этом заговоре замешан не весь Круг?

А еще, похоже, в башне находились порождения тьмы. Дункан заключил, что речь шла об Архитекторе, но это обстоятельство по-прежнему вызывало у него удивление. Трудно было представить, чтобы эмиссар и вправду рискнул подняться на поверхность. Но что, если маги имели в виду и других порождений тьмы? Что, если башня кишмя кишит этими тварями? Это же немыслимо!

Когда маги с пленниками наконец добрались до пустынного места на берегу озера Каленхад, там их дожидалось небольшое суденышко, на борту которого были маг и два храмовника. Все они тоже оказались орлесианцами. Пленников бесцеремонно запихнули в тесный трюм, где царила непроглядная темнота, только сквозь щелку в люке проникал слабый отсвет факела.

Что ж, по крайней мере, в трюме не дул промозглый ветер, да и на полу валялись шкуры. На Мэрика еще раньше надели рубашку, чтобы он не замерз до смерти. Фиона вперила горящий взгляд в палубные доски над головой, и Дункан мог поклясться, что, не будь у нее кляпа во рту, она бы сквернословила без передышки. Наконец юноша, совершенно обессиленный, попросту забылся сном.

Проснулся он оттого, что в трюм хлынул поток света. Сколько прошло времени, он понятия не имел. Мэрик и Фиона тоже не спали и настороженно смотрели, как в трюм спускаются трое. Один из них, пожилой маг с жестоким огоньком в глазах, держал в руке фонарь. Двое других, угрюмые храмовники в тяжелых доспехах, наставили мечи на пленников, словно и впрямь ожидали, что те, скованные и с кляпами во рту, решат на них наброситься.

Пленников вывели на палубу, и лишь тогда Дункан обнаружил, что они снова оказались на подземной пристани башни Круга. Здесь царила странная тишина, которую нарушали только размеренные всплески волн о борта суденышка. Казалось, что в этом месте творится нечто в высшей степени недоброе.

Пожилый маг по очереди выдернул у них кляпы. Дункан тут же закашлялся и сплюнул. Мэрик облизал губы и принялся.

— Чувствуешь запах? — тихо спросил он.

Дункан кивнул. В пещере едва уловимо пахло скверной. Все они столько дней дышали этой дрянью, что теперь распознали: ее запах без труда.

Без единого слова пленников провели вверх по лестнице и доставили в тот самый зал собраний, где когда-то Первый Чародей вручал Серым Стражам магические броши. Сейчас зал был почти пуст. Не было ни души на галерее, пустовал помост, окруженный беломраморными колоннами. Лишь несколько фигур стояли в центре, почти под самым

окном в сводчатом куполе, сквозь которое в пыльный зал проникал луч солнечного света.

Там был Архитектор в неизменной коричневой мантии — он стоял, совершенно невозмутимый с виду, заложив руки за спину. Рядом стояла Ута. Она сжимала кулаки, и вид у нее был непреклонный. Были там и Бреган с Женеьевой — красноглазые, с почерневшей от скверны кожей. Первый Чародей Ремийе как ни в чем не бывало беседовал с эмиссаром и, когда ввели пленников, даже не обернулся. Зато обернулась Женеьева.

Она в упор, обвиняюще смотрела на Дункана. Ему хотелось отвернуться, но нечеловеческий облик Женеьевы почти завораживал его. Бреган тоже смотрел на молодого Стража, лицо его искажала безмолвная ярость, и юноша вдруг задумался: что же рассказала ему сестра? Знает ли он, что Дункан убил Гая? Был ли Бреган знаком с этим человеком? Вполне вероятно, если учесть, что Гай довольно долго пробыл в ордене.

— Ремийе! — выкрикнула Фиона, едва они вошли в залу. — Что все это значит? Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Первый Чародей лишь мельком глянул на нее и, ничего не ответив, продолжал негромко беседовать с Архитектором.

Пленников провели по залу, остановив почти в шаге от того места, куда падал солнечный свет. Затем угрюмый храмовник пнул Дункана, и паренек, не удержавшись на ногах, упал. То же проделали с Мэриком и Фионой. Теперь все трое стояли на коленях, а Женеьева и Бреган в своих тяжелых латных доспехах надменно возвышались над ними.

Храмовники вручили Брегану длинный сверток, и он сразу развернул холст. Там было оружие пленников — Дункан заметил посох Фионы и меч Мэрика. Руны на клинке полыхнули яростным голубым пламенем, и Бреган с Женеьевой, зашипев от неожиданности, отпрянули. Бреган отшвырнул сверток, и тот, глухо брякнув, упал на пол.

Тогда Архитектор кивнул, и Первый Чародей наконец соизволил окинуть взглядом пленников. Вид у него был самодовольный, даже торжествующий.

— Разумеется, я понимаю, что делаю, — с ухмылкой ответил он Фионе.

— Спелся с порождением тьмы? — процедила она. — Но зачем?

— Ну конечно же ради блага всего человечества! — Ремийе с благостным видом возвел руки к потолку, однако слова эти прозвучали так фальшиво, что не оставалось сомнений — он лжет. Даже Женеьева нахмурилась, искоса поглядев на мага. — Не говоря уж о том, что Архитектор владеет прелюбопытнейшей разновидностью магии. Известно ли тебе, что магия порождений тьмы существенно отличается от нашей? Видишь ли, ее движущей силой является Скверна, и тем не менее эта магия может принести немало пользы даже нам.

Мэрик потрясенно уставился на него:

— Тебе хоть известно, что замышляет эта тварь?

— Разумеется! А тебе разве нет? — Ремийе пожал плечами. — Здесь, в башне, у меня было достаточно сторонников, чтобы без помех устроить переворот. Это, видишь ли, тоже входило в наш план.

Архитектор медленно приблизился к ним, оглядел своими бесцветными глазами, словно изучая:

— Я прошу прощения за то, что пришлось так поступить, однако мне требовались союзники. По правде говоря, я надеялся заманить на Глубинные тропы гораздо больше Серых Стражей. И однако, же, большинство из вас выжило. Это весьма примечательно.

Дункан мгновение помолчал, осознавая смысл сказанного.

— Заманить на Глубинные тропы? — переспросил он.

При этих словах глаза Женеьевы непонимающе сузились, однако Архитектор лишь кивнул. Подойдя Дункану, он снял с его жилета ониксовую брошь и поднес ее к свету.

— Эти броши укрывали вас от всех порождений тьмы, кроме меня, — проговорил он с неподдельным восхищением. — Я всегда знал, где вы находитесь. Кроме того, они же способствовали развитию скверны в вашей плоти.

— Их создал я, — Ремийе с самодовольным видом поклонился, — с помощью познаний Архитектора.

Женевьева резко повернулась к эмиссару.

— Откуда тебе было известно, что мы придем на Глубинные тропы? — жестко спросила она. — Быть не может, чтобы ты знал о моих снах!

Архитектор поглядел на нее так, словно эта вспышка гнева его озадачила, однако Ремийе просто засмеялся.

— “Быть не может...” — передразнил он. — Но ведь вам, Серым Стражам, постоянно снятся сны о порождениях тьмы. Не так ли? Было бы проще простого отыскать тебя в Тени через твоего брата и...

— Я прошу прощения, — серьезно проговорил Архитектор, все так же не сводя взгляда с Женевьевы.

Глаза ее вспыхнули яростью, и она стремительно выхватила из ножен меч. Архитектор не дрогнул, не отступил, лишь так же неотрывно смотрел на нее.

— Да как ты посмел?! — зарычала Женевьева, но прежде, чем она бросилась на эмиссара, Бреган положил руку ей на плечо:

— Женевьева, он прав.

Она рывком развернулась к брату, яростно оскалилась:

— Что значит “прав”? Нас обманули! Нас заманили сюда и послали на Глубинные тропы, словно... словно... а я думала...

И Женевьева замотала головой, не в силах подобрать слова.

— Он прав в том, что это было необходимо, — убеждал ее Бреган. — Вспомни, что мы намереемся сделать. Серые Стражи заключают любые союзы, когда этого требует долг.

Ута шагнула вперед и, встав рядом с Бреганом, торжественно кивнула в знак согласия. В красных глазах гномки, устремленных на бывшего командира, светилось сострадание, и к этому взгляду Ута прибавила несколько быстрых жестов, значения которых Дункан не понял. Под конец Ута выразительно кивнула, как бы подтверждая, что безоговорочно верит в то, что сказала.

Женевьева явно заколебалась:

— Если это и вправду поможет покончить с Мором...

— Поможет, — твердо сказал Бреган.

Фиона презрительно фыркнула:

— И ты этому веришь? О чем еще тебе не рассказали? Почему вы все не понимаете, что вами попросту управляют?

Повернувшись, Женевьева одарила эльфийку ледяным взглядом. Лицо ее было непроницаемо. Дункану был хорошо знаком этот взгляд.

— Фиона, я сожалею, что все завершилось именно так. Мы дали тебе шанс принять участие в поистине грандиозном замысле, однако ты предпочла отвергнуть это предложение. Понимаю, тебе сейчас нелегко поверить во что бы то ни было.

Фиона плюнула ей под ноги, и лицо ее исказилось от гнева.

— А как же Келль? — яростно спросила она. — Он тоже был всего лишь недалеким воином? Он тоже не понимал, что значит быть Серым Стражем?

Женевьева мельком глянула на лужицу слюны, блестящую на полу. Ута повернулась к Фионе, с волнением сделала несколько жестов.

— Он мертв, — отрывисто ответила эльфийка. — Он пал смертью героя. Это единственное, что требуется от Серого Стража. Для того мы и принимаем Посвящение, а не для того, что вы задумали.

Гномка печально кивнула, хотя не выказала ни малейшего удивления. И, отойдя назад, вернулась на свое место, рядом с Архитектором. Эмиссар взглянул на нее, и Дункан мог бы поклясться, что во взгляде его промелькнуло сострадание.

— Согласен, весьма плачевно, что нам не удалось его убедить.

— Довольно! — воскликнул Первый Чародей. — К чему вообще говорить с этой эльфийкой? Ясно же, что она упряма как ослица! Уж я это сразу понял!

— Возможно, — негромко проговорила Женестьева, все так же не сводя глаз с Фионы. — Я надеялась, что... но нет, думаю, ты прав.

С этими словами она сунула меч в ножны, подошла к Дункану и, опустившись перед ним на колени, заглянула ему в глаза. От нее несло скверной, и этот запах был прилипчив, как вонь тухлятины. И все же юноша не мог отвести глаз от Женестьевы. Казалось, она злится на него, но вместе с тем в глубине души мучится, не в силах подобрать нужных слов. Дункану припомнилась их стычка в Тени. Вот уж тогда командору не приходилось подбирать слова.

Но теперь-то совсем другое дело, верно?

— Дункан, — осторожно начала она, — прошу тебя, подумай хорошенько. Я попросила доставить вас всех сюда именно ради тебя. Я хочу, чтобы в нашей битве с Древним Богом ты сражался рядом со мной. Ты мне нужен, Дункан.

Его охватили смешанные чувства. Стало быть, у него есть шанс изменить решение. Он мог бы примкнуть к Женестьеве, принять ее сторону и, может быть, даже обернуть во благо этот ее безумный замысел. Он знал, что в глубине души Женестьева ненавидит его, убийцу Гая, но ведь и сам Дункан в глубине души ненавидит ее. Она принудила его к жизни, которую он презирал. И, несмотря на это, даже сейчас ему страстно хочется заслужить ее похвалу.

А потом Дункан увидел на поясе у нее кинжалы. Ту самую пару сильверитовых кинжалов, которых не было среди оружия, отобранного у отряда в гномьих руинах. Это были его кинжалы, те самые, что подарила ему Женестьева. Те самые, что раньше принадлежали Гаю. И внезапно Дункана охватил гнев. Жаркий гнев, захлестнувший его с такой силой, что он пошатнулся, словно дикий зверь, который долго дожидался своего часа и вот теперь вырвался на волю. Гнев, который юноша так долго лелеял и таил в душе, самому себе в этом не признаваясь.

Женестьева не просто забрала кинжалы себе. Она забрала их, и только их, потому что эти кинжалы принадлежали Дункану. Забрала, чтобы наказать его.

— Нет! — прорычал Дункан.

Глаза Женестьевы широко раскрылись от изумления.

— Нет?

— Вот именно. Я не стану тебе помогать.

Женестьева потрясенно воззрилась на него, и миг спустя лицо ее окаменело от ярости.

— Не станешь мне помогать? Да ты у меня в долгу!

— В долгу? В долгу у тебя? — Гнев полыхнул с новой силой — словно масла подлили в огонь. Дункан трясся всем телом, с ненавистью глядя на Женестьеву. — Думаю, я знаю, почему Гай был так рад, когда я убил его. Вовсе не потому, что ему обрыдла участь Серого Стража. Он был счастлив, что избавится от тебя!

Женестьева вскочила, хватаясь за рукоять меча:

— Да как ты смеешь?!

Дункан дерзко и презрительно взглянул на нее:

— Валяй! Прикончи меня! Всем покажи, какая ты удалая воительница! Это не изменит одного: я всего полгода в ордене, а уже стал лучшим Серым Стражем, чем была, есть и будешь ты!

До чего же здорово было это высказать! Словно он вырвался из душной тюрьмы на свободу. Сердце Дункана неистово колотилось в груди, но он знал, что прав. И готов был умереть, оставаясь правым. Это лучше, чем ошибиться и все равно умереть. Женестьева сверлила его яростным взглядом, и рука ее все крепче сжимала рукоять меча.

Бреган шагнул вперед, снова положил руку ей на плечо:

— Оставь его. Он принял решение. Он так же глуп, как эта эльфийка; чего же ты ожидала?

Женестьева не сводила глаз с Дункана. Гнев сотрясал ее, верхняя губа приподнялась в беззвучном рычании.

— Я хочу убить его, — прошипела она сквозь зубы.

— Ну так убей.

На мгновение Дункану почудилось, что Женевьева так и сделает. Видно было, как она напряглась, и юноша ощутил, что по лбу его катятся крупные капли пота. А затем командор круто развернулась и решительным шагом отошла от брата.

— Нет, — сказала она тихо и твердо, словно произнесла приговор.

И тогда Дункан понял, что им конец.

Бреган смотрел вслед Женевьеве и размышлял, не прикончить ли ему мальчишку прямо сейчас. И его, и заодно эльфийку, чтобы больше не тратить сил понапрасну, стараясь их переубедить. Келль еще мог бы перейти на их сторону, и, вполне вероятно, от него был бы прок, но эти двое — попросту испорченные сопляки. А вот король — совсем иное дело.

Заметив, что Бреган его разглядывает, Мэрик вопросительно изогнул бровь.

— И какое же места в ваших планах отведено мне? — осведомился он. — Или меня прихватили просто так, за компанию?

— Нет, ты — мой трофей, — проговорил Ремийе, ближе подходя к королю.

Бреган с трудом поборол соблазн свернуть мага тощую, цыплячью шею. Он не знал, зачем Архитектор решил связаться с этим лживым слизняком. Скорее всего, эмиссару в поисках союзников особенно выбирать не приходилось, но, если бы Бреган с самого начала знал, что этот человек причастен к замыслу Архитектора, он, вполне вероятно, принял бы иное решение. Впрочем, теперь уже поздно.

— Во всем этом, — продолжал маг, — более всего меня радуешь именно ты. Сопровождая во дворец Серых Стражей, дабы они могли изложить свою просьбу, я надеялся заполучить в сети знаменитого Логэйна, Героя реки Дейн! Ах, доставить этого дерзкого болвана пред очи императора... — Ремийе помолчал, глядя с широкой улыбкой на короля, откровенно упиваясь своей победой. — Но ты, великий Мэрик Спаситель, порадуешь императора куда больше, чем я мог бы надеяться.

Король сплюнул, внезапно придя в ярость:

— Стало быть, вот в чем дело? Это очередные происки Орлея?

— Довольно! — одернул Бреган Первого Чародея. — С какой стати тебя заботит такая бессмыслица, если ты прекрасно знаешь, что, когда все будет кончено, от Орлея, да и от всех других государств, останется так немного, что все ваши распри потеряют смысл.

Маг повернулся к нему, в глазах его вспыхнуло раздражение.

— У нас имеются чары, которые охраняют самых значимых особ, тех, кто способствовал замыслу Архитектора, а стало быть, и самого императора. Орлесианская империя не падет!

— Что это значит? — негромко, с подозрением в голосе спросил король Мэрик. — И какое отношение имеет все это к тому, чтобы покончить с Мором?

— Хороший вопрос. — Женевьева широким шагом подошла к ним, хмурясь, взглянула на Брегана. — При чем тут Мор? О чем вы говорите?

Бреган выругал себя за глупость. Он не хотел пока рассказывать сестре об этой части замысла. Рано. Достаточно сказать ей, что с Мором навсегда будет покончено. Именно к этой цели устремился бы всякий Серый Страж, а уж Женевьева — в первую очередь. Это она знала. Истинные размеры жертвы, которую необходимо принести ради победы, ей можно будет открыть гораздо позже.

Первый Чародей Ремийе от души расхохотался:

— Ты ей этого не сказал?

Женевьева все так же смотрела на Брегана, взгляд ее стал колким и подозрительным.

— Похоже, Фиона права. Мне многого не сказали.

Бреган тяжело вздохнул:

— Не так я хотел рассказать тебе об этом.

— Возможно, это стоило сделать раньше.

— Я сказал тебе именно то, что ты должна была знать! — огрызнулся он. — Что с Мором можно покончить навсегда! Это не изменилось!

— Тогда о чем вы говорите? Что может уничтожить Орлей и все другие государства, если не чудовищный Мор?

— Я могу ответить на этот вопрос.

Архитектор вышел вперед и невозмутимо остановился в луче солнечного света, который лился из окна. Бреган наблюдал за эмиссаром с безмерным изумлением. Серые Стражи считали, что порождения тьмы не выносят света и именно потому, поднимаясь на поверхность, влечут за собой тьму, именно потому обитают на Глубинных тропах. И однако же, эмиссар не устрасился войти в поток яркого света. Само его существование опровергало все представления Стражей о порождениях тьмы, — представления, которые орден на протяжении многих веков считал незыблемыми истинами.

— Нам следовало бы поговорить об этом в другом месте, — проворчал Бреган. — С глазу на глаз.

Женевьева повернулась к Архитектору. На лице ее застыла непреклонная решимость.

— Нет. Я хочу услышать это сейчас.

Эмиссар развел сморщенными ладонями и настороженно кивнул.

— Я желал поговорить с тобой об этом, однако Бреган сказал, что ты не поймешь. Я полагаюсь на его суждения, ибо сам недостаточно хорошо знаю людей.

— Тогда говори сейчас, — не отступала она.

— Только покончить с Мором недостаточно. — Архитектор сложил перед собой ладони, и казалось, что он мысленно творит молитву. — Порождения тьмы, освобожденные от власти зова, начнут сражаться друг с другом. Будет великое кровопролитие. Однако со временем они восполнят потери, и тогда угроза скверны, которую мы несем в своей плоти, снова приведет нас к неизбежной вражде с вашим родом.

— И что же ты предлагаешь? Что поможет этого избежать?

— Вы, — ответил эмиссар, оценивающе глядя на Женевьеву. — Серые Стражи обладают устойчивостью к скверне, которая позволяет им выжить, даже когда скверна целиком завладевает плотью. Ты — наглядное доказательство тому, что существует срединный путь, исход, при котором наши народы смогут жить в мире и согласии.

Женевьева смятенно сдвинула брови:

— Но чтобы достичь этого, нужно...

Она осеклась, потрясенная, глаза ее округлились.

— О, наконец-то до нее дошло, — самодовольно заметил Первый Чародей.

Бреган испытал острое желание убить мага. Убить его, Серых Стражей и даже короля. Перебить всех орлесианцев, которые засели в башне, и всех магов, которых они держат в заточении. Прикончить всех, и пусть Архитектор ищет иные пути для воплощения своего замысла. Так будет гораздо проще. Бреган чувствовал, как пульсирует в его груди кровь — черная, насыщенная скверной. Она расплзалась по жилам медленно, словно жидкая грязь. Так и должно быть.

— Женевьева, — сказал он резко, и сестра повернулась к нему.

Она до сих пор была ошеломлена, до сих пор еще не прониклась глубинным смыслом идей Архитектора. Ута, стоявшая неподалеку, тоже смотрела на Брегана. Судя по ее виду, она хладнокровно обдумывала услышанное. Это хорошо. Гномка всегда была отличным воином, одним из тех, кому не понаслышке ведомо, что представляет собой угроза порождений тьмы.

— Ты должна осознать самое главное, что есть в этом замысле. То, о чем говорит Архитектор, не просто покончит с Мором. Это — мир с порождениями тьмы, настоящий мир. Воистину вечный.

Женевьева упрямо покачала головой:

— Ты хотя бы представляешь, сколько людей погибнет, если их вынудят проходить Посвящение? Как... как вообще возможно такое устроить? Не можем же мы заставить всех и всякого выпить кровь порождений тьмы!

— Суть не в крови, — небрежно ответил ей Ремийе. Первый Чародей отошел на пару шагов, вздохнул, словно показывая, как его утомили эти бесконечные разговоры. — Суть в том, чтобы человек одновременно получил определенную порцию скверны. Стоит обеспечить достаточно быстрое распространение скверны, и в нашем распоряжении будут Серые Стражи. Такова идея, которой любезно поделился с нами Архитектор.

Ремийе жестом указал на эмиссара, и тот склонил голову, благодаря за признание своих заслуг.

— Ты спятил! — выкрикнула Фиона.

Первый Чародей, хитро ухмыляясь, оглядел ее с головы до ног:

— Вовсе нет, моя милая. Такое вполне возможно устроить. Пользуясь магией, которой обучил нас эмиссар, мы без труда можем наложить нужные чары на достаточное количество городов. Достаточно, чтобы скверна быстро и без помех распространилась по всему Тедасу.

С этими словами он поднял руку и начал размеренно шевелить пальцами. И вот над его ладонью завис в воздухе черный шар. Бреган чувствовал, как магия, заключенная в этом шаре, тянется к нему, касается его крови. Затем шар попросту лопнул, исчез бесследно, оставив после себя только ощущение холода.

— А потом... — маг улыбнулся, — потом в мире останутся только те, кто выжил. Те, кто не подвержен скверне, — благодаря нашим защитным чарам либо врожденным свойствам своей плоти.

— И останутся уцелевшие порождения тьмы — те, кто уже будет освобожден от зова Древних Богов. Их можно будет собрать, обучить и начать новую жизнь.

— Все мы получим шанс начать новую жизнь, — прибавил Бреган. — И установить настоящий мир.

Он заметил, как Ута медленно кивает, соглашаясь с каждым словом, но во взгляде Женеьевы было одно только недоверие. Подойдя к Брегану, сестра заглянула ему в глаза — так, словно могла найти истину только там, и больше нигде.

— Зачем тебе нужен мир? — резко спросила она.

— Всем нужен мир, разве нет?

— Я тебя знаю. — В голосе Женеьевы зазвучали обвинительные нотки, и Брегану это не понравилось. Он не остался в долгу и ответил сестре жестким, неприязненным взглядом. — Я могу поверить, что ты, так долго прослужив в ордене, захотел бы уничтожить Древних Богов. Пусть жизнь Серого Стража и была тебе ненавистна, в это я могу поверить. Но чтобы ты захотел мира? — Женеьева разочарованно покачала головой. — Нет, только не это.

Архитектор шагнул к ним, подняв руку:

— Не поддавайся гневу. Если у тебя есть сомнения, давай обсудим их.

— Заткнись! — рявкнула Женеьева. И снова перевела взгляд на Брегана. — Я хочу услышать, что скажет мой брат.

Бреган вновь ощутил прилив ярости. Странно, что только это чувство у него теперь и осталось. Скверна, захватившая его тело, выжгла страх, но оставила ярость и ненависть. Они засели в сердце, словно черный яд, — чернее всего, что мог даровать ему эмиссар.

— Пусть умрут! — яростно выкрикнул Бреган. — Пусть хоть все умрут! Мне наплевать, сколько из них выживет. Пусть испробуют то, что нам с тобой пришлось вынести ради их блага.

— Ты хочешь сказать — что тебе пришлось вынести.

Бреган презрительно фыркнул:

— Бедная сестричка! Она не могла стать Серым Стражем, а потому уговорила меня вступить в орден, чтобы заодно согласились взять и ее. Она не могла заполучить Гая, а потому уговорила меня взять его в орден, чтобы он был при ней. И этого ей было мало. Ей всего было мало. — Он зарычал, чувствуя, как вдавливаются в губы острые клыки. — Скольких ты отравила, чтобы добиться своего, а, Женеьева?

Сестра отшатнулась, уязвленная злобой, которая сквозила в его словах, однако не

отступила. Глаза ее наливались злыми, кровавого оттенка слезами.

— А теперь ты в ответ поишь меня ядом? — охрипшим от боли голосом спросила она. — Дождался своего часа и теперь мстишь?

Бреган сплюнул ей под ноги:

— Ты уже отравлена! С той минуты, когда на Посвящении выпила кровь! Так используй же это для действительно стоящего дела! Да, люди будут умирать, но они всегда умирают. Они недостойны того, чтобы их спасали! — Он обвиняюще ткнул пальцем в короля Мэрика. — Сколько лет мы вынуждены были кланяться обьедки, поскольку они решили, что Мор им больше не угрожает? Как скоро они забывают, сколько раз орден спасал их ничтожные жизни? Они трусливы и глупы... — Бреган взмахнул перед лицом Женевьевы латным кулаком, стиснув пальцы так, что стал слышен скрип металла. — Так пусть получают то спасение, которого заслужили!

— Не ради этого я стала Серым Стражем!

Бреган шагнул к ней вплотную, придвинулся так, что их лица почти соприкасались, схватил ее за плечи.

— И ты стала героиней, сестричка? Кому-нибудь было дело до того, чем и как ты пожертвовала? Да убей ты самолично всех Древних Богов, все равно никто не стал бы славить твое имя!

Лицо Женевьевы исказили ярость и мука; она попыталась вырваться, но Бреган не отпускал ее. Он впивался взглядом в сестру. Они зашли уже так далеко, позволили скверне чудовищно извратить свою плоть, и с какой же стати им теперь отступать? Бреган знал сестру. Рано или поздно она даст ему то, чего он хочет. Она у него в долгу. С тех самых пор, как он изуродовал всю свою жизнь ради того, чтобы Женевьева смогла вступить в этот жалкий орден, стать великой героиней, как мечтала всегда, — она у него в долгу.

Внимание их отвлек шум, разнесшийся за дверьми зала. Первый Чародей с раздраженным видом повернулся к входу, прислушиваясь к тревожным выкрикам, которые метались в коридорах. Жестом велел храмовникам, которые охраняли пленников, следовать за ним, Ремийе надменно двинулся к дверям.

Он не успел дойти и до порога, когда в зал вбежал молодой маг. Судя по виду, он лишь недавно перешагнул порог совершеннолетия и еще пребывал в учениках. Маг резко затормозил, едва не налетев на Первого Чародея, и что-то взволнованно залопотал, однако он так запыхался, что разобрать его слова было невозможно.

— Спокойнее, юноша! — прикрикнул Ремийе. — Что, другие наши пленники сбежали? Скоро вся башня будет кишеть непокорными магами?

— Нет! — Молодой маг помотал головой и согнулся вдвое, упершись руками в колени, чтобы хоть как-то отдышаться. — Корабли! Сюда плывут корабли!

Первый Чародей помедлил, с сомнением оглянулся на Архитектора и снова повернулся к тяжело дышавшему юноше.

— Что за корабли? — спросил он властно. — Сколько их? Говори!

— Три! — выдохнул маг. — Большие! Под королевским флагом!

Бреган стремительно развернулся, впился яростным взглядом в Мэрика, но тот лишь дерзко ухмыльнулся в ответ.

— На меня не смотри, — прибавил он, пожав плечами. — Если бы я мог вызвать силой воли целый флот! Весьма полезное умение.

Ремийе сплюнул.

— Это тейрн Логэйн, — бросил он, выговорив “тейрн” с холодной издевкой. Затем щелкнул пальцами, обращаясь к храмовникам: — Перекройте вход под башней.

Солдаты бросились выполнять приказ, а Ремийе повернулся к молодому магу:

— Пусть все маги соберутся на верхнем этаже. Если с кораблей попытаются высадиться на остров — сожгите их.

— Но они будут слишком далеко!

— Тогда сожгите всех, кто высадится на берег! Сожгите весь остров, если понадобится!

Живо!

Первый Чародей яростно взмахнул рукой, и молодой маг, пятясь, кое-как вывалился в коридор. За дверьми уже слышны были крики и топот.

— Если это Логэйн, — заметил Мэрик, улыбаясь еще шире, — вас ждут большие неприятности.

— Когда у нас в заложниках его драгоценный король? — со смешком отозвался Бреган. — Не думаю.

— Значит, ты плохо знаешь Логэйна.

Первый Чародей уже стремительно шагал к ним, сыпля ругательствами. Озлобленный голос его разносился по всему залу. Архитектор, не проявляя ни малейшей взволнованности, подошел к Брегану, за ним по пятам шла Ута.

— Досадное осложнение, — заметил эмиссар.

Бреган кивнул:

— Я бы сказал, что нас преследуют осложнения.

— И однако же, все еще можно исправить. Необходимо исправить, иначе мы лишимся единственной удобной возможности.

— Не лишимся, — заверил Бреган эмиссара и вопросительно глянул на сестру. — Не лишимся, если Женестьева забудет о своем малодушии и поможет нам.

На лице женщины отразилась нерешительность. Она медленно пятилась от Архитектора, настороженно поглядывая на приближавшегося к ним Первого Чародея. Бреган подумал, что сестра похожа на загнанную в угол кошку. Или на собаку. На очень упрямую собаку.

— То, что вы задумали, — преступление, — прошептала она едва слышно.

— А разве прежде тебя это останавливало? — огрызнулся Бреган.

Женестьева метнула на него ненавидящий взгляд, но промолчала. Долгое время они, не говоря ни слова, смотрели друг другу в глаза. В какой-то момент Брегану показалось, что сестра сейчас сломается, покорится его желанию, и тут подал голос смуглокожий вор, который стоял на коленях, скованный, рядом с королем.

— Женестьева, ты еще можешь их остановить! — яростно выкрикнул он. — Ты еще можешь...

Зарывав, Бреган развернулся и с такой силой ударил мальчишку по лицу, что тот отлетел прочь и стукнулся головой о пол. Громко зазвенели цепи, и молодой Страж застонал от боли. Оскалась, Бреган снова повернулся к Женестьеве и сразу понял, что удобный момент упущен. Сестра приняла решение.

Она обнажила меч, и солнечный свет, сверкнув, отразился на гладком металле, когда Женестьева направила клинок на Брегана. Взгляд ее был тверд, и в глазах горела ненависть.

— Я не дам вам этого сделать, — проговорила она. — Я совершила ошибку, когда согласилась примкнуть к вам.

Бреган тоже выхватил меч, и с губ его сорвалось гортанное рычание. Он удивился тому, как сильно хочет убить собственную сестру. Впрочем, она ничем не лучше прочего человеческого отребья. Что же, к этому всегда шло. Все эти годы, когда она терзалась неутоленной гордыней и завистью, злобно и обиженно косилась на него вопреки всему, что он для нее сделал. Не надо было соглашаться с идеей Архитектора привлечь Женестьеву на их сторону. Надо было прикончить ее еще тогда, на Глубинных тропах.

— Что ж, — сказал он холодно, — давай исправим эту ошибку.

Сноп черного огня ударил в грудь Женестьевы. Пронзительно закричав от ужаса, она повалилась навзничь и продолжала кричать — уже от боли. Бреган обернулся и понял, что этот удар нанес Архитектор. Бледная рука эмиссара была еще вытянута вперед, и вокруг пальцев корчились язычки черного пламени.

Женестьева схватилась за грудь, на которой стремительно расплзлось черное пятно живой тьмы. Пятно росло, увеличиваясь на глазах, и, казалось, пожирало ее. Цепенея от

ужаса, Бреган слушал, как пронзительные крики Женевьевы превратились в безумный визг. Выронив меч, она извивалась всем телом, а колдовская тьма, насланная Архитектором, медленно и неумолимо обволакивала ее. Вот уже скрылись, окутанные чернотой, руки и ноги, и наконец живая тьма наполнила на лицо. Дикий крик оборвался. Тело Женевьевы дернулось еще дважды, а затем тьма попросту опала, растекшись на полу тягучей черной лужей.

Женевьева исчезла. Лужа медленно расплзлась по каменным плитам пола и там, где на нее попадал солнечный свет, шипела и испарялась.

Бреган яростно развернулся к Архитектору:

— Что ты наделал?!

Эмиссар с любопытством разглядывал его, словно не ожидал такой вспышки.

— Очевидно было, что она переменяла свое решение. Я сделал то, что считал необходимым, дабы охранить наше дело.

— Да плевал я на твое дело! Это была моя сестра!

— Которую ты собирался убить, Страж.

— Нет! Нет, не собирался! — Бреган ощутил, как в нем снова нарастает ненависть, но теперь это ощущение не распяляло его, но вызывало омерзительную тошноту. Скверна, словно бесчисленная орда червей, расплзлась по всему телу. Бреган страстно жаждал вырвать, выжечь ее из своей плоти — что угодно сделать, лишь бы избавиться от нее. — Ты лжешь!

Архитектор, моргая, смотрел на него своими большими блеклыми глазами. Ута подняла кулаки, пригнулась, с ненавистью глядя на Брегана, однако эмиссар коснулся ее сморщенной рукой, удерживая от броска.

— Я не лгу, — сказал он. — Разве ты не помнишь вашего спора? Не слышал, какое она приняла решение? — Архитектор сцепил пальцы под подбородком. — Возможно, — продолжал он, — решение завлечь к нам остальных Серых Стражей было ошибочным. Я полагал, что они станут более сговорчивы, увидев, что их командир уже встала на нашу сторону.

— Ошибочным?! — фыркнул Бреган. И покачал головой, недоверчиво глядя на Архитектора. — Ты нас не понимаешь, верно? Совсем не понимаешь. Мы для тебя — насекомые в стеклянной банке. Ты наблюдаешь за этими насекомыми, тычешь в них палочкой и обрываешь им крылья, если это необходимо для твоих высоких целей.

— Тебе ведома моя цель, Страж. Я был с тобой откровенен.

— Ты чудовище!

Архитектор окинул его бесстрастным взглядом:

— Мы сейчас мало отличаемся друг от друга.

Эмиссар был прав. Он, Бреган, тоже стал чудовищем.

Он бросился на Архитектора, не дожидаясь, пока тот пустит в ход магию, и что есть силы рубанул его мечом по голове. Эмиссар, однако, оказался проворнее, чем ожидал Бреган, и в последнее мгновение успел отклониться назад. Меч Брегана наискось глубоко рассек его грудь.

Архитектор пошатнулся, с оторопелым видом зажимая руками рану. Между его пальцами брызнула черная кровь. Не желая дать эмиссару опомниться, Бреган прыгнул, готовясь вогнать клинок в его голову.

Он еще не успел приземлиться, когда что-то тяжелое ударило в него и сбило наземь. Бреган не сразу сообразил, что это была Ута. Это она с разгону врезалась в него, а теперь молотила по лицу кулаками. Брегану показалось, что на лицо ритмично обрушиваются удары двух каменных кувалд. Один удар разбил ему нос, от другого треснула челюсть, и от боли у Брегана потемнело в глазах.

Пробившись через град ударов, он рукой в латной перчатке стиснул горло Уты. Гномка заскрежетала зубами, извиваясь в его железной хватке, и большими пальцами надавила ему на глаза. Бреган был ослеплен, от жгучей боли раскалывался череп, но в конце концов он

почуял, что натиск Уты на миг ослаб. Воспользовавшись этим, он взревел и ударил гномку головой о каменный пол. Раздался громкий треск, и Бреган отшвырнул Уту прочь от себя.

И тогда в грудь его ударила струя магической тьмы — той самой тьмы, которая поглотила Женевьеву. Бреган пронзительно завопил от боли, чувствуя, как черная дрянь впивается в него, разъедая грудь, а поток магии, который направлял на него эmissар, становился все мощнее.

В глазах у Брегана помутилось, и на миг он перестал видеть. Бывший Серый Страж стиснул зубы, вынуждая себя замолчать, хотя чудовищная боль раздирала уже все тело. Затем сквозь темную дымку он различил силуэт эmissара. Закричав, Бреган вскинул меч и стремглав понесся к нему. Он бежал навстречу магическому потоку, чувствуя, как тот вонзается в грудь, словно копье, и холодом расходится внутри. Добежав до Архитектора, Бреган взмахнул мечом и отсек эmissару кисть руки.

Тот громко завизжал, из обрубка хлынула черная кровь, и заклинание прервалось. Бреган обессилено осел на пол. Нагрудник его был почти целиком сожран живой тьмой, грудь кровоточила и дымилась. Архитектор тоже рухнул на пол, хватаясь за искалеченную руку и пытаясь остановить кровотечение. Его бурая мантия стала черной от крови.

Бреган вынудил себя мучительно медленно подняться на ноги. Боль в груди была чудовищная. Казалось, из него вырезали изрядный кусок живой плоти, оставив в груди дыру. Он поднял меч, стараясь унять немилосердно дрожащую руку, и двинулся на Архитектора. Эmissар оскалил клыки и вызывающе зашипел. Бреган с усилием занес меч над его головой...

...И в них обоих ударила молния. Вспышка на миг ослепила Брегана, громовой грохот сбил его с ног. Он повалился на пол, корчась от боли, которая пронизала все тело, опутанное электрическими разрядами. Шагах в десяти от него точно так же корчился терзаемый молниями Архитектор.

— Надо же, как удобно.

Бреган не сразу понял, что эти слова произнес Первый Чародей. Дрожа всем телом от боли, он поднял глаза и увидел, что маг хладнокровно приближается к ним. Одна его рука еще дымилась после сотворенного заклинания.

Архитектор с ужасом воззрился на Первого Чародея.

— Что... что ты наделал? — прохрипел он.

Ремийе презрительно фыркнул:

— А ты, глупое чучело, и впрямь решил, что я стану покорно следовать твоему плану? Изначально я замышлял устроить так, чтобы наши чары не сработали, во всяком случае в Орлее, но так будет гораздо, гораздо проще.

— Но... но как же Мор? — не сдавался Архитектор.

— А какое мне дело до Мора? Когда ты впервые, в Тени, обратился ко мне, я решил, что буду подыгрывать тебе. Кивать и говорить все, что ты захочешь услышать. А ты взамен поделился со мной своими тайнами, верно? — Ремийе поднял руки, и между его ладонями затрещали разряды черной энергии. — Ты подарил мне вот это... и короля Ферелдена.

— Нет! Человек, ты не можешь так поступить!

— Могу. Еще как могу!

Бреган и прежде знал, что этот маг коварен и беспринципен, но все же слепо позволил обмануть себя, так же как Архитектор. Вот только Бреган не мог, подобно эmissару, оправдаться незнанием человеческой природы. Уж он-то хорошо знал, на что могут быть способны такие люди, но тем не менее предпочел не замечать очевидного. Потому что ему было все равно.

“Каким же я был безнадежным идиотом!” — проклиная себя, со злостью подумал Бреган.

И тут прозвучал уже другой голос:

— На моем месте я бы на это не рассчитывал.

Бреган повернул голову и сквозь мутную дымку боли увидел короля Мэрика и тех

двоих Серых Стражей. Цепей на них не было. Король направил на Первого Чародея рунный клинок, а эльфийка уже поднимала белый посох, творя заклинание. За дверьми зала, в коридорах, разносился оглушительный треск и слышны были отдаленные крики.

— Полагаю, мирно ты не сдашься? — угрюмо спросил король.

Первый Чародей повернулся к нему и процедил:

— Нет.

Глава 19

Благословенны праведные, свет во тьме.

В их крови начертана воля Создателя.

Песнь Благословений, 4:10

Дункан видел, как умерла Женевьева. После того как Бреган сбил его с ног, Фиона молча помогла ему подняться на колени в ту самую минуту, когда эмиссар ударил заклинанием Женевьеву. Дункан слышал ее душераздирающие крики, видел, как она билась и корчилась, словно насекомое, пожираемое черным огнем. Он и сам внутренне корчился от этого зрелища. Несмотря на то что натворила эта женщина, он все же сумел достучаться до нее. Когда Дункан кричал ей в лицо обидные слова, Женевьева смотрела на него, и в тот миг он видел ту женщину, какой она была прежде. До того, как ее поглотило безумие.

Потом, когда начался бой между Бреганом и Архитектором, Дункан заметил, что Первый Чародей скромно стоит в сторонке и не вмешивается. Дункан понимал, что не может долго предаваться скорби. До сих пор они, скованные и безоружные, были только бессильными свидетелями происходящего, но теперь настала пора действовать.

Вытягивая ногу, Дункан мысленно порадовался тому, что Первый Чародей так увлеченно наблюдает за боем. Он тянул и тянул ногу до тех пор, пока носком сапога не зацепил сверток, который так поспешно отбросил прочь Бреган, — сверток с отобранным у них оружием. Мэрик и Фиона смотрели на него широко открытыми глазами, а когда сообразили, что он делает, начали согласно кивать. Напрягая силы, Дункан пододвинул сверток с оружием поближе — настолько близко, что смог дотянуться до него рукой.

Весь его замысел был основан на рунном клинке Мэрика. Зачарованный меч из драконьей кости наверняка должен был рассечь кандалы. Дункан устался на Первого Чародея, мысленно молясь, чтобы тот не повернулся, а сам плотно прижал кандалы к лезвию меча. Поза была крайне неудобная, один раз руки его соскользнули, и меч глубоко рассек кожу, но Дункан тут же возобновил попытки. Он стискивал зубы, дрожа от напряжения, и наконец кандалы поддались. При этом лезвие меча вспоролось мякоть ладони, но Дункан успел отдернуть руку прежде, чем окончательно лишился ее.

Дункан спешил, преодолевая боль. Запустив руку в пояс, он нашарил отмычку. На то, чтобы отпереть замок кандалов и избавиться от цепи, у него ушли считанные секунды.

— Быстрее! — взволнованно прошептал Мэрик.

Фиона вскрикнула — в зале вдруг ослепительно полыхнула молния. Грохот грома, который последовал за вспышкой, сбил Дункана с ног, и на мгновение он решил, что Первый Чародей все-таки заметил его. Дункан поспешно вскочил, но нет — молния Ремийе предназначалась Брегану и Архитектору.

— Неужели все маги такие сволочи? — вслух пробормотал Дункан.

— Я тоже маг! — сердито фыркнула Фиона.

Хороший довод. Дункан поспешил заняться кандалами спутников. Едва с этим делом было покончено, Мэрик вскочил и подхватил с пола сверток с оружием. Он вручил Фионе посох, а Дункану — кинжал с черным лезвием. Едва коснувшись кинжала, Дункан почувствовал внутри клинка странную размеренную дрожь. На ощупь клинок был холодный

и какой-то... нездешний, что ли? Раньше Дункан за ним ничего подобного не замечал. Что же это происходит с его оружием?

— Могу. Еще как могу! — прозвучал голос Первого Чародея.

Дункан увидел, что маг с надменным видом возвышается над чудовищно израненным Бреганом и Архитектором. По правде говоря, они оба заслуживали смерти, но пока Дункану и его друзьям предстояло справляться только с одним чокнутым магом.

По счастью, Мэрик был того же мнения.

— На твоём месте я бы на это не рассчитывал!

Первый Чародей Ремийе стремительно обернулся — и нахмурился, увидев, что пленники освободились. Вокруг его пальцев крутились завитки черной энергии. Фигуру Первого Чародея облекала аура мощи, от которой веяло холодом.

— Непременно нужно было объявить, что мы сейчас нападём? — с досадой прошипела Фиона.

— Извини, — вздохнул Мэрик.

Позади них, за пределами зала, раздался оглушительный грохот. Казалось, будто вся башня разламывается на куски; Дункан почувствовал, как под ногами задрожал пол. Откуда-то издали доносились крики и шум боя. Может, это тейрн Логэйн? Уж не вошёл ли он в башню, каким-то образом проломившись через стену?

— Полагаю, мирно ты не сдашься? — угрюмо спросил Мэрик, направляя меч на мага и стараясь не замечать шума, царившего снаружи.

— Нет, — процедил Ремийе.

— Отчего-то я так и думал.

С этими словами Мэрик бросился на мага, так стремительно размахивая мечом, что пылающие руны оставляли в воздухе голубой след. Пренебрежительно фыркнув, Ремийе поднял руку. Ослепительно-белая аура окружила его, и он начал творить заклинание.

Первый Чародей швырнул заклинание в Мэрика — и вдруг оно, ударившись прямо перед королём о невидимую стену, совершенно безвредно рассеялось. Маг метнул уничтожающий взгляд на Фиону, которая настороженно следила за своим противником.

— Ясно, — прошипел Ремийе.

Мэрик нанес удар, и лезвие меча рассекло желтую мантию Первого Чародея, однако тот отпрыгнул так проворно, что удар не причинил ему особого вреда. Он взмахнул рукой — и Мэрика отшвырнуло прочь. Король рухнул на галерею и покатился по ней, ломая и опрокидывая ряды пустых скамеек. Теперь Ремийе устремил все свое внимание на Фиону.

Она взмахнула посохом, и на кончике его возник, медленно разрастаясь, огненный шар.

— Какое же ты ничтожество! — процедила она. — Из-за таких, как ты, и ненавидят всех магов!

— Простакам положено нас бояться! — хмыкнул Ремийе.

С его поднятой руки сорвалась и полетела в Фиону струя черной энергии — той самой, которая убила Женевьеву. Фиона в ответ швырнула огненный шар. Два сгустка столкнулись, и посреди зала закрутился адский вихрь темноты и пламени. Два заклинания, пытаясь пробиться друг сквозь друга, сошлись в поединке, а Ремийе и Фиона, сосредоточившись, изливали из себя все новые потоки энергии.

Дункан крепче стиснул чёрный кинжал и крадучись двинулся вперед, стараясь пробираться как можно дальше от Первого Чародея. Ему не хотелось, чтобы Ремийе заметил его раньше времени, а бросаться на него в открытую, как поступил Мэрик, было совершенно бесполезно. Мельком глянув в ту сторону, куда зашвырнуло Мэрика, Дункан убедился, что тот уже пытается подняться на ноги — стало быть, живой. Может, король и вправду такой везунчик, как утверждал.

Поединок между Ремийе и Фионой продолжался, и Дункан видел, что эльфийка постепенно сдает. Поток пламени, который она направляла на противника, неуклонно сокращался, и Фиона напрягала все силы, чтобы его удержать. По лицу ее текли струйки пота. Первый Чародей, почуяв свое преимущество, усиливал натиск, лицо его исказилось от

напряжения.

“Было бы не худо отвлечь его”, — подумал Дункан. Ему уже удалось незамеченным пробраться за спину мага, и сейчас он, держа наготове кинжал, стремительно и бесшумно ринулся к Ремийе. Один удар в шею, всего один — больше ему ничего и не нужно. В шею, в подмышку... да мало ли уязвимых мест у противника, не защищенного доспехами?

Ремийе, однако, заметил Дункана прежде, чем тот успел подобраться достаточно близко. Глаза мага сплошь заливала чернота. Капли черной жидкости вытекали из них, точно слезы.

— Что, крысеныш, думал, я тебя не замечу?

— Надеялся! — выкрикнул Дункан и помчался со всех ног, рассчитывая нанести удар прежде, чем маг успеет сотворить заклинание. Он высоко прыгнул, занеся для удара кинжал, но было уже поздно.

Ремийе вскинул другую руку, и с ладони его сорвался сгусток тьмы. Удар в грудь отшвырнул Дункана назад. Он рухнул на пол в изрядном отдалении, крича от боли, потому что живая тьма уже распласталась над ним, накрывая, словно чудовищное одеяло. Слово мириады муравьев ползли по нему, крохотными челюстями выдирая кровоточащие клочки плоти. Дункан извивался, хлопал свободной ладонью по облепившей его черноте, однако она оказалась совершенно бесплотной. Рука его без труда проходила сквозь толщу магической тьмы.

Отчаявшись, Дункан ударил по ней кинжалом. Уж лучше распороть себе живот, чем покорно ждать, когда тебя пожрут без остатка! К удивлению Дункана, заколоться у него не вышло. Едва острие кинжала касалось живой черноты, та дергалась и пыталась отползти прочь. Тогда Дункан принялся лихорадочно тыкать себя кинжалом повсюду, где его облепила тьма, и магическая дрянь всякий раз отступала.

Минуту спустя он, живой и уже свободный, привалился спиной к стене зала, загнанно и часто дыша. Холодея, от ужаса, Дункан смотрел на черную лужу, которая растеклась на полу всего в шаге от него и уже с шипением испарялась. “А ведь это мог быть и я”, — думал он, обливаясь холодным потом. Его кожаные штаны превратились в клочья, ноги стали липкими от крови, но в основном он остался невредим.

Черный кинжал уже не просто дрожал, но отчетливо пульсировал. Дункан уставился на него — и вдруг его осенило. Он украл кинжал в покоях Первого Чародея, и маг хранил эту вещицу в потайном месте, но прятал ее наверняка не от воров. Откуда взяться вору в башне Магов? Ремийе спрятал кинжал подальше от любопытных глаз храмовников и прочих магов. Кинжал сотворен той же магией, которой научил его Архитектор!

Вот почему на Дункана не подействовала, как на других, обсидиановая брошь. На его коже не проступила скверна, он не слышал Призыва — и все потому, что его защищали чары кинжала.

Шатаясь, Дункан поднялся на ноги. Первый Чародей был близок к победе, черная стена его магии уже подбиралась к Фионе. Поток пламени, исторгаемый ее посохом, отступил под натиском черноты и струился теперь всего в паре шагов от магички. Эльфийка слабела на глазах... и вдруг начала падать.

— Мэрик! — отчаянно крикнула она.

И король тут же явился из ниоткуда, словно вызванный заклинанием дух. Метнувшись вперед, он обеими руками швырнул в Первого Чародея рунный меч. Клинок на лету вращался, сверкая голубым пламенем рун, и его полет сопровождался глухим зловещим посвистыванием. Глаза Ремийе округлились от изумления, и он вынужден был отпрянуть вбок. Меч пролетел мимо и со стуком упал на пол, но заклинание, которое творил Первый Чародей, прервалось.

Фиона обессиленно обмякла, и Мэрик бросился к ней, успел подхватить прежде, чем она рухнула на пол. Бледное лицо эльфийки осунулось от изнеможения. Король повернул голову, взглядом обшаривая зал.

— Дункан! — окликнул он.

— Здесь! — отозвался Дункан.

Превозмогая слабость в ногах и жгучую боль во всем теле, он с кинжалом в руке двинулся к Первому Чародею. “Вот тебе и подкрался”, — мрачно подумал он.

Маг валялся на полу, и вид у него тоже был довольно изнуренный. Когда он заметил Дункана, в глазах его вспыхнуло раздражение.

— Хочешь повторить, козьяк? — процедил он, проворно вскочив на ноги.

— Похоже, твои черные штучки не такие грозные, как ты думаешь.

Ремийе принялся вращать руками, и в воздухе перед ним возник черный шар. Он стремительно рос, окружая черной аурой набиравшего силу мага. Дункан бросился вперед, выставив перед собой кинжал и отчаянно надеясь, что его замысел сработает.

Ремийе швырнул шар, и тот, с пронзительным визгом рассекая воздух, полетел прямо в Дункана. Когда шар был уже совсем близко, Дункан зажмурился и с размаху полоснул по нему черным клинком.

Визг мгновенно превратился в нечеловеческий вой, и лицо Дункана обдало волной холода. Казалось, его с головой обмакнули в замерзающий пруд, но он бежал дальше, и шар не причинил ему никакого вреда. Открыв глаза, он увидел потрясенное лицо Первого Чародея... и тут же потрясение сменилось пониманием: Ремийе узнал свой кинжал.

Впрочем, это уже не имело значения. Дункан с воинственным криком воткнул кинжал в грудь мага. Ремийе попятился было, но Дункан схватил его за плечо и, рывком притянув к себе, вогнал лезвие еще глубже.

— Неплохо для козьяки, а? — прошептал он на ухо магу.

В округлившись глазах Ремийе застыло безмерное изумление, и, когда он приоткрыл рот, ярко-алая кровь струей хлынула на подбородок, заливая желтую мантию. Дункан заметил, что в этой алой струе мелькают черные прожилки. Маг пошатнулся, и тогда Дункан отпустил его, оставив кинжал в ране.

Ремийе скосил глаза на черную рукоять, торчавшую из его груди, — словно пытался понять, что же она там делает. Он схватился было за нее, но тут же содрогнулся всем телом, и изо рта его снова хлынула кровь. Маг пошатнулся, затем поспешно развернулся...

...И оказался лицом к лицу с Бреганом. Бывший Серый Страж брел, хромя, прижимая одну руку к груди, испещренной множеством мелких ранок, из которых сочилась черная кровь. Презрительно глянув на Ремийе, он занес меч, который сжимал в другой руке.

— Нет! — пронзительно завопил маг, захлебываясь собственной кровью.

Бреган зарычал и одним ударом обезглавил Первого Чародея.

Дункан смотрел, как голова Ремийе упала и откатилась на несколько шагов. Алая кровь фонтаном ударила из обрубка шеи, но уже через долю секунды тело Ремийе, обмякнув, беззвучно опустилось на пол. Бреган стоял неподвижно, глядя на труп. Затем бросил меч, и тот со звоном упал на каменные плиты.

За спиной у Дункана вдруг раздался топот множества ног, и он обернулся к дверям. В зал хлынули ферелденские солдаты. Их было несколько десятков — все в тяжелых доспехах, с королевским гербом на щитах. Кое у кого на доспехах виднелась кровь, и, судя по тому, как солдаты проворно рассыпались по залу, они явно ждали нового боя. Командовал солдатами тейрн Логэйн. В темном латном доспехе, с окровавленным мечом в руке, он выглядел более чем внушительно. Логэйн вскинул руку, остановив солдат, и холодным взглядом светло-голубых глаз окинул зал, словно впитывая все увиденное.

На несколько секунд в зале все замерло. В тишине Мэрик осторожно помог Фионе подняться на ноги. Логэйн заметил короля, и глаза его на миг округлились от изумления. Затем он нахмурился и решительным шагом двинулся к другу:

— Вижу, ты еще жив.

По голосу Логэйна Дункан никак не мог понять, радуется это или злит. Явственнее всего в этом голосе прозвучало раздражение.

— Я тоже рад тебя видеть, — устало хохотнул Мэрик. — Как, во имя Создателя, ты здесь очутился? Откуда узнал, что мы здесь?

Логэйн нахмурился:

— Узнал? Да я об этом понятия не имел. Зато мне было хорошо известно, что орлесианцы тебя предадут, и, как видишь, я оказался прав.

Он с отвращением глянул на обезглавленный труп Первого Чародея, а затем перевел настороженный взгляд на Брегана, который все так же стоял над убитым. Бывший Серый Страж не шелохнулся.

— Я следил за этим болваном, дожидаясь, когда он начнет действовать, — и дождался. Его орлесианские прихвостни захватили башню два дня назад.

— Так ты поэтому оказался здесь? — спросил Мэрик.

— Почти всю армию я отправил искать тебя. Остальные здесь, со мной. — Тейрн поглядел на короля и покачал головой. — Надо было мне догадаться, что ты окажешься именно здесь, в самой гуще событий, и все равно целый и невредимый. Я уж думал узнать, что тебя упрятали в какой-нибудь ящик и везут в Орлей.

Он повернулся к солдатам, замершим у него за спиной, и жестом указал на Брегана:

— Поставьте охрану. Проследите, чтобы это... существо никуда не делось.

Солдаты, исполняя приказ, тотчас рассыпались. Несколько солдат, пробежав мимо Дункана, окружили Брегана. Тот, впрочем, и не думал сопротивляться — просто стоял как стоял.

Когда солдаты пришли в движение, Дункан окинул взглядом залу и замер.

— А где Архитектор? — громко спросил он. — И Ута?

— Ушли, — прохрипел Бреган.

— Найти! — рявкнул Логэйн. — Никого из башни не выпускать!

Офицер, находившийся в зале, кивнул, жестом подозвал к себе нескольких солдат, и они торопливо выбежали из зала. Миг спустя из коридора донеслись многоголосые выкрики. Дункан отметил, что шум боя уже почти не слышен. Стало быть, они победили? Если Архитектор и вправду сбежал, означает ли это, что все кончено? Странно, до чего нелегко ответить на этот вопрос. Все старинные предания утверждают, что победа приходит под ликующее пение труб. Разве это не победа?

Мэрик и Фиона, опиравшаяся на его руку, направились к Брегану. Логэйн шел следом, с сомнением разглядывая бывшего Серого Стража. Солдаты, окружившие Брегана, наставили на него копья, вид у многих был испуганный — они явно не сомневались, что перед ними наводящее ужас порождение тьмы. Не обращая никакого внимания на копья, Бреган поднял взгляд на Мэрика и Фиону. Лицо его было почти спокойно.

— Почему ты не попытался сбежать во время боя? — спросил Мэрик.

Бреган испытующе оглядел его налитыми кровью глазами:

— А куда мне бежать, король Мэрик? На Глубинные тропы, с Архитектором?

Фиона не сводила с него подозрительного взгляда:

— Значит, ты и вправду отрекся от его замыслов?

— Я был слеп. — Бреган горестно опустил голову. — Думаю, теперь я знаю, почему Стражи древности создали Призыв. Лучше погибнуть, чем допустить, чтобы скверна пожрала тебя изнутри, оставив только ненависть, горечь и сожаление, и тогда покажется, что на свете ничего иного не было и нет.

Мэрик быстро глянул на Фиону и, беспокояно облизав губы, снова перевел взгляд на Брегана:

— И что же теперь? Ты сможешь нам отыскать Архитектора? Его обязательно нужно найти.

Бреган прикрыл глаза.

— С твоего разрешения, — проговорил он, — я хотел бы сделать то, что и должен был сделать, когда начал Призыв. Я хотел бы умереть достойно, насколько это еще возможно. Я хотел бы встретиться в Загробном мире с сестрой и попросить у нее прощения.

Логэйн, казалось, готов был яростно возразить, но Мэрик, опередив его, поднял руку. Он поглядел на Фиону, глазами спрашивая одобрения, и она кивнула. Тогда король резко

махнул рукой, отдавая приказ солдатам.

И солдаты, исполняя приказ, пронзили Брегана копьями.

Он не вскрикнул, не попытался их остановить. Он лишь единожды содрогнулся, и черная кровь хлынула, растекаясь по освещенному солнцем полу, а потом он обмяк. Солдаты выдернули копья, и тело Брегана безжизненно рухнуло на пол.

Мэрик повернулся к Фионе, крепко обнял ее, прижал к себе, и она уткнулась лицом в его плечо. Дункан неотрывно смотрел на труп Брегана.

Он не знал, правильно ли испытывать жалость к этому человеку, или к Женевьеве, или к Уте. И все равно Дункану было их жаль. Несмотря на все, что они натворили, он скорбел по ним, и эта скорбь пустотой зияла в сердце.

Наверное, именно такой и бывает победа.

Эпилог

— Ваше величество, прибыли Дункан и Фиона из ордена Серых Стражей.

Мэрик, сидевший на троне, поднял взгляд и кивнул управляющему. Тот был в ночной рубашке, в руке держал фонарь, и на лице его было написано искреннее недоумение: с какой, мол, стати приходится среди ночи объявлять в тронном зале о прибытии гостей?

— Знаю, — сказал Мэрик. — Проводи их немедленно сюда и оставь нас одних.

Управляющий отвесил поклон и поспешно удалился. В другое время он, вероятно, доложил бы об этом необычном происшествии Логэйну, однако на этот раз Мэрик строго-настрого запретил ему так поступать. Учитывая, что Логэйн очень кстати торчит в Гварене по меньшей мере месяц, управляющему будет крайне нелегко нарушить королевский приказ.

Уговорить Логэйна уехать в Гварен, не возбудив при этом ни малейших подозрений, было делом нешуточным. С той минуты, как они покинули башню Круга, старый друг ни на миг не желал выпускать Мэрика из поля зрения, и, в конце концов, основания для этого были у него самые веские. Король тайком удрал ото всех: от Логэйна, от ферелденского трона и от собственного сына.

Всю дорогу до Денерима Логэйн ехал, зло поджав губы, и не достаивал Мэрика ни единым словом. И лишь когда они подъезжали уже к городским воротам, повернулся и жестко бросил:

— Мэрик, Мора не будет.

Так и осталось непонятным, что это было — обещание или порицание.

Нет, он не забыл пророчества ведьмы. Не забыл, верно ведь? И никогда не забудет.

С отъезда Фионы и Дункана миновало уже много месяцев. Их вызвали в Вейсхаупт, крепость в далеком Андерфелсе, чтобы они рассказали тем, кто возглавляет орден, про Архитектора. Мэрику отчаянно не хотелось расставаться с Фионой. После возвращения в Денерим круговерть повседневных дел захватила его настолько прочно, что у них почти не оставалось времени друг на друга.

И вот Фиона, наспех распрощавшись, уехала. Мэрик думал тогда, что, быть может, больше ее не увидит. Скверна в ее плоти разрослась настолько, что Серые Стражи, казалось, почти неминуемо отправят ее исполнять Призыв. Фиона погибнет, а ему, скорее всего, об этом даже не сообщат. Так что они кратко, без лишних слов простились — и на этом все было кончено. Когда Дункан сообщил, что магичка возвращается из Вейсхаупта вместе с ним, для Мэрика это стало полной неожиданностью.

Двери тронного зала отворились; управляющий провел в зал гостей, снова отвесил поклон и удалился, плотно прикрыв за собой двери. И Дункан, и Фиона сильно изменились. Бывший вор отрастил короткую бородку, и она была ему очень к лицу. Вместо прежнего кожаного доспеха на нем были тяжелые латы и туника с грифоном — гербом Серых Стражей.

Фиона с ног до головы куталась в длинный красный плащ. Ее темные волосы немного отросли, бледное лицо порозовело, словно она много времени провела под лучами солнца.

— Подойдите ближе, — сказал Мэрик. — При этом освещении вас толком и не

разглядишь.

Они торжественно, бок о бок двинулись вперед и остановились перед тронном. Мэрик встал, спустился к ним навстречу, пожал руку Дункану и повернулся к Фионе. Темные глаза эльфийки смотрели на него осторожно, пожалуй даже настороженно. И вообще, оба гостя вели себя до странного сдержанно.

— Стало быть, у вас для меня плохие новости, — со вздохом проговорил Мэрик.

— Ну не совсем, — пробормотала Фиона.

Дункан оглядел погруженный в темноту тронный зал, где горела всего пара факелов.

— Странное время вы выбрали для встречи, ваше величество, — заметил он. — Когда мы сейчас пробирались тайком среди ночи по этим темным залам, я, как никогда, почувствовал себя вором.

— Я предпочел бы, чтобы Логэйн не узнал о нашей встрече. Он до сих пор так и не поверил до конца, что Серые Стражи не были в сговоре с Ремийе, и не знаю, простит ли он мне когда-нибудь то, что я разрешил ордену вернуться в Ферелден. Когда это произойдет, он наверняка будет зорко следить за каждым вашим шагом.

Дункан кивнул:

— Вначале нас будет совсем немного — по крайней мере, до тех пор, пока не наберем новых Стражей. — Он почти застенчиво усмехнулся. — Меня назначили помощником командора. Странное, по правде говоря, ощущение.

Мэрик, выгнув бровь, посмотрел на Фиону:

— Вот как? А тебя сделали командором?

И опять эльфийка бросила на него все тот же настороженный взгляд.

— Нет, — сказала она. И, повернувшись к Дункану, положила руку ему на плечо. — Ты не мог бы?..

Дункан кивнул с таким видом, словно ожидал этого, и, коротко поклонившись Мэрику, вышел из зала.

Мэрик и Фиона остались одни. Теперь он уже не знал, что и думать. Фиона жестом указала на ступеньки, которые вели к трону, и они рядышком уселись там. Некоторое время они просто молчали и слышно было только потрескивание огня. В свете факелов Фиона была прекрасна. Мэрик заметил на лице ее россыпь веснушек — след долгого пребывания на солнце, однако ни на руках, ни на шее не разглядел пятен скверны. Может, скверна до них еще не добралась?

— Как твои дела? — наконец спросила Фиона.

Судя по ее обеспокоенному взгляду, вопрос касался отнюдь не только его здоровья и повседневных забот.

— А... — Мэрик медленно кивнул. — Пожалуй... лучше. Думаю, ты можешь представить, в каком расстройстве был Кайлан. Он до сих еще не верит, что я опять не исчезну; няньке всякий раз приходится долго уговаривать его слезть с моих колен. Он во многом похож на меня. Даже странно, что я этого раньше не замечал.

— А твои королевские дела?

— Я, едва вернувшись, ушел в них с головой. Логэйн, наверное, не знает, радоваться ему или злиться. Слишком долго он занимался многим из того, что входило в мои обязанности; ну да я ведь не оставил ему иного выхода. Я предложил новой императрице Орлея встретиться в следующем месяце; по этому поводу он закатил мне настоящий скандал. И все же я думаю, что...

Он осекся, заметив, что Фиона нежно смотрит на него и глаза ее наполняются слезами.

— Тебе все это неинтересно, — сказал он. — Ты скучаешь. Я тебя утомил разговорами.

— Нет, я рада, что у тебя все хорошо. Ты так увлеченно обо всем этом рассказываешь. Слышал бы ты себя!

Фиона улыбнулась и смахнула слезы, но они тут же набежали вновь.

— Да, пожалуй, меня вполне устраивает скучная и однообразная жизнь — Мэрик озорно улыбнулся. — Только... я бы все-таки хотел узнать побольше о твоих делах.

Скверна... уезжая, ты говорила, что...

— Ее больше нет, — ровным голосом проговорила Фиона. — Маги Вейсхаупта так и не разобрались, отчего это случилось. То ли от того, что брошь Первого Чародея искусственно ускоряла рост скверны, то ли... словом, вся скверна исчезла. И, как полагают маги, вряд ли снова появится. Меня многократно проверяли и обследовали, но маги считают, что я, вполне вероятно, стану первым Серым Стражем, которому не понадобится Призыв.

— Но это же хорошо, правда?

— О да, — кивнула она. — Маги оставили эти броши себе — на случай, если когда-нибудь сумеют разобраться, как они действуют, но пока они будут присматривать за мной. — На долю секунды Фиона заколебалась, но потом добавила: — Меня отзывают в Вейсхаупт. Насовсем.

Так вот в чем дело! Как ни страшился король, Фиона вернулась не затем, чтобы сообщить, что ее ждет Призыв. И в глубине души он все же надеялся на нечто большее. Не так уж много времени довелось им провести вместе на Глубинных тропах, но то, что произошло, значило для Мэрика очень много. И тогда, и теперь.

— И ты уедешь?

— Орден не оставил мне выбора. Притом нужно, чтобы кто-то возглавил поиски Архитектора и наверняка удостоверился, что эмиссар вовлек в свои замыслы одного только Ремийе. Вдруг у него были и другие союзники?

— Понимаю, — убитым голосом пробормотал Мэрик.

Фиона ласково улыбнулась ему и, протянув руку, отвела с его лба непокорную прядь волос. И снова в ее глазах появились настороженность и печаль.

— Мэрик, я должна тебе кое-что рассказать.

— Значит, это еще не все?

— Когда я узнала, что Дункан возвращается в Ферелден, я попросила разрешения отправиться с ним. Этого я никому не могла доверить.

Фиона тяжело вздохнула, словно собираясь с духом, и встала. Мэрик тоже поднялся. С каждой минутой беспокойство охватывало его все сильнее. Повернувшись к дверям, Фиона громко проговорила:

— Дункан, теперь можешь войти.

Двери приотворились, и Дункан, бесшумно ступая, вернулся в зал. На сей раз, однако, он нес в руках небольшой полотняный сверток. И только когда он подошел ближе, Мэрик сообразил...

Это был младенец.

— Поздравляю, ваше величество, — ухмыляясь, проговорил Дункан. — У вас мальчик.

С этими словами он бережно вручил ребенка Мэрику. Потеряв дар речи, Мэрик смотрел на малыша, и все чувства, какие он мог бы испытывать при этом, заглушило безмерное потрясение. Малыш крепко спал. У него были свежие розовые щечки, на лбу — белокурый завиток волос. Король не сомневался, что это его сын. Он даже был немного похож на Кайлана. Потом Мэрик заметил, что ушки у малыша нисколько не заостренные.

— Он человек! — не выдержав, воскликнул Мэрик.

Вероятно, можно было найти и более подходящие к случаю слова, но сейчас ему пришло в голову только это.

Фиона кивнула:

— Именно поэтому мы и живем по большей части в эльфинажах. Дитя человека и эльфа рождается человеком. Если мы станем вступать в смешанные браки, мы попросту выйдем.

— Об этом я не подумал. — Мэрик, все еще ошеломленный, покачал головой.

Фиона протянула руки, чтобы взять младенца. Малыш только разок шевельнулся, не просыпаясь, насупил и провел крохотными ручонками по лицу. Эльфийка печально улыбнулась и, ласково прошептав “ш-ш-ш”, принялась его укачивать.

— Дети у Серых Стражей рождаются крайне редко, — тихо проговорила она. — И все-

таки он появился на свет. Разве это не чудо?

У Мэрика подогнулись ноги, и он поспешно опустился на ступеньку. Провел рукой по волосам, пытаясь привести в порядок, спутанные мысли, и шумно выдохнул.

— Клянусь милостью Андрасте, — пробормотал он, — Логэйну это не понравится.

— Ну так и не говори ему ничего, — отозвалась Фиона.

Передав ребенка Дункану, она присела на ступеньку рядом с Мэриком. Лицо ее потемнело. — Мэрик, я не для того привезла сюда малыша, чтобы у тебя появился новый наследник. У тебя уже есть сын. И внебрачный ребенок, дитя эльфийки, тебе тоже не нужен. Я хочу, чтобы нашему мальчику было хорошо. Чтобы его жизнь не была похожа на мою.

Мэрик повернул голову и в упор взглянул на нее, внезапно осознав, что она имеет в виду.

— Неужели ты хочешь...

— Я не могу растить его, — просто сказала Фиона.

Потом у нее вырвался долгий судорожный вздох, и Мэрик понял, что это решение далось ей нелегко. При одной мысли об этом сердце ее разрывается от боли. Именно потому она и приехала сама.

— Ты могла бы остаться здесь, — сказал он. — Ты могла бы уйти из ордена.

Фиона кивнула, но видно было, что в такую возможность она не верит.

— Если бы и так, — жестко проговорила она, — кем бы я тогда стала? Твоей любовницей? Придворным магом? Или поселилась бы в башне Круга? Или жила бы где-то в городе, а ты время от времени тайком посылал бы мне деньги и молился, чтобы об этом никто не узнал?

— Я совсем не это имел в виду! — беспомощно возразил Мэрик.

Фиона снова вздохнула, смягчаясь:

— Да, я знаю. Прости. Вне ордена я — никто. Либо магичка, лишённая свободы, либо эльфийка, не знающая никакого ремесла. — Она повернулась к Мэрику и невесело усмехнулась. — Может, мне стать прачкой? Прятаться в эльфинаже от храмовников и пользоваться магией, чтобы кипятить воду в котлах? Могу поспорить, у меня бы это хорошо получалось.

— Тогда лучше не будем об этом. А что... что обычно происходит, когда у женщины — Серого Стража появляется ребенок? Ведь такое наверняка случается.

— Конечно. Детей отдают на воспитание. Я уже сказала в ордене, что присмотрела подходящее место.

— И другого пути нет?

— Если бы... — Фиона осеклась, решительно покачала головой. — Нет, я хочу, чтобы он вырос человеком. Именно человеком, а не эльфом, и не наследником трона, не соперником другому твоему сыну, не принцем королевской крови, которая тебе принесла одно только горе. Я хочу, чтобы он прожил свою, новую жизнь. — Она с надеждой посмотрела на Мэрика. — Ты ведь можешь это сделать, правда?

— Я могу устроить так, чтобы он рос вдали от двора, — задумчиво проговорил Мэрик. — Только люди неизбежно будут задаваться вопросом, кто была его мать. Логэйн непременно захочет это узнать. И малыш почти наверняка тоже захочет... Что мы ему скажем?

— Ничего. Пусть думает, что его мать была человеком и что она умерла. — Фиона придвинулась к Дункану, который негромко мурлыкал что-то, укачивая ребенка, с печальной улыбкой погладила малыша по голове. — Так будет легче и ему, и тебе.

— А тебе?

Фиона не ответила, только гладила крохотный лобик своего сына. Мэрик, однако, заметил, что ее глаза влажно заблестели. Нет, ей так легче не будет и быть не может.

— Я буду за ним присматривать, — пообещал Дункан. — Я смогу делать это, не вызывая никаких подозрений. Следить за тем, чтобы ему жилось хорошо. Оберегать его. Могу даже время от времени сообщать, как у него дела.

Мэрик удивленно взглянул на него:

— Ты и вправду за это возьмешься?

— Для вас, ваше величество, без малейших колебаний.

Это было невыносимо. Вначале вернулась Фиона, и оказалось, что ей вовсе не грозит скорая смерть, потом Мэрик узнал, что у него есть сын, — и вот теперь он должен лишиться их обоих. И однако, он понимал, что Фиона права. Если Мэрик признает сына и поселит его во дворце, мальчик станет заложником политической борьбы и интриг. В нем будут видеть соперника Кайлану. Нет, пусть уж лучше растет где-нибудь в глуши, вдалеке от столицы, и сам выберет себе судьбу. Но устроить так, чтобы мальчик всю жизнь считал себя нежеланным ребенком, чтобы так никогда и не узнал, кто его настоящая мать... Неужели это так ужасно — быть эльфом?

Сердце Мэрика разрывалось от мучительной боли. Ему не дано знать, что такое быть эльфом, и если Фиона хочет избавить сына от тяжелых испытаний — что ж, Мэрик не может ей в этом отказать. Пусть мальчик живет своей жизнью, не связанный ни с кем из них.

Он поглядел в глаза Фионы и медленно кивнул:

— Если ты так хочешь... хорошо. Я смогу это устроить.

— Спасибо, Мэрик.

— А как же ты? — спросил Мэрик. — Мы с тобой еще когда-нибудь увидимся?

Он ясно читал ответ на лице Фионы, но эльфийка все-таки кивнула.

— Если будет на то воля Создателя, — прошептала она.

А потом подалась к Мэрику и поцеловала его, и король тоже ее поцеловал. Эти поцелуи были сладостны и печальны, и именно так и должно быть. У Мэрика был этот миг, и они сидели рядом в пляшущих отсветах огня, а Дункан с малышом на руках деликатно отошел в дальний конец зала. И пусть сейчас они прощались навсегда, Мэрик отчего-то совсем не испытывал грусти. Просто он чувствовал, что это — не конец.

Все только начинается.